КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

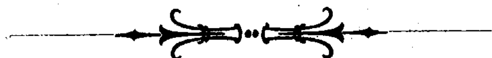
Дозволено Цензурою. Кіевъ, 17 августа 1904 г.

Посвящается

памяти

Михаила Александровича

Максимовича.

3-го сентября 1904 года исполнилось столѣтіе со дня рожденія нашего славнаго земляка-украинца, *Михаила Александровича Максимовича*, своими учено-литературными трудами, своимъ словомъ и всѣми дѣлами сослужившаго большую службу нашей родинѣ. Ботаникъ по своей научной спеціальности, онъ въ молодые годы былъ уже въ числѣ видныхъ именъ на полѣ изученія въ Россіи естественныхъ наукъ, и въ то-же время, углубляясь своимъ быстрымъ умомъ въ сѣдую старину любимой имъ Украины, онъ сталъ еще болѣе славенъ, какъ историкъ и этнографъ, оставивъ послѣ себя цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ изученію судебъ нашей родины вообше и Кіева въ частности.

Журналъ «Кіевская Старина», съ благодарностью поминая славное имя Максимовича въ столѣтнюю годовщину его рожденія, посвящаетъ его памяти настоящую книжку и открываетъ ее статьей проф. В. С. Иконникова о Кіевѣ и его двухвѣковой исторіи, что всегда составляло одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ для изученія поминаемаго нами историка, по временамъ даже питавшаго надежду стать оффиціальнымъ исторіографомъ г. Кіева.

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

МАКСИМОВИЧЪ.

(Родился 3 сентября 1804 г., умеръ 10 ноября 1873 г.)

Объявленіе о преміяхъ.

Редакція журнала «Кіевская Старина» рѣшила на текущій годъ объявить преміи за лучшіе разсказы и повѣсти, написанные по-украински. Условія премій слѣдующія:

1) Представляемые на премію разсказы и повѣсти должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные [1]).

2) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

3) Премированный разсказъ или повѣсть печатается въ «Кіевской Старинѣ» и оплачивается по разсчету 100 руб. за печатный листъ въ 16 страницъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ и повѣстей не позже 1 ноября 1904 года.

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того-же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

---

1) Драматическія пьесы на премію не принимаются.

Кіевъ въ 1654—1855 гг.

(Историческій очеркъ) [1].

И кто убо не возлюбитъ Кіевъскаго княженіа, понеже вся честь, и слава, и величество, и глава всѣмъ землямъ Русскіимъ—Кіевъ.

Русская лѣтопись по Никонову списку (годъ 1155).

Среди множества городовъ обширной Русской Имперіи—Кіевъ, Москва и Петербургъ возвышаются какъ три великіе памятника трехъ великихъ періодовъ русской жизни.

М. Максимовичъ.

И ты одинъ подъ башнями святыми
Шумишь, о Днѣпръ, волнами вѣковыми...

И. Козловъ („Кіевъ").

I.

Послѣ погрома, нанесеннаго южной Руси продолжительными княжескими усобицами и нашествіемъ татаръ (XII—XIII в.), Кіевъ утратилъ свое первенствующее значеніе, а утвержденіе гос-

[1]) Въ 1897 году университетъ св. Владиміра издалъ сборникъ, посвященный исторіи Кіева и его университета, для котораго авторомъ былъ написанъ настоящій очеркъ; но такъ какъ послѣдній оказался обширнымъ, то изъ него сдѣлано было извлеченіе. Сборникъ

подства Литвы въ предѣлахъ бывшихъ русскихъ княжествъ создало для него новый порядокъ вещей [1]). Прежняя тѣсная связь, существовавшая между южной и сѣверной Русью, о которой свидѣтельствуютъ и лѣтописи, и пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», на долго была утрачена. Тѣмъ не менѣе Кіевъ, служившій нѣкогда центромъ политической и религіозной жизни, не потерялъ навсегда своего притягательнаго значенія. Изъ-за него ведутъ борьбу литовскіе князья, причемъ защитники независимости Кіева ищутъ поддержки въ другомъ центрѣ русскаго міра—Москвѣ: туда отправляется кіевскій князь Владиміръ Ольгердовичъ за помощью противъ Витовта, мечтавшаго объ осуществленіи широкихъ политическихъ плановъ; сынъ того же Владиміра—Александръ женится на дочери вел. кн. Василія Дмитріевича, Анастасіи; внукъ—Михаилъ становится во главѣ движенія, цѣлью котораго было сверженіе литовскаго господства [2]). Потерпѣвъ неудачу, сторонники этого движенія бѣгутъ въ Москву, а самъ виновникъ его поплатился головою въ Кіевѣ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ родъ этихъ князей заботился о возобновленіи кіевскихъ святынь [4]). Нѣсколько позже (въ нач. XVI в.) обнаруживается движеніе въ пользу объединенія южно-русскихъ земель, находившихся подъ властью Литвы, неудача котораго заставила его виновниковъ (дѣло

изданъ былъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Поэтому напечатаніе настоящаго очерка можетъ представлять извѣстный интересъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ дополнилъ его данными, заимствованными изъ матеріаловъ и статей, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ составленія очерка.

[1]) Лѣтопись по Лавр. списку, 461; Истор. Библ., изд. Археогр. ком., VI, 64.

[2]) По смерти брата его, Симеона Александровича (1471), Кіевское княж. нисходитъ на степень воеводства.

[3]) П. С. Р. лѣт. VI, 233; Густ. лѣт., 138.

[4]) О судьбѣ ихъ см. В. Рыбинскій, Кіев. митр. каѳедра съ пол. XIII до к. XVI в., К. 1891 (Тр. К. Д. акад.); Историч. замѣтки о Кіевѣ. П. Л—ва (Кіев. Стар. 1884, № 10. с. 227—233).

Глинскихъ) снова искать пріюта въ Москвѣ [1]). Между тѣмъ подчиненіе Литвы польскому владычеству должно было оказать свое вліяніе на судьбы южной Руси и Кіева въ частности. Въ началѣ XV в. здѣсь появляется латинская епископія, строятся латинскія церкви, а, по соединеніи Литовскаго княжества съ польскою короною (1569), Кіевъ становится польскимъ городомъ [2]). Съ тѣхъ поръ распространіе католицизма дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи, которые завершаются введеніемъ уніи, отобраніемъ въ пользу уніатовъ важнѣйшихъ монастырей, какъ Софійскій и Выдубецкій, учрежденіемъ іезуитскаго коллегіума, разореніемъ Кіева: такъ, въ 1621 г. были опустошены монастыри, церкви и новозаведенное Братское училище, а въ 1630 г. совершено нападеніе на Печерскій монастырь. Исторія фамиліи Кобызевичей-Ходыкъ, вышедшихъ изъ мѣстныхъ татарскихъ державцевъ, а потомъ (въ XVI—XVII в.), достигшихъ высшаго званія—войтовства въ Кіевѣ, покорныхъ слугъ польскаго правительства, лучше всего иллюстрируетъ тогдашнее положеніе Кіева [3]). Но въ лицѣ кіевскаго воеводы кн. К. К. Острожскаго и митрополита Петра Могилы южная Русь пріобрѣтаетъ дѣятельныхъ защитниковъ церкви и народности. Съ ихъ именами связаны развитіе печатнаго дѣла и основаніе училищъ, изъ которыхъ Кіево-братское было преобразовано въ высшую школу—коллегію [4]). Приближалась эпоха Богдана

---

[1]) Герберштейнъ, 23, 161—165 (по изд. Анонимова); Хрон. М. Бѣльскаго; S. Warnka, De ducis Mich. Glinscii contra Sigism. regem Poloniae et M. D. Lith. rebelione (1507—1508), Berol. 1868; Соловьевъ, V, 308—314; Н. П. Дашкевичъ, Замѣтки по ист. Литов.-русск. госуд., 152—155.

[2]) О внутренней борьбѣ, вызванной означенными условіями и внѣшнихъ опасностяхъ, см. Кіевъ триста лѣтъ назадъ, А. В. Стороженка (Кіев. Стар. 1894, № 2, стр. 204—230; № 3, с. 403—425).

[3]) См. Кіев. войты Ходыки. Эпизодъ изъ исторіи город. самоупр. въ Кіевѣ XVI—XVII ст., В. Б. Антоновича (Кіев. Стар. 1882, № 2; Моногр., 197—220).

[4]) См. Голубевъ, Исторія К. Д. академіи; М. Петръ Могила; Древнія и новыя сказанія о нач. Кіевской академіи; О началѣ книгопеч. въ Кіевѣ (Кіев. Стар. 1882, № 6, стр. 381—400). Объ иму-

Хмельницкаго [1]), эпоха открытой борьбы за права русской народности [2]).

Несмотря, однако, на рядъ невзгодъ, постигшихъ Кіевъ, онъ продолжаетъ служить центромъ торговли [3]), складочнымъ мѣстомъ для продуктовъ вывоза со всего днѣпровскаго бассейна съ одной стороны и предметовъ привоза констонтинопольской и восточной торговли, съ другой. Въ Кіевъ направляются многочисленные караваны сухимъ путемъ и водою изъ Крымской орды и Константинополя; сюда же стекались произведенія, привозимыя изъ предѣловъ сѣверной Россіи и Москвы. Торговля Кіева издавна привлекала многочисленныхъ иностранцевъ [4]). Уже въ XV стол. здѣсь существовала многолюдная армянская колонія, члены которой владѣли домами и лавками въ городѣ и землями въ кіевскихъ по-

---

щественныхъ надѣлахъ Братской школы (Памятн., изд. Кіев. ком., II, 286—316; Кіевъ, изд. ком., 104—116).

[1]) Въ 1649 г. Б. Хмельницкій говорилъ полякамъ: «Мій Кіевъ, я панъ и воевода кіевскій» (Кіевъ и Б. Хмельницкій въ ихъ взаимн. отношеніяхъ, И. М. Каманина, Кіев. Стар. 1888, № 7, стр. 69—78).

[2]) Въ самый разгаръ этой борьбы (1651) Кіевъ былъ занятъ польскими войсками, жители его были обезоружены, а городъ (16 и 17 августа) выжженъ и разрушенъ. Но, и послѣ занятія Кіева русскими, онъ не разъ подвергался опасности. Такъ, вслѣдствіе измѣны гетм. Ивана Выговскаго и шатости кіевлянъ, В. Б. Шереметевъ, разбивъ Даніила Выговскаго на Щекавицѣ, сжегъ Подолъ. (Сборн. лѣт. изд. Кіев. ком., с. 98). Въ 1661 и 1663 г.г. ему причинили вредъ осаждавшіе поляки, а въ 1679 и 1687—татары (Лѣт. Самовидца).

[3]) Поэтому на первыхъ же порахъ мѣщане старались оградить свои торговые интересы. Въ статьяхъ, утвержденныхъ въ 1669 г., читаемъ: «кіевскимъ людямъ торговать въ нижнемъ городѣ на старинномъ мѣстѣ, а русскимъ бы людямъ торговать въ верхнемъ городѣ, а не съ ними вмѣстѣ» (П. С. Закон., I, № 447).

[4]) Древній лѣт. замѣтилъ «И отъ всѣхъ дальнихъ царствъ стицахуся всякіе человѣци и купци (въ Кіевъ) и всякихъ благъ отъ всѣхъ странъ бываше въ немъ» (П. С. Р. лѣт., IX, 202). Въ королев. привилегіяхъ и жалов. грам. Кіеву ц. Алексѣя Мих. говорилось, что ему предоставляется складъ всякихъ купецкихъ и пріѣзжихъ товаровъ (П. С. Зак., I, № 133).

вѣтахъ; генуэзцы имѣли свой торговый дворъ и здѣсь же проживали многочисленные торговцы татарскіе, турецкіе, греческіе, молдавскіе, польскіе и московскіе [1]). Съ XIV стол. въ Кіевѣ находился монетный дворъ: до насъ дошли менеты кіевскаго чекана, носящія имена князей: Владиміра Ольгердовича, Витовта, Казиміра. Овладѣвъ Кіевомъ, литовскіе князья построили въ немъ свой замокъ (деревянный), возвышавшійся надъ Подоломъ (гдѣ сосредоточивалась торговля), съ башнями; на одной изъ нихъ помѣщались большіе городскіе часы, которыми кіевляне очень дорожили [2]). Въ предѣлахъ замка размѣщались дома воеводы и гарнизона, крѣпостная артиллерія, три православныя церкви и одна католическая [3]), дома нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Впрочемъ всѣ дома въ городѣ, несмотря на его значительную торговлю, показались венеціанскому послу, Контарини, проѣзжавшему черезъ Кіевъ въ 1474 г., весьма плохими и невзрачными: два жестокихъ опустошенія, нанесенныя городу: Едигеемъ, въ 1416 г., и Менгли-Гиреемъ, въ 1482 г. [4]), наложили свою пе-

[1]) Недавно найденный кладъ въ Кіевѣ, состоящій изъ татарскихъ и чешскихъ монетъ XIII—XV вв., подтверждаетъ торговыя связи Кіева того времени съ Востокомъ и Западомъ (Кіевлян. 1902, №№ 59 и 86). Объ армянской колоніи см. актъ 1620. (Кіевъ, изд. Кіев. ком., № 38).

[2]) Боевые часы играли важную роль въ жизни городовъ. Извѣстна легенда относительно пражскихъ часовъ (см. Ист. Вѣст. 1901, № 6, стр. 1156); а русскія лѣтописи записали о постановкѣ звенящихъ часовъ въ Москвѣ (1404, сербомъ Лазаремъ, на княжьемъ дворѣ), въ Новгородѣ (1436), въ Псковѣ (1477 г., въ Снѣтогорскомъ мон., съ нѣкоторыми приключеніями). Въ дѣлахъ Сибирскаго приказа сообщается (1633) о часахъ, устроенныхъ въ Тобольскѣ. Въ люстр. Кіев. замка 1545 г. упоминаются: «Зекгаръ въ замку на вежи съ колы и со всѣми приправамы, выбиваетъ 24» и зекгамистръ, который получалъ опредѣленное вознагражденіе (Сборн. матер. о Кіевѣ, изд. Кіев. ком., № 19).

[3]) Объ устройствѣ и судьбѣ катол. церкви. (Н. И. Петровъ, Тр. К. Д. акад. 1895, № 7).

[4]) Еще до этого нападенія окрестности Кіева предстадляли полное запустѣніе (А. В. Стороженко, Къ исторіи Кіева XV—XVII стол.,

чать разрушенія на благосостояніе города: позднѣйшія извѣстія (Герберштейнъ, Гваньини, Лассота, Гейденштейнъ) говорятъ намъ о развалинахъ и запустѣніи церквей, монастырей и жилищъ [1]). Вслѣдствіе этого, по повелѣнію Казимира, собрано было много народа изъ приднѣпровскихъ и окрестныхъ мѣстъ для заселенія города, а при вел. кн. Александрѣ Казимировичѣ городъ получаетъ магдебурское право, которое подтверждено было Сигизмундомъ I и его преемниками [2]).

Съ возвышеніемъ Москвы расширился горизонтъ Русскаго міра, и вотъ, начиная съ Ивана III [3]), въ сношеніяхъ московскаго правительства съ польско-литовскимъ, красною нитью проходитъ стремленіе добиться возвращенія «искони вѣчной вотчины—Кіева

по архив. матер., Кіев. Стар. 1892, № 2, стр. 339—46; ср. М. А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малороссіи, III, стр. VIII).

[1]) Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV—XVI столѣтіе (1362—1569), В. Б. Антоновича (Кіев. Стар. 1882, № 2; Моногр.. I, 223—264). «Самыя развалины города и памятники, отъ которыхъ можно видѣть обломки, доказываютъ, что онъ былъ великолѣпнымъ и истинно царскимъ городомъ» (Герберштейнъ). Лассота и Гейденштейнъ сообщаютъ объ остаткахъ украшеній Соф. собора, мозаики, цвѣтнаго каменнаго пола и замѣчательной галереѣ. И конст. патр. во время церковной смуты, продолжали настаивать, что Кіевъ—соборная церковь всей Россіи и главная митрополія (Acta Patr. Const., I, 12) „Градъ Кіевъ... орла нѣкогда гнѣздо сущій“, по выраженію москов. правительства (П. С. Законовъ, I, № 115).

[2]) По люстраціи Кіев. замка 1552 г. въ Кіевѣ числилось 173 дыма магистр. мѣщанъ, 150—замковыхъ, 16 бискупскихъ, 16 монастыр. и 37 землянскихъ. На 460 дымовъ считались чуть не 400 корчмъ, въ которыхъ изстари повинно было и духовенство (И. М. Каманинъ, Нов. данныя для ист. кіев. город. самоупр., К. 1904; Кіев. Стар. 1899, № 1, стр. 137; актъ 1586—о Соф. соборѣ).

[3]) Густ. лѣт. возводитъ даже къ Ивану Калитѣ (П. С. Р. лѣт., II, 348).

съ уѣздомъ и пригородами [1]) и прочихъ вотчинъ своихъ» [2]). Подчиненіе Малороссіи Москвѣ приблизило рѣшеніе вопроса о Кіевѣ. Уже въ 1654 г. царь Алексѣй Михайловичъ подтверждаетъ городу его прежнія права и привилегіи [3]). Съ этого момента, въ силу принципа beati possidentes, московское правительство распоряжается въ немъ [4]) и добивается во что бы ни стало удержать его по крайней мѣрѣ съ незначительною вокругъ него территоріей, или на извѣстное число лѣтъ, и соглашается уступить Кіевъ (1667) лишь въ томъ случаѣ, если понадобится для удержанія его новая война [5]). «Стойте всѣми силами, чтобъ намъ въ титлахъ

---

[1]) Кіевскими пригородами считались: Житомиръ, Овручъ, Звенигородъ, Переяславль, Каневъ, Черкасы, Остеръ, Чернобыль, Мозырь.

[2]) Соловьевъ, VII, 274. При Иванѣ III моск. бояре говорили венгерскимъ посламъ: «не тыи одни городы и волости русскіе, которые нынѣ за нами, *наша отчина*, и *вся русская земля* съ божіею волею *изъ старины*, отъ нашихъ прародителей, *наша отчина*» (Сборн. Муханова, 122—123); а по взятіи Иваномъ IV Казани лѣтописецъ выразилъ пожеланіе видѣть его государемъ *на Кіевъ*» (П. С. Р. лѣт., VII, 315).

[3]) Пол. Собр. Закон., I, № 133. Мечъ, которымъ нѣкогда отсѣсѣкались головы преступникамъ, хранился еще въ началѣ XIX вѣка въ магистратскомъ складѣ (Кіевское представительство прежняго времени (Кіев. Стар. 1882, II, 178).

[4]) Съ 1654 г. назначаются въ Кіевъ московскіе воеводы, при которыхъ находилось ок. 5000 войска (В. Щербина, Къ ист. воевод. управл. въ Кіевѣ, Кіев. Стар. 1893, № 8, стр. 293—296; Высшая админ. кіевская съ 1654—1777 г. и свѣд. о разного рода установленіяхъ и распоряж. по кіев. губ., Ист. матер, и арх. кіев. губ. прав. А. А. Андріевскаго, I. стр. 164—186). Въ 1663 г. еп. Меѳодій (Филимоновъ) писалъ царю: «Въ Кіевѣ малолюдно, а городъ большой» (Соловьевъ, XI, 174). Въ 1654 г. въ Кіевѣ присягу принесли 1460 ч. (А. Ю. и З. Рос., X, 294).

[5]) Во 2-й полов. XV в. въ предѣлахъ Литов. княж. евреевъ обоихъ половъ было 10—12000 чел., причемъ относительно гуще евреи населяли южно-русскія провинціи Польши (Кіев. Стар. 1901, № 1,

по прежнему кіевскимъ писаться», настаивалъ въ своемъ наказѣ посламъ царь Алексѣй Михайловичъ [1]). Дѣйствительно, тогда же, на основаніи Андрусовскаго перемирія, Кіевъ оставленъ былъ на 2 года съ окрестностями на милю разстоянія во владѣніи царскомъ. Но Андрусовское перемиріе обратилось въ вѣчный миръ съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ условій, а Кіевъ, подъ разными предлогами, не возвращался болѣе къ Польшѣ, какъ ни хлопотали о томъ поляки. Въ самой Украинѣ существовало убѣжденіе: «при комъ Кіевъ, при томъ всѣмъ въ вѣчномъ подданствѣ быть» [2]). Однако, только въ 1686 г. заключенъ былъ между Россіею и Польшею «вѣчный миръ», въ силу котораго Польша уступала навсегда Кіевъ Россіи, причемъ за послѣдній рѣшено

стр. 66). Большіе города, какъ Кіевъ и К.-Подольскъ ограждались корол. грамотами отъ евреевъ. Въ 1619 г. послѣдніе утратили право жительства и торговли въ Кіевѣ; въ 1623 г. въ Черниговскомъ и Сѣверскомъ повѣтахъ; въ К.-Подольскѣ еще раньше (1447 и дал.). Въ особенности жители жаловались (1569) на захватъ ими оброчныхъ статей и почти всѣхъ корчмъ (Арх. Ю. З. Росс., ч. V. т. II, стр. 11—12; Кіев. Стар., ib. 67—68). Въ 1660 г., по грам. Алексѣя Мих., евреи, армяне и поляки были удалены изъ Кіева, но въ 1663 г. первые всячески добивались возвратиться (Лѣт. Самовидца 78).

[1]) Соловьевъ, XI, 231—249, 255—260; XII, 62—66, 80—81, 92, 95, 210. Памятникомъ занятія Кіева русскими войсками служатъ сохранившіяся до сихъ поръ въ старой части города названія улицъ Рейтарской и Стрѣлецкой (Матер. изъ арх. кіев. губ. правл. VIII, 123). Въ концѣ XVII в. митр. Варлаамъ Ясинскій жаловался, что въ Кіевѣ «на землѣ изстари церковной Свято-Софійской дворы людей ратныхъ..., яко же единъ, идѣже живяше нѣмчинъ ген. Петръ Гординъ, другой идѣже зять его Родіонъ (Рудольфъ Штрасбургъ) и прочіе, отъ нихъ же въ нѣкихъ нынѣ имѣютъ свои угодья воеводы кіевскіе, а митрополиту въ тѣснотѣ той отнюдь есть непокойно отъ вопля близкихъ всегдашнихъ барабановъ и трубныхъ игралищъ» и т. д. (Кіев. Стар. 1894, № 7, 122—123).

[2]) Павелъ Алеппскій сообщаетъ, что поляки чрезвычайно сожалѣли о потерѣ Кіева.

было уплатить ей крупную сумму—146,000 р. Еще въ 1620 г. возстановлена была въ Кіевѣ православная іерархія, а съ 1686 г. состоялось подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху. Для сѣверной Руси Кіевъ не переставалъ сохранять значеніе религіознаго центра [1]) и съ XVII в. возобновляется поломничество въ Кіевъ изъ московскихъ предѣловъ [2]). Послѣ событій 1658 г. въ Москвѣ возникла было мысль, чтобы не возобновлять больше кіевскихъ школъ (еще раньше боялись проникновенія изъ Кіева «многихъ латинскихъ ересей», Акты Моск. госуд., I, 224), но русскій воевода Шереметевъ отвѣчалъ, что упразднить ту школу никакъ нельзя, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ то въ великое оскорбленіе. Поэтому сдѣлано было только ограниченіе, чтобы въ ней обучались кіевскіе жители, а изъ непріятельскихъ и другихъ городовъ никого не принимать, дабы отъ сего не произошло смуты и всякаго дурна. Въ 1659 г. ц. Алексѣй Ми-

---

[1]) Живя въ Москвѣ, митрополиты посѣщали Кіевъ вплоть до м. Іоны и имѣли тамъ своихъ намѣстниковъ,а извѣстный Вассіанъ Рыло, будучи троицкимъ игуменомъ, дважды побывалъ въ Кіевѣ, по порученію м. Іоны. (Ак. ист., I, №№ 62 и 273; Рус. ист. библ., I, № 80). Кіевскіе монахи, въ свою очередь, появляются въ XIV и XV вв. въ сѣверной Руси и основываютъ тамъ монастыри (И. Некрасовъ, Зарожд. націон. литер. въ сѣв. Руси, 33). Когда союзникъ ИванаIII—Менгли-Гирей овладѣлъ Кіевомъ (1482), то прислалъ въ даръ вел. князю золотой дискосъ и потиръ изъ Софійскаго собора (П. С. Р. Л., VI, 234) и хотя Сигизмундъ Августъ запретилъ братіи Печерскаго монастыря принимать къ себѣ монаховъ изъ Москвы и Валахіи, но Иванъ Грозный посылалъ отъ себя милостыню (Соловьевъ, VII, 141). Въ грам. 1583 г. моск. правительство признавалось, что милостыня издавна давалась въ Печер. монастырь (Кулишъ, Матер., I, 17—19). Петръ Могила прислалъ ц. Алексѣю часть главы Владиміра св. (Чт. въ Общ. ист. 1893, III, 82). Въ особенности часты были сношенія при Михаилѣ Ѳед. (А. Ю. и З. Рос.).

[2]) Кіевская Старина, 1890 г. № 2, стр. 345—346. Побывавъ въ Кіевѣ московскіе путешественники говорили: «другой подобной лавры не сыщешь въ нашемъ россійскомъ государствѣ». (Путеш. во св. землю свящ. Лукьянова (Рус. Архивъ, 1863). Послѣ Андрусовскаго

хайловичъ даетъ грамоту на земли въ пользу Кіево-братской коллегіи [1]). Но Кіевъ съ этого времени сталъ служить и интересамъ просвѣщенія для Москвы: Ртищевъ, Морозовъ, Никонъ покровительствуютъ кіевлянамъ, вызываютъ отсюда монаховъ для обученія греческому и латинскому языкамъ и посылаютъ учиться въ Кіевъ. Нѣкоторые ѣздили съ этою цѣлью даже изъ Тобольска [2]). Въ Москвѣ предполагали часть необходимыхъ книгъ печатать въ лаврской типографіи въ Кіевѣ, но это не состоялось [3]). Во главѣ кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ стоялъ извѣстный Епифаній Славеницкій, ученикъ Кіевской коллегіи [4]), а другой ея ученикъ, Симеонъ Полоцкій, является наставникомъ дѣтей ц. Алексѣя Михайловича. Благодаря, вѣроятно, этимъ отношеніямъ возникли въ Малороссіи симпатіи къ Ртищеву, какъ главному покровителю кіевлянъ. Такъ Сомко, многіе полковники и старшіе козаки говорили, чтобы царь указалъ вѣдать ихъ окольничему Ѳ. М. Ртищеву, потому что онъ къ нимъ ласковъ, объ ихъ нуждахъ всякую рѣчь доноситъ царю и что имъ скажетъ, то все правдиво; а Брюховецкій писалъ, что имъ не о гетманствѣ надо было за-

---

перемирія, ц. Алексѣй Михайловичъ собирался на богомолье въ Кіевъ (Соловьевъ, XII, 19), а здѣсь желали видѣть патр. Никона (ibid. X, 435).

1) Акты Ю. и Зап. Россіи, IV, № 112 и VI, № 34.

2) Макарій. Исторія Кіевской академіи, 46.

3) Къ исторіи просвѣщенія на Руси въ XVII в., В. Эйнгорна (Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1891, I, 5—8).

4) Кіев. Стар. 1896, № 6 стр. 73—79. Изъ переписи по этому поводу узнаемъ, что, за недостаткомъ мастеровъ, ихъ выписывали изъ Львова и Кракова. Тогда же при кіев. лаврѣ заведена была и польская типографія (Письма Л. Барановича, Черн. 1865, стр. 75)).

5) Соловьевъ, X, 167—168; XI, 282—283. Въ виду частыхъ сношеній между Москвою и Кіевомъ, устраивается постоянная почта —кіевскій трактъ (Доклады Сената, III, 358; Полн. Собр. Зак. I, № 573).

ботиться, а о князѣ малороссійскомъ отъ его царскаго величества и на это княжество желаю Ѳедора Михайловича, т. е. Ртищева [1]).

Кіевъ представлялъ и другой интересъ для московскаго правительства. Здѣсь можно было легче получить текущія свѣдѣнія о замыслахъ и событіяхъ въ Польшѣ, Валахіи, Крыму, Турціи; здѣсь жили постоянные агенты правительства; отсюда доставлялись всевозможные лазутчики, промышлявшіе своимъ ремесломъ и игравшіе не послѣднюю роль въ международныхъ сношеніяхъ, и свѣдѣніями о нихъ и ихъ донесеніями, часто неважными и вымышленными, наполнены современные акты [2]). Какъ только Кіевъ, съ подчиненіемъ Малороссіи, вошелъ въ зависимыя отношенія къ Москвѣ, правительство обращаетъ на него вниманіе, какъ на важный стратегическій пунктъ въ отношеніи къ Польшѣ и Турціи, какъ на городъ, къ которому обращены взоры всего южно-русскаго населенія, съ удержаніемъ котораго связано и обладаніе самымъ краемъ [3]). Первый кіевскій воевода, кн. Ѳ. С. Куракинъ озаботился исправленіемъ и расширеніемъ укрѣпленія вокругъ Стараго города [4]), кіевскаго кремля. Близкій свидѣтель

---

[1]) Соловьевъ, XI, 139, 146.

[2]) Акты Москов. госуд., изд. Имп. Акад. Наукъ, I, 166, 176, 177, 224, 346, 350, 351, 409, 586; II, 223, 230, 376; Ак. Ю. и З. Россіи.

[3]) Не въ этомъ ли стремленіи къ соединенію обѣихъ половинъ Россіи кроется происхожденіе весьма распространенной тогда легенды будто бы укромныя пещеры Кіева шли до Смоленска и даже до Москвы. (Кіевъ, изд. Кіев. ком., 95; ср. Р. Арх. 1897, № 4, стр. 581).

[4]) Древнія укрѣпленія состояли изъ валовъ, деревянныхъ стѣнъ и ничтожныхъ рвовъ (Бопланъ). Въ новомъ городѣ (на Подолѣ) послѣдній полагаетъ жителей 5—6,000 (ок. 1640 г.). Всѣ кіевскія улицы, по его словамъ, исключая трехъ довольно красивыхъ, представляли не что иное, какъ неправильные, кривые переулки, образующіе родъ лабиринта; дома были низкіе, въ одинъ этажъ; вмѣсто свѣчъ жгли большею частью лучину. Современникъ его, печерскій монахъ Аѳанасій Кальнофойскій называетъ Подолъ «жалостнымъ и едва ли достойнымъ древняго имени». Оживленная торговля («хохлы всѣ торговые люди», говоритъ Лукьяновъ), очевидно, могла бы способствовать

этихъ работъ (Павелъ Алеппскій) хвалитъ устройство новой защиты (палисады, крѣпкія башни, подъемные мосты, глубокіе рвы), «показывающее искусство, подобное франкскому», и говоритъ о значительномъ войскѣ и артиллеріи, сосредоточенной въ стѣнахъ города, за что онъ воздаетъ похвалы ц. Алексѣю Михайловичу [1]). Въ 1679 г., въ ожиданіи нападенія турокъ, Кіевъ былъ огражденъ «многими крѣпкими валами» и кромѣ того сдѣланъ былъ валъ вокругъ Печерскаго монастыря [2]). Укрѣпленія эти постоянно поддерживались и расширялись [3]). Въ 1684—85 гг. работы эти возложены были на извѣстнаго сотрудника Петра В. Патрика Гордона, который сообщаетъ свѣдѣнія о нихъ въ своемъ дневникѣ [4]). Послѣ него наблюденіе и починка укрѣпленій въ Кіевѣ возлагались на ген. м. Фамендина (1701) и инжен. Намман. Гохмана (1702) [5]). Съ конца XVII ст. стали строить въ Кіевѣ

внѣшнему улучшенію города. «На Подолѣ градъ деревянный и грязно сильно», прибавляетъ онъ. За городомъ помѣщались торговыя бани.

[1]) Въ 1661 г. стѣны и валы были вновь исправлены (Сборникъ матеріаловъ для ист. и топогр. г. Кіева, 87—89).

[2]) Синопсисъ, изд. 2-е, стр. 161. Тогда же былъ устроенъ «первый мостъ на байдакахъ» (Сборн. лѣтоп., отн. къ ист. ю. и з. Руси, К. 1888, стр. 32). Въ 1675—78 г. въ Кіевѣ находился инж. Фанъ-Заленъ.

[3]) Подробную роспись Кіеву 1682 г. см. въ Описаніи Кіева Н. Закревскаго, II, 900—904. Это внѣшее описаніе города, его укрѣпленій, военнаго «снаряда», съ указаніемъ пространства отдѣльныхъ частей и разстояній между ними, количества дворовъ, церквей и. т. п. (въ нижнемъ городѣ показано 635 двор.) «Передъ Печерскимъ мѣстечкомъ посадъ, а на посадѣ живутъ Печерскаго мон. и иныхъ монастырей подданные, которые отъ воинскихъ людей изъ деревень и изъ селъ сбѣжавъ поселились». Во всѣхъ частяхъ города показано 18 воротъ. Ср. списокъ ратныхъ людей и запасовъ 1682 г. (Доп. къ акт. ист., X, № 33).

[4]) По измѣренію Гордона кіевскій замокъ заключалъ въ себѣ свыше 817 саж., а всѣ остальныя укрѣпленія 2,937 съ больверками, не считая внѣшнихъ сооруженій, 2152 саж. Сажень того времени нѣсколько больше настоящей.

[5]) Кіев. Стар. 1886, № 11, 549

каменные дома. Такъ, въ это время начата постройка двухъэтажнаго каменнаго зданія магистрата (на Подолѣ) [1]), обращеннаго передними фасадами: однимъ къ Братскому монастырю, а другимъ съ главнымъ входомъ—къ Успенской церкви, съ башнею и галереею (во второмъ этажѣ), коллосальною статуею Ѳемиды съ мечемъ въ одной рукѣ и вѣсами въ другой, и мѣднымъ барельефнымъ изображеніемъ кіевскаго герба—архангела Михаила, фигура котораго, какъ говорятъ, устроена была при часахъ на башнѣ, такъ, что во время ихъ боя, она ударяла стальнымъ копьемъ въ кремнистую пасть змѣя, отъ чего сыпались изъ нея искры, а надъ часами, вокругъ карниза башни, была надпись славянскими золоченными буквами «Богомъ хранима града Кіева ҂ахчз (1697)». Зданіе это обгорѣло во время пожара 9 іюня 1811 г. [2]).

---

[1]) Оно находилось на площади на разстояніи 33 саж. отъ нын. кантрактоваго дома и 20 саж. отъ фонтана «Сампсонъ». Колодезь въ видѣ павильона съ крестомъ на крышѣ, обнесенный палисадникомъ, извѣстенъ былъ еще въ XVII в. Въ XVIII стол. упоминается уже о статуѣ на пьедесталѣ колодца (Кіев. Стар. 1893, № 2, 281—282; Петровъ, 223—24). Въ к. XVIII в. преподаватель математики въ акад., французъ Брульонъ, устроилъ для магистрата солнечные часы на ротондѣ того же фонтана (Кіевъ, изд. Кіев. ком., 164).

[2]) Закревскій, I, 440—44. Ср. Обозр. Кіева, Фундуклея, 1847, стр. 87. Прежняя ратуша изображена на видѣ (ibid.). 1651. На планѣ 1695 г. показано высокое деревянное зданіе. Нѣкоторые относятъ всю постройку каменнаго зданія къ 1737 г. (Петровъ, Ист. топ. очерки древ. Кіева, 221—222). Однако мелкія крамницы и грязныя улицы, выстланныя фашинникомъ, не измѣняли жалкаго вида города (Берлинскій, Кіевъ 20). Въ одной юж.-рус. лѣтописи, по поводу пожара 1717 г. читаемъ: «Подолъ мало не ввесь выгоривъ, а на ратуши дзекгаръ чудесный, где арханг. Михаилъ копіемъ во время пробитя часовъ змѣя во уста билъ столко, сколко часовъ ударяло, згоривъ». (Сборн. лѣтоп., изд. Кіев. ком. для разб. древ. актовъ, стр. 53). О судьбѣ указанныхъ изображеній скажемъ ниже. Еще въ пожаръ 1697 г. были уничтожены всѣ зданія, окружавшія Софійскій соб., причемъ погибъ архивъ кіев. митрополіи (Пр. П. Л-въ, К.-Соф. соборъ, стр. 87).

Каменныя церковныя постройки, возведенныя гетманомъ Мазепою, производились уже московскими мастерами [1]). Вообще московскіе государи и гетманы являются главными возобновителями кіевскихъ святынь и жертвователями въ этотъ періодъ. Даже богослужебныя книги посылаются въ Кіевъ изъ Москвы [2]).

II.

Въ Москвѣ на Кіевъ смотрѣли прежде всего, какъ на сильную крѣпость, охраняющую страну отъ внѣшнихъ вторженій. Онъ считался важнымъ оплотомъ противъ Польши и Турціи. «Въ россійскомъ государствѣ такого града врядъ сыскать,—говоритъ тотъ же московскій путешественникъ (1701). Верхній градъ—валъ земляной вельми крѣпокъ и высокъ; а по градской странѣ все караулы стоятъ крѣпкіе... зѣло опасно блюдутъ сей градъ, да и надо бы блюсти: *прямой замокъ московскому государству*» [3]). Еще въ 1694 г. дано было разрѣшеніе Кіевской коллегіи расширить пріемъ учениковъ изъ Польши и другихъ окрестныхъ мѣстъ (повторенное Петромъ В. въ 1701 г.); въ 1701 г. Петръ Вел. даровалъ ей имя «академіи», равное онымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ») и собственную юрисдикцію, а въ 1703 г. обезпечилъ ея имущественныя права [4]). Въ 1700 и

---

1) Кіев. Стар., 1884, № 10, 232.

2) Закревскій, 75—76, 86, 531.

3) Лукьяновъ (Рус. Арх. 1863). „Кіевъ, городъ пограничный и другимъ губерніямъ не примѣръ“ выражался о немъ кіевскій губ. кн. И. Ю. Трубецкой (Чт. въ Истор. Общ. Нестора Лѣт., VI, 123).

4) Привилегія академіи въ Памятн., изд. Времен. ком. въ Кіевѣ, II, 325—334; Макарій Булгаковъ, Истор. Кіев. акад., 86, 109—110, 168). Въ 1700 г. Петръ отправилъ сюда учиться сына думнаго дьяка Конона Зотова (К. Стар. 1893, № 9, стр. 138—139). Но здѣсь же одно время учился, подъ видомъ купца, „грамматическому и риторическому разуму“ сторонникъ ц. Софіи, видный представитель поморскаго толка раскольниковъ—Андрей Денисовъ, изъ рода кн. Мышец-

1710 г. были подтверждены права и привилегіи Кіева [1]). Отсюда же вызывались (1652) къ двору пѣвчіе (въ 1713 г. ихъ было взято 21 чел.) [2]).

Шведская война и опасенія со стороны Турціи, въ свою очередь, заставили Петра Великаго обратить особенное вниманіе на Кіевъ. 4 іюля 1706 г., на пути изъ Гродна онъ прибылъ сюда, а на другой день посѣтилъ Софійскій соборъ, гдѣ Өеофанъ Прокоповичъ («Великаго Петра дѣлъ славныхъ проповѣдникъ») сказалъ въ его присутствіи проповѣдь, которая обратила на него вниманіе государя. И точно: это была рѣчь, давно не слыханная на церковной

кихъ (Щаповъ, Расколъ, 301—307). Путешественникъ, бывшій въ это время въ Кіевѣ (Лукьяновъ, 1701), замѣчаетъ: „Въ Кіевѣ школьниковъ очень много". Въ 1715 г. въ академіи считалось 1,100 учениковъ разныхъ сословій (Аскоченскій, Кіевъ съ древнѣйшими его училищемъ-Академіей, II, 16). Малороссійская старшина охотно посылала сюда своихъ дѣтей (Дневн. Марковича II, 275—276, 284, 308). Присяжные листы 1742 г. показываютъ, что въ числѣ учениковъ академіи можно было найти представителей множества нынѣ существующихъ дворянскихъ и недворянскихъ фамилій Малороссіи (Кіев. Стар. 1888, № 24, стр. 5). Тотъ же Лукьяновъ пишетъ: „да и воруютъ (школьники) много; попущено имъ отъ митрополита. Когда имъ кто понадокучитъ, тогда пришедши ночью да и укокошатъ хозяина-то; а изъ двора корову или овцу сволокутъ, нѣтъ на нихъ суда; скаредно сильно, попущено воровать пуще московскихъ солдатъ; а вечеръ пришелъ, то и пошли пѣть по избамъ псалмы, да хлѣба просятъ; даютъ имъ всячиною, и деньгами и хлѣбомъ, а иные имъ даютъ убоясь». Подроб. см. въ статьяхъ Д. Вишневскаго: „Изъ быта студентовъ старой Кіевской академіи („К. Стар." 1896, №№ 1—3); Роковое чтеніе псалтири, К. Цыбульскаго (1887, т. 2, стр. 336—342).

[1]) К. Стар. 1886, № 12, стр. 669; А. Ю. и З. Рос III, 480, 518.

[2]) Доклады и приговоры Прав. Сен., III, 434. Въ 1702 г. ихъ выписывалъ въ Сибирь Филоөей Лещинскій (Кіев. Стар. 1893, № 9, стр. 139). Въ Глуховѣ существовала школа для обученія придвор. пѣвчихъ, регентъ которой былъ также изъ Кіева (ib. 1886, № 6, стр. 169—174: Школа для обученія пѣвчихъ, П. Ефименка).

каѳедрѣ. Въ одушевленномъ словѣ проповѣдникъ выразилъ свои чувства по случаю радости о прибытіи юнаго, а между тѣмъ уже славнаго государя. Тутъ нѣтъ ни отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, ни школьныхъ приступовъ и аргументацій, ни утомительныхъ періодовъ: это стройная, одушевленная и блестящая рѣчь витіи, оставившаго позади себя схоластическую риторику [1]). Петръ осматривалъ всѣ рѣдкости Софійскаго храма, посѣтилъ академію [2]), и Печерскій монастырь. Замѣченный Петромъ, Ѳеофанъ сталъ впослѣдствіи однимъ изъ вѣрныхъ его сотрудниковъ, а по смерти Петра—неизмѣннымъ защитникомъ его реформъ. Осматривая крѣпость и найдя неудовлетворительными расположеніе ея для современной тактики, Петръ В. распорядился построить новую крѣпость на Печерскѣ; самъ опредѣлилъ размѣръ ея и очертанія и участвовалъ въ ея заложеніи, происходившемъ 15 августа. Для веденія этихъ работъ назначены были малороссійскіе и великороссійскіе полки, а надзоръ за ними порученъ гетману Мазепѣ [3]). До того времени около лавры было селеніе, которое вмѣстѣ съ небольшою слободою, при Никольскомъ монастырѣ, составляло отдѣльное отъ города мѣстечко—Печерское. Съ сооруженіемъ крѣпости оно значительно распространилось и населеніе его умножилось военными людьми, рабочими и разными должностными лицами и называлось уже Печерскимъ форштатомъ. Въ 1717 г. форштатъ значительно распространился поселеніемъ на немъ, особою слободою, подъ названіемъ Солдатскаго, переформированныхъ тогда въ четыре тысяцкіе регулярные полка стрѣльцевъ, съ давняго времени жившихъ въ разныхъ частяхъ Кіева и

---

[1]) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 14.

[2]) Закревскій, I, 81.

[3]) Современникъ говоритъ, «Какъ закладина крѣпость, великое было людямъ воздыханіе и плачь, понеже двори размитали, сады прекрасныи вырубили и жильцамъ велѣно гдѣ хотятъ жить искать.» Недоволенъ былъ и Мазепа, такъ какъ мать его была игуменьей Вознесенскаго монастыря, переведеннаго на Подолъ (Сборн. лѣт., относ. къ Ю. и З. Руси, 45—46), въ бывшій тамъ Флоровскій монастырь. Любопытны хлопоты о посѣщеніи ею Москвы въ 1687 г. (Доп. къ ак. ист., XII, 326—331).

часто бунтовавшихъ, по примѣру московскаго стрѣлецкаго войска [1]). Съ 1711 г. перешли въ крѣпость (окончен. въ 1708 г.) на жительство начальники города и губерніи, такъ что лавра съ крѣпостью и форштатомъ составляла въ то время какъ бы особый городъ, отдѣлявшійся отъ Стараго Кіева обширнымъ, пустымъ и лѣсистымъ мѣстомъ, застроеннымъ нынѣ Печерскою и Дворцовою частями и Крещатикомъ [2]). Для большаго удобства сообщенія между Печерскомъ и Подоломъ, губернаторъ кн. Д. М. Голицынъ устроилъ новую дорогу (1711 г.) со спускомъ у того мѣста, гдѣ потомъ былъ поставленъ памятникъ св. Владиміру (т. е. у колодца, на берегу Днѣпра) [3]). Въ первый разъ Петръ пробылъ въ Кіевѣ полтора мѣсяца [4]), но уже въ декабрѣ того же года онъ

---

[1]) Что же касается рейтаръ, то въ 1712 г. ихъ было 170 чел. (Доклады и пригов. Прав. Сената, II, 97), а въ 1725 г. велѣно было оставить изъ нихъ только 50 чел., для посылокъ въ Константинополь, въ другія государства и въ Россіи, остальныхъ же раскассировать. О нихъ упоминается въ 1738 г. (Матер., изд. А. А. Андреевскимъ, VIII, 123). Въ 1742 г. ихъ было 54 чел. (К. Стар. 1888, № 4, стр. 6), но и въ 1772 говорится еще о рейтарской командѣ (Матеріалы, X, 70).

[2]) Во время постройки крѣпости въ Кіевѣ была найдены вост. монеты, на которыя обратили тогда вниманіе (Русская Старина, 1882, XXXVI, 60).

[3]) Опис. Кіевской губ., I, 321—322. Въ 1714 г. сдѣланъ былъ экопъ на Кудрявцѣ (Сборн. лѣтоп., изд. Кіев. ком., 52).

[4]) По преданію Петръ В. останавливался на Подолѣ, близъ церкви Николая Притиска, въ каменномъ домѣ, сохранившемся до сихъ поръ, въ которомъ помѣщалось потомъ приходское училище. Но фасадъ этого дома подвергался неоднократно измѣненіямъ, вслѣдствіе починокъ (Закревскій, I, 81—82; II, 877). Другой подобный остатокъ старины, по близости отъ него (на углу Хоревой и Межигорск. ул.) —это домъ «Артемихи», часто неправильно называвшійся домомъ родителей св. Димитрія Ростовскаго. Онъ былъ сломанъ недавно (Кіевл. 1902, за мѣс. іюль). Домъ родителей Д. Ростовскаго находился возлѣ церкви Николая Притиска и подвергся сломкѣ въ 40-хъ годахъ (Кіевск. Стар. 1887, № 2, 383—384).

снова посѣтилъ Кіевъ. По устройствѣ крѣпости, опредѣлены въ Кіевъ комендантъ и инженерный генералъ. Земляныя же укрѣпленія постоянно поддерживались [1]). Съ учрежденіемъ губерній (1708 г.) образована была Кіевская губернія и административныя учрежденія, помѣщавшіяся прежде въ Старомъ городѣ, стали сосредоточиваться на Печерскѣ [2]). Въ 1709 г., послѣ полтавской побѣды, когда Петръ возвращался черезъ Кіевъ, Θеофанъ (тогда префектъ академіи) сказалъ въ его присутствіи (10 іюля), въ Софійскомъ соборѣ «всенародный» на эту побѣду «панегирикъ», который тогда же былъ напечатанъ въ кіево-печерской типографіи, на русскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ; а въ декабрѣ того же года, въ церкви Кіево-братскаго училищнаго монастыря, онъ сказалъ похвальное слово кн. Меншикову, въ которомъ выразилъ просьбу о покровительствѣ академіи. Въ 1711 г. Петръ В. вспомнилъ о Θеофанѣ и взялъ его съ собою въ Прутскій по-

---

[1]) Закревскій, I, 80; Марковичъ, Дневныя записки (1713 годъ). Въ 1714 г., «чтобъ отъ непріятельскаго прихода было благонадежно», для достройки крѣпости было назначено около 5000 чел. изъ Кіев. и свыше 5500 изъ Азовской губ. и лошадей, для перевозки матеріаловъ изъ Кіевской губ. до 2000 и изъ Азовской до 1400 (Доклады Сената, IV, 446). Въ это время постройками завѣдывалъ инжен. полк. Бреклинъ.

[2]) Кіевскіе воеводы, губернаторы и генер.-губернаторы 1654—1775 г., В. И. Щербины (Чтен. въ Общ. Нестора Лѣтоп. кн. VI (123—137); Закревскій, 432; Высшая администрація Кіева 1654—1777 г. (Матер. архива Кіев. губерн. правл., изд. А. Андреевскимъ, I, 164—177); Великорус. чиновники въ Кіевѣ въ 20-хъ годахъ XVIII стол. В. Щербины (К. Стар. 1891, № 11, стр. 302—306). Общею связующею властью была власть губ. канцеляріи, которая судя по ея малочисленности (всего 25 чел.) имѣла мало дѣла, что и естественно при магдеб. управленіи Подола и церковной юрисдикціи, распространявшейся на всѣ части (К. Стар. 1888, № 4, стр. 5—9). Укажемъ еще на ст. М. Б(ерлинскаго) «Правители г. Кіева отъ завоев. сего княж. вел. кн. лит. Гедиминомъ, съ 1320—до 1828 г.» (Отеч. Зап. 1830, т. XLI, с. 478—492).

ходъ. Хотя цѣль этого похода не была достигнута, но Ѳеофанъ написалъ прочувственное стихотвореніе, въ которомъ выражалъ надежду, что со временемъ русское оружіе одолѣетъ мусульманъ [1]). По возвращеніи въ Кіевъ, Ѳеофанъ, по желанію Петра, былъ опредѣленъ ректоромъ академіи. Кіевскимъ губернаторомъ въ это время былъ кн. Д. М. Голицынъ (1707—1719), одинъ изъ самыхъ образаванныхъ людей своего времени, владѣлецъ замѣчательной библіотеки,—это будущій верховникъ. Одинаковая склонность сблизила его съ Ѳеофаномъ, который часто бывалъ у него, пользовался его книгами и, по его желанію, перевелъ съ иностранныхъ языковъ на русскій нѣсколько сочиненій [2]). Подобные же переводы, при посредствѣ Голицына, дѣлались въ академіи по распоряженію Петра [3]). Кіевская академія дала Петру рядъ духовныхъ лицъ, занявшихъ видныя мѣста въ церковной іерархіи и заявившихъ себя трудами на поприщѣ просвѣщенія въ

---

[1]) Въ заключеніе этого стихотворенія онъ говоритъ:

Не судилъ Богъ христіанства
Освободить отъ поганства,
Еще не далъ сбить поганства,
Магомете, Христовъ враже,
Ащо дальній часъ покажетъ—
Кто отъ чіихъ рукъ поляжетъ».

(Чистовичъ, 15—21).

[2]) Пекарскій, Литература и наука при Петрѣ В., I, 214—215, 259.

[3]) Въ «описаніи Кіева», составленномъ въ 1753 г., сказано: «Онъ же Голицынъ вновь австеріи завелъ и виноградный садъ, котораго прежде не бывало» (тамъ же, 258). Въ австеріяхъ и внѣ Подола продавалось казенное вино, изъ-за чего происходили частыя столкновенія съ магистратомъ. Кабаки заведены были съ 1712 г., но въ особенности убыточно стало для мѣстнаго винокуренія съ введеніемъ откупа въ 1756 г., предоставленнаго компаніи московскихъ купцовъ (Сборн. Р. ист. общ., т. XLIII, 492). Въ австеріяхъ обыкновенно держались водка, табакъ, карты и т. п. (Кіевская Старина, 1894, № 5, стр. 353—355).

сѣверной Россіи, каковы Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Филоѳей Лещинскій, Іоаннъ Максимовичъ, Иннокентій Кульчицкій, Гавріилъ Бужинскій и мн. др. Съ 1704 г. до второй половины XVIII стол. Московская академія большею частью имѣла наставниковъ изъ Кіева, а они привозили съ собою не мало учениковъ, достаточно подготовленныхъ [1]), но пребываніе здѣсь Ломоносова подвергается теперь сомнѣнію [2]). Вызовъ духовныхъ лицъ для замѣщенія епископскихъ каѳедръ поддерживался до пол. цар. Екатерины II, а съ ихъ именами соединяется открытіе духовныхъ семинарій и училищъ, положенныхъ по регламенту Петра Велик., наставники для которыхъ также вызывались изъ Кіева [3]). Съ исторіей академіи тѣсно связано начало духовнаго театра. Религіозныя драмы и диспуты были общедоступны. Пьеса объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ написана и представлена была въ честь царя Алексѣя Михайловича «въ знаменіе подданства чрезъ шляхетную молодь студентскую въ коллегіумы Кіево-могилянскому на публичномъ діалогѣ, 1674 года» [4]).

Между тѣмъ Кіевъ постигло два жестокихъ бѣдствія: въ 1710 г. (съ марта по янв. 1711 г.)—чума, разогнавшая жителей

---

[1]) Смирновъ, Ист. Моск. академіи, 81; Аскоченскій, Кіевъ съ его училищемъ Академіей, II, 85—87.

[2]) М. И. Сухомлиновъ. Кратк. біографія Ломоносова (Изв. Акад. Наукъ, 1896, I, кн. 4, стр. 779—791).

[3]) Макарій, Ист. К. Д. ак., 180—181. О значеніи и вліяніи академіи—Петровъ, Кіев. акад. во 2-ой половинѣ XVIII в., 65—80; Знач. К. Акад. въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учр. св. Синода до половины XVIII в. (Труды Кіевской Духовной Академіи 1904 и отд.).

[4]) Н. И. Петровъ, 104—105; Голубевъ, К. акад. въ к. XVII и нач. XVIII стол. К., 1901, стр. 23, 71. Гордонъ въ своемъ дневникѣ (1685 г.) сообщаетъ, что онъ въ великую пятницу со многими другими отправился въ Братскій монастырь, чтобы присутствовать на школьной церемоніи (Schul-actus).

и значительно сократившая число учениковъ въ академіи [1]). Въ 1718 г. погорѣла вся Печерская лавра и Подолъ съ церквами. Петръ назначилъ значительную сумму на возобновоеніе лавры, которое совершилось въ царств. Петра II, а въ 1720—1721 г. построенъ въ лаврѣ огромный каменный домъ для помѣщенія бывшей въ ней типографіи [2]). Еще при Петрѣ В. рѣшено было завести въ Кіевѣ шелковый заводъ. Такъ, въ 1725 г. изъ-за границы выписанъ былъ мастеръ этого дѣла съ опредѣленнымъ жалованьемъ, а на Подолѣ куплено два двора съ строеніемъ и мастеръ занялся выдѣлываніемъ шелка, которое старались поддерживать въ послѣдующее время (при Елисаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II и т. д.), но результаты его не соотвѣтствовали сдѣланнымъ затратамъ [3]).

Кіевскій магистратъ упорно отстаивалъ торговые интересы мѣщанъ отъ чуждыхъ имъ элементовъ—казаковъ, духовенства и евреевъ. Съ одной стороны торговля велась съ важнѣйшими центрами Великороссіи и раскольничьими слободами Стародубья, служившаго важнымъ торговымъ пунктомъ [4]). Для военныхъ надобностей въ Кіевѣ закупалось значительное количество селитры [5]). Заграничную торговлю Кіевъ велъ съ Силезіей, Поль-

---

[1]) Вмѣсто бывшихъ 2000 оно пало на 100 (Зап. Юста Юля, М. 1899. стр. 346; Доклады и Проток. сен. I, 10—14).

[2]) Сборникъ матеріаловъ о Кіевѣ, изд. Кіев. арх. ком., 135—137; Сборникъ лѣтописей, изд. Кіев. ком., 57.

[3]) Статистич. опис. Кіев. губ. II, 453—464; Свѣдѣнія о шелковомъ заводѣ въ Кіевѣ съ 1725—1743 г. (Матер. изъ Арх. кіев. губерн. правл., III, 142—147; VIII, 43—50).

[4]) Сводъ данныхъ см. въ нашей рецензіи на книгу г. Лилеева „Изъ истор. раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII ст.“ (Унив. Изв. 1897); ср. еще Табач. кантрабанда 1759 г.—о продажѣ табаку за границу (К. Стар. 1891, № 11, стр. 259—266); Васильк. таможня и городничіе монахи, А. А. (ib. 1883, № 1, стр. 193—202).

[5]) Проток. и доклады Сената, I, 148; II, 49—51.

шей, Цесаріей, Валахіей и Молдавіей [1]). Найденный недавно кладъ (лаврскій) свидѣтельствуетъ о торговыхъ связяхъ Кіева съ Великороссіей и Западомъ въ XVII и XVIII стол. [2]). Здѣсь можно было купить иностранныя вина и латинскія книги, изданныя за границей [3]). Въ Кіевъ, какъ мѣсто расположенія войскъ, посылали лѣчиться изъ другихъ городовъ [4]). Въ 1725 г. сдѣлано было распоряженіе объ устройствѣ почтоваго двора, находившагося въ вѣдѣніи магистрата, который ежегодно избиралъ почтмейстера изъ грамотныхъ мѣщанъ [5]).

III.

Въ послѣдній разъ укрѣпленъ былъ Старый Кіевъ во время войны съ Турціей (1732—1737). Тогда Минихъ, поверхъ старыхъ окоповъ и деревянныхъ укрѣпленій, насыпалъ огромный валъ, обходящій вокругъ Стараго города, и соединилъ его съ Подоломъ посредствомъ палисадовъ, а къ Печерской крѣпости отъ него провелъ ретраншементы [6]). Но Золотыя ворота закрыты были землею не теперь, а въ 1750 г. («для сохраненія и вида древ-

---

[1]) К. Стар. 1889, № 7, стр. 60; 1891, № 5, с. 311. О цѣнахъ на разные товары въ нач. XVIII стол. (Кіев. Стар., 1894, № 9, 451).

[2]) Археол. Изв., 1898, № 12, стр. 381—384; Ист. Вѣст. 1899, № 2, стр. 764.

[3]) Дневникъ Марковича, II, 92, 269.

[4]) Пригов. и доклады Сената, II, 23. Въ прежнее время, на грунтѣ Ан. Гулевичевны при Брат. мон. (1629) находился шпиталь (см. Шпитали въ Малороссіи II. Ефименка (К. Стар. 1883, № 24, стр. 709—728). Упоминается богадѣльня при ц. Николая Добраго на Подолѣ. (Памятн. изд. Кіев. ком., II, 153). Въ концѣ XVII ст. при полкахъ находились лѣкарь, лѣк. ученикъ и аптечн. складъ (Доп. къ акт. ист., X, № 33). Цирюльники занимались и лѣченіемъ (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., XI, 11).

[5]) По даннымъ за ноябрь 1731 г. видно, что на Бровары и Борисполь отпущено было 30 подводъ (К. Стар. 1898, № 1, стр. 11). О положеніи ея въ 1790 г. (Матер., изд. Андріевскимъ, I, 135—145).

[6]) Максимовичъ, Сочиненія, II, 118—119; Закревскій, 431—432.

ности»), въ какомъ видѣ и оставались они до 1832 г.[1]) Въ интересахъ военныхъ цѣлей, въ царствованіе Анны построены были лазареты, цейхгаусы, пороховые погреба, инженерный и артиллерійскій дѣловой дома. Въ Кіевъ теперь назначаются генералъ-губернаторы[2]); а съ 1733 г. учреждается полиція[3]). Въ 1735 г. выборной войтъ былъ замѣненъ коронным, но при Елисаветѣ снова, въ 1753 г., позволено было магистрату выбрать войта[4]). Въ 1737 г. достроена была ратуша на Подолѣ, главныя улицы его вымощены, проведены канавы и т. п. Въ 1739 г. въ этой, торговой части города считалось 2.140 обывательскихъ домовъ[5]).

---

[1]) Обозр. Кіева въ отношеніи къ древностямъ, 47; Закревскій, 325. Порученіе это возложено было на инжен. Дебоскета (Къ истор. Зол. воротъ, Сапожникова, Кіев. Стар., 1886, № 5, стр. 163—168).

[2]) Матер. изъ Арх. кіев. губерн. правл., I, 170; Сенатскій арх. II, стр. 3. Послѣ кн. Д. М. Голицына губернаторами были: кн. П. А. Голицынъ (съ 1719), кн. И. Ю. Трубецкой (съ 1723), ген. лейт. В. П. Шереметевъ (съ 1730), ген.-м. С. И. Сукинъ (1736—1737), ген. А. П. Румянцовъ (1737—38), ген. Матюшкинъ (ген.-губ., 1731), богем. графъ фонъ-Вейсбахъ (ген. губ. съ 1731 г.), ген.-лейт. Леонтьевъ (1738—1740 губ., 1741—1753 ген.-губ.; съ 1740—1741 губ. И. И. Неплюевъ); Костюринъ (в. губ. 1753—58); ген. анш. Лопухинъ, Чичеринъ, Власьевъ (прав.—1762); ген.-анш. Глѣбовъ, ген.-губ. 1762—1766.

[3]) Матер. изъ арх. Кіев. губерн. правл., I, 178. Кіевскіе полиціймейстеры 1734—1763 (Матер. изъ арх. Кіев. губерн. правл. VIII, 70—73). Въ первой пол. XVIII стол. возникла распря между губерн. и комендантами изъ-за пользованія столовымъ имѣніемъ Обуховкой (Сенат. Арх. III, 568—570).

[4]) Соловьевъ, XXVIII, 28—29. Ср. Указъ 1734 г. о бытіи въ Кіевѣ войтомъ Кузьмѣ Кричевцу и свѣд. объ испр. въ 1739 г. должн. кіев. войта Быковскаго (К. Стар., 1891, № 5, стр. 309—311).

[5]) Журавскій, Опис. Кіев. губ., изд. Фундуклея, I, 322. Чтобы судить, какъ колебалась цифра населенія, замѣтимъ, что въ 1727 г. числилось 1914 дворовъ, а въ 1731 г.—1726 дворовъ (К. Стар. 1884, № 2, стр. 353). Прибавимъ еще, что въ 1727 г. «евреевъ было выведено изъ Кіева безъ остатка» (ibid. 1883, № 4, с. 681).

Еще въ 1731 г. начата была постройка лаврской колокольни, законченная въ 1745 г.,—архитекторомъ І. Г. Шейденомъ, которымъ надстроенъ также училищный корпусъ съ конгрегаціонною залою въ Кіевской академіи (1735—1640)[1]).

Императрица Елисавета Петровна подтвердила всѣ права города Кіева и академіи, данныя ей Петромъ I (1742—1743)[2]); а въ 1744 г. она посѣтила Кіевъ, въ сопровожденіи наслѣдника вел. кн. Петра Ѳедоровича, вел. княг. Екатерины Алексѣевны и многочисленной свиты, для поклоненія его святынямъ Академія

---

[1]) Закревскій, 161, 687—688. Съ построеніемъ лаврской колокольни связывается легенда о 12 братьяхъ-строителяхъ (Обозрѣніе Кіева, 104).

[2]) На основаніи присяжныхъ листовъ (вел. кн. Петру Ѳедоровичу) 1742 г. въ Кіевѣ числилось: высшихъ чиновъ (свѣт. и духовныхъ) 11; лицъ духовнаго вѣдомоства 3812 (въ томъ числѣ монаш. и послушниковъ въ 9 монаст. 815, приходскаго дух. 122); служащихъ въ разн. управленіяхъ, гражд. и воен., 351; мѣщанъ нижняго города 2575 (въ томъ числѣ ремесленниковъ по цехамъ: кравец. 362, рыбальск. 234, кушнер. 310, шевск. 485, ткац. 76, маляр. 69, бондар. 148, музыцк. 35, ковальск. 180, рѣзниц. 140, гончар. 78); пяти казац. сотенъ—460; купеч. и ремесл. людей въ предмѣст. 29; въ верхн. гор. 70. великорос. купц. 129. Общій итогъ всѣхъ присяг. и неприсяг. 8294, а присоединяя женщинъ и дѣтей и пашенныхъ крестьянъ, обыкновенно неприсягавшихъ, по приблизительному разсчету, принимаютъ цифру всего населенія свыше 20000, не считая войска (до 5000 чел.) Отсюда дѣлаютъ выводъ, что въ то время Кіевъ былъ городъ наименѣе чиновничій, отчасти промышленно-торговый и преимущественно духовный (К. Стар. 1888, № 24, стр. 1—10). Заслуживаетъ вниманія составъ населенія Флоровскаго мон. по болѣе позднему показанію (1777 г.). Сюда между прочимъ поступали женщины, принадлежавшія къ высшему кругу (кн. Нат. Долгорукова, Апраксина, Глѣбова, Головина и др.). На 118 монахинь было 15 урож. Великороссіи и 96 грамотныхъ. Въ жен. Іорданскомъ монастырѣ всѣ монахини были малороссіянки, изъ высшаго класса не было ни одной, а грамотныхъ приходилось на 97—22 и малограмотныхъ 27 (ibid. 1896, № 4, стр. 9—13).

также принимала участіе въ торжественной встрѣчѣ, причемъ, по словамъ современника, «съ помощію выписанныхъ машинъ и своего изобрѣтенія, произведены были разныя удивительныя явленія къ ея удовольствію». Между прочимъ «выѣхалъ за городъ старикъ самаго древняго вида, великолѣпно прибранный и украшенный короною и жезломъ». Кажущійся старикъ этотъ былъ молодой студентъ. Въ колесницу его, на подобіе «божескаго фаэтона, были запряжены два піитическіе крылатые кони, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ представлялъ собою баснословнаго Кія, основателя и обладателя древняго Кіева. Онъ встрѣтилъ императрицу на берегу Днѣпра, по переѣздѣ черезъ мостъ привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, какъ въ свое достояніе и поручалъ его и весь народъ русскій въ милостивое ея покровительство [1]). Императрица остановилась въ Печерской лаврѣ и провела въ Кіевѣ около трехъ недѣль (25 авг.—12 сент.). Въ лѣтописяхъ академіи сохранились извѣстія о ея двукратномъ посѣщеніи этой послѣдней—въ день своего тезоименитства—5 сентября и спустя три дня—во время нарочно устроеннаго для этого случая диспута. Здѣсь ректоръ академіи архим. Сильвестръ Думницкій произнесъ рѣчь на тему о томъ, «коликое счастье государству бываютъ, гдѣ свободныхъ ученій любитель Государь» [2]), а профессоръ греческой словесности іеромон. Варлаамъ Лящевскій поднесъ наслѣднику Петру Өедоровичу переведенную имъ книгу: «Зерцало должности государей». Въ тоже время одинъ изъ учениковъ піитики, между диспутами, произнесъ стихотворное привѣтствіе [3]). Въ это время была заложена императрицею, на

---

[1]) Исторія Русовъ, 244.

[2]) Слово (сказанное на литургіи въ лаврѣ 5 сентября тѣмъ же архим. Сильвестромъ) и рѣчь напечатаны были въ 1744 въ Петербургѣ при Академіи Наукъ.

[3]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіей, В. Асксченскаго II, 86—98.

мѣстѣ ветхой, каменная церковь ап. Андрея, выстроенная по чертежамъ знаменитаго архитектора графа Фр. Растелли, многочисленныя и замѣчательныя постройки котораго находятся въ Петербургѣ и Москвѣ, и пожаловала сумму на постройку каменной церкви св. Георгія близъ Софійскаго собора вмѣсто деревянной, выстроенной въ 1674 г. кн. Ю. П. Трубецкимъ и русскими ратниками (на мѣстѣ монастыря, воздвигнутаго Ярославомъ I и разореннаго Батыемъ [1]). Андреевская церковь была освящена уже въ 1767 г. [2]). Повидимому лавра заботилась о поддержаніи въ своихъ стѣнахъ постоянной школы живописи: такъ, въ это время былъ приглашенъ сюда итальянскій художникъ Веніаминъ Фридериче, работавшій до того времени въ Бердичевскомъ кармелитскомъ монастырѣ [3]). Пребываніе его здѣсь связываютъ съ остатками итальянской живописи въ лаврѣ и несомнѣнно сохранившеюся живописью той же школы въ Андреевской церкви. Кіево-Печерская лавра служила разсадникомъ и поставщикомъ живописцевъ для монастырей и церквей Западной Россіи, а въ 1772—1776 г.г. могла предпринять въ обширныхъ размѣрахъ расписаніе своего сборнаго храма [4]). Къ этому же времени относится окончаніе постройки лаврою вѣроятно названнымъ выше Шейденомъ кловскаго дворца, отошедшаго впослѣдствіи въ казну и от-

---

[1]) Закревскій, 226—267.

[2]) Закревскій, I, 179—188; Памятн., изд. Общ. любит. древн. письмен., 1880, II, стр. xxxv. Образъ «Тайной вечери», присланный Екатериной II, считается произведеніемъ Леонардо-да-Винчи. Храмъ Андрея Первозв. возвышается надъ Днѣпромъ на 42 саж. (Р. Стар. 1882, № 11, стр. 439).

[3]) Павелъ Алеппскій (полов. XVII стол.) свидѣтельствуетъ о большомъ числѣ искусныхъ живописцевъ въ Кіевѣ, пользующихся умными выдумками для снятія точныхъ портретовъ и весьма удачно изображающихъ страсти Христовы. То же подтверждаетъ и Лукьяновъ: «а письмо иное кажется живопись», говоритъ онъ.

[4]) Къ исторіи живописи въ Кіево-печерской лаврѣ въ XVIII ст. (по докум. лавр. архива), М. П. Истомина (Чт. въ Истор. Общ. Нестора лѣт., IX, 65—75).

даннаго (съ 1811 г.) для помѣщенія Вышней (1-ой) гимназіи [1]). Въ царствованіе Елисаветы (ок. 1753 г.) выстроенъ былъ также деревянный, на каменномъ нижнемъ ярусѣ, съ каменными флигелями, дворецъ, позади котораго разбитъ обширный садъ (называемый царскимъ), съ оранжереями и виноградникомъ. Дворецъ этотъ сгорѣлъ въ 1819 году [2]). Прибытіе импер. Елисаветы въ Кіевъ (1744) вызвало приведеніе въ порядокъ базаровъ и лавокъ на Печерскѣ и въ Старомъ городѣ и нѣкоторыя мѣры по благоустройству города [3]), а нѣсколько позже (1753 г.) была учреждена уже особая контора для укрѣпленія кіевскихъ горъ, причемъ обращено особенное вниманіе на укрѣпленіе пещеръ и предупрежденіе обваловъ со стороны Днѣпра. Правительство озаботилось также учрежденіемъ госпиталей [4]). Насколько однако медленно двигалось благосостояніе города видно изъ данныхъ, собранныхъ въ 1760 г., по требованію Академіи наукъ, кіевской губернской канцеляріей. Въ этой вѣдомости на Печерскѣ показано 2245 дворовъ—«всѣ деревянные, а каменныхъ ничьихъ дворовъ не имѣется [5]). Въ нижнемъ городѣ (Подолѣ) обывательскихъ

---

[1]) Закревскій, 387—388. Стоимость этой постройки обошлась лаврѣ въ 20000 руб., сумма по тому времени весьма значительная (Кіев. Стар. 1888, т. XX, 22).

[2]) Закревскій, 85, 275—276. Участокъ для сада былъ нанятъ у Никольского мон. за 200 р. ежегодной платы (Кіев. Стар. 1888, т. XX, 64).

[3]) К. Ст. 1891, № 6, стр. 131—133; Мат. изъ арх. кіев. губ. правл. V, 162—168; VI, 46—48; VII, 37—57; X, 242—243. Теперь отъ Подола удалены были водяныя мельницы, безобразовшія пристань, но доставлявшія значительный доходъ ихъ владѣльцамъ (онѣ были переведены къ Труханову острову). Всѣ эти работы были возложены на инж. де-Боскета (Кіев. Стар. 1890, № 7, с. 129—133).

[4]) Закревскій, 274, 679; Опис. Кіев. губерніи I, 322—323.

[5]) Какъ видно эта часть города быстро возрастала новоприбывшими поселенцами. Еще въ 1742 г. въ ней числилось 480 дом., причемъ это были почти однѣ курныя избы, а многіе совсѣмъ не имѣли печей и трубъ (К. Стар. 1888, № 4, стр. 9—10). Выдубецкому мон.

каменныхъ домовъ до пяти, а прочіе всѣ домы деревянные, которыхъ числомъ 3357» [1]). Въ теченіе XVIII стол. Кіевъ, по прежнему, служилъ пунктомъ, въ которомъ собирались извѣстія о видахъ и намѣреніяхъ Польши, Турціи и Крыма, и здѣсь, въ свою очередь, какъ было и прежде, проживали нерѣдко иностранные шпіоны, за которыми постоянно слѣдили нарочные агенты. Политическимъ цѣлямъ служили иногда и купцы. Въ Кіевѣ же сосредоточивались мѣры противъ занесенія заразы изъ пограничныхъ мѣстъ (въ 1747, 1750, 1751, 1754)[2]). Съ половины XVIII в. (отъ этого времени идутъ и многія извѣстныя фамиліи южнославян. происхожденія) стали переселяться въ Россію сербы и черногорцы, а отчасти валахи и венгерцы, направлявшіеся въ Новороссію, въ Оренбургъ и Самару, но обыкновенно имѣвшіе болѣе продолжительную стоянку въ Кіевѣ, а нѣкоторые изъ нихъ оставались здѣсь на жительство. Они прибывали сюда большими партіями съ семействами (въ 1751—218 чел. сербовъ; въ 6751 сразу ожидали 800 чел.; въ 1755—прибыло 100 черног.; въ 1757—129 и въ 1758—1022 черног.) [3]) и изъ нихъ же сформи-

---

принадлежала Звѣриницкая слобода, относившаяся къ Печерской части города. Въ 1786 г. въ ней считалось 35 двор., занимавшихся земледѣліемъ и ремеслами. Въ слободѣ находился кирпичивій заводъ доставлявшій 120 р. дохода, и *три шинка*, дававшихъ 250 р. дохода съ водки, причемъ замѣчено, что пива и меду совсѣмъ не требовалось (К. Стар. 1895, №№ 7—8, с. 13—20).

[1]) Описаніе г. Кіева, сост. кіев. губерн. канцел. въ 1760 г. (Матер. арх. кіев. губ. правл., III, стр. 111—141). Въ Старомъ городѣ число домовъ не обозначено, такъ какъ живущіе въ немъ въ вѣдѣніи канцеляріи не состояли и подчинялись военному вѣдомству. Въ 1753 г. въ Печерской лаврѣ составлено было описаніе града Кіева, остающееся въ рукописи (Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В. I, 257).

[2]) Сенатскій Архивъ, V, 444 463, 501, 494, 564, 642; VII, 177, 196, 571, 629; VIII, 77, 403, 406, 434—35; IX, 625.

[3]) Ibidem, VII, 73; VIII, 1, 57, 82, 92, 132, 241, 291, 317, 379; IX, 255, 259, 309, 373.

рованъ былъ гусарскій полкъ въ 1000 чел., который заявилъ себя постоянными столкновеніями съ жителями, требовавшими вмѣшательства властей [1]). Но такъ какъ на жителей падала тяжелая повинность содержанія ихъ фуражемъ, то отношенія между ними были большею частью обостренныя [2]). Въ концѣ 50-хъ годовъ въ Кіевѣ была уже цѣлая колонія сербовъ, гдѣ они между прочимъ являются устроителями казенныхъ виноградныхъ садовъ [3]). Съ половины XVII в. въ Кіевѣ стали селиться греки. Въ 1726 году въ Кіевѣ было 22 греческихъ торговца. При Аннѣ Іоанновнѣ они хлопотали уже объ устройствѣ своей церкви на Подолѣ, а въ 1748 г. имъ удалось обратить ее въ монастырь (Екатерининскій), подчиненный Синайской горѣ. Въ монастырѣ была построена гостиница для проѣзжающихъ [4]). Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ посылались ко двору изъ Кіева грецкіе и волошскіе орѣхи и вишни [5]). Съ развитіемъ садоводства, при Елисаветѣ Петровнѣ, въ Кіевѣ заготовлялись ко двору значительные

---

[1]) Сербы въ Кіевѣ (Кіев. Стар. 1885, № 2, с. 381—385; № 6, с. 505—11; 1904, № 3 с. 106—108; Матер. изъ Арх. кіев. губ. правл. V, 424—139; X, 28—33, 76—94; Сенат. Архивъ, VIII, 403, 406, 703, 708; IX; 10—12; 75—75, 79—81, 172, 178, 181, 199; 289, 293, 420; X, 3, 18, 78, 95, 97, 99, 109, 414, 416. 430, 465, 525, 537—539, 545). Отряды эти прибывали въ Россію подъ командою Хорвата, Прерадовича, Шевича, Писчевича и др.

[2]) Матер., изд. Андріевскимъ, V, 125—139.

[3]) Матер. изъ Арх. кіев. губ. правл., IX, 207—211; X, 34—51.

[4]) Матеріалы кіев. губ. арх., VIII, 124—126, Кіев. Стар. 1895, №№ 7—8 с. 4—9. На просьбѣ объ учрежденіи мон. подписались докторъ Кондоиди и 25 лицъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются фамиліи Корбута, Лакерды, Кармалея, Константинова и др. (отчасти обрусевшія); нѣкоторые изъ нихъ занимались винокуреніемъ и содержали карантинный дворъ съ Васильковѣ. Подроб. см. Н. И. Петровъ, Греч. Екатер. мон. въ Кіевѣ (Тр. К. Д. акад. 1896, № 1); ср. еще К. Ст., 1891, № 5, с. 311—312; 1893, № 3, с. 440—441; 1896, № 1, с. 86—98; 1904, № 2, 55—56; Закревскій 597.

[5]) Симбирскій Сборникъ, отписки 59—202; Чт. въ Общ. Нест. лѣт., XI, 20.

запасы вареныхъ фруктовъ, и съ этою цѣлью посланъ былъ сюда «конфектный подмастерье» Францъ Андреасъ съ учениками [1]). Екатерина II упрочила славу кіевскаго варенья и содѣйствовала значительному распространенію здѣсь этого промысла [2]).

IV.

Веденіе правильнаго городскаго хозяйства не было еще обычнымъ дѣломъ, а предъявляемыя къ магистрату требованія встрѣчали нерѣдко противодѣйствіе со стороны членовъ послѣдняго, какъ вмѣшательство въ его компетенцію. Такимъ образомъ шнуровыя книги для записи расходовъ заведены были только съ 1757 года. По имѣющимся весьма отрывочнымъ даннымъ, видно, что городской доходъ въ 1720 г.=4183 р. 94 к., въ 1744 г.= 9411 р. 59 к.; въ 1754 г.=7571 р. 5 к., причемъ доходъ отъ продажи напитковъ мѣстнаго производства составлялъ 67,5% общаго бюджета; а въ 1761 г., въ общей суммѣ дохода=6464 р. 13 к., съ шинковъ за хлѣбное вино получено было 5059 р. 92 к. [3]), чѣмъ и объясняется та ожесточенная борьба, какую велъ городъ противъ корчемства въ теченіе XVIII стол., и жалобы со стороны мѣщанъ на участіе въ куреніи и продажѣ вина пришлыхъ казаковъ, монастырей и казны [4]).

Другіе доходы получались съ мѣръ и вѣсовъ, съ дегтя и соли, съ «рѣзни», паромовъ, плотовъ, байдаковъ, лавокъ, огородовъ, мостовъ, съ дворовъ, построенныхъ на городской землѣ и

---

[1]) Матер. изъ Арх. кіев. губ. правл. III, 154—164.

[2]) Закревскій, 112—113; Матеріалы, I, 61—68.

[3]) Цѣны на вино мѣстное и волоское см. А. А. Андріевскій, Матер. Кіев. губ. архива, III, 164; VIII, 216; Днев. зап. Як. Марковича, I. 438, II, 92, 325, 397.

[4]) Кіев. Стар. 1891, № 6, с. 390; Къ ист. о винокур. въ Кіевѣ и Борьба Кіев. магистр. съ корчем. (Матеріалы, V, 100—224; VII, 157—200).

т. п. Расходъ за 1744 г. показанъ=9403 р. 50 к., а въ 1754 г.= 7248 р. $24^1/_2$ коп., причемъ оказывается, что не менѣе половины городскихъ средствъ шло на презенты, угощенія и поздравленія почетныхъ и мѣстныхъ властей, и вліятельныхъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ, въ которыхъ такъ или иначе нуждался магистратъ, на проѣзжихъ гостей (напр. турецкаго посланника, на встрѣчу черног. воев. Василія Петровича и т. п. [1]), въ видѣ сукна, винъ или денегъ «до яловицъ и яблокъ» включительно; между тѣмъ даже благотворительность не играла никакой роли въ городскомъ бюджетѣ [2]). На прямыя городскія нужды расходовалось не болѣе 35%, а городскіе долги все болѣе возрастали [3]). Понятно, что при такихъ условіяхъ городъ процвѣтать не могъ.

Въ 1754 г. послѣдовалъ указъ, отмѣнявшій въ Малой Россіи такъ наз. идукты и эвекты, а въ 1755 г. «въ облегченіе малороссійскаго народа» были отмѣнены сборы съ продажи вина, дегтя, съ ярмарокъ, мельницъ, винокуренныхъ котловъ и пр., вслѣдствіе чего явилось опасеніе, что кіевскій магистратъ не въ состояніи будетъ исправно отбывать нѣкоторыя государственныя повинности (почтовую, подворную, квартирную и др.), тяжело ложившіяся на городской бюджетъ. Поэтому сдѣлано было распоряженіе объ отпускѣ магистрату на содержаніе нижняго города (Подола) и прочія надобности по 479 р. 66 к. и Сенатъ неоднократно требовалъ представленія вѣдомостей о доходахъ и расходахъ города. Съ своей стороны магистратъ хлопоталъ объ

---

1) См. Матеріалы, изд. Андріевскимъ, в. II, 58 и др.

2) Призрѣніе нищихъ находилось въ самомъ жалкомъ видѣ. Поэтому дѣлались только распоряженія (напр. въ 1764, 1769) о высылкѣ ихъ изъ города и непропускѣ иногородныхъ. При лаврѣ содержалось тогда 20 мужч. и 10 женщ. больныхъ и неспособныхъ къ работѣ (Матер. изд. А. А. Андріевскимъ, VIII, 207—212; К. Стар. 1893, № 9, с. 450).

3) Н. В. Молчановскій, Бюджеты г. Кіева въ срединѣ XVIII с. (К. Стар. 1898, № 1, с. 64—83).

отпускѣ болѣе значительной суммы (1214 р.), ссылаясь между прочимъ «на устремленіе Днѣпра» къ Подолу и порчу берега, требовавшую необходимыхъ поправокъ. Однако, только въ 1766 г. состоялось рѣшеніе въ пользу города, притомъ съ доплатою за все предшествовавшее время (съ 1756 г.), но съ обязательствомъ устроить хлѣбный магазинъ, вслѣдствіе того, что въ 1749 г., послѣ истребленія хлѣба саранчой, оказался такой недостатокъ послѣдняго, что въ Кіевѣ, «какъ великомъ городѣ», въ торговые даже дни нельзя было купить и 50 четв. ни за какую дорогую цѣну [1]). Тѣмъ не менѣе магистратъ уклонился тогда отъ постройки магазина, ссылаясь опять таки на недостатокъ средствъ и только въ 60-хъ годахъ XVIII стол., по неоднократному настоянію Сената, магазинъ этотъ былъ устроенъ за счетъ таможенной суммы—это было обширное каменное зданіе съ желѣзной крышей (на Подолѣ). Въ 1777 г. для него было закуплено 2000 четв. немолотой ржи, половина которой отпускалась иногда въ продажу, а изъ другой части половина отдавалась въ ссуду преимущественно чиновнымъ людямъ и взысканіе ея оказывалось тщетнымъ [2]).

Въ особенности тяжела была для населенія постойнная повинность. На основаніи высоч. грамотъ, кіевскій магистралъ считалъ жителей Подола, входившихъ въ составъ мѣщанства, свободными отъ означенной повинности и въ 1763 г., въ силу сенат. указа, находившаяся тамъ временно-инженерная команда была

---

[1]) Въ 1753 г. Малорос. кол. писала: «Народъ малороссійскій къ земледѣлію не прилеженъ и запаснаго хлѣба не имѣетъ, когда у нихъ одинъ годъ хлѣба неродится, терпятъ голодъ», чѣмъ и объяснялась потребность въ хлѣб. магазинѣ (К. Стар. 1888, № 5, с. 39—40). Тоже самое подтверждается и наказомъ 1767 г., причемъ жители заявляли, что безъ иностраннаго хлѣба обойтись нельзя (Сборн. Р. И. общ. п. CVII, 188).

[2]) Объ учрежд. въ Кіевѣ запаснаго хлѣбнаго магазина, А. А. Андріевскаго (Кіев. Стар. 1891, № 6 с. 475—79); Кіев. город. управ. въ 1756 г., Н. В. Молчановскаго (ibid., 1889, № 27, с. 54—55).

выведена на Печерскъ; но привилегія эта весьма часто нарушалась, почему возникали продолжительныя пререканія между магистратомъ и губернской канцелярій. Таково напр. было дѣло 1759 г., по поводу требованія послѣднеей объ отводѣ квартиры ген.-маіору артил. Чиркову. Въ своихъ отвѣтахъ магистратъ между прочимъ писалъ, что «хотя изъ чиновническихъ домовъ нѣкоторые противъ мѣщанскихъ мало и лучше показуются, однако тѣ домы отъ всякихъ постоевъ увольнены, мѣщанскіе же домы крайне тѣсные и въ строеніи скудные, да и тѣ всегда отъ постоевъ несвободны, чѣмъ и такъ здѣшніе обыватели противъ другихъ малороссійскихъ обывателей излишнее поносятъ отягощеніе». Не смотря на требованіе губ. о канцеляріи безпрекословномъ подчиненіи и угрозу представить о томъ въ Сенатъ, какъ видно, магистратъ не убоялся этого, такъ какъ уже въ 1760 г. (26 окт.) состоялся указъ Сената «о вѣдѣніи кіев. мѣщанъ судомъ и управленіемъ по магдеб. правамъ въ кіев. магистратѣ, и о бытіи оному магистрату подъ апелляціями Прав. Сената и объ охраненіи отъ обидъ какъ магистрата, такъ и мѣщанъ кіев. губернатору». Допуская предоставленіе квартиръ проѣзжающимъ черезъ городъ правительственнымъ чинамъ и переходящимъ командамъ, магистратъ и мѣщане всячески противились постоянному размѣщенію воинскихъ частей. Такъ, въ 1763 сразу потребовалось для молдавскаго гусарскаго полка 1489 квартиръ и предвидѣлось еще требованіе для размѣщенія кон. артил. полка. Все это заставило магистратъ дважды произвести опись дворовъ, расположенныхъ на Подолѣ и въ предмѣстьяхъ, причемъ оказалось, что на Подолѣ было 2139 дв., на Сырцѣ—28, на Преоркѣ—148 и на Куреневкѣ—94, а всего 2454 двора, въ которыхъ можно было назначить постои. Тѣмъ не менѣе, дѣло это не окончилось мирно: оно сопровождалось произвольнымъ захватомъ дворовъ, поврежденіемъ службъ, столкновеніями и насиліями съ обѣихъ сторонъ, (неудовольствіе мѣщанъ было тѣмъ сильнѣе, что нѣк. гусары завели у себя шинки) и наконецъ потребовало вмѣшательства ген. губ. Воейкова (съ 1766—75), признавшаго притязанія военныхъ командъ большею частію неправильными и оказавшаго поддержку магистрату. При

этомъ онъ требовалъ оставить для пріѣзжающихъ черезъ Кіевъ чиновъ 100 дворовъ въ запасѣ [1]).

Вызванное выше рѣшеніе Сената стояло въ связи съ другимъ, непріятнымъ для Кіева дѣломъ—подчиненіемъ его гетману, которое соединялось съ вмѣшательствомъ въ управленіе города полковой канцеляріи. Хотя въ 1737 г. кіевскіе мѣщане были освобождены отъ подчиненія (съ 1733) гетману, что вновь было подтверждено въ 1743 г., но съ 1751 г. Разумовскій настойчиво сталъ добиваться утвержденія за нимъ правъ на Кіевъ [2]). Противъ этого постоянно возражала мѣстная администрація, находившая поддержку въ Сенатѣ; но, благодаря болѣе сильнымъ вліяніямъ при дворѣ, подтвержденіе независимости города, состоявшееся въ 1754 г., оставалось въ бездѣйствіи до 1760 г. [3]), а, по вступленіи на престолъ Петра III, права гетмана на Кіевъ вновь были возстановлены [4]). Гетману не нравилось, если Сенатъ обра-

---

[1]) Утѣсн. кіев. мѣщанъ военнымъ постомъ въ 1763—64 г.г. (Кіев. Стар. 1895, № 5, стр. 65—70; Матер. Кіев. губ. арх., VIII, 205—206). Въ перечнѣ лучшихъ домовъ обозначенъ одинъ каменный —директора Карасева (ib. 66). Пререканіе кіев. магистр. съ губерн. канцел. по поводу квартирн. повинности, А. А. Андріевскаго (К. Стар. 1894, № 9, с. 144—146). Столкновеніе студентовъ академіи съ гусарами (Матеріалы, X, 71—75).

[2]) Притязанія гетмана на поддержаніе своей власти наглядно выразились въ недовольствѣ на форму поминанія имени его въ ектеніяхъ, которая и была измѣнена новымъ распоряженіемъ митрополита въ 1751 г. (Кіев. Стар. 1893, № 7, с. 142—143).

[3]) Въ Глуховѣ распоряженіе это получено было только 20 янв. 1761 г. Марковичъ записалъ: «Грамота пришла къ гетману, чтобы ни въ чемъ не имѣть дѣла до кіевлянъ и козаковъ оттоль вывести на сей бокъ и поселить» (II, 373).

[4]) По этому поводу мы находимъ любопытную запись въ записках писаря кіев. магистр. Данилы Слюсарскаго о кіевск. событіяхъ съ 1734—1778 г., хран. въ Церк. арх. музеѣ при К. Д. акад. и напеч. въ Епарх. Вѣд. 1885, №№ 1 и 2. Такъ какъ ими не пользовались изслѣдователи означенныхъ событій, то приводимъ здѣсь выписку:

щался непосредственно къ кіевскому магистрату [1]). Тѣмъ легче ему было поддерживать свои требованія, что во главѣ кіев. магистрата продолжительное время стоялъ назначенный войтомъ изъ лейбъ-компанцевъ секундъ-маіоръ Ив. Сычевскій [2]), рекомендованный самимъ Разумовскимъ (1754—1766). Пользуясь поддержкой послѣдняго и членовъ генер. канцеляріи, съ которой онъ имѣлъ родственныя и имущественныя связи, Сычевскій не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, чѣмъ вызвалъ, послѣ продолжительныхъ хлопотъ, слѣдствіе и вмѣшательство высшей власти [3]). Борьба между магистратомъ и войсковою канцеляріей, на-

---

«1762 г. мая 20 д. госуд. имп. Петръ Ѳед., *по неправедному* бывш. малорос. гетмана гр. Кир. Григ. Разумовскаго *прошенію, прародительскую государеву отчину*, Богомъ спасаемый и Богомъ хранимый *городъ Кіевъ Подолъ* отдалъ въ команду онаго гетмана, съ таковымъ повелѣніемъ, *чтобъ мѣщане здѣшные вольные шляхетные подъ таковымъ его игомъ были*, какъ и всѣ малороссіяне, и подати платили, *чему наущали и способствовали малороссійская генер. старшина* Вас. Гудовичъ и быв. кіев. войтъ сек. маіоръ Ив. Сычевскій, кіево-под. спасскій поповичъ» (ib., № 1, с. 38).

[1]) Матер. Кіев. губ. арх., VIII, 173—174; Васильчиковъ, I, 264, 291.

[2]) Въ войты избиралось четыре кандидата (А. Ю. и З. Р., I, 172), изъ которыхъ одинъ утверждался Сенатомъ. Городское управленіе состояло изъ войта, писаря, очередныхъ бурмистровъ и райцовъ, лавниковъ, для суда, двухъ шафарей, инстигатора, городничаго и 15 урядниковъ. Въ одной изъ жалобъ въ Сенатъ подписалось до 70 должн. лицъ (40 отъ 12 цеховъ); въ другой разъ—53. Они составляли можно сказать, городскую олигархію, которая владѣла почти 1/3 частію города (Подола), занятой ихъ дворами, и не платила повинностей (К. Стар. 1882, № 5, с. 177—192; 1891, № 4, с. 14; № 5, с. 309-311; № 6, с. 414). О средствахъ тогдашнихъ представителей магистрата см. Дѣло о наслѣдствѣ, оставш. послѣ войта Пав. Войнича (Матер., VIII, 1—42).

[3]) Тотъ же Дан. Слюсарскій подробно разсказываетъ, какъ „войск. старшій канцеляристъ Осипъ Туманскій и науститель войтъ Сычевскій всѣ грамоты и привилегіи забрали изъ магистрата въ присутственную избу для снятія будто бы копій, но этого не сдѣлали, а

полняющая средину XVIII стол., сопровождались иногда насильственнымъ захватомъ войта (какъ было въ 1737 г.—Павла Войничая) и препровожденіемъ въ Глуховъ непокорныхъ городскихъ чиновниковъ и мѣщанъ, не хотѣвшихъ подчиняться произвольнымъ требованіемъ канцел. гетмана (какъ было въ 1763 г.); а улицы Кіева нерѣдко обращались въ мѣста ожесточенныхъ дракъ и схватокъ, сопровождавшихся кровопролитіемъ и смертнымъ боемъ [1]). И въ этихъ распряхъ опять видную роль играло право винокуренія и продажи вина поселившимися въ Кіевѣ козаками [2]), занимавшее важное мѣсто въ хозяйствѣ тогдашней Малороссіи [3]).

приставили къ нимъ караулъ, чрезъ что всѣ здѣшніе граждане взволновавшись збунтовались». Но тѣ же лица, «поставивъ крѣпости въ скарбовой ратушѣ и запечатавъ, отъѣхали къ гетману злоумышленно и хитростно». Вслѣдъ же затѣмъ, по ордеру гетмана, всѣ крѣпости и 14 чел. магистр. чиновниковъ (бурм. Вас. Балабуха и Коз. Кулешъ, райцы и др.), взятые подъ караулъ, были отвезены въ Глуховъ, гдѣ они были допрошены и, лишенные чиновъ, отпущены въ Кіевъ, а привелегіи отвезены гетманомъ въ Петербургъ. «а отъ него гетмана, по повелѣнію Прав. Сен., чтобъ нестыдно было отдавать оныхъ въ магистратъ, представлены въ Сенатъ, и изъ онаго отданы въ магистратъ“ (ibid., 39).

1) Подроб. см· Матер. изъ Архива кіев. губ. правл., VI, 20—29, 100—130; VIII, 113—122; X, 1—14, 71—75; Кіев. смуты средины прошлаго столѣтія А. Андріевскаго (К. Стар. 1886, № 12, с. 664—708); Войтовство Ив. Сычевскаго въ Кіевѣ, его же (1891, №№ 4, 5, 6).

2) Казаки поселились въ Кіевѣ во 2-й пол. XVII в., отправляя въ немъ разныя службы, а потомъ, женившись на мѣщанскихъ вдовахъ и дочеряхъ, они стали пріобрѣтать земли и дома, и хотя составляли здѣсь «сотню», но число ихъ простиралось тогда до 40 дворовъ. Съ другой стороны, соблазняясь разными льготами, въ казаки стали записываться и мѣстные мѣщане (Кіев. Стар. 1886, № 12 с. 687—688; 1891, № 6, с. 400—401).

3) Матеріалы, III, 1—24, 88—111; Днев. зап. Марковича, I, 438; II, 325, 351, 358, 390, 397, 414.

Понятно, почему возвращеніе Кіеву правъ «по жалованнымъ грамотамъ нашего любезнаго дѣда Петра Вел.» Екатериною II, съ прибавленіемъ еще, чтобъ оный магистратъ и мѣщане въ своихъ дѣлахъ имѣли апелляцію у кіев. ген.-губернатора, сопровождавшееся тѣмъ, что гетманъ Разумовскій и войтъ Сычевскій «въ своихъ злоумышленіяхъ» и «на Кіевъ предпріятіяхъ» «остались ни съ чѣмъ», вызвало особенную радость въ Кіевѣ. Такимъ образомъ то обстоятельство, что слѣдствіе по дѣлу войта Сычевскаго «за посредствіемъ разныхъ знатныхъ персонъ примиреніемъ было окончено», а онъ отъ войтовства только «отрѣшенъ», не причинило особеннаго раздраженія; а послѣдовавшее затѣмъ избраніе правительственнаго канд. кіев. губ, прокур. «господина Григ. Сид. Пиваварова», состоявшееся по вторичному настоянію и въ присутствіи ген. губ. Воейкова, не было встрѣчено такъ враждебно, какъ можно было бы ожидать въ настоящемъ случаѣ [1]).

V.

Еще въ коммиссіи для сочиненія «новаго уложенія» 1762 г. присутствовало два депутата отъ Кіева («шафари») и тогда же обнаружено было нежеланіе кіев. магистрата посылать ихъ вновь, поддержанное и гетманомъ. Магистратъ подкрѣплялъ свой отказъ между прочимъ тѣмъ, что «здѣсь купечество не какое знатное, но крайне скудное, ибо изъ здѣшнихъ мѣщанъ по большей части упражняются рукодѣліемъ; а хотя нѣкоторые изъ нихъ и торгуютъ, однако не какими большими товарами, но едиными только

---

[1]) Зап. Слюсарскаго (№ 1, стр. 39—40); Выборъ въ кіевск. войты Гр. Пивоварова, въ 1766 г. (Кіев. Ст. 1897, № 2, с. 35—38. Сенатъ однако, не согласился увеличить его жалованье. Любопытно еще дѣло о распрѣ изъ-за званія писаря (ib. № 3, 64—74), которое показываетъ, что магдеб. права не всегда ясно понимались магистратомъ, иногда неправильно толковались и столь же неясно представлялись мѣстной администраціей.

крамними дробизками и харчевыми вещами [1]); да кромѣ того и по многимъ высоч. кіев. маг-ту жалованнымъ грамотамъ между здѣшними мѣщаны судъ и расправу содержать повелѣно по майдебурскимъ правамъ, по которимъ оній маг-тъ тотъ судъ и расправу всегда и содержалъ, и нынѣ содержитъ» [2]). Таже точка зрѣнія на сохраненіе мѣстныхъ правъ была удержана депутатами и въ коммиссіи 1767 г. [3]), въ которой присутствовало два депутата отъ Кіевской г. [4]). Какъ со стороны малорос. шляхетства, такъ и духовенства означенныя желанія были заявлены вполнѣ ясно и опредѣленно; но весьма характерно, что въ заявленіяхъ о нуждахъ города кіев. наказъ не выходитъ изъ предѣловъ тѣхъ больныхъ мѣстъ, которыхъ намъ приходится касаться на этихъ страницахъ (какъ огражденіе отъ затрудненій въ иноземной торговлѣ, освобожденіе отъ таможенныхъ сборовъ, облегченіе отъ военнаго постоя и отъ наплыва разныхъ выходцевъ, стѣсняющихъ жителей, отъ корчемства, разоряющаго населеніе и т. п. [5]). Болѣе важно отмѣтить

---

[1]) Въ означенномъ пунктѣ конечно краски сгущены въ интересахъ успѣха намѣченной цѣли; но объ экономической слабости Кіева (отсутствіи фабрикъ и т. п.) говорятъ и др. оффиціальныя данныя (К. Стар. 1888, № 5, стр. 38—40).

[2]) Матер., изд. А. А. Андріевскимъ, VIII, 172—174. Насколько на практикѣ это далеко отступало отъ теоріи см. въ одной изъ статей ниже назв. очерка (К. Стар. 1890, № 10, стр. 101—109).

[3]) См. статьи И. В. Теличенка: Ѳеслов. нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатер. коммиссіи (Кіев. Стар. 1890 и 91 г.г.).

[4]) Латкинъ Законод. коммиссіи въ Россіи, 250.

[5]) Наказъ кіев. шляхетства (Сборн. Р. И. Общ., т. LXVIII, с. 178—189); Пункты отъ Кіев. епархіи (ibid., т. XLIII, с. 436—560); отъ г. Кіева (т. CVII, 181—188, ср. Чт. въ Общ. Ист. 1858, III, 51—102). Въ наказъ отъ г. Кіева мѣщане вносятъ даже частную жалобу на сотниковъ Гудимовъ, причинившихъ имъ убытки въ винокуреніи. (см. объ этомъ Матеріалы, VII, 100—225). На основаніи же подписей подъ наказомъ (4 бурм., 1 пис., 4 райцевъ, 11 шафарей, 7 лавниковъ, 4 шафаратив., 5 инстигат., 1 городничаго, 29 реестр. мѣщанъ; 94 представ. отъ 13 цеховъ и 41 чел. поспол. сотни видно, что въ числѣ

лишь то, что шляхетство въ числѣ своихъ нуждъ признало, что «ничто въ жизни для честнаго шляхетства не можетъ быть столь полезно, а для интересовъ государственныхъ потребно, какъ знаніе наукъ, составляющее въ человѣцѣ цѣлость его собственнаго благоденствія и пользы государственной». Здѣсь же указывалось, что у шляхетства вошло уже въ обычай отправлять своихъ дѣтей въ Московскій университетъ, въ Петербургъ [1]) и въ чужія, далекія государства, и потому оно желало, чтобы правительство учредило университетъ въ Малой Россіи, а именно въ Кіевѣ или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ заблагоусмотрѣно будетъ шефомъ ея гр. П. А. Румянцовымъ [2]). Между тѣмъ, въ инструкціи, данный послѣднему Екатериной II, намѣчены были тѣ общія основанія, которымъ намѣрено было слѣдовать правительство въ интересахъ объединенія законодательства и управленія [3]). Поэтому и мѣстныя права Малороссіи оставались въ силѣ до введенія въ ней общихъ учрежденій [4]).

ихъ было неграм. 6 шаф. и шафарат., 75 цеховыхъ и 12 изъ поспол. сотни.

[1]) Поѣздки въ Петербургъ представителей города и разныхъ чиновъ въ теченіе XVIII стол. по дѣламъ службы, въ торжественныхъ случаяхъ и въ интересахъ просвѣщенія изъ Малороссіи были такъ часты, что нѣтъ надобности ихъ перечислять (См. Днев. зап. Марковича и др. мемуары).

[2]) Сборн., т. LXVIII, 176—177.

[3]) Ibid., VII, 376—390.

[4]) Любопытно, что въ 1766 г. Малор. коллегія признавала необходимымъ введеніе въ малрос. городахъ нотаріусовъ, которое встрѣтило возраженіе, какъ противное магдеб. правамъ (Чтенія, 56, 83). Въ 1765 г. должность нотаруіса была введена въ Кіевѣ для великорус. купечества, причемъ изъ вѣдомости видно, что многіе изъ нихъ имѣли собств. дома и жили не только на Печерскѣ и Стар. городѣ но и на Подолѣ, вопреки привил. кіев. магистрата (Кіев. Стар. 1892, № 11, с. 301—304; ср. 1888, № 5, с. 38). Отъ нихъ ведутъ свое происхожденіе многія купеч. фамиліи въ Кіевѣ.

Съ открытіемъ въ городѣ намѣстническаго управленія (съ 1782 г.)[1]) и разрѣшенія селиться въ немъ выходцамъ изъ Великой и Малой Россіи, населеніе Кіева стало возрастать. Съ этого времени хозяйственная часть города поступила въ завѣдываніе казенной палаты, административная и полицейская возложены были на губернатора, военная на коменданта, а судопроизводство и внутренне управленіе предоставлены—городскому магистрату, на основаніи магдебургскаго права[2]), которому подчинены были мѣстные граждане, между тѣмъ, какъ Верхній городъ (Старый Кіевъ) находился въ непосредственномъ управленіи высшей администраціи [3]). Съ изданіемъ въ 1785 г. городового положенія, оно было распространено и на Кіевъ, хотя и не устранило вполнѣ его мѣстныхъ особенностей. Такъ, между прочимъ, до позднѣйшаго времени сохранялся «вооруженный мѣщанскій корпусъ»[4]). Въ

---

[1]) Выборы и распоряж. гр. Румянцова-Задунайскаго (съ 1782 г. кіев., черниг. и новг.-сѣвер. намѣстн.), кас. долж. лицъ, согласно учреж. о губ. въ Кіев. намѣстнич. (Матер., изд. Андріевскимъ, II, 1—30). Кіевскіе предводители дворяества показаны въ такомъ порядкѣ: тит. сов. Ѳ. Л. Мигай, кол. ассес. И. П. Гудимъ-Левковичъ, надв. сов. Михаилъ Луста (1785--95). См. кн. Туркестановъ, Губерн. служеб., 64—65. Дворянскіи выборы въ 1782 г. производились во дворцѣ, а въ 1785, по причинѣ починокъ въ немъ, въ Кловскомъ домѣ, принадлежавшемъ лаврѣ (Матер., изд. Андріевскимъ, II, 1—30). О простанствѣ управленія и власти кіев. ген.-губернатора—см. Шафонскій, Черниг. намѣстнич. топогр. опис., сс. 103—104; ср. Чт. въ Истор. Общ. Нест. лѣт., VI, 136—137.

[2]) О постепенной отмѣнѣ этихъ правъ (Кіев. представительство прежняго времени, Кіев. Стар. 1882, № 5, с. 176—192).

[3]) Журавскій, Стат. опис. Кіев. губ., I, 323; Кіев. Стар. 1891, № 8, стр. 313—314.

[4]) Начало его восходитъ къ весьма давнимъ временамъ (Кіев. Стар. 1882, № 5, 187).

Согласно привилегіямъ граждане Кіева были уволены отъ службы. Въ жалов. грам. ц. Алексѣя значилось: «въ обозъ не ходить, а въ городѣ себя оберегать». (Пол. Собр. Закон., I, № 133). Послѣдняя была подтверждена въ 1700, 1730, 1743, 1762, 1797 и 1801 гг. (Кіев. Стар. 1882, № 5, стр. 179—180).

1790 г., по обстоятельствамъ военнаго времени, требовались свѣдѣнія (отъ исправл., съ 1791—93 г., должн. ген.-губ. Н. М. Кречетникова) объ этомъ корпусѣ, и предписывалось составить именной его списокъ, и, раздѣливъ на хоругви, назначить изъ нихъ командировъ со внушеніемъ, чтобы каждый имѣлъ у себя въ надлежащей исправности ружье, пистолетъ и пику, заимствуя послѣднія изъ оставшихся отъ прежнихъ хорунжихъ службъ, пріучаясь по временамъ стрѣлять изъ ружей, а въ сохраненіи надлежащаго при семъ порядка назначить для стрѣльбы одинъ день въ недѣлю (эти экзерциціи производились на Оболони), о чемъ градскому головѣ съ думою сдѣлано было надлежащее наставленіе. Кіевскіе граждане вооружились, «по заведенному издревле порядку пѣшіе саблями и ружьемъ, а конные саблями и пистолетами, пикъ же вовсе не было, почему, какъ доносила городская дума, и нынѣ вооружиться не могутъ». Въ вѣдомость вошло купцовъ и мѣщанъ 1996 пѣшихъ и 140 конныхъ. Первые раздѣлены были по управамъ, что даетъ возможность судить о численности каждой управы (цеха)[1]. Главнымъ «регементаремъ» вооруженнаго мѣщанскаго

---

[5]) Въ спискѣ показано: отъ управы сапожниковъ 428 чел., отъ управы мелкихъ торговцевъ—225, плотниковъ—221, портныхъ—218, хлѣбниковъ—151, кузнецовъ—138, шапочниковъ—124, рыболововъ—113, иконописцевъ—85, мясниковъ - 84, ткачей—83, гончаровъ—54, цирюльниковъ—31, музыкантовъ—27. Во главѣ каждой управы стоялъ старшина. Кромѣ того, не вошедшихъ по болѣзни и другимъ причинамъ показано 473. (Кіев. Стар. 1891, № 7, стр. 129—131). Подъ наказомъ кіев. мѣщанъ 1767 г. показаны цехи кравец., кушн., шев., ковальск., ткац., мясниц., переп., музыканск., рыбальск., бондар., малярск., гончар., крамар. (см. Сбор. Р. И. Общ., т. CVII). Ср. Уставъ кіев. цирюльн. цеха, 1767 (К. Ст. 1883, № 11, с. 470—76); Запрещ. лицамъ, не принадл. къ цеху цирюльн., заниматься на Подолѣ цирюльн. ремесломъ (Матер., изд. Андріевскимъ, VIII, 187—188); Ходатайство бондарскаго цеха о присоединеніи къ нему другого мастерства ремесленниковъ (Матер., изд. Андріевскимъ, X, 15—20). Укажемъ еще на переписку между Кіев. магистратомъ и Малорос. коллегіей по поводу сманиванія рабочихъ отъ кіев. серебр. дѣлъ мастеровъ въ Глуховъ. 1780 г. (Кіев. Стар. 1892, № 12, с. 478—81).

корпуса избранъ былъ думою городской голова Григорій Радзицкій. Въ прочихъ малороссійкихъ городахъ также составлялись подобные отряды. При Екатеринѣ II кіевскій корпуса усиленъ былъ артиллеріею новаго калибра: въ 1790 г. она состояла изъ 4 пушекъ, а Кречетниковъ прибавилъ еще 5. Въ 1768 г. магистратъ озаботился устройствомъ и содержаніемъ при корпусѣ постояннаго оркестра, который между прочимъ употреблялся «для игранія» утренней и вечерней зори, а также полуденнаго 12 часа. Магистратъ завелъ особую школу для музыкантовъ, мундиры и инструменты [1]).

Уже въ 1754 г. Малороссійская коллегія указывала, что въ Кіевѣ «яко городѣ знатномъ и многолюдномъ», куда собирается множество бого мольцевъ изъ Россіи, Сербіи, Греціи, Валахіи и другихъ мѣстъ [2]), необходимо устроить больницу (шпиталь), перевести полевую аптеку изъ Лубенъ, «яко изъ пустаго мѣста, гдѣ никакого лѣкаря нѣтъ», и устроить въ Кіевѣ ботаническій садъ для разведенія лѣкарственныхъ растеній, которыхъ въ Кіевѣ и около онаго многое число [3]). Кромѣ военныхъ врачей въ Кіевѣ (въ 1764 г.) было два пограничныхъ лѣкаря [4]); были и частные врачи. При этомъ запрещалось даже лѣчить неопробованнымъ докторамъ (1766, 1787) [5]). Тѣмъ не менѣе, недостатокъ медицин-

---

[1]) Кіев. Стар., 1882, № 5, 188—189.

[2]) Путевыя замѣтки (богомольца) отъ Смоленска до Кіева (Кіев. Стар. 1888, № 3, с. 537—544). Содержаніе его въ теченіе 20 дней обошлось немного больше 7 рублей. О «множествѣ стекающихся въ Кіевъ богомольцевъ» (К. Стар. 1896, № 6, с. 88—89).

[3]) К. Стар 1888, № 5, с. 38—39. Въ нѣкоторыхъ городахъ положены были врачи еще въ цар. Анны Іоанновны; но цѣлый рядъ указовъ о городскихъ врачахъ относится уже къ цар. Елисаветы Петр. (П. С. Зак., №№ 10527, 10632, 10726, 11086).

[4]) К. Стар. 1892, № 1, с. 146—148.

[5]) Ibid. 1893, № 2, с. 379—380; № 7, с. 126—131; Матер., изд. Андріевскимъ, X, 227—231. Путешественникъ сообщаетъ о положеніи душевно-больныхъ (раньше). «Тутъ же (въ пещерахъ), говоритъ Лукьяновъ, стоятъ столбики деревянные, а къ нимъ придѣланы цѣпи желѣзныя: тутъ на ночь на тѣ цѣпи бѣсноватыхъ куютъ» (1701).

ской помощи вскорѣ далъ себя чувствовать, причемъ раздѣленіе города (до 1782 г.) на нѣсколько отдѣльныхъ частей относительно управленія и несоблюденіе необходимыхъ санитарныхъ условій еще болѣе усложняли возможность борьбы съ какой либо заразой[1]). По словамъ конфедерата Хоецкаго изъ 600 слишкомъ плѣнныхъ, препровожденныхъ въ 1768 г. въ Кіевъ, въ теченіе 13 недѣль почти половина перемерла[2]). Другой современный наблюдатель, Варѳ. Михаловскій, такъ характеризуетъ положеніе края и Кіева въ частности. «Въ земляхъ русскихъ есть что-то привлекательное, чему полякъ невольно поддается. Половина шляхты русской состояла изъ пришельцевъ-поляковъ, но не было примѣра, чтобы русинъ поселился на польской землѣ. Зато, съ другой стороны, въ этой части Руси не было ни книжныхъ складовъ и во всемъ воеводствѣ кіевскомъ ни одной аптеки и ни одного врача. Венгерцы разносили по шляхетскимъ домамъ свои лѣкарства отъ боли головы, отъ желудка, отъ горячки и т. п. Шляхтичъ наполнялъ ими свою аптеку и въ случаѣ опасной болѣзни венгерскія капли и нашептыванія бабъ-знахарокъ были единственною медициною въ цѣломъ краѣ. Пользуясь удобствомъ сообщенія и близостью къ Кіеву, я ѣздилъ туда, чтобы запастись прекраснымъ вареньемъ и книгами». Познакомившись съ ген.-губ. Воейковымъ, авторъ записокъ отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ, отличавшемся дарованіями государственнаго мужа, высокою честностью и пріязнію къ польскимъ панамъ[3]).

Въ 1770—71 г. Кіевъ постигла чума, столь памятная по своимъ губительнымъ слѣдствіямъ въ Москвѣ и др. городахъ Россіи. Главное наблюденіе въ разгаръ болѣзни въ Кіевѣ возложено было на военнаго врача Лерхе, оставившаго намъ описаніе ея и Кіева, но вообще здѣсь чувствовался большой недостатокъ во врачебныхъ средствахъ, такъ какъ медики (числомъ 7), назначенные изъ Петербурга, прибыли уже въ то время, когда зараза

---

[1]) Ibid. 1901, № 8, с. 304—314; Матер., V, 169—173.

[2]) К. Стар. 1883, № 1, с. 156.

[3]) Древ. и Новая Россія, 1880, I, 562—563.

почти прекратилась. По словамъ Лерхе, приходилось бороться и съ духовенствомъ, не позволявшимъ сжигать вещи умершихъ, и съ неприспособленностью администраціи[1]). По оффиціальнымъ даннымъ отъ заразы умерло 1829 мужчинъ и 1802 женщ., всего 3631 чел.[2]), а въ это время въ Кіевѣ, по словамъ того же Лерхе, считалось до 20000 жит.[3]).

Уставъ благочинія (1782) значительно расширилъ полицейскія обязанности города (съ этого времени Кіевъ былъ раздѣленъ на кварталы и части); но на первыхъ порахъ управѣ благочинія пришлось вступить въ переписку чуть не со всѣми вѣдомствами. Съ этого же времени въ Кіевѣ было заведено правильное оспопрививаніе[4]). Вѣроятно постигшая недавно зараза заставила («по общему гражданъ согласію») учредить богадѣльню съ больницей для нищихъ и удрученныхъ болѣзнями (въ 1771 г.)[5]). Въ 1786 г. въ ней находилось больныхъ 26 мужч. и 46 женщинъ, частію на средства города, а отчасти на частныя подаянія, отъ чего они много бѣдствовали[6]). По прежнему вопросы хозяйственнаго характера были камнемъ преткновенія для городскаго упра-

---

[1]) Joh. Lerche, Lebens-und Reise-Geschichte, Halle. 1791, 439—55. Распоряж. губ. Шипову (Р. Стар., т. LXXX, 449—64).

[2]) Магистр. писарь Слюсарскій пишетъ: «Во время оной язвы многіе здѣшніе обыватели ставили сундуки съ имѣніемъ своимъ въ церквахъ и погребахъ, а сами выѣздили въ лѣсы, боры, на луги и куда кто могъ и тамо милосердіемъ божіимъ спаслись, а иные и тамо померли». Маг. имѣлъ въ своемъ распоряженіи (на Подолѣ) двухъ врачей, двухъ подлѣкарей и 2-хъ учениковъ. Больныхъ отвозили въ лазаретъ, а здоровыхъ изъ зараженныхъ домовъ въ карантины, устроенные на Трухановомъ остр. и въ Кирил. монастырѣ. По словамъ того-же современника, на одномъ Подолѣ умерло болѣе 4000 чел. обоихъ половъ и дѣтей (Кіев. Еп. Вѣд. 1885, № 2, 81—82).

[3]) Ср. Закревскій, 85.

[4]) К. Стар. 1892, № 9, с. 423—426.

[5]) Матер., изд. Андріевскимъ, I, 128—129.

[6]) Н. В. Молчановскій, Кіев. город. управл. въ 1786 г. (Кіев. Стар. 1882, т. XXV и XXVI).

вленія. Дума несла значительный расходъ на содержаніе «водоточныхъ трубъ и фонтальныхъ колодцевъ»; но они часто приходили въ ветхость и гнилость. Устройство четырехъ колодцевъ въ 1786 г. на одномъ Печерскѣ обошлось въ 1000 р.[1]) Подземныя трубы были деревянныя, требовали безпрестанно ремонта и переданы были въ руки думы въ самомъ жалкомъ состояніи. Очистка городскихъ улицъ отъ сора и нечистотъ лежала на обязанности полиціи и производилась лишь въ важнѣйшихъ пунктахъ. Въ апрѣлѣ 1786 г. городничій предлагалъ думѣ купить 12 паръ воловъ для удобнѣйшей очистки городскихъ улицъ, но дума отклонила это предложеніе въ видахъ экономіи и потому еще, что такой расходъ не предписанъ закономъ[2]). Только въ случаѣ проѣзда именитыхъ особъ дѣлались распоряженія о прокладкѣ мостовыхъ, нарочитаго устройства фонарей по два передъ каждымъ домомъ, удаленія бродящихъ по городу животныхъ, усмиренія пьяницъ и воровъ и т. п.[3]). Пожарныя трубы при полицейскихъ частяхъ были въ самомъ жалкомъ состояніи[4]), не смотря на не-

---

[1]) Кіев. Стар. 1892, № 9, с. 415—425.

[2]) Въ смѣтѣ 1799 г. расходъ этотъ уже показанъ (Мат. изъ Арх. к. губ. правл., X, 122). Въ концѣ 40-хъ годовъ главная полиц. канц. донесла Сенату, что въ Кіевѣ на Подолѣ въ рядахъ чистоты нѣтъ, потому что скотъ бьютъ въ рядахъ, а *не въ бойницахъ,* и мясо продаютъ къ пищѣ негодное, а отъ нечистоты въ рядахъ смрадный воздухъ, да и рогатокъ нѣтъ, и хотя отъ полиціи запрещеніе и принужденіе сдѣланы относительно чистоты, однако по причинѣ малой команды не исполняютъ, магистратъ не помогаетъ и рогатокъ до сихъ поръ не дѣлаетъ (Соловьевъ, XXII, 237). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что и другіе русскіе города того времени страдали всѣми недостатками отсутствія благоустройства, нисколько не уступающими сказанному о Кіевѣ (ib. XXII, 38—39, 237—239, 268—270; XXIII, 134—136). Правда, послѣдній соперничалъ въ этомъ отношеніи съ Астраханью (П. С. З. № 6378).

[3]) Кіев. Стар. 1883, VI, 540. Матер. изъ Арх. кіев. губ. правл. V, 162—168. Впрочемъ фонари упоминаются и раньше. Сальныя свѣчи доставлялись моск. людьми. (Чт. въ Общ. Нест. л., XI, 7—8).

[4]) Еще въ 1754 г. обращено было вниманіе на внѣшнее улучшеніе города: устройство палисада, мостовъ, рогатокъ и мостовыхъ;

давнее распоряженіе ген.-губернатора графа П. А. Румянцова организовать пожарную команду [1]). Городская дума не имѣла точныхъ свѣдѣній о доходахъ городскаго имущества и различныхъ оброчныхъ статей; правильной смѣты не существовало [2]). Въ это время доходъ города, все еще преимущественно получаемый съ питей, достигалъ 13—15000 р. въ годъ, но расходованіе суммъ производилось безконтрольно, по произволу войта, на угощеніе котораго съ компаніей (на венгерское, французское и шампанское вино, на аглицкое пиво и т. п.) нерѣдко забирались большія деньги, а чтобы скрыть этотъ расходъ, въ книгахъ уменьшали покупку и продажу вина. Попытка нѣкоторыхъ членовъ магистрата ввести контроль не имѣла успѣха [3]).

но и въ 1762 г. главная Подольская ул. (отъ Крещатицкихъ воротъ) не была вся вымощена, мосты были ветхи или отсутствовали, палисадъ—гнилой, караульни (4) въ плохомъ состояніи и только въ 1781 году главныя улицы Подола (ихъ было 7) и дорога съ Подола въ Старый городъ къ Андрею Первозв. приведены были въ исправный видъ (К. Стар. 1892, № 9, с. 420—421; 1891, № 6, с. 479—81). Сообщеніе съ Печерскомъ и Подоломъ находилось не въ лучшемъ состояніи (1904, № 4, с. 13—15; Матеріалы, изд. Андріевскимъ, VII, 91—100; X, 7—10). Въ 1786 г. впервые назначено было содержаніе архитектору (150 р. и квартира, см. 1882, № 7, с. 53). Обращено было вниманіе на упорядоченіе извознаго промысла, «по московскому примѣру», заведены номера и пр. (1893, № 6, с. 519—520).

[1]) О частыхъ пожарахъ и отсутствіи необходимыхъ приспособленій (Матер. 1766—74 гг., въ собр. Андріевскаго, VII, 58—90). Конфедератъ Хоецкій, препровожденный 1768 г. изъ Кіева въ Казань, говоритъ, что послѣдняя пользовалась лучшими условіями жизни и большею дешевизною, чѣмъ Кіевъ (К. Стар. 1883, № 3, с. 631).

[2]) Кіевское городское управленіе въ 1786 г., Н. В. Молчановскаго (Кіев. Стар. 1882 г., т. XXV и XXVI); Кіевское городское хозяйство во 2-й половинѣ XVIII ст., С. Н. (тамъ же, 1887, т. XXIII, 578—583).

[3]) Изъ сферы кіев. город. хоз. (К. Стар. 1887, № 2, с. 578—583).

Вызовъ колонистовъ при Екатеринѣ II привлекъ въ Кіевъ болгаръ [1]), молдаванъ [2]) и нѣмцевъ: послѣднихъ было около 100 человѣкъ. Они имѣли своего пастора, а нѣсколько позже и кирху, названную именемъ Екатерины, въ честь императрицы, которая въ бытность свою здѣсь (1787) опредѣлила и содержаніе пастору. Это имя кирха сохранила при всѣхъ перемѣнахъ до сихъ поръ. Благодаря нѣмецкимъ поселенцамъ въ Кіевѣ, появилась частная аптека (Бунге), хорошо устроенная и приносившая значительный доходъ, такъ какъ казенная аптека при госпиталѣ предназначалась исключительно для военныхъ. Медицинская коллегія устроила здѣсь большой складъ аптекарскихъ матеріаловъ для первой арміи [3]).

VI.

По прежнему Кіевъ служилъ мѣстомъ остановокъ и пріема лицъ, проѣзжавшихъ въ Петербургъ и на югъ (въ 1776 г.—турецкаго посла, кн. Репнина, въ Константинополь), для помѣщенія плѣнныхъ (турокъ, поляковъ и пр.) [4]). Въ 1780 г. на пути въ Россію пробылъ въ Кіевѣ нѣсколько дней (14—19 мая) императоръ Іосифъ II, отправлявшійся на свиданіе съ императрицею Екатериною II въ Могилевъ, а оттуда въ Москву и Петербургъ, путе-

---

[1]) Матер. изъ Арх. кіев. губ. правл., X, 52—70. Ихъ было 7 чел. и 1 грекъ, посел. въ Борщаговѣ, на землѣ Братскаго мон.

[2]) Тамъ же, 71—75.

[3]) О нѣмецкой общинѣ: J. J. Lerche Lebens und Reisegeschichte, Halle, 1791; A. Döllen, Kurze Nachrichten über die Evangelisch-lutherische Gemeinde in Kiew, Dorp. 1857 г.; тоже въ Кіев. Епарх. Вѣд. 1866, №№ 1 и 2; N. Neese, Gesch. der Evang.-luther. Kirche und Gemeinde in Kiew, K. 1882; Историч. свѣд. о семьѣ Бунге въ Россіи, Кіевъ, 1901.

[4]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, 19, 31, 38, 68, 269, 308, 309, 481, 675. По случаю тур. войны была учреждена почта между Кіевомъ и Хотиномъ (315).

шествовавшій подъ именемъ гр. Фалькенштейна[1]); а въ 1781 г., посѣтилъ Кіевъ (11—15 окт.), на пути за границу, вел. кн. Павелъ Петровичъ съ супругою своею Маріею Өеодоровною. Имъ была оказана блестящая встрѣча, устроенная гр. Румянцовымъ. Но современная объ этомъ событіи записка особенно распространяется о томъ, какъ подошли «господинъ войтъ съ членами и поднесли подданническое свое поздравленіе», о присутствіи магистратской реестровой конницы подъ предводительствомъ господина райци, состоявшей изъ 130 человѣкъ въ единокалиберныхъ и единоформенныхъ темнозеленаго сукна, съ золотымъ балетомъ, черкескахъ и кафтанахъ красныхъ шелковыхъ, въ шапкахъ малиновыхъ бархатныхъ съ серебряными кистями, съ околицами сѣрыми крымскими, сабли наголо держа въ рукахъ, и 12 цеховъ «въ ружье съ знаменами до 1000 человѣкъ, между которыми въ рединѣ изволили ѣхать ихъ высочества, а цеховые сдѣлали на караулъ, по примѣру карабинеровъ ружьемъ; а во дворецъ ѣхали съ тѣми же конвойными командами и между цехами, до дворца построившимися шеренгами». По выходѣ въ залу ихъ высочества жаловали всѣхъ къ рукѣ, въ началѣ обоихъ фельдмаршаловъ: Разумовскаго и Румянцова, кн. Понятовскаго (племянника короля польскаго) и др. генераловъ, а также всѣхъ здѣсь собравшихся, причемъ ея высочество каждаго подходящаго къ рукѣ изволила цѣловать въ щеку, а гр. Румянцовъ подходящихъ представлялъ, кто каковъ, въ томъ числѣ и кіевскаго войта съ членами[2]).

---

[1]) Объ этомъ свиданіи статья проф. А. Г. Брикнера „Путешествіе импер. Екатерины II въ Могилевъ въ 1780 г. (Рус. Вѣстн., т. CLIV). Екатерина II, хваля Смоленскъ, замѣчаетъ, что гр. Фалькенштейну соборъ его показался лучше кіевскаго (Сборн. Р. И. Общ., IX, 58).

[2]) „Вотъ въ Кіевѣ вы нашли многочисленное, изящное общество, старыхъ и новыхъ знакомыхъ, писала Екатерина путешественникамъ. Къ первымъ принадлежитъ кн. Понятовскій, а ко вторымъ генералъ Ганахъ и Комаржевскій, присланные своими повелителями. Что вы говорите о мѣстопоженіи Кіева, напомнило мнѣ о томъ, что я видѣла тамъ (1744 г.), и я охотно соглашаюсь съ вами, что въ древности не дурно выбирали мѣста для своего жилища. Это напоминаетъ мнѣ слова Ив. Мих. Головина, сказавшаго Петру: „ты человѣкъ умный, только усадьбу заложить не умѣешь“ (Сборн. Р. И. Общ., IX, 76).

Иллюминація въ то время занимала уже видное мѣсто въ торжественныхъ случаяхъ. Всѣ три части города Кіева и лаврская колокольня горѣли огнями, а во дворцѣ садъ «разныхъ цвѣтовъ фонарями и плошками». Но въ особенности обращали на себя вниманіе прозрачныя изображенія на холстѣ «Плутона и Прозерпины съ символическими знаками» и «Нептуна съ купидонами». Послѣ посѣщенія кіевскихъ храмовъ (12 окт.), ихъ высочества въ 8 часовъ вечера прибыли въ магистратъ (на Подолѣ), гдѣ уже ожидали ихъ «дамы и кавалеры», приглашенные по билетамъ отъ магистрата, а также госпожа войтша съ дочерью, такъ и всѣхъ членовъ магистратскихъ и другихъ чиновниковъ жены съ дочерьми; а передъ магистратомъ была устроена иллюминація «и стояли цеховые съ ружьями, а другіе съ факелами». При этомъ выдавались вензелевыя изображенія имени государыни и членовъ царствующей фамиліи, а внизу ихъ въ храмѣ жертвенникъ, а на немъ 13 сердецъ пылающихъ, знаменующіе по числу членовъ въ магистратѣ кіевскомъ присутствующихъ; по обѣимъ сторонамъ въ храмѣ 6 человѣкъ ремесленныхъ людей, стоящіе по два человѣка между томбами и держащіе въ рукѣ сердце пылающее, а подъ ногами у всякаго изъ нихъ знаки его ремесла, а выше жертвенника, съ одной стороны, книга высочайшей грамоты, жалованной Кіеву, съ висячею печатью и кистями, съ другой же—магистратскій гербъ. При входѣ въ судейскую палату ихъ высочества встрѣчены были рѣчью бургомистра, а затѣмъ распрашивали членовъ о постройкѣ магистрата, о порядкѣ выборовъ, о жалованныхъ грамотахъ, хранившихся въ скарбовой палатѣ [1]), причемъ спросили о грамотѣ ц. Алексѣя Михайловича, а при разсмотрѣніи грамотъ Петра В. и Екатерины I подпись обое цѣловать изволили. Затѣмъ спрашивали, кто въ подданство Россіи прежде вошелъ: Кіевъ или Малороссія. На что голова отвѣтствовалъ, что

[1]) Въ маг. архивѣ (позже) хранилось 47 королев. привилегій отъ 1544 до 1569 г., данныхъ на право суда, владѣнія и преимуществъ гражданамъ, и русскихъ государей—до 1801 г. включительно. (Берлинскій, Краткое описаніе Кіева, 102).

единовременно. Въ залѣ былъ накрытъ столъ на 50 кувертовъ, а у креселъ ихъ высочествъ при кушаньяхъ стояли жены войта и членовъ магистрата. По окончаніи ужина ихъ высочествамъ представлялись жены и дочери всѣхъ присутствовавшихъ и дворянскія жены, пріѣхавшія по этому случаю изъ окрестныхъ мѣстъ. Послѣ того ея высочество изволила разговаривать съ женами членовъ о платьи ихъ малороссійскомъ, похваляя, что оно покойное и незаботное, не требующее долго времени для убору, что тутъ булавки къ употребленію не нужны и изволила спросить, всѣ-ли въ такомъ платьи ходятъ; на что они отвѣтствовали, что старыя только и придерживаются еще сего природнаго платья, а молодыя и дочери ихъ переодѣлись въ нѣмецкое. Изъ магистрата ихъ высочества отбыли въ полов. 12 ночи. На другой день (13 октября) войтъ съ членами ѣздили благодарить ихъ высочества за милостивое посѣщеніе города и магистрата, а они выразили имъ благодарность, сказавъ: «вы наши хозяева».

Въ тотъ же день ихъ высочества посѣтили Братскій монастырь и академію, причемъ академисты-мальчики привѣтствіе сказывали по одному на семи языкахъ (по русски, по польски, по латыни, по нѣмецки, по французски, по гречески, по еврейски), а ректоръ архим. Кассіанъ (Лехницкій) поднесъ ихъ высочествамъ и присутствовавшимъ почетнымъ гостямъ рукописныя оды. Вечеромъ того же дня ихъ высочества были на балѣ и ужинѣ у гр. Румянцова, въ губернаторскомъ домѣ. 14 октября, по случаю дня рожденія императрицы, былъ торжественный выходъ, а обѣдъ былъ во дворцѣ; а 16 состоялся отъѣздъ вел. князя и его супруги изъ Кіева. Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ чины магистрата и «мѣщанскій корпусъ» отбывали службу по указанному порядку. Передъ отъѣздомъ ихъ высочества выражали м. Гавріилу сожалѣніе по поводу разставанія съ Кіевомъ, а съ русской границы прислали отдѣльные рескрипты на имя гр. Румянцова, выражавшіе благодарность за оказанный имъ пріемъ [1]).

---

[1]) Посѣщеніе Кіева вел. княземъ Павломъ Петровичемъ и в. к. Маріею Θеодоровною (Кіев. Стар. 1883, № 7, 539—562).

Прошло еще нѣсколько лѣтъ и Кіевъ посѣтила императрица Екатерина, на пути въ Крымъ, послѣ отъѣзда откуда, въ 1787 г., состоялось объявленіе 2-й турецкой войны. Графу Румянцову стоило большихъ хлопотъ приготовить городъ къ пріему двора, такъ какъ императрица пробыла здѣсь около трехъ мѣсяцевъ (29 янв.—22 апр.), причемъ ее сопровождали иностранные послы и многочисленная свита, а въ Кіевъ пріѣхали толпы поляковъ, по выраженію гр. Сегюра, «для изъявленія императрицѣ своей преданности» и множество иностранцевъ. О наплывѣ пріѣзжихъ въ Кіевъ, императрица писала къ Н. Н. Салтыкову: «У насъ здѣсь четыре графа, грандъ д'Еспань, князья имперіи безъ счета, поляковъ тьма, англичане, американцы, французы, нѣмцы, на многихъ страницахъ всѣхъ не перечтешь; съ роду столько иноязычныхъ и не видѣла, даже киргизы и тѣ здѣсь очутились, и все сіе *по кіевскимъ хижинамъ* живетъ и не понятно какъ умѣщаются» [1]). Ежедневные оффиціальные пріемы, балы, обѣды, поѣздки по церквамъ и монастырямъ [2]), народныя гулянья смѣняли другъ друга [3]). Пріемъ, сдѣланный магистратомъ (11 апр.), напоминалъ уже извѣстный намъ ритуалъ [4]). «Всѣ эти дни, писала императрица Гримму, мы провели въ балахъ, праздникахъ, маска-

---

[1]) Рус. Архивъ, 1864 г., 958. Были три армянки (семейство одного, вступившаго въ подданство и пожалованнаго статскимъ совѣтникомъ) въ платьяхъ ихъ покроя и обычая (Дневникъ А. Полетики). У Неводницкой пристани имп. встрѣчена была высшими чинами, дворянствомъ, магистратомъ, женами и дочерьми гражданъ (до 300) въ мѣстныхъ костюмахъ.

[2]) При этомъ императрица обратила вниманіе на краснорѣчиваго проповѣдника прот. Софійскаго собора И. В. Леванду (Кіево-Соф. прот. I. В. Леванда, К. 1879). Восторженный отзывъ Вигеля (I, 68). Въ 1817 г. кн. И. М. Долгоруковъ замѣтилъ: «Послѣ Леванды въ Кіевъ не зачѣмъ ѣхать охотнику до витійства» (Путеш. 110).

[3]) По указанію принца де-Линя одинъ изъ фейерверковъ стоилъ 40,000 (Письма и мысли, I, 77).

[4]) Днев. Храповицкаго (31). У гр. П. А. Румянцова на сей случай взятъ былъ серебрянный съ позолотою сервизъ съ разными приборами (Дневникъ, веденный Андр. Полетикою, С. Отеч. 1843, № 3; Памятн. кн. Кіев. губ. 1858).

радахъ, а сегодня, въ понедѣльникъ, наступилъ, слава Богу, постъ и положилъ конецъ всей этой суматохѣ [1]). Полъ Польши съѣхалось сюда. Пріѣхалъ испанскій грандъ, принцъ Нассаускій и еще одинъ испанецъ, по фамиліи Миранда. Все это, когда разъѣдется, станетъ говорить, что не стоило пріѣзжать. Странный здѣшній городъ: *онъ весь состоитъ изъ укрѣпленій, да изъ предмѣстій, а самаго города я до сихъ поръ не могу доискаться;* между тѣмъ, по всей вѣроятности, въ старину онъ былъ по крайней мѣрѣ съ Москву» [1]). Среди празднествъ и увеселеній сенаторы ревизовали губернскія учрежденія, суды и мѣста заключенія, а сама императрица занималась вопросомъ о дуэляхъ, манифестъ о которыхъ былъ подписанъ въ день ея рожденія, 21 апрѣля [2]). Между тѣмъ графъ Ангальтъ (Ѳед. Евст.) осматривалъ на Подолѣ *всѣ училища* и экзаменовалъ учитилей и многихъ учениковъ, которые говорили рѣчи на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ [3]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣчь очевидно идетъ о Кіевской академіи. Сама императрица посѣтила ее 11 апрѣля. Ректоръ архим. Варлаамъ (Миславскій) привѣтствовалъ ее краткою рѣчью, въ которой изобразилъ ходъ просвѣщенія въ Россіи, охарактеризовавъ его словами: «Владиміръ насади, Ярославъ распространи, Петръ напои, а премудрая Екатерина II возрасти и утверди». Студенты и ученики, по обычаю, произносили рѣчи и оды на разныхъ языкахъ. Императрица наградила

---

[1]) Въ теченіе поста императрица говѣла и присутствовала на всѣхъ церковныхъ торжествахъ (омовеніе ногъ, выносъ плащаницы, заутреня въ вел. субботу) въ лаврѣ. Свѣтлую недѣлю снова ѣздила по церквамъ и монастырямъ (Г. В. Есиповъ, Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. Кіев. Стар. 1891 г. т.т. XXXII и XXXIII). Вербу носили церемоніею студенты въ Братскій мон. (Дневникъ Полетики). Есть замѣч. Екатерины II о пещерахъ въ зап. Храповицкаго (рукопись).

[1]) Рус. Арх. 1878, III, 131.

[2]) Подробности о его составленіи въ дневникѣ Храповицкаго, 24—32.

[3]) Дневникъ Полетики (Сынъ Отеч., 1843).

служащихъ и казенныхъ воспитанниковъ денежными пособіями. Академіи даровала право завести типографію для печатанія книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ при Кіево-Печерской лаврѣ. Ученики, достигшіе съ успѣхомъ высшихъ классовъ, могли быть назначены учителями въ народныя училища, уставъ которыхъ былъ изданъ въ 1786 г., а также въ медицинскую науку и университетъ, смотря по ихъ склонности. Кромѣ того повелѣно, на счетъ академической суммы, по усмотрѣнію митрополита, посылать студентовъ въ иностранные университеты для пріобрѣтенія лучшихъ знаній въ наукахъ, чтобы академія могла снабдить себя искусными преподавателями. Средства академіи были увеличены [1]).

Хотя въ 1741 г. была возстановлена выдача на содержаніе и нужды академіи 200 р. [2]), но и во 2-й полов. XVIII стол. она бѣдствовала въ матеріальномъ отношеніи. Преподаватели получали свое содержаніе большею частію натурою, въ недостаточномъ количествѣ, такъ что сравненіе его съ содержаніемъ Моск. дух. акад. представлялось крайнимъ предѣломъ ихъ желаній [3]). Нравственное положеніе преподавателей, зависѣвшихъ вполнѣ отъ произвола начальства, было непривлекательно [4]). Академіи приходилось вступать въ непріязненныя отношенія съ магистратомъ [5]). Тѣмъ болѣе такое положеніе кажется страннымъ, что послѣдняя служила тогда общегосударственнымъ цѣлямъ. По своему характеру академія имѣла въ то время общеобразовательное значеніе, а по словамъ Лерхе называлась часто даже университетомъ. Правда, по признанію ея историковъ, направленіе всѣхъ наукъ академическаго курса было чисто формальнымъ, не представлялось высокимъ и ни одинъ изъ ея преподавателей не пошелъ по пути,

---

[1]) Аскоченскій, Кіевъ и Академія, II, 357—360. Студенты посылались въ Московскій, Виленскій и Кенигсбергскій унив. (Макарій, 141, 196), а также въ иностранныя миссіи (200).

[2]) Сенат. Архивъ, V, стр. 78.

[3]) Кіев. Стар. 1896, № 6, стр. 79—80, 88—90.

[4]) См. Инстр. К. Д. ак. 1763 (ib. 1894, № 8, стр. 282—286).

[5]) Аскоченскій, II, 363—364.

начертанному Θеофаномъ [1]); такъ что отзывъ акад. Гильденштедта, что «это учрежденіе не заслуживаетъ названія университета и можетъ сойти за посредственную гимназію; но въ то же время оно единственное во всей Малороссіи, гдѣ учатъ наукамъ» [2]), сохраняетъ свое значеніе. Тѣмъ не менѣе въ то время академія служила самымъ разнообразнымъ интересамъ. Въ 1732 г. десять ея студентовъ посланы были для заведенія училищъ въ Сербію; въ академію стали поступать сербы, молдаване, черногорцы и греки [3]). Съ 1754 г. изъ академіи и черниговской семинаріи медицинская канцелярія получала довольное число студентовъ для обученія врачебному искусству и хирургіи и для опредѣленія при госпиталяхъ, которые также имѣли значеніе школъ [4]); а въ 1760 и 61 гг. Сенатъ отправилъ 15 изъ нихъ на казенномъ иждевеніи въ Лейденъ и Страсбургъ для усовершенствованія въ медицинѣ [5]). Во второй половинѣ XVIII стол. особенно много было требованій на студентовъ академіи изъ разныхъ управленій. Такъ, въ 1778 г. вызвано было медицинской коллегіей 29 человѣкъ; въ 1783—4 студента; въ 1788 г., по требованію Потемкина, въ елисаветградскій госпиталь отправлено 29, въ 1792 г. въ медицинскія училища—15;

---

[1]) Общее направл. образов. въ Кіев. дух. акад. въ 1-й пол. XVIII стол., Д. Вишневскаго (Кіев. Стар. 1904, № 2, стр. 166—178); подр. въ соч. Кіев. акад. въ 1-й пол. XVIII ст., К. 1903.

[2]) Н. И. Петровъ, Ист. топ. опис. Кіева, 215—216.

[3]) Макарій, 169, 194. Матер., изд. Андріевскимъ, I, 190; Кіев. Стар. 1901, № 1, стр. 6—7.

[4]) Съ 1754—68 г. въ одни медико-хирургическія училища изъ Кіевской академіи поступило болѣе 300 воспитанниковъ и это продолжалося до 1817 г. (Макарій, 194). Учрежденіе Петромъ III голштинскаго войска опять соединялось съ требованіемъ о высылкѣ изъ Кіева школьниковъ и они охотно шли въ Петербургъ, надѣясь на лучшую карьеру (Кіев. Стар. 1892, № 9, стр. 293—312).

[5]) Lerche, Lebens-und Reisegeschichte. Въ 1777 г. въ Константинополь были посланы два студента для отправленія церковныхъ должностей (Матер., I, 155—58).

въ 1794—4; въ 1795—30; въ 1798—6 и т. д. [1]). Съ открытіемъ народныхъ училищъ они стали предпочитать учебную службу. Уже въ первый годъ существованія послѣднихъ въ Петербургъ отправлено было 45 студентовъ. По отзыву гр. П. В. Завадовскаго между всѣми присланными въ разныя времена и изъ разныхъ духовныхъ семинарій въ коммиссію объ учрежденіи училищъ, «наилучшими, способнѣйшими и благороднѣйшими оказывались всегда обучавшіеся въ Кіевской академіи». Въ 1790 г. снова выслано было отсюда въ Петербургъ 25 учениковъ, а съ открытіемъ намѣстничествъ въ Западномъ краѣ, студенты стали охотно поступать въ гражданскую службу: такъ, въ 1784 г. отпущено было изъ академіи 12 чел., а въ 1795 г., по приглашенію ген. губ. Т. И. Тутолмина, вслѣдствіе сенатскаго указа, 30 человѣкъ назначены были къ разнымъ должностямъ въ Минскую, Заславскую и Брацлавскую губерніи [2]). Въ этотъ періодъ академія могла гордиться такими дѣятелями на гражданскомъ поприщѣ какъ Безбородко, Завадовскій, Козицкій, Трощинскій; она дала нѣсколькихъ ученыхъ, профессоровъ для Московскаго университета, врачей, писателей (Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Рубанъ, Прокоповичъ-Антонскій, Сохацкій, Р. Тимковскій, Амбодикъ и др.) [3]); въ стѣнахъ ея учились также извѣстный пѣ-

---

[1]) Объ этихъ училищахъ см. гр. Д. А. Толстой: «Взглядъ на учебн. часть въ Россіи въ XVIII ст. до 1782», 62—63. Кіевская епархія въ пунктахъ, поданныхъ въ Екатерин. коммиссію, враждебно отнеслась къ этимъ постояннымъ требованіямъ студентовъ академіи для гражданскихъ нуждъ (Сборн. Р. И. Общ., XLIII, 529).

[2]) Аскоченскій, II, 350—352; Макарій, 194. Въ 1790 г. считалось выбывшихъ изъ духов. знанія въ гражд. службу по Кіев. намѣстничеству 136 чел. (Матер., изд. Андріевскимъ, I, 196—201). Замѣтимъ, что отъ дѣтей духовенства требовались тогда носить длинные волосы (Прик. по Кіев. митр. 1788 г., Кіев. Стар. 1893, № 7, стр. 143—144).

[3]) Аскоченскій, II, 185—191, 200, 269; Ист. Кіев. Акад. Макарія, 191—192.

вецъ и композиторъ А. Л. Ведель и малорусскій философъ Г. С. Сковорода [1]).

20 апрѣля, въ сопровожденіи свиты, иностранныхъ министровъ, генералитета, штабъ и оберъ-обфицеровъ кіевскихъ баталіоновъ императрица осматривала Печерскую крѣпость на всемъ ея протяженіи, начавъ съ Васильковскаго бастіона, причемъ ей поднесенъ былъ и планъ этой крѣпости [2]). Прибавимъ къ этому, что еще съ 1784 напротивъ лавры стало воздвигаться обширное каменное зданіе арсенала въ два этажа, образующее квадратъ, каждая сторона котораго имѣетъ протяженіе до 100 саженей, на мѣстѣ бывшаго Вознесенскаго дѣвичьяго мон., соединеннаго съ 1712 г. съ Флоровскимъ и въ зданіяхъ котораго въ пол. XVIII стол. помѣщался цейхаузъ. Строителемъ арсенала былъ инженеръ-генералъ Карлъ де-Шадронъ [3]). Во время своего пребыванія въ Кіевѣ Екатерина II утвердила первый правильный планъ города, составленный генералъ-аншефомъ Меллеромъ и гр. А. П. Шуваловымъ, по которому предписывалось весь городъ сосредоточить на высотахъ, начиная отъ Печерской крѣпости къ старому Кіеву. Туда должны были переселиться по-

---

[1]) Аскоченскій, II, 373—379. Любопытныя данныя даютъ цифры объ учившихся въ Кіев. академіи по ихъ происхожденію: въ 1744 г. дѣтей дух. было 380, разночинцевъ 722; въ 1760—420 и 575; въ 1764—585 и 674; въ 1776—444 и 345, въ 1778—375 и 451; въ 1779—418 и 418; въ 1790—418 и 232; въ 1799—544 и 234; въ 1801—500 и 217; въ 1811—1069 и 129 (Серебренниковъ, 202).

[2]) Путеш. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г., Есипова (Кіев. Стар. 1891, № 3, с. 414—415).

[3]) Закревскій, 862—872. На сооруженіе его назначено было 50000 р. (Арх. Гос. Сов., II, 419). По поводу осмотра арсенала въ 1810 г. кн. И. М. Долгоруковъ замѣчаетъ: «Зданіе прекрасное изъ здѣшняго кирпича, который не стыдливъ и даже отъ огня не краснѣетъ: желтая глина добывается въ Кіевской губ., всегда сохраняетъ въ немъ свой цвѣтъ, такъ что стѣны арсенала кажутся почти похожи на фаянсъ. Онъ не штукатуренъ, только выбѣленъ, чтобы блѣдность желтизны не терялась» (Путеш. въ Кіевъ 1810 г., 291).

степенно подольскіе жители; Подолъ уничтожался какъ городская часть, а мѣсто его предназначалось для однихъ загородныхъ домовъ [1]). Главною частью назначалась кіево-печерская, печерскія же укрѣпленія должно было соединить ретраншементами со старымъ Кіевомъ въ одно цѣлое. Планъ этотъ представлялъ много удобствъ въ военномъ отношеніи, а также въ интересахъ здоровья жителей и безопасности отъ разливовъ Днѣпра; но онъ не согласовался съ выгодами мѣщанъ и потребностями торговли, почему не былъ приведенъ въ исполненіе, а указомъ 13 октября 1797 г. уничтоженіе Подола совсѣмъ было отмѣнено и подтверждено только стараться объ увеличеніи въ немъ каменныхъ домовъ [2]).

VII.

Мы уже знаемъ отзывъ Екатерины II о Кіевѣ. Несмотря на продолжительные годы мира, наступившіе для него послѣ турецкой войны (въ цар. импер. Анны), онъ мало измѣнился къ

---

[1]) Опис. Кіев. губ., I, 324.

[2]) Въ 1700 г. Слобода Плоская близъ Подола (съ 78 двор.) была отчислена въ уѣздъ; но въ 1792 г., по просьбѣ жителей, снова оставлена за ними (т. е. жителями Подола, имѣвшими тамъ издавна земли) впредь до генеральнаго межеванія (Арх. Госуд. Совѣта, II, 349—350). Любопытный актъ о слободѣ (Кіев. Стар. 1888, № 1—3, стр. 58—60). До насъ дошли старин. планы Кіева: 1638 (іером. Аѳан. Кальнофойскаго), 1651 (видъ), 1695, 1713—15, 1719 (черт. нѣк. частей города, прилож. къ тяжеб. дѣлу Никольскаго мон. въ Церк. арх. музеѣ при Кіев. д. акад.), 1745 г. Изданія: Древнѣйшій планъ Кіева 1638 г. изд. Б. И. Ханенкомъ, Кіевъ, 1896; Обозр. Кіева, Фундуклея, К. 1847 (планы 1651, послѣ 4-й стр., и 1745, послѣ 24 стр.); Планъ Кіева, составл. въ 1695 г., изд. Кіев. ком. для разб. др. акт., К. 1893; замѣч. о нихъ: Кіев. Стар. 1894, № 1 стр, 155—159; 1895, № 11, 56—58 (В. И. Щербины о планѣ 1695 г.); ib. 1896, № 12, стр. 95—98 (о планѣ 1638 г., его же); Петровъ, Ист. топогр. оч. древ. Кіева съ план. 1638 г., К. 1897, см. стр. 7, 28, 45, 54—55, 59—60, 64.

лучшему. Одинъ изъ спутниковъ Екатерины II пишетъ: «Когда вы приближаетесь къ Кіеву, то городъ этотъ представляетъ собою ландшафтъ рѣдкой красоты; особенную прелесть производятъ находящіяся на высокихъ горахъ церкви съ зелеными или даже вызолочеными куполами. Но очарованіе исчезнетъ, когда вы очутитесь внутри этого жалкаго города. Все, что доставляется водою: лѣса и товары, необходимо везти съ Подола въ верхнія части города, въ которыхъ иногда не достаетъ воды для питья [1]). На Подолѣ, по случаю глубокой грязи, улицы вымощены сплоченными брусьями, а если во время сухой погоды случается пожаръ, то легко обхватываетъ огонь и дома, и улицы. На Печерскѣ я видѣлъ, какъ экипажъ, запряженный парою лошадей, долженъ былъ оставаться въ грязи, а въ другой разъ шесть лошадей не могли вытащить экипажа изъ ужаснаго омута. Въ верхнемъ городѣ (на Печерскѣ) есть одинъ только каменный красивый домъ, который построенъ монахами, а теперь принадлежитъ казнѣ (Кловскій дворецъ). Дворецъ въ Кіевѣ (у Царскаго сада) выстроенъ изъ дерева, а при немъ разведенъ большой садъ, красотѣ котораго способствуетъ мѣстоположеніе, но не хорошо содержится. Для императрицы была устроена въ одной комнатѣ ванна. Зимою простыя женщины въ Кіевѣ носятъ сапоги, а лѣтомъ ходятъ босыя. При малѣйшемъ дождѣ или оттепели дѣлается непроходимая грязь, а пыль лѣтомъ нестерпима» [2]). На вопросъ Екатерины II о Кіевѣ, Фицъ-Гербертъ (англійскій посланникъ) отвѣчалъ: «Если сказать правду, такъ это не завидное мѣсто, видишь только развалины да избушки», а Сегюръ (французскій посланникъ), по обыкновенію

---

[1]) Даже въ нач. XIX ст. гражд. губ. Панкратьевъ писалъ, что Подолъ и Софійская части мало населены и, имѣя свое положеніе на горахъ, вовсе безводны (Чтен. въ Общ. истор. и древн. рос. 1861, I, 170).

[2]) Taurische Reise der Kaiserin v. Russland Katharina II. Aus dem englisch. übersetzt, Koblenz, 1799; ср. Есиповъ, Путеш. импер. Екатерины II въ южную Россію (Кіев. Стар. 1891, № 1, 100—101; Закревскій, 101—104).

позолотивъ пилюлю, сказалъ: «Кіевъ представляетъ собою воспоминаніе и надежды великаго города»; но отъ себя прибавляетъ: «мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые три мѣсяца» [1]). «Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь», писала сама Екатерина II вел. кн. Павлу Петровичу, «все ищу: *гдѣ городъ;* но до сихъ поръ ничего не обрѣла, кромѣ *двухъ крѣпостей* и *предмѣстій;* всѣ эти *разрушенныя части* зовутся Кіевомъ и заставляютъ думать о миновавшемъ величіи этой древней столицы» [2]). Въ городѣ не было (1792) не только хорошей гостиницы, но даже порядочнаго ресторана [3]). «Городъ сей тѣмъ болѣе былъ примѣчателенъ, пишетъ Вигель, что вездѣ являлъ контрасты, *нищету и великолѣпіе;* безчисленные храмы его съ позлащенными, какъ жаръ горящими, куполами, были окружены низкими, едва-едва надъ землей замѣтными хатами; огромныя живописныя горы служили ему подножіемъ, а позади его разстилались необозримыя, безконечныя равнины... Кіевъ болѣе чѣмъ всякій другой принадлежалъ къ числу казенныхъ городовъ» [4]).

Понятно, что Екатерина придавала большое значеніе своему пребыванію въ Кіевѣ. «Разноязычные отселѣ помаленьку разъѣзжаются, но думаю, что городъ Кіевъ *не одну сто тысячъ* выигралъ, писала она, ибо платили по 80 червонныхъ за дурную квартиру на недѣлю, и думаю, что воевода русскій одинъ здѣсь прожилъ тысячъ болѣе 30; у него всякій день былъ столъ для всѣхъ на-

---

[1]) Записки гр. Сегюра о пребываніи его въ Россіи, Спб. 1865.

[2]) Рус. Стар. 1873, VIII, 671—673 и д.

[3]) Записки Яна Дуклана Охотскаго, II, с. 2. Тѣмъ не менѣе въ Кіевѣ легко было достать венгерское, французскія вина, шампанское и англійское пиво, которымъ любили угощаться магистратскіе сановники (Кіев. Стар. 1887, № 7, 580). Въ 1792 г. администрація хлопотала объ устройствѣ для пользы проѣзжающихъ по ту сторону Днѣпра гостинаго дома, но повидимому онъ устроенъ не былъ (Матеріалы, I, 138—141). Замѣч. о Кіевѣ см. еще въ зап. І. А. Эренстрема (Р. Стар., т. LXXIX, 9).

[4]) Воспомин. Ф. Ф. Вигеля, М. 1864, I, 33—34.

ходящихся, у Браницкаго почти тоже, не упоминая о Мнишкѣ и прочихъ, кои столами и экипажами здѣсь щеголяли» [1]).

Въ другомъ письмѣ (къ Брюсу) она даетъ характеристику кіевскаго населенія: «Вы пишете, что свѣтлый праздникъ у васъ расшевелилъ людей, а здѣсь и того нѣтъ. Фельдмаршалъ Румянцовъ поставилъ качели и всякія игры, но здѣшній народъ и при весельи такой же nonchalnce, какъ всегда; de ma vie jes n'ai vue une province, ou les gens soyent plus laids et plus bêtes, à peine cela se remue-t-il. Виватъ Русь! C'est bien autre chose! morgue!» [2]).

Были и другія причины, неблагопріятно подѣйствовавшія на императрицу [3]) Во время осмотра города, а также при поѣздкахъ

---

[1]) Рус. Арх., 1864, стр. 962. Графиня Потоцкая пріѣзжала на балы, украшенная брилліантами на нѣсколько сотъ тысячъ и алмазами по крайней мѣрѣ на полмилліона; это жена воеводы русскаго, у котораго въ Кіевѣ челяди было болѣе 200 человѣкъ шляхетскаго происхожденія (Костомаровъ, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, 148); Есиповъ, Путеш. Екатер. II, Кіев. Стар. 1891, № 3, 414). При обыкновенной дешевизнѣ, въ Кіевѣ цѣны сильно на все поднялись (Кіев. Ст., ib., № 1, 101); а между тѣмъ знатныя лица проживали значительныя суммы на пріемы (Зап. Сегюра, 155). «Чужестранныхъ было и есть много, живутъ по здѣшнимъ мерзкимъ шалашамъ и платятъ неслыханныя цѣны», пишетъ Екатерина (К. Ст. 1891, № 3, с. 414, письмо къ Брюсу отъ 14 апрѣля).

[2]) Здѣсь же помѣщена и характеристика польскихъ женщинъ: „Mais toutes les dames Polonaises sont bien singulières; не знаю, что-то въ нихъ есть много замоскворѣцкаго“ (тамъ же).

[3]) Въ тотъ годъ была суровая зима въ Кіевѣ и Екатерина II жаловалась на это въ своихъ письмахъ. „Увѣдомляю васъ, писала она, что суровость петербургскаго климата по моему лучше дурачествъ здѣшняго“... „Погода хотя и пріятнѣе петербургской, но тоже съ своими причудами, особенно обилуетъ туманами и вѣтромъ“... „Я увезла изъ Петербурга дурную погоду и она пожаловала сюда въ моей свитѣ“. Только съ 30 марта стало легче: „Борисѳенъ разошелся... Я приказала дать о томъ сигналъ съ Печерской крѣпости, какъ въ Петербургѣ въ подобныхъ случаяхъ“. Она стала гулять въ саду „и не безъ восхи-

чя монастыри и церкви, она замѣтила много шатающихся нищихъ; иногда же нѣкоторые просители подбѣгали къ каретѣ, или у крыльца и при входѣ въ церковь, старались подать лично императрицѣ прошеніе и почти всегда становились на колѣни, а духовникъ (Иванъ Ивановичъ Панфиловъ) постоянно жаловался государынѣ, что нищіе не даютъ ему покоя, осаждая его въ квартирѣ съ утра до ночи съ воплями и стенаніями. Екатерина нѣсколько разъ говорила объ этомъ Румянцову, который очень огорчался, подозрѣвая въ этихъ замѣчаніяхъ императрицы навѣты на него Потемкина (послѣдній жилъ въ Печерской лаврѣ, въ домѣ архимандрита). Желая объяснить императрицѣ причину большого количества нищихъ, онъ донесъ ей, что въ трехъ кіевскихъ богадѣльняхъ помѣщено только 136 мужчинъ и женщинъ и всѣ они по міру шатаются, а другіе и не нищіе, увидѣвъ теперь щедрое милостивое подаяніе, притворяясь старостью и калѣчествомъ, надѣваютъ на себя рубище и, несмотря на строгое наблюденіе полиціи, собираются толпами около церквей, а особливо Печерской лавры и у пещеръ, а особливо безпокоятъ вашего духовника». Императрица отвѣчала Румянцову: «принять мѣры и сдѣлать соображенія объ уменьшеніи числа шатающихся по городу Кіеву нищихъ, оставленныхъ безъ призрѣнія, отъ чего кромѣ безпокойствъ для людей могутъ происходить и другіе безпорядки» [1]).

Тѣмъ не менѣе, неблагопріятное впечатлѣніе о пребываніи въ Кіевѣ, притомъ въ суровую зиму, не покидало императрицу. Уже 30 апрѣля она писала изъ Кременчуга къ Брюсу, въ Петербургъ: «Половина Польши и сюда прискакала, и Кременчугъ (а онъ находился уже въ предѣлахъ управленія Потемкина) еще

щенія смотрѣла на прелестное мѣстоположеніе, съ котораго видны три города и извилистое теченіе рѣки" (Рус. Стар. 1873, VIII, с. 671—690, Переписка Екатерины II съ вел. кн. Павломъ Петр. и в. кн. Маріей Ѳеодоровной).

[1]) Путеш. Екат. II въ южную Россію (Кіев. Стар. 1891, № 2, 221). Подъ 15 апр. Храповицкій отмѣтилъ: „При чтеніи рапорта о разныхъ убійствахъ въ Малороссіи: cela est affreux! Многое относится къ худому смотрѣнію" (32). Въ Кіевѣ „грабятъ и бьютъ" (Сб. Р. И. О., XXVII, 407), см. ниже.

люднѣе гораздо и, если смѣть сказать, *лучше Кіева*, по крайней мѣрѣ *мѣстоположеніе веселѣе*». А въ письмѣ къ Еропкину въ Москву, отъ того же числа, сообщила: «Здѣсь всѣ деревья безъ изъятія раскинулись и тепло, какъ у насъ въ іюлѣ. Здѣшній городъ *веселѣе Кіева*... Въ здѣшней губерніи трудъ и прилежность вездѣ ощутительнѣе, что мнѣ весьма пріятно» [1]). Послѣ же смотра, сдѣланнаго войскамъ, она выразилась еще откровеннѣе, сказавъ самому Потемкину: «Отъ Петербурга до Кіева мнѣ казалось, что пружины моей Имперіи ослабли отъ употребленія: здѣсь онѣ въ полной силѣ и дѣйствіи» [2]). Изъ этого видно, откуда сыръ-боръ загорѣлся.

В. Иконниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) Тамъ же, № 7, 27—28, 34.

2) Записки Сегюра, 194.

Замѣчательный экземпляръ книги митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова: „Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской церкви. Изд. 2-е. Спб. 1827 г.“.

Извѣстно, что названный знаменитый Евгеніевъ «Словарь», и доселѣ еще остающійся первоисточникомъ для біографическихъ и историко-литературныхъ справокъ о дѣятеляхъ Русской церкви—древнихъ и новыхъ, имѣлъ два изданія: первое вышло въ Спб. 1818 г., а второе—тоже въ Спб.—въ 1827 г., но уже *исправленное и умноженное*, какъ значится на его выходномъ листѣ. Такимъ образомъ приснопамятный авторъ «Словаря», этотъ неутомимый *регистраторъ* русской литературы [1]), немало потру-

[1]) Его „Словарь о писателяхъ духовнаго чина“ есть только часть его *общаго* Словаря о писателяхъ русскихъ и иностранныхъ въ Россіи. Но второй отдѣлъ „Словаря“—о свѣтскихъ писателяхъ—вышелъ въ свѣтъ уже по смерти Евгенія—въ Москвѣ въ 1845 г. подъ такимъ заглавіемъ: „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи“.—„*Умомъ регистраторнымъ*“ назвалъ Евгенія преосв. Иннокентій Борисовъ. А извѣстный Погодинъ говорилъ о Евгеніи: „Это былъ одинъ изъ величайшихъ собирателей, которые когда-либо существовали... Это былъ русскій Миллеръ... Это былъ какой-то статистикъ исторіи“... См. въ *Христ. Чтеніи*—іюнь 1903 г.— А. В. *Карташева:* „Историко-критическій очеркъ обработки Русской церковной исторіи“—стран. 918.

дился, чтобы второе изданіе его «Словаря» вышло *вѣрнѣе и полнѣе перваго.* Но, конечно, и въ этомъ второмъ изданіи могло оказаться еще многое, многое, требовавшее новой провѣрки, исправленія и дополненія... Митрополитъ Евгеній, всегда ревностно пополнявшій свои знанія, всегда съ великою любовію продолжавшій свои историко-литературныя изысканія, могъ ли оставаться равнодушнымъ къ возможному улучшенію своего «Словаря»?—Очевидно, не могъ; и онъ, несомнѣнно, долженъ былъ работать и приготовлять матеріалы для новаго—третьяго—изданія своего «Словаря».—Но гдѣ слѣды этой подготовительной работы незабвеннаго для науки кіевскаго митрополита?

Намъ удалось найти эти слѣды... Въ библіотекѣ бывшаго настоятеля Одесской Покровской церкви, протоіерея *Θеодора Елисеевича Туровскаго*, большого любителя и ревностнаго собирателя рѣдкихъ книгъ и рукописей [1]), мы увидѣли экземпляръ Евгеніевскаго «Словаря» во 2-мъ изд.—замѣчательный *въ двухъ отношеніяхъ.* Во первыхъ, это, очевидно, былъ экземпляръ, вращавшійся въ рукахъ самого митрополита Евгенія; ибо на немъ вездѣ—и на поляхъ, и въ текстѣ среди строкъ—были многочисленныя *собственноручныя* [2]) *приписки* митроп. Евгенія, въ которыхъ онъ частію исправлялъ, а частію дополнялъ текстъ «Словаря». Большею частію эти приписки сдѣланы чернилами, а иногда краснымъ

---

[1]) Протоіерей Θед. Елис. Туровскій скончался въ ночь на 1-е сент. 1895 г. Онъ былъ уроженцемъ херсонской губерніи—изъ села *Любомирки*, Елисаветградскаго у. Въ дѣтствѣ бѣгалъ и игралъ вмѣстѣ съ *Рябошапкою*, извѣстнымъ основателемъ штундизма въ Херсонщинѣ, а за нею—и въ Кіевщинѣ.—Окончилъ курсъ Кіевской д. Академіи въ 1859 г.—и долго былъ преподавателемъ исторіи въ одесской духовной семинаріи.

[2]) Почеркъ м. Евгенія намъ хорошо извѣстенъ. Въ библіотекѣ Одесскаго Общества Исторіи и древностей есть переплетенный Сборникъ подлинныхъ писемъ Евгенія къ намѣстнику Кіево-Печерской Лавры архим. *Серафиму (Покровскому).* Мы изучили этотъ сборникъ и приготовили его для печати.

карандашемъ.—Затѣмъ, во вторыхъ,—изъ этого экземпляра видно, что, по смерти м. Евгенія († 23 февр. 1837 г.), онъ перешелъ въ руки знаменитаго тогдашняго ректора Кіевской Академіи *Иннокентія Борисова*, но перешелъ чрезъ посредство священника Кіево-Софійскаго собора *Кирилла Ботвиновскаго*; ибо на выходномъ листѣ «Словаря» есть такая подпись: «Принадл. свящ. Кириллѣ Ботвиновскому».—Въ свою очередь и Иннокентій подѣлалъ разныя свои замѣтки и въ текстѣ «Словаря», и на его обложкахъ (экземпляръ-*переплетенъ*: два тома «Словаря» вмѣстѣ), и на бѣлыхъ листахъ—въ началѣ и концѣ. Видно, что Иннокентій, для разныхъ своихъ ученыхъ цѣлей, весьма тщательно изучалъ этотъ «Словарь».—Экземпляръ «Словаря» остался въ библіотекѣ Иннокентія и съ нею прибылъ въ Одессу, и находился въ ней до кончины Иннокентія († 26-го мая 1857 г.). Во время кончины Иннокентія многіе предметы его домашняго имущества были расхищены, въ томъ числѣ растасканы были и многія книги изъ его библіотеки, весьма замѣчательной, которую онъ съ любовію собиралъ въ продолженіе всей своей жизни [1]). Похищенъ былъ

[1]) О судьбѣ Иннокентіевской библіотеки довольно подробно сказано въ статьѣ г. *Ив. Стрѣльбицкаго*, помѣщенной въ „Трудахъ Кіевской д. Академіи“ за 1889 г. (№ 8-й).—„Иннокентіевская“ библіотека составляетъ теперь *одну* часть *общей библіотеки одесской д. семинаріи*, наиболѣе украшающую эту послѣднюю; а другую такую же часть,—кстати скажемъ—составляетъ въ ней библіотека *„Стурдзовская“*, переданная въ нее покойной княгиней *Маріей Алекс. Гагариной*, дочерью знаменитаго духовнаго писателя и одесскаго филантропа *Александра Скарлатовича Стурдзы*, сконч. 13-го іюня 1854. А. С. Стурдза *первый* учредилъ въ Одессѣ институтъ *Сестеръ милосердія*—въ 1850 г., до-тѣхъ поръ тамъ невиданный и неслыханный... А между тѣмъ—когда въ день 50-лѣтія его смерти (13-го іюня текущаго 1904 г.) естественно было помянуть его—въ Одессѣ, ни въ одной изъ Одесскихъ газетъ не нашлось для этого мѣста. Въ одной только изъ нихъ было напечатано двѣ строчки—въ такомъ родѣ: „Сегодня исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти А. С. Стурдзы, который былъ дѣдомъ по матери князя Ю. Е. Гагарина.—Выходитъ, значитъ, что Стурдза тѣмъ только и достоинъ памяти, что *онъ былъ дѣдомъ князя Ю. Е. Гагарина*, именитаго въ Одессѣ *коммерческаго* дѣятеля... Вотъ таковы-то наши одесситы!..

при этомъ и экземпляръ Евгеніевскаго «Словаря», о которомъ у насъ рѣчь, и попалъ къ одному изъ одесскихъ букинистовъ... Вотъ у этого-то букиниста нашелъ и купилъ его покойный протоіерей Ѳ. Е. Туровскій...—Драгоцѣнный экземпляръ... Но гдѣ онъ теперь и существуетъ ли еще,—неизвѣстно. По смерти о. Ѳ. Е. Туровскаго его библіотека перешла въ качествѣ наслѣдства къ одному изъ его сыновей, не понимавшему ея дорогого значенія. И онъ скоро постарался сбыть ее *на пуды*—на толкучій рынокъ. Къ сожалѣнію эта продажа совершилась такъ и въ такое время, что мы не могли предупредить ея пагубныхъ послѣдствій и посредствомъ покупки спасти нѣкоторыя, особенно рѣдкія, книги и рукописи. Но въ свое время, еще при жизни о. протоіерея Ѳ. Е. Туровскаго, благодаря его особенной къ намъ любезности, мы выпросили у него замѣчательный экземпляръ Евгеніевскаго «Словаря» къ себѣ на́ домъ и точно, аккуратно списали всѣ бывшія на немъ рукописныя замѣтки, какъ м. Евгенія, такъ и Иннокентія Борисова. Нечего и говорить объ историко-литературной цѣнности замѣтокъ Евгенія—въ виду новаго, могущаго быть переизданія его «Словаря». Но и замѣтки Иннокентія достойны вниманія... Онъ тоже много трудился надъ собираніемъ и изученіемъ памятниковъ древней русской литературы—и предполагалъ издать нѣкоторые *сборники* изъ ея произведеній, къ сожалѣнію, по разнымъ причинамъ, большею частію не отъ него зависѣвшимъ, никогда не увидѣвшіе свѣта... Изученіе *процесса ученыхъ занятій* Иннокентія въ области церковной исторіи и въ особенности церковной литературы еще ждетъ своего изслѣдователя. Поэтому—въ настоящій разъ—мы считаемъ не лишнимъ, вмѣстѣ съ замѣтками м. Евгенія на замѣчательномъ экземплярѣ его «Словаря», сообщить и всѣ замѣтки на немъ преосв. Иннокентія Борисова [1]).

А. М.

---

[1]) Въ непродолжительное время мы представимъ на страницахъ «*Кіевской Старины*» еще одинъ интересный матеріалъ для изученія

1.

Приписки м. Евгенія *въ первомъ томѣ*—«*Словаря*».

Въ статьѣ: *Августинъ Виноградскій*—на стран. 1-й, въ 9-й строкѣ послѣ словъ: «родился въ Москвѣ 1766 года» прибавлено: «Марта 6». На стран. 4-й—въ концѣ статьи прибавлено: «Подробнѣйшее описаніе его жизни и трудовъ напечатано въ V части Сочиненій Общества Любителей Словесности Россійской въ Москвѣ».

Въ статьѣ *Авраамій Палицынъ* на стр. 9-й и 10-й пять послѣднихъ строкъ статьи, начиная со словъ: «о времени кончины»... затерто и на мѣсто ихъ написано: «Около 1621 года Авраамій удалился въ Соловецкій монастырь и тамъ скончался и погребенъ 1627 года. Тамъ остались и его книги и между ними житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго съ его прибавленіями».

Въ статьѣ: *Адріанъ*, десятый и послѣдній патріархъ Московскій—на стран. 19-ой, въ 8-й строкѣ статьи послѣ словъ: «изъ сочиненій сего Патріарха печатныхъ немного» прибавлено: «и тѣ изданы только отъ его лица, а сочинены другими» [1]). На

процесса ученыхъ занятій Иннокентія, заимствованный изъ домашней его „Записной Книжечки", которая хранилась у *Н. Христ. Палаузова*, одесскаго болгарина, нечаянно-негаданно сдѣлавшагося *наслѣдникомъ* нѣкотораго Иннокентіевскаго имущества и между прочимъ—*права на изданіе сочиненій Иннокентія*, которое онъ, Н. Х. Палаузовъ, и продалъ извѣстному С.-петербургскому книгопродавцу Вольфу...

[1]) На стран. 19-й—къ 12-й строкѣ этой статьи послѣ словъ: „Она (рукопись: *Щитъ вѣры*) состоитъ изъ разныхъ нравоучительныхъ разсужденій" *Иннокентій Борисовъ* подчеркнулъ слово *нравоучительныхъ* и на поляхъ написалъ чернилами такую замѣтку: „не нравоучительныхъ (коихъ вовсе нѣтъ), а догматико и литургико-полемическихъ. Содержаніемъ почти всего Щита, который при томъ составленъ въ главномъ еще Патр. Іоакимомъ, служатъ: 1) Щитъ Іоакимовъ, 2) Лихудіевъ Акосъ, 3) Ихъ же Сѣчецъ. Потомъ—историческія сказанія о еретикахъ. А сущность всѣхъ статей есть споръ и рѣшеніе недоумѣній о времени пресуществленія Св. Таинъ".

стран. 20-й—въ концѣ статьи—къ счету сочиненій Адріана, окончившемуся цифрой 7,—добавлено: «3, Слово на погребеніе царевны и велик. княжны Анфисы Михайловны, имъ говоренное 1692 г., находится въ библіотекѣ П. П. Свиньина» [1]).

Въ статьѣ: «*Андрей Іоанновичъ Журавлевъ*»—на стран. 38—40—въ строкѣ 11-й страницы 39-ой послѣ словъ: «а въ 1799 году напечатано и третье изданіе тамъ же» прибавлено: «и 4-ое 1831 г. тамъ же».

Въ статьѣ: *Антоній Радивиловскій*—послѣ названія этого имени и фамиліи прибавлено: «прежде бывшій Намѣстникъ Кіево-Печерской Лавры, а потомъ»... Слѣдуетъ дальнѣйшій текстъ.

Въ статьѣ: *Арсеній Грекъ Іеромонахъ* на стран. 49-й въ 6-й строкѣ *снизу* послѣ точки сдѣлана прибавка: «Его переводъ съ Греческаго Анѳологіонъ напечатанъ въ Москвѣ 1660 г.».

Въ статьѣ *Аѳанасій Калнофойскій*—стран. 59-я—въ концѣ прибавлено: «Въ концѣ книги *(Тератургима)* присовокуплено Игумена Иларіона Денисовича *Описаніе чудесъ Купятицкой Богородицкой иконы*.—Есть еще Калнофойскаго книга *Парергіонъ* 1638 г. въ Кіевѣ же напечатанная».

Въ статьѣ *Василій монахъ*—стран. 65-я—фраза: «разговоръ свой съ нимъ *(князем Василькомъ)* включилъ въ Несторову лѣтопись» исправлена такъ: «разговоръ его съ нимъ включенъ въ Несторову лѣтопись».

Въ статьѣ *Василій Архіеп. Новгородскій*—стран. 66-я—послѣ словъ во второй строкѣ: «въ мірянахъ именовавшійся *Григорій Калека*» прибавлено: «Учитель Тверскаго Великаго Князя Михаила Александровича».

---

[1]) Къ этой прибавкѣ Евгенія Иннокентій еще отъ себя прибавилъ: „Напечатано въ *Христіанск. Чтеніи*".—За статьею *объ Адріанѣ* слѣдуетъ на стран. 20—21-й статья: „*Азарій*, Іеромонахъ Бѣлорусскій". Въ концѣ ея—такая замѣтка Иннокентія: „Противъ ней (т. е. книги Азарія *о вѣрѣ Единой, Святой, Соборной, Апостольской Церкви)* въ Щитѣ Адріановомъ содержатся обвиненія".

Въ статьѣ *Георгій Конисскій*—на стран. 95-й послѣ словъ въ 6-й строкѣ, «напечатана *(рѣчь Екатеринѣ II ой 1762 г)* въ *Историческомъ извѣстіи объ Уніи* на стран. 373-ей—прибавлено: «въ Рубановомъ журналѣ *Старинѣ и Новизнѣ* и въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827 г. Другая говоренная Императрицѣ Екатеринѣ II 1773 г. марта 10 въ С.-петербургской придворной церкви напечатана въ с.-петербургскомъ журналѣ *Сѣверная Минерва* 1832 г. № 1».—Послѣ перечисленія сочиненій Георгія—передъ красною строкою, начинающеюся: «Сей пастырь....», прибавлено: «Есть еще въ рукописи его *Исторія Руссовъ или Малой Россіи* имъ исправленная и дополненная».

Въ статьѣ *Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ*—на стран. 107-й—въ строкѣ 13-ой—послѣ словъ: «посвященъ во Архимандрита» прибавлено: «Московскаго».

Въ статьѣ *Св. Димитрій митроп. Ростовскій*—на стран. 116-й въ строкѣ 12-й вмѣсто: «на 18 году возраста» исправлено: «на 17-мъ».—На стран. 125-й—въ строкѣ 8-й послѣ слова: «Второе *(изданіе Четіихъ Миней)*» прибавлено: «Три только мѣсяца сентябрь, октябрь и ноябрь—въ Могилевѣ 1702 г. въ листъ».—На стран. 126-й—въ послѣдней строкѣ вмѣсто 1715 исправлено 1716.—На стран. 133-ей къ числу драматическихъ сочиненій св. Димитрія прибавлено: «24 ,*Навуходоносоръ*—трагедія и проч.».

Въ статьѣ *Евгеній Булгаръ*—на стран. 162-й къ греческому надгробію Евгенія Булгара прибавлено такое подстрочное примѣчаніе: «Мысли сіи заимствованы изъ стихотворенія св. Григорія Богослова *о жизни*».

Въ статьѣ *Епифаній Славинецкій*—на стр. 176-й къ извѣстію о книгѣ его: *филологическій Лексиконъ*—прибавлено: «Она нынѣ подлинникомъ въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ».—На стран. 177-й—въ строкѣ 4-й вмѣсто: «въ Кіево-Златоверхо-Михайловской библіотекѣ» исправлено: «въ Кіево-Печерской Лаврской».

Въ статьѣ *Захарія Копыстенскій*—на стран. 187-й—15-й строкѣ послѣ словъ: «и сочинилъ къ оному *(переводу Златоустовыхъ бесѣдъ)* предисловіе» прибавлено: «съ посвяще-

ніемъ князю Святополку Четвертинскому и со включеніемъ его родословной».

Въ статьѣ *Зосима Монахъ*—на стран. 193-ей въ концѣ прибавлено: «Книга *(Ксеносъ)* вся уже напечатана съ сего списка въ журналѣ *Русскомъ Зритель* 1828 г. № 7 и 8».

Въ статьѣ *Игнатій митропол. Сибирскій*—на стр. 196-й—въ концѣ *страницы* прибавлено: «Въ библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и древностей есть подносный весьма красивый списокъ его *Слова благочестивому христолюбивому Россійскому воинству*, съ княземъ Голицынымъ ходившему на Агаряны, сочиненнаго 1687 года».

Въ статьѣ *Іоакимъ Савеловъ*—на стран. 226-й въ 4-й строкѣ послѣ точки прибавлено: «Въ молодыхъ лѣтахъ онъ проходилъ военную службу, а въ 1655 г. постригся въ Кіево-Межигорскомъ монастырѣ».—На стран. 228-й—послѣ словъ: «Сей патріархъ скончался въ Москвѣ 1690 г. марта 17-го прибавлено: «70 лѣтъ отъ рожденія».—А послѣ словъ: «духовное его *Завѣщаніе* находится въ патріаршей библіотекѣ» прибавлено: «и напечатано въ іюньской книжкѣ 1830 года. *Отечественныхъ Записокъ*».

Въ статьѣ *Іоанникій Галятовскій*—на стран. 229-й—въ 4-й строкѣ *снизу* послѣ словъ: «напечатана она *(книга «Ключъ разумѣнія»)* въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1659 года въ листъ» прибавлено: «и въ 1663 г. во Львовѣ».—На стран. 230-й —въ строкѣ 15-й послѣ словъ: «Напечатано *(Небо новое)* на Польскомъ и Польско-русскомъ языкахъ во Львовѣ 1665 года» прибавлено: «трижды».—На той же стран. строка 9-я снизу: «напечатана *(Скарбница)* на польскомъ языкѣ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ» дополнена такъ: «напечатана на русскомъ въ Черниговѣ, а на польскомъ...» и т. д.—На стран. 239-й—*послѣ* сочиненія «Боги Поганскіе» и *предъ* сочиненіемъ: «Души людей умерлыхъ»—прибавлено новое: «10 (должно быть 11) «*Софія премудрость созда себѣ домъ и утверди седмь столповъ*—Притч. IX.—Напеч. въ Черниговѣ 1686 г. на Польскомъ языкѣ въ 4 д. л. и посвящена Гедеону митрополиту Кіевскому».

Въ статьѣ *Іоаннъ Ѳедоровъ*—на стран. 262-й—во второй строкѣ послѣ точки съ запятой прибавлено: «1519 г. напечаталъ въ Венеціи служебникъ, а въ 1527 г.»—далѣе уже идетъ печатный текстъ, при чемъ фраза «напечаталъ въ Венеціи» (*Словенскій Катихизисъ*) затерта, какъ употребленная уже въ рукописной добавкѣ.—На стран. 267-й въ 5-й строкѣ послѣ словъ: «Послѣ Апостола, по увѣренію Фрита, напечатано было еще *Евангеліе*» прибавлено: «а въ 1569 г.—Псалтырь» и въ слѣд. строкѣ въ фразѣ «кромѣ еще двухъ книгъ» вм. *двухъ* исправлено: *трехъ*.—На стран. 268-й—въ строкѣ 17-й вмѣсто 1588 г. исправлено краснымъ карандашемъ 1586, а въ слѣд. строкѣ къ словамъ *Литовскій Статутъ* прибавлено тѣмъ же карандашемъ: «и Трибуналъ».—На стран. 269-й—въ 21-й строкѣ—послѣ точки, кончающейся словами: «*Аникита Фофановъ* напечаталъ *Минею Общую*» прибавлено: «Есть ноябрь мѣсяцъ *Мѣсячной Минеи* изданный 1609 года. съ именемъ избраннаго на Россійскій престолъ польскаго короля Владислава Жигмонтовича, напечатанный въ Москвѣ типографомъ Иваномъ Андрониковымъ Невѣжинымъ» далѣе—прежній текстъ.

Въ статьѣ *Іоаннъ Максимовичъ*—заглавіе сочиненія подъ № 1: *Ѳеатръ* и проч. измѣнено такъ: «Ѳеатронъ или Позоръ нравоучительный царемъ, князем, владыкамъ и всѣмъ спасительный». Годъ изданія этой книги вм. 1703 исправл. 1708.—На стр. 288-й въ извѣстіи о книгѣ подъ № 7 «Богомысліе» вм. 1711 г. исправл. 1710 и вмѣсто «въ 8-ю долю» исправл. 4.

Въ статьѣ *Іовъ* первый патріархъ Россійскій—въ концѣ прибавлено: «Есть еще его *Прощальная* или *разрѣшительная граммата* отъ присяги данной Самозванцу Лжедимитрію отъ многихъ Россіанъ».

Послѣ этой статьи вставлена *новая*—слѣдующая:

«*Іовъ Борецкій* митрополитъ кіевскій, воспитывался въ Галицкомъ городѣ Львовѣ въ Ставропигіальномъ Успенскомъ монастырѣ, въ школѣ учрежденной Антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ и Константинопольскимъ Іереміею подъ руководствомъ

архіепископа Димотискаго Арсенія и по немъ былъ тамъ ректоромъ сей гимназіи».

Въ статьѣ *Іосифъ Салтанъ*—на стран. 305-й въ первой строкѣ вмѣсто 1497 г. исправлено 1499; а въ слѣдующей строкѣ фраза: «Константинопольскимъ патріархомъ Нифонтомъ» затерта.

Въ статьѣ *Іосифъ Санинъ* на стран. 309-ой передъ 3-ей *(красной)* строкою отъ конца—прибавлено: одно изъ словъ его *о иноческомъ чину* напечатано въ Требникѣ Патріарха Іоасафа 1639 г.» [1]).

Въ статьѣ *Кипріанъ* первый архіепископъ Сибирскій—въ концѣ на стран. 330-й прибавлено: «Онъ сочинилъ службу на положеніе Ризы Христовой въ Москвѣ, принесенной изъ Персіи къ царю Михаилу Θеодоровичу, печатаемый *(sic!)* въ мѣсячныхъ Минеяхъ іюля 10».

Въ статьѣ *Кириллъ Транквиліонъ Ставровецкій*—на стран. 335-й въ 3-ей строкѣ статьи къ слову «Архимандритъ» прибавлено «Елецкій»; въ 7-й строкѣ—послѣ словъ: «и въ третій разъ» прибавлено: «въ Уневскомъ монастырѣ 1692, а въ четвертый въ Кіевѣ 1696»—и потомъ дальнѣйшій текстъ. На слѣдующей страницѣ послѣ словъ: «въ Могилевѣ того же года» прибавлено: «въ Вильнѣ 1616»; въ 8-й строкѣ вм. словъ: «напеч. *(Перло Многоцѣнное)* въ Могилевѣ 1690 г.» исправлено такъ: «напеч. въ Черниговѣ 1646 г. и въ Могилевѣ 1699 г.» и т. д.

2.

Приписки м. Евгенія во второмъ томѣ «Словаря».

Въ статьѣ *Лаврентій Крыжановичъ*—на стран. 5-й фамилія «*Крыжановичъ*» исправлена въ «*Крщоновичъ*».

---

[1]) Къ статьѣ *Іосифъ*, 5-й патріархъ Моск. на стран. 313-й—по поводу *письмá* царя Алексѣя Михайловича къ Никону—Иннокентій прибавилъ: „напечатано въ Актахъ Археологич. Коммиссіи".

Въ статьѣ *Лазарь Барановичъ*—на стр. 6-й—въ строкѣ 5-й годъ изданія «*Благодать и Истина Христова*» вм. 1680 исправленъ въ 1683.—На той же стран. послѣ сочиненія подъ № 7: «Разговоры о вѣрѣ»... и проч. прибавлены еще слѣдующія: «8, *Лютня Аполлонова*—напеч. въ Кіевѣ 1674 г.; 9, *Вѣнецъ Божіей Матери*—напеч. въ Черниговѣ 1680 г.—10, *Пять ночей и ранъ Христовыхъ*—въ Черниговѣ 1680 г. на польскомъ языкѣ».—

На стран. 8-й послѣ статьи *Леонтій Карповичъ* прибавлена новая—слѣдующая: « *Леонтій Боболинскій*, іеромонахъ Выдубицкаго монастыря. Его лѣтопись начинающаяся отъ 1699 г. находится въ библіотекѣ черниговской семинаріи. См. Лѣтопись Общества Исторіи и др. часть 2, кн. III, стран. 148».—Затѣмъ слѣдуетъ статья: *Лихуды*.

Въ статьѣ *Логинъ, Муромскій протопопъ*—на стр. 9-й, въ 18-й строкѣ, послѣ фразы: «и самъ (*патр. Никонъ*) совѣтовался съ симъ ученымъ мужемъ (*Епифаніемъ Славинецкимъ*)» прибавлено; «а принцъ Буховъ въ своемъ описаніи римскаго посольства къ царю Ивану Васильевичу въ главѣ 2—говоритъ, что и тогда ученымъ и благочестивымъ епископамъ позволялось наизусть проповѣдывать: а священникамъ только сіе довѣріе щиталось опаснымъ».

Въ статьѣ *Макарій Митрополитъ Московскій*—на стр. 12 въ 5 строкѣ послѣ словъ: «граммату въ 1534 г.» прибавлено: отъ 25 марта».—На стр. 13-й—въ строкѣ 19-й послѣ словъ: «а индѣ восемъ» прибавлено: «и 12».—На стран. 22-й—въ концѣ статьи прибавлено: «Онъ воспринималъ отъ купѣли и дѣтей царскихъ».

Въ статьѣ *Мелетій Сиричъ*—на стр. 55 вмѣсто: «князѣ Константинѣ Ивановичѣ» исправлено: «князѣ Константинѣ *Константиновичѣ*».—Въ 8-й строкѣ снизу—послѣ точки, кончающейся словами: «патріаршей Библіотеки»—прибавлено: «вторая (книга: *Служба положенію нешвеннаго хитона Христова*) печатается и въ мѣсячныхъ Минеяхъ подъ числомъ іюля 10».

Въ статьѣ *Меѳодій Смирновъ*—на стран. 68-й въ 5-й и 6-й строкахъ этой статьи фраза: «во Владимірской губерніи (*родился*) въ селѣ Алексинѣ недалеко отъ Сергіевой Лавры» затерта и

вмѣсто нея написано: «Смоленской епархіи въ Гжатской пристанѣ въ городѣ Версѣ»; но послѣднія слова: «въ городѣ Версѣ— опять затерты [1]).

Въ статьѣ *Никонъ, шестый патріархъ Всероссійскій*—на стр. 133 въ 5 строкѣ послѣ словъ: «послѣ Никонова патріаршества» прибавлено: «Даніилъ принцъ Буховскій въ описаніи своего посольства къ царю Ивану Васильевичу пишетъ, что и тогда въ Россіи церкви были, по большей части, со многими куполами».

Послѣ послѣдней статьи на букву *Н* *Нифонтъ епископъ Новгородскій* прибавлена еще одна новая—именно: «Нифонтъ монахъ Троицы Сергіева, а постриженникъ новгородскаго Антоніева монастыря около 1598 г. сочинилъ сказаніе въ 1597 г. мощей препод. Антонія Римлянина въ Великомъ Новгородѣ. Его содѣйствіемъ и открыты сіи мощи. Списокъ сего сочиненія находится въ библіотекѣ Московск. Общества Исторіи и древн. Росс.» [2]).

Въ статьѣ *Памва Берында*—на стран. 150, въ 10-й строкѣ статьи послѣ точки въ фразѣ: «Онъ много трудился»... слово *онъ* зачеркнуто и сдѣлана такая добавка: «Въ 1620 г. онъ издалъ тамъ (*въ Кіево Лаврской типографіи*) первымъ тисненіемъ *Номо-*

---

[1]) Къ статьѣ *Никифоръ Митрополитъ Кіевскій*—на стр. 95-й— къ № 1: «Посланіе отъ Никифора... о Латинѣхъ»—Иннокентій сдѣлалъ замѣтку: «Слич. Coteler Monumenta Eccles. Graecae—tom. III, pag. 495. Здѣсь статья: Criminationes adversus Eccles. Latinam, изъ коей взята сущность посланія».—Къ статьѣ *Никифоръ Θеотокій*— послѣ перечисленія его сочиненій Иннокентій прибавилъ: «онъ же издалъ Блаж. Θеодорита всѣ σωζόμενα—остальныя сочиненія въ Галѣ Магдебургской, съ посвященіемъ Софронію патріарху іерусалимскому 1772 г.».

[2]) Къ статьѣ *Палладій Роговскій*—на стр. 149-й—сдѣлано много вопросительныхъ знаковъ Иннокентіемъ—противъ разныхъ мѣстъ статьи. Къ словамъ: «въ томъ же 1700 г. умеръ»—замѣтка Иннокентія: «1703 г. v. Вивліоθика» и затѣмъ общее замѣчаніе его же: «статья о Палладіи слаба и неправильна».

канонъ въ 4-ю листа съ своимъ предисловіемъ и много трудился»... слѣдуетъ дальнѣйшій печатный текстъ.

Въ статьѣ *Петръ Могила*, на стран. 161, въ строкѣ 13-й снизу—послѣ словъ «*Краткій Катихизисъ*» прибавлено: «или *Собраніе краткой науки о Артикулахъ вѣры*».—На стран. 164—въ строкѣ 3-й—послѣ словъ: «къ *Патерику Печерскому*» прибавлено: «И къ Номоканону 3-го изданія 1629 г.»—На той же стран. въ строкѣ 6-й послѣ словъ: «въ 4 д. л.» прибавлено: «Въ 1636 г. издалъ онъ *Анѳологіонъ* составленный изъ молитвъ и поученій душеполезныхъ».—На той же стран.—въ 18-й строкѣ послѣ словъ: «...сію книгу (*Лиѳосъ*) издалъ Могила подъ именемъ *Евсевія Пимина*, 1644 г. въ Кіевѣ» прибавлено: «на польскомъ и словенскомъ языкѣ порознь».

Въ статьѣ *Питиримъ,* четвертый епископъ Печерскій—на стран. 167-й—въ строкѣ 4 и 5-й фраза: «или по Татищевой исторіи 1445 г.» зачеркнута.—На слѣд. страницѣ—168-й, въ строкѣ 3-й—послѣ словъ: «Онъ, будучи еще архимандритомъ» прибавлено: «въ 1439 г.».

Въ статьѣ *Платонъ Левшинъ*—на стран. 188-й—въ 12-й строкѣ послѣ точки прибавлено: «А во 2-мъ № московскаго журнала *Вѣстникъ Европы* 1829 г. напечатано его *Описаніе Переревинскаго монастыря*».—Въ строкѣ 7-й снизу выраженіе *Краткая Богословія* исправлено: *Сокращенная Богословія.*

Въ статьѣ *Самуилъ Миславскій*—на стр. 196-й въ 4-й строкѣ статьи выраженіе: «родился въ малороссійскомъ городѣ Глуховѣ» измѣнено: «въ глуховскомъ уѣздѣ въ селеніи Полошкахъ [1]).

---

[1]) Послѣ статьи *Селлій* и передъ статьею *Серапіонъ архіепископъ Новгородскій*—на стр. 199-й—Иннокентій вставилъ статью: «Серапіонъ, епископъ владимірскій—V. изд. Св. Отцевъ Моск. академій.—Къ статьѣ *Сильвестръ Коссовъ*—на стр. 204-й—къ имени этому сдѣлана Иннокентіемъ такая выноска: «Въ Екзегезисѣ своемъ онъ пишетъ, что прибылъ въ Кіевъ съ Петромъ Могилою и тотчасъ началъ учить въ школѣ. Откуда прибылъ? Былъ ли русскій, или иностранецъ? Вѣроятнѣе—первое, судя по языку».—Къ перечисленію его сочиненій Иннокентій прибавилъ: «Сему же Коссову принадлежитъ Exegesis

Въ статьѣ «*Симеонъ*, нѣкто изъ суздальскихъ духовныхъ»—стран. 210-я— вмѣсто *нѣкто* написано *іеромонахъ*.

Въ статьѣ *Симеонъ Полотскій*—на стр. 211-й время изданія ***Жезла Правленія*** вмѣсто 1668 г. исправлено въ 1666 г.; это же самое сдѣлано и на стран. 215-й.—На стран. 217—послѣ словъ: «Всѣ сіи книги подлинниками хранятся въ московск. патріаршей или синодальной библіотекѣ, а списки оныхъ есть и въ софійской новгородской»—прибавлено: «но напечатаны были и порознь. См. Каталогъ Толстова».—На стр. 218-й послѣ словъ: «Въ ***Русскомъ Вѣстникѣ*** 1809 и 1810 г. помѣщено много выписокъ изъ сочиненій Полотскаго» прибавлено: «и въ ***Московскомъ Вѣстникѣ*** 1828 г.—нѣсколько его писемъ къ государю. Ему приписывается изданіе ***Букваря языка Славенска*** напеч. въ Москвѣ 1679 г. въ 8 долю л.».

Послѣ статьи ***Храбръ***—на стран. 277-й—прибавлена ***новая***—такая: «*Христофоръ Бронскій*--Социніанъ по препорученію Острожскаго князя Константина сочинилъ на литовско-русскомъ языкѣ и издалъ въ Брестѣ-Литовскомъ 1587 г. подъ именемъ ***Филалета Орѳолога*** книгу ***Апокрисисъ*** въ опроверженіе Уніатскаго Брестскаго Собора».

Въ статьѣ ***Ювеналій Медвѣдскій***—въ концѣ на стран. 280-й послѣ словъ: «*Систему Богословіи Христіанской...* въ трехъ томахъ (вм. *томахъ* исправлено: *частяхъ*) въ 8 д. л.» прибавлено: «и вторично 1826 г.—тамъ же».

Въ статьѣ «Ѳеодосій, вторый игуменъ Кіево-Печерскаго монастыря»—на стран. 284-й въ строкѣ 6-й сверху вмѣсто Князю Святополку» исправлено: ***Святославу***.

Послѣ этой статьи вставлена ***новая***—такая: «***Ѳеодосій Бывальцевъ*** митрополитъ всероссійскій въ 1461 г. возведенный изъ ростовскихъ архіепископовъ, скончавшійся 1475 г. Его повѣсть о чудѣ, бывшемъ при гробѣ Алексѣя митрополита, находится между рукописями библіотеки Московск. Общества Исторіи и древностей».

или апологія школъ кіевскихъ. Книжка весьма рѣдкая, напечатана 1635 г. въ Лавр., когда онъ былъ уже епископомъ мстиславскимъ».

Въ статьѣ *Ѳеодосій Софоновичъ*—на стран. 284-й—послѣ этого заглавія прибавлено: «уроженецъ Кіевскій, Кіево-Братскаго монастыря старецъ, учитель школъ и проповѣдникъ, а потомъ игуменъ», а далѣе—по печатному.—Послѣ окончанія статьи прибавлено: «Ѳеодосій Софоновичъ въ 1649 г. отвозилъ въ Москву по требованію государеву двухъ учителей и переводчиковъ Арсенія и Епифанія Славинецкаго и говорилъ государю рѣчь, которая напечатана въ Исторіи Малыя Россіи Д. Н. Бантышъ-Каменскаго—изд. 2, томъ 2, примѣч. 179».

Въ статьѣ *Ѳеофанъ Прокоповичъ*—на стран. 310—послѣ перечисленія сочиненій Ѳеофана на русскомъ языкѣ—къ № 32 прибавленъ еще 33-й: «*О смерти императора Петра второго и о восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны*—напечатано въ 1-мъ номерѣ Московскаго Вѣстника 1830 г.»—Въ соотвѣтствіе съ этимъ при перечисленіи сочиненій еще *неизданныхъ*, на стран. 321-й зачеркнутъ № 27-й.

3.

Замѣтки Иннокентія Борисова.

А) Въ началѣ книги—на оборотѣ первой палитурки на слѣдующемъ за нею *бѣломъ листѣ*, предшествующемъ печатному выходному листу:

«Въ *Сборникъ Догматическій* [1]): вѣкъ XII—Посланіе митроп. Никифора, *како отвергнены быша Латины*.—Въ С.-Петербургской дух. академіи: рукописи Никодима Селлія 15 vol.».

---

[1]) Надъ этимъ «Догматическимъ Сборникомъ» или иначе «Памятникомъ Вѣры» Иннокентій трудился цѣлую свою жизнь, приготовилъ *два огромныхъ тома*, но никакъ не могъ издать ихъ въ свѣтъ—по *капризамъ* тогдашней духовной цензуры... Если такой гигантъ въ русской церковной іерархіи и духовной литературѣ томился въ тискахъ духовной цензуры,—то какъ же трактовались ею мелкія сошки?!...

«Для общества кіевскаго [1]): 1) Издать Григоровича путешествіе. 2) Варлаама Палицына» Лѣтопись объ осадѣ Кіева отъ татаръ XVI».

«Посмотрѣть въ Московской Синод. Библіотекѣ: а) Арсенія Суханова—Проскинитаріонъ. b) 43 статьи ошибокъ,... въ книгахъ архим. Діонисіемъ (v. *Діонисій*).—c) потребникъ Өеогностовъ; d) Дѣяніе на Мартина еретика; e) Отвѣтъ Никона патріарха на 30 вопросовъ (v. *Никонъ*)».

«Рукописи въ библіотекѣ синодальной въ С.-Петербургѣ:

Арсенія Мацѣевича—на раскольниковъ.

Аполлоса—о Началѣ часовъ, вечерни и литургіи.

Амвросія Серебренникова—Сравненіе Евангелія съ Алкораномъ.

Гавріила Бужинскаго—переводъ Морреніева Словаря.

NB. Въ библіотекѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ—*Варлаама Палицына*—Описаніе осады города Кіева отъ татаръ».

Б. *Въ концѣ книги*—на бѣломъ пустомъ мѣстѣ передъ *Азбучнымъ спискомъ*:

---

[1]) Объ этомъ «Кіевскомъ обществѣ вотъ что мы читаемъ въ библіографіи Иннокентія:—«Основанное въ Одессѣ «Общество Исторіи и древностей (кстати—отъ себя скажемъ, что въ числѣ его основателей былъ и вышеупомянутый *Александръ Скарлат. Стурдза*), избравшее Иннокентія своимъ членомъ, дало поводъ къ тому, что въ Кіевѣ, по иниціативѣ М. Максимовича и Иннокентія, готовилось основаться «Общество Исторіи и древностей словено-россійскихъ». По благословенію Иннокентія, обрабатывался даже уже и уставъ этого новаго общества. Но переводъ изъ Кіева Иннокентія, а затѣмъ и выѣздъ Максимовича остановилъ дѣло, которое впослѣдствіи вызвало только учрежденіе при кіевскомъ генер.-губернаторѣ «Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ» (*свящ. Т. Буткевина*: «Иннокентій Борисовъ», Спб. 1887 г. стран. 92).

«По праву Каноническому: 1) Максима митрополита: a) вопросы и отвѣты; b) правила».

Въ концѣ книги—на палитуркѣ—списаны Иннокентіемъ чьи-то стихи о комъ-то:

«Италія меня родила,
А Франція мнѣ мечь дала,
Россія службу наградила
И съ честью прахъ мой погребла» [1]).

Затѣмъ замѣтка: «1757 г. апрѣля 22. Димитрій Ростовскій признанъ въ числѣ святыхъ».

Сообщ. **Л. М.**

---

[1]) Не можемъ додуматься, кого—именно имѣютъ въ виду эти стихи?..

ДО НАУКЫ.

(Нарысъ зъ жыття простого люду).

— Эге, запровторьте! визьмить хлопця, запровторьте! А коровьяка одна, тай та нехай гыне въ хливи, або ныдіе на прыпони!—галасувала на ввесь двиръ Лопушыха.

— Та божевильна ты, кажу-жъ тоби, що це школа не абыяка, хлиборобська: побуде тры рокы, навчытся ремества та хлиборобства, тай вернется; не зипай, хай тоби кистка въ горло!

— Вернется! Запряжешъ тоди, сыну, матирь тай почнешъ оброблять по панському хлибъ, бо бильше ніякымъ буде чортовымъ батькомъ. Волыкы такъ позахарчовувалы, що ледви ногы волочять. Отъ тоди вже наробышъ хлиба по вченому на двохъ третынахъ!

— И наробыть, думаешъ не наробыть? Наробыть! Ниначымъ буде хлибъ робыть, то почне ковалювать, або майструвать тай наробыть, а такъ дулю бачытыме!

— Найкраще хай писля наукы та йде въ халамыдныкы, тамъ буде ще солодше; отъ тоди вже я обсмокчу кистку та зъйимъ бублыкъ!—промовыла Лопушыха и несподивано почала плакать.

— Ну й що ты будешъ робыть зъ оттакою маніею?—вдарывся объ полы Лопухъ:—этъ, ничого не можно втокмачыть въ іи дурну голову: ты ій те, а вона тоби те!

— Я все въ васъ дурна! Кажу-жъ—навчывсь Богу молыться, тай буде зъ нёго, а то бачышъ малый свитъ телипаться! Десь въ

панивъ не стало робитныкивъ... а въ мене теля, въ мене порося, въ мене курчята, що я въ свити робытыму зъ ными въ жныва?

-- Хай воны вамъ выздыхають, ти курчята!—реве Левко на прызьби.

— Цыть, щеня, не пащекуй! Ото занапастыла колысь повисмо конопель, та купыла въ щетынныка повный молытвенныкъ и жытые Өеодора Стратылата, то чытай, а чортъ батька-зпа чого не выгадуй!

Але де-жъ це мы?—спытае хто зъ чытачивъ. Чы зъ васъ хто чувавъ про Лыпнягы, або про ричку Гнылыцю, що зъ ливого боку влываеться въ Оржыцю? Напевне ни... а Лыпнягы— це чымалый хутиръ въ Полтавщыни. Отъ Гнылыця, то, не-де правды диты, незначна ричка: и веснянои добы тіеи воды въ ній, мовлявъ, курци до пьятъ, а вже туды къ литу, то хиба тильки де-не-де зостаються ковбани для жабъ. Тильки жабамъ та пуголовкамъ и роскишъ въ цихъ ковбаняхъ, бо лыпнягивци такъ загыжують воду коноплямы, що вона робытся однаково одворотнёю якъ людямъ, такъ и скотыни. А Лыпнягы—значный хутиръ! Гинъ на шестеро ростягся винъ по-надъ Гнылыцею, порынаючы увесь въ вышневыхъ садкахъ. Одно тильки не гараздъ—росташованый винъ якось недоладу: де хто хотивъ зъ хазяинивъ, то тамъ и сивъ. Видъ того въ Лыпнягахъ зовсимъ немае вулыць. Дывысь, иде, иде быта дорога, тай упреться въ чый небудь двиръ. «Гей, дядьку, а якъ тутъ пройихать?» «Поганяйте, добри люде, прямо въ двиръ, звернить на Терешкивъ обнижокъ, та обнижкомъ-обнижкомъ и выхватытесь куды слидъ»!

Немае въ Лыпнягахъ ни церквы, ни школы. Та школа— дидько зъ нею, нихто про неи николы и гадкы не мае, а отъ церквы треба-бъ; бо до свого прыходу верстовъ десять, а чужый и блыжче, та батюшка кожну недилю грымае, щобъ не ходылы. «Ходить», каже, «туды, куды вамъ вказано! Тамъ-то зъ васъ лыхва: завжди помичаю, що кыдаете за сповидь або стари шагы, або шматочкы бляхы— тильки зъ вашымъ батюшкою осуружаюсь.

На школы, та на рижни тамъ наукы бильшисть лыпнягивцивъ мала такый поглядъ, що це не бильшъ, не меншъ якъ

паньськи прымхы. Воно звисно, гарно навчытыся на попы, або на дякы, або хочъ на пысари... але всимъ-же не потовпыться въ пысари, та въ дякы—треба кому-сь и хлибъ робыть. Грамотіивъ на вси Лыпнягы два-тры чы й наличышъ, тай то грамотіи таки—не шкодлыви: чытають якъ слидъ тильки друковане, але якъ пысаного, такъ и друкованого однаково не розуміють. Кныжокъ въ Лыпнягахъ дасть-би. Чулы лыпнягивци, що йе на свити така кныжка Быблія, въ котрій все сказано, але чытать цю кныжку не зовсимъ безпечно, бо можно дочытатысь до того, що зайты головсита; кого-жъ прызведе Богъ дочытаты іи до кинця, то та людына прысвячуется, бо побачыть въ ій все, що въ свити, що на свити. Та и въ симъ лыпнягивци не булы впевнени, бо дидъ Корній, котрый завсигды ходыть по манастыряхъ та по лаврахъ и що року на Велыкдень говіе въ Кыиви, каже, що кримъ Быбліи йе ще друга кныга—быбліотека и що тильки прочытавшы быбліотеку, можно напевне сподиватысь царства небесного.

Гарный хуторъ Лыпнягы, якъ зырнуть на нёго оддалекы, особлыво весною: праворучъ вьется Гнылыця, та вылыскуется на сонци каламутною водою; поручъ зъ нею лежыть зелена стежка лугу, поросла вербамы, вильхамы та верболозомъ. А якъ зацвитуть лыпнягивськи садкы, якъ затёхка въ лузи соловейко, якъ кыгыкне поблызу чайка... Боже,—скаже прохожый и пройизжый,—чому тутъ людямъ не жыть, чому не царствовать! Лыпнягивци зроду чужи робитныкы. Тиснымъ коломъ обгорнулы ихъ паньськи земли и це коло стае що року все тиснишымъ и тиснишымъ. Гнитыть лыпнягивцивъ це коло. Що весны зрывается килько симей шукаты добра въ Крыму, на Кубани та въ далекій холодній Сыбири, и що осены бильшисть цихъ симей вертается на стари оседи. Наче зачароване маныть ихъ ридне коло въ свои обіймы...

— Вмочай скорыну въ попилъ та йижъ,—кажуть поселяне, вернувшысь зъ чужыхъ краивъ,—а не кыдай ридного кубла.

Але не всякъ корыстуется такою порадою и не переводятся въ Лыпнягахъ мытци минять старе лыхо на нове. «Хочъ гирше, мовлявъ, абы инше». А де вже йе лыпнягивцивъ, то це навкругы по экономіяхъ. Тамъ воны и силы и палы; тамъ воны, якъ ка-

жуть, шевци и кравци, и швачкы и прачкы. Иншый то й викъ звикувавъ въ наймахъ. Голеча въ Лыпнягахъ. Дывысь, старенька, крывобока халупа, зъ якымысь пидслипуватымы викнамы, сякыйтакый захыстъ скотыни—отъ тоби и уся оселя. Колы-бъ, мовлявъ, прыбравъ садкы та выставывъ Лыпнягы де-небудь на выдночоли, то ни-на-що було-бъ и глянуть гараздъ.

Гарасько Лопухъ на вси Лыпнягы хазяинъ; и двиръ у нёго зъ огорожею и хата не свитыть кроквамы. Що вечера въ ёго загинъ вертается зъ череды пара волыкивъ, коровка и скилько овечатъ; отъ уже шкапы—то нема, бо дидъ Гараська личыть шкапу неблагословенною тварью и дуже грымае на тыхъ селянъ, котри на голодну кутю ходять въ конюшню кропыть свяченою водою и пысать на одвиркахъ хресты. Гараськивъ сынъ ходыть що року на Динъ на заробиткы, а старый зъ невисткою и зъ двома онукамы прыробляють дома хлибця. Такъ зъ году въ годъ и перебываются Лопухы. Боже, якъ той побывается дидъ Лопухъ за своимы онукамы. Здается маты ридна такъ не бажае своимъ дитямъ добра, якъ винъ имъ. Такъ зъ нымы и панькается. Чы йиде по снопы, чы везе гній, то—дывысь—хлопчыка або дивчыну и посадыть въ задку, а самъ веде волыкы въ рукахъ. А якъ зайиде до нёго колы батюшка зъ хрестомъ, або дякъ якъ колы ильнуе, або и такъ чужа людына, то дидъ Гарасько тильки те и робыть, що выхваляется своимы онукамы. «И таки, каже, и таки, и Богу молыться вміють краще за старого, и дида шанують и матиръ слухають». Рокивъ зъ чотыри тому назадъ зайиздыть до Лопухивъ зъ кропыломъ батюшка, зробывъ, що слидъ по звычаю, а потимъ силы, выпылы рады празныка по чарци, та и розгомонылысь про це, про те. Слово за слово, та й звивъ дидъ ричь на Левка та на Прыську.

— А знаешъ що, Гараську?—каже батюшка.

— А що?

— Выстроилы въ насъ въ Драбынкахъ школу, колы хочешъ довесты хлопця до ума, то прывозь ёго въ-осены, нехай ходыть зъ чужымы дитьмы.

— Та Богъ ёго святый знае,—одповидае той,—дило нове, незвычайне; воно нехай-бы вчывся—шкоды не буде, але якъ роспустытся тамъ за очыма?

— Э, ни, це вже дзускы! Я самъ буду ходыть въ школу и давать скубкы за пустощи; дякъ тоби жыво поодбыва пальци!— звернувся батюшка до Левка, котрый сыдивъ въ запичку и колупався въ носи.

Подумавъ, подумавъ соби Гарасько, порадывся зъ сыномъ та невисткою и оборавшысь на зябъ, одвизъ Левка въ Драбынкы. Побуло хлопья тры рокы въ Драбынкахъ, навчылось тамъ чытаты и пысаты, тай вернулось до-дому, здается тутъ-бы и казци кинець, але ни: почалася зъ того часу въ лопухивськимъ двори коженъ день лайка та колотнеча.

Колы йиздывъ старый въ останній разъ за Левкомъ, то, мабудь на напасть Лопухамъ, и пипъ, и дякъ, и той панъ, що прыйихавъ зъ миста доскипуватысь, чы гараздъ-то повчени диты, вси въ одно слово хвалылы Левка, вси казалы, що винъ дуже пронорыстый до наукъ и що грихъ видъ Бога не даваты ёму стежкы дали.

— Якъ то?—спытавъ Лопухъ,—це-бъ то ще вчытысь? А нехай ёму всячына... Колы-жъ тоди зъ него помочы ждаты?... Этъ, винъ у мене, дякуваты Бога, погонычъ!..

— Эхъ, диду!—каже панъ—яка тоби корысть, колы твій онука стане слипымъ циповьязомъ та буде на тебе плакатысь, що ты не давъ ёму ладу. Ось послухай мене: везы ты хлопця до хлиборобськои школы, що торикъ видкрылась въ мисти. Потрется винъ тамъ тры рокы мижъ чужымы людьмы, то ёго й самъ не пизнаешъ. Ще й тебе буде вчыть, якъ хлибъ сіять и буде тоби увесь викъ дякувать...

Якъ почавъ, якъ почавъ... тай выйихавъ Лопухъ зъ Драбынокъ зъ такымы думкамы, що тилько вчени люде—люде, а не вченый чоловикъ—та-жъ самисенька товаряка, и що на чымъ-бы то не стало, а Левка треба вчыть. Але не такъ дывылась на наукы Лопухова невистка. Видъ рижносты цихъ поглядивъ мижъ свекромъ та невисткою коженъ день иде теперъ суперечка. Середъ

однои зъ такыхъ суперечокъ застаемъ лопухивське симейство и мы зъ чытачемъ.

— Ты-бъ таки, божевильна, розмиркувала, чы справытся невченый чоловикъ протывъ вченого. Молытвы молытвамы, а то сказать и коло земли вченый бачыть що до чого...—вмовляе дидъ невистку словамы пана экзаменатора.

— Бачыть винъ мабуть свою скажену матиръ. Вы-бъ мени краще терлыцю склюкалы, а то въ мене копа горстокъ на шыи!... Навчытся—дежъ-пакъ!.. Буде тоди матиръ быть, такъ якъ бье стару Сыдорыху москаль; той же набрався розуму въ москаляхъ...—Лопушыха хотила пидкрипыты послидню аргументацію протывъ наукы буханамы и вже протяглась до Левка, але на цю прыгоду увійшла въ двиръ баба Мотря.

— Добрыдень вамъ! що це въ васъ наче въ жыдивській школи? А ну лышъ, сынку,—звернулась вона до Левка, котрый сыдивъ и хлыпавъ,—глянь въ сонныкъ, та то такый мени цю ничъ поганый сонъ снывся! Снылось мени: буцимъ здорова, здорова воша выповзла зъ-за пазухы тай сунется по пояси, а я и кажу: и де вона взялась така погань, Господы просты?! Колы зыркъ... стоить передо мною якый-сь странныкъ зъ довгою та сывою бородою; стоить, дывытся на мене тай каже: «То, раба Божа, не воша, а то твоя смерть!» Маты Божа! Якъ потерпла я, якъ жахнулась—тай прокынулась... Эге... оце-жъ, кажу, не даромъ я, мабуть, и хлиба не спечу: чотыры разы зряду солодаши. Подывысь, сынку, мерщій, бо й рукы мои ни до чого не стоять. Я вже, якъ будешъ сыдить на посади, то подамъ тоби воды.

— Нетеча тебе внесла,—бубонила Лопушыха,—бачъ яка! Будемо ій по кныгахъ сны розгадувать; прыйшла, щобъ славу розносыть!

Левко почавъ ворожыты, але скильки винъ не нышпорывся въ соннику, то ніякъ не мигъ знайты, протывъ чого снытся воша. Въ кинци наткнувся винъ на блоху.

— Бабо, чого-сь нема въ соннику вошы; блоха йе...—звертается Левко до бабы.

— Такъ що-жъ, сынку, ворожы на блоху, воно все йидно, якъ то, такъ и то нужа...

Левко прочытавъ, що блоха означа «невдовольствіе».

— И таке ляпне, собачый брехунъ! Къ чому воно, до чого?— промовыла здывована баба и заспокоена побигла зъ двору.

Такымы и иншымы ричамы Левко частенько слугувавъ лыпнягивськимъ бабамъ; дывысь—то заворожыть, къ чому снывся якый сонъ, то подывытся въ святци, колы празныкъ въ «крузи», колы въ «полукрузи», а колы зовсимъ безъ «круга». Отъ такы бабы и знають, въ якый празныкъ треба празнувать, а въ якый можно робыть легку, а то и важку роботу.

Чоловикы тай то цяцькувалысь лопухивськимъ грамотіемъ. Дывысь—колы не колы празныкомъ чы недилею и зійдется гуртокъ биля лопухивськихъ воритъ; балакають про це, про те и частенько закыдають заключкы про наукы.

— Охъ наукы, наукы!—каже дядько Карпо, сплёвуючы зъ люлькы,—я колысь сглавъ дилъ въ управытелевыхъ кимнатахъ; то такъ: въ йидній кимнати робымо мы, а въ другій вчятся диты... и такъ воны мени за день натуркалы цимы наукамы голову, що вона въ мене була оттака,—показуе Карпо на пивъ аршына видъ щокы.

— Та ты-бъ показувавъ дальше!—иронычно вставляе дядько Мусій.

Середъ гурту почынается регитъ.

— Этъ, бисови поторочи! Не слухай ихъ, Левко, хай ихъ батько впьется. Прынесы лышень лучше кныжку, та почытай намъ що небудь.

Левко выносыть зъ хаты кныжку, котру винъ тры рокы довбавъ въ школи, и перегортае, чытаты не одважуется: гуртокъ забалакався, тай забувъ про нёго.

— Ты намъ, Левку, щось обищавъ прочытаты,—нетерпляче мовляе дидъ Гарасько, поглядаючы на хуторянъ,—чытай, дурню, не соромся, хай люде послухають.

— Ай справди!—гомоныть килько голосивъ,—мы тутъ ёго чекаемъ, а винъ про насъ и думать забувъ; чытай, ледащо, годи гнутся!

Левко червоніе, запыняется, але черезъ килько хвылынъ дрибно, дрибно почынае:

Какъ пошелъ нашъ козелъ
Да по ельничку,
Да по частому березничку.
А навстрѣчу ему
Сѣрый заинька.
Ахъ ты, заинька!
Ахъ ты сѣренькій!
Ты не смерть-ли моя?
Ты не съѣшь-ли мена?

Гуртокъ зареготавъ. Дядько Мусій слухавъ, слухавъ, тай почавъ выгурцуватысь въ тактъ Левкови.

— Бачъ, чортъ старый, що вытіявъ!—чуется зъ гурту,—взявъ-бы самъ тай почытавъ!

Дядько Мусій не заставляе себе довго просыты; винъ бере кныжку и, прыскалывшы око, пыльно передывляется.

— Гарна кныжка, та здается, не пры мени пысана,—прызнается винъ въ кинци.

— А отъ визьмы лышень ты, Карпе, та втны намъ що небудь!—звертается дядько Мусій до Карпа зъ самымъ серіознымъ выдомъ.

Карпо бере кныжку и, тежъ серіозно, почынае іи розглядаты.

— А що? Не читко напысано?

— Эге, скоропысь якась нерозборшлыва.

— Та въ тебе, голубе, и коза чого-сь до горы дрыкгомъ намалёвана.

— Ай справди!—захапався Карпо,—то мабуть, собачый маляръ помылывсь!

— Чы маляръ, чы може й ты похапцемъ та не туды повернувъ,—озвався хтось середъ реготу зъ гурту.

— Пысавъ пысака, не розбере и собака,—здыхае Карпо и вертае кныжку Левкови.

Левко радый; винъ бере кныжку и зновъ начынае выщаты хуторянамъ кныжне слово, брыдко вымовляючы російськи слова:

Чижикъ пыжикъ у воротъ
Воробышекъ маленькій.
Ахъ, братцы, мало насъ
Голубчики немножко.
Въ хороводѣ людей мало
Веселиться не съ кѣмъ стало!

— И выдумано, и вытолкувано!—здыхае баба Мотря, котра не розшолопала ни йедыного слова:—таке, Богъ зна й що; ни къ селу, ни къ городу!

— Не лайтесь, бабо, може воно що святе, —вставляе Мусій.

— Кныжка гражданьська,—розгадуе хтось,—хиба такы въ святій кныжци буде коза!?

— Отъ пысьменного зразу выдно,—почулось кильки голосивъ, и гуртокъ зновъ зареготався.

— Охъ, чыжыкъ-пыжыкъ,—здыхае Мусій,—а въ мене корова ригъ зломыла, то така пеня.

— Такъ вы, серце, за шыю лыгайте,—радыть баба Мотря,—у насъ торикъ якъ зломыла, то лыгалы за шыю.

—

Саме въ клечальну суботу, рано вдосвита рушывъ дидъ Гарасько зъ Левкомъ до миста шукаты хлиборобськои школы и цилисенькый день плуганылысь воламы по специ зъ йиднымъ тильки невелычкымъ видпочывкомъ.

Дидъ зъ-ранку гомонивъ до Левка—все навчавъ якъ треба жыты въ свити: «Молысь, каже, сыну, Богу рано и пизно, не йижъ въ пистъ скоромного, шануй старшыхъ...»—а потимъ, якъ стало прыгриваты сонце, то сивъ на переднёму затылку, спустывъ на війя ногы и мугукавъ пидъ нисъ якусь писню; зъ тіеи писни Левко тильки и вчувавъ що: «Ой крыкнулы журавли на рылли та гей, гей!» Курный шляхъ бувъ въ два ряды обсаженый вер-

бамы, а дали выдно було степъ, степъ и степъ. Жыта тильки що почалы красуватысь и якъ море хвылювалы видъ малесенького подыху витру. Левко цикавывся всимъ, що тильки траплялося навкругы. Дывысь—зирвется жайворонокъ, высоко, высоко пидій-мется, затрипоче крыльцямы, защебече и хутко впаде въ зелену ярыну. Ось кибець, росправывшы крыла, тыхо, спокійно плавае въ блакитному неби, а ось другый высыть недвыжно въ повитри, а дали зрывается и кулею падае на землю, вздрившы оддалекы якусь дóбычъ. Зъ кибцивъ Левко переводыть очи на били, легеньки, якъ намитка, хмаркы, що незнать де берутся и куды счезають зъ неба. Де-не-де попадалысь помижъ вербамы товсти, гилясти осыкы; воны дрибно, дрибно шелестилы своимъ билястымъ лыстячкомъ.

— Диду,—пытае Левко,—чого воно, нибы и витру немае, а осыка шелестыть?

— Отъ бачышъ, хлопче, ты и пысьменный, а дурный!—сміется дидъ—то ій, сыну, такъ давъ Богъ! Вона трепочется зъ переляку, бо на ій повисывся жыдъ-Юда, що Суса Хрыста продавъ.

— Такъ хай бы та й тремтила,—замыслено каже Левко,—а чого воны вси тремтять?

— Такъ бачъ-же, Богъ такъ давъ, що тремтыть увесь ридъ осычый,—поясняе дидъ.—Гей, корякъ, отъ уже до миста недалеко! «Ой крыкнулы журавли на рылли, та гей, гей!» Борозный «корякъ» тяжко хакавъ, высолопывшы языка.

Вже ажъ четвертого дня вертались Лопухы зъ миста до-дому. Левко сыдивъ въ задку и кунявъ, а дидъ суворый, мовчазный правувавъ воламы. Тыхо повзуть волы. «Тукъ, тукъ», монотонно выбывае объ пидтокы мазныця.

— Що-жъ воны таке хоть пыталы тебе, що ты не погодывся?—звертается дидъ до Левка тильки що не кризь слёзы.

— Пыталы молытовъ рижныхъ, та рожество Хрыстово, та входъ Господа въ Ерусалымъ, а потимъ кажуть: ну теперъ, малчыкъ, розберы предложеніе: «мужикъ вчера пахалъ за нашимъ садомъ».

— А ты-жъ що?

— А я сказавъ, що не знаю, бо насъ дякъ такого не вчывъ?— плаче Левко.

Дидъ крутнувъ головою.

— Бачъ, Левку, хиба я тебе не навчавъ, хиба я тоби не казавъ: будь, сынку, розумненькый, будь такый, якъ хазяйськи диты... Чы й спыталы тебе, стилько мужыкъ выоравъ за нашымъ садомъ, то ты-бъ такы й сказавъ, що це, добри люде, глядя по худоби и по дню: передъ Покровою и за два дни того не вробышъ, що вробышъ петривнёго дня. Та впять же и киштъ! А ты ляпнувъ, якъ вилъ у калюжу... Охъ, горе зъ такымы диткамы! Не даромъ каже та прыказка, що добри диты на ногы поставлять, а лыхи зъ нигъ звалять. Гей, корякъ! Ачъ бисова ледачъ такъ и валытся на війя. Воно звисно, мы жылы безъ наукы тай йилы хлибъ, але все-жъ, сыну, чого-бъ навчывся, то того за плечыма не носыть.

Добре смеркло, якъ прыйихалы Лопухы до-дому. Повный мисяць, котрый вже спускався на захидъ, облывавъ блидымъ сяевомъ сонни Лыпнягы. Тыхо, тыхо; де тильки иноди хрыпло гавкне собака, або гугукне въ лузи пугачъ. Старый якось помьякшавъ и тыхенько гомонивъ зъ Левкомъ.

— Ну, сыну, навчылысь чортового батька; теперъ лягай та будемо спать, а завтра перечасуемъ зъ ранку, покы худоба спочыне, гукнемо на супряжчыка, та пойидемъ орать толоку—годи байдыкы быть. Хатнихъ калатать не будемъ—хай сплять; ляжемо тутъ на вози; тпру, корякъ! Бачъ якъ выголоднывся; жды жданого, хлопче, прыйде и твоя черга!

Не вспивъ Левко звесты очима, якъ прыверзлась ёму наука: довга, зелена, зъ гадючымъ хвостомъ, зъ цапыною бородою. Поворушылась вона въ якомусь жабурыни; вышкырыла страшни зубы тай пыта: «А ну, малчыкъ, розбери предложеніе: мужикъ вчера пахалъ за нашимъ садомъ; де тутъ подлежащее, а де сказуемое?» Левко зъ лякомъ прокынувся. Дидъ стоить навколюшкы и голосно молытся Богу: «не прыемли имени Господа Бога твоего всуе...»—зъ особлывою щыристью вымовляе винъ, быючы важки поклоны... «Не прелюбы сотворы... не украды...»—начытуе старый

дали и тяжко здыхае. Левко заспокоюется, але що це? «Ря-туйтуйте!»—чуется хлопцеви здалека-здалека; «ряту-ту-ту...»—голосыть хтось блызько, зовсимъ блызько, отъ уже надъ самисинькымъ вухомъ.

— Диду... диду, чы вы чуете?

— Ну й чого, дурнесенькый? Перехрестысь та спы, бо завтра вставать рано!

Ту... ту, ту...—почынае черезъ кильки хвылынъ таемный голосъ и комаръ впывается Левкови въ щоку. «И въ Духа Святаго Господа Жывотворящого, иже отъ Отца исходящого...»—молытся дидъ. Мисяць въ останній разъ зырнувъ на Лыпнягы и сховався за вербамы. Хуторъ оповыла густа питьма.

П. Майорськый.

Украинськи зàпыси Порфирія Мартиновича. [1]

Печатаемыя въ настоящей книжкѣ записи отъ «лирныка *Семена Мыкытовыча Чекана*» изъ с. Дзыкгливкы даютъ только двѣ историческія пѣсни. Дума про побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова представляетъ, сравнительно съ записанными П. Д. Мартиновичемъ отъ другихъ лицъ, болѣе краткій и слабый варьянтъ (см. запыси отъ Крюковскаго-Кравченка, Магадына), равно какъ и пѣсня о Марусѣ Богуславкѣ далеко короче и слабѣе извѣстныхъ уже въ печати варьянтовъ (см. Антон. и Драгоман. «Историч. пѣсни»). Первая пѣсня заучена, по словамъ Семена Чекана, «у Ряській, у Рясчаньського вчывся» (къ сожалѣнію, нѣтъ болѣе точнаго опредѣленія), а вторая слышана имъ отъ Степана, по фамиліи неизвѣстнаго, но судя по дополняющимъ справкамъ, онъ былъ родомъ изъ екатеринославской губерніи, т. к. Семенъ Чеканъ, прилагая къ этому Степану эпитеты: «Катарнаславськый, Заднипрянській, Товмашкивськый (изъ с. Товмашкивкы), добавляетъ, что «винъ прожываеть скризь—и въ новомосковськимъ уйизди, и въ павлоградськимъ».

Записи отъ *Косьтянтына Мыкытовыча Коваленка*, 88-лѣтняго старца изъ с. Мартыновки (константиногр. у.), представляютъ разсказы въ родѣ тѣхъ, которые уже были напечатаны по записямъ П. Д. Мартиновича отъ Грыцька Ганчаря и Кырыла Пашковського (см. № 7—8). Жаль только, что въ этихъ разсказахъ, очевидно, многое перезабыто старикомъ Коваленкомъ.

Отъ кобзаря *Хведора Грыценка* изъ с. Груни (зѣньков. у,) записана только одна пѣсня про *Канивченка*, представляющая сокращенный варьянтъ записей П. Д. Мартиновича отъ Крюковскаго и Магадына (см. № 2 и 3).

---

[1] См. № 7—8.

Лирныкъ Семенъ Чеканъ.

Про трехъ бративъ.

Тожъ не темни туманы уставалы,
То тры браты исъ Турещыны,
Зъ Озовьського города, зъ неволи утикалы.
Што два браты конныи,
Третій пишый пихотынець.
Онъ за нымы уганяе
Миждо кони вбигае,
За стремена онъ хватаеть,
До бративъ словомъ промовляе:
«Братикы мои мыліи,
Голубчыкы сыви,
Обождите хоть мало немного,
А хоть до хрыстыяньськыхъ городивъ довезите,
А хоть мечемъ голову иснимите,
Тило мое похороните,
Дзвиру на поталу неподайте».
Середулшой братъ добре дбае,
До старшого словомъ онъ промовляеть:
«Тутъ воды велыки, травы зелени,
Станьмо свои козацьки молодецьки кони попасимо,
И меньшого брата, пишого пихотыньця, надождимо».
Старшый братъ до середульшого промовляеть:
Якъ будемо мы меньшого брата пишого пихотыньця
ожыдаты,

Будеть за намы пребóльшая погонь гнаты,
Будуть насъ сикты рубаты,
Ише въ горшу неволю завертаты».
Сталы ти два браты у лисы, въ байракы уйижджаты,
Сталы изъ дубья верхивья изрываты,
Усе меньшому брату, пишому пихотыньцю
На прымиту покыдаты.
И сталы изъ лисивъ, изъ байракивъ выйиждхаты,
Ничого стало найменьшому брату на предмиту покыдаты.
Середулшой братъ добре дбае,
На соби голубый каптанъ мае,
И тотъ онъ на соби обрывае,
На предмиту меньшому брату,
Пишому пихотыньцю, покыдае.
Ставъ меньшый братъ, пишый пихотынець,
Изъ лисивъ, изъ байракивъ выйиждхаты,
Ставъ своихъ братывъ жовти кытыци ввичы забачаты,
«Ахъ, десь моихъ братывъ на свити немае,
Што вже изъ ихъ дорогіи шаты по дорогамъ валяються».
Сойшовъ меньшый братъ, пишый пихотынець, на Саворъ могылу,
Ставъ онъ слизно рыдаты
И ставъ онъ словомъ промовляты.
Што первое безвидья,
А другое безхлибья,
А трете буйный витеръ повивае,
Бидного козака съ ногъ валяе.
Стала тогда дробная птыця налитаты,
И сирые 'олкы нахождаты,
Сталы ёго тряматы,
Ставъ онъ словомъ до ихъ промовляты:
«Обождите вы, сирые волкы и вы дробная птыця,
Покудова душа исъ тиломъ розлучыться.
И тогда будете мене тряматы,
Тило мое по кущамъ розношаты».
Дробная птыця на чорни кудри ёму наступала,

Очи зъ лоба ёму выбирала.
Тоди сыви зозули налиталы
И ёго обкувалы,
Якъ ридни сестрыци обплакалы.
Сталы ти два браты
До дому дойижджаты,
Ставъ середульшый братъ до старшого словомъ промовляты.
«Што якъ мы будемъ отцу и матери правду открываты,
Што нашого брата меньшого, пишого пихотыньця,
На свити немае?»
Ставъ старшый братъ до середульшого словомъ промовляты:
«Чы лучше намъ отцу и матери правду открываты,
То лучше жъ намъ на дви части батькивщыну паюваты.
А если будешъ ты, середульшый братъ,
Отцу и матери правду открываты,
То буду я тебе изъ свита погубляты,
То самъ я тогда буду батькивщыну пожываты».
Сталы отца и матирь состричаты,
Ставъ середульшый братъ сльезновъ рыдаты,
Отцу и матери правду открываты:
«Што нашого наименьшого брата, пишого пихотыньця, на свити немае».
Сталы воны ёго за гостя прыйматы,
А старшого брата зъ двора прогоняты.
Ставъ старшый братъ сльезновъ рыдаты
И словомъ промовляты:
«Што лучше-бъ же було намъ на тры часты батькивщыну паюваты,
Нижъ чимъ теперъ тоби самому пожываты».
Дай Боже мыру царьському
На здравіе, на многіе лита.

(У Ряській у Рясчанського вчывся).

Константиноградъ 30 января 1886 года

Маруся Попивна Богуславка.

Запорозька писня.

На сыниму мори,
На билому камени
Тамъ стояла темная темныця,
А въ той темныци, тамъ пробувало пьятсотъ козакивъ,
Бидныхъ невольныковъ.
Што воны трыдьцять тры лита тамъ пробувалы,
Сонця праведного
И свита билого
Соби въ вичи не выдалы.
Десь узялась дивка бранка
Маруся попивна Богаславка,
До темныци прыхождае,
До козакивъ словомъ промовляе.
«Ахъ вы козакы
Бидніи невольныкы:
Што вы тутъ трыдцять тры лита пробувалы,
Сонця праведного
Свита билого
Соби въ вичи не выдалы,
Чы вы знаете, што въ насъ день сегодня святой субота,
Завтра будеть святой день Велыкдень?»
Оны на колинка упадалы
Дивку бранку
Марусю попивну Богуславку
Проклыналы.
«Шобъ ты, дивко бранко,
Марусю попивно Богуславко,
Ни щастя соби, ни доли немала,
Якъ ты намъ сей день Велыкдень сказала.
Што наши родніи будуть пыты и гуляты
И насъ спомынаты,
А намъ будеть тяжко та важко
У неволи пробуваты».

«Не лайте мене, бидніи невольныкы, и не проклынайте!
Панъ одъ двору одъиждатыме,
Ключы мени у рукы уручатыме,
То я буду на билый свитъ васъ выпущаты.
То вы бижите,
Только города Богаславіи не мыните,
Тамъ моему отцеви накажите,
Што нехай монетовъ не збувае,
Мене видсиля не выкупляе,
Бо вже я потурчылась
И побесурменылась
На турецьки ласощи и на лакомыны».
Вызволь Господы насъ, бидныхъ невольныкивъ на волю,
Въ край веселый,
У мыръ хрещеный
На ясни зори
Въ городы хрыстыяньськи.
Хрыстыяньському мыру на здравіе
И на многіе лита.

(«У катарнославського у Степана чувъ іи»).

30 января 1886 года.

Степанъ Ивановычъ Заднипряньськый ёго звать, а фамиліи не знаю якъ. Винъ у насъ зоветься Заднипрянській, винъ изъ-за Днипра, и Товмашкивськый ище зоветься. Винъ изъ Товмашкивкы. Прожываеть (винъ) скризь: и въ Новомосковськимъ уизди и въ Павлоград ськимъ.

Косьтянтынъ Коваленко.

(Зъ Мартынивкы, константиногр. у.)

Запорозъци.

Запорозьци—такъ воны не таки люде, шо стало быть чы королёкъ, чы що, а воны таки, а воны ось яки люды. У нашого царя та

трошкы людей було, а въ Турка багато. Такъ Турокъ и насида: „давай мини по десять чоловика въ мисяць, а якъ не будешъ давать, такъ отберу все“.—„Ну, чы давать, то й давать. Вже-жъ я съ тобою ничого не здѣлаю“. Ото й отсыла десять чоловика у мисяць. Мисяць выйшовъ—упъять десять. Ото вже два раза пишлы, а хто его зна де винъ дива; чы воны тамъ у его жывуть де, чы винъ ихъ ще запровторыть... Ну, й въ третій мисяць ото збырають. „И тоби, Грыцьку, йты и тоби Хомо“... А въ одного хлопець шиснадцяты литъ. „Оце жъ ты, сыну, дома зоставайся, та годуй уже и матиръ и дитей“.—„Э-э, тату! Якъ мини зоставаться вашихъ дитей годувать, а я ще малолитный,—зоставайтеся-жъ вы, то вы вже й годуйте“. – „Такъ ты-жъ малый“!—„Та дарма що малый“. Ну, отъ пишлы воны. Идуть та идуть...—Увійшлы воны у Турецьку землю. Той хлопець и говорыть: „Дядькы“!—„Чого“! – „Чы мы не дурни, що мы такы йдемъ сами?! Ось слухайте мене, ось захожуйтеся, батереи копайте. Хоть же не велыки на десять чоловика, а хто прыбуде, то той соби, побыля насъ“. И жывуть. Отъ то ще йде десять человика. Уже четвертый мисяць... „Куды вы йдете? Зоставайтесь тутъ“. Оставывъ и тыхъ. На пъятый мисяць упьять идуть десять. Винъ и тыхъ не пустывъ—завернувъ. Ото вже въ его тридцять чоловика. И ото скилькы не йшло!... То вже винъ дывывсь-дывывсь, що багато йде, та давай до царя пысать: „Царю! Не давай“, каже, „Царю! А то винъ уже всихъ, забере! (Туркови не давай). А Турокъ пыше: „Чомъ ты не даешъ? Розорю!.. И Росѣю твою розорю!.. Чомъ ты не прысылаешъ“?! А цей одпысуе, що „я пославъ отъ исъ такого-то мисяця жаденъ мисяць“! „Ну, такъ воны десь е“! Та ото и сыхъ завертавъ (хлопець), та ото и збоку прыбигалы,—такъ уже то одынъ, то два. И назбыравъ винъ сорокъ тысячъ! Хлопець той назбыравъ. Винъ лыцарь бувъ, та то его нихто не знавъ. „Ну, що жъ, хлопци!? Теперъ мы въ чужій земли жывемъ и намъ хто его зна за кого заступаться! Чы за Турка, чы за Россійського царя. На Россійського Царя намъ не йты! Тамъ наши дядькы, тамъ наши батькы, такъ намъ буде грихъ, якъ мы будемъ на Билого царя йты... (Пропускъ). Турокъ тоди: „эге! якъ ты такый, такъ я тебе роззорю зъ кориньнямъ, шобъ ты у моій земли не бувъ“!

Собралыся иты его воювать. Прыйшовъ... Онъ-де йдуть,—онъ-де и винъ жыве... Нельзя йты: гора,—така гора, що бида!! Воны ходылы, ходылы, тай вернулысь.

Турокъ розсердывся! Какъ такы не можно?! Шо це вы дѣлаете?! Другымъ порядкомъ другыхъ нарядывъ.

...Ричка....... Така здорова — така здорова, шо такъ вода и блыщыть!!...

Третій разъ пославъ... Лисъ... терны... Самый лисъ!!...

„Ну, шо-жъ намъ робыть теперъ?! Та мы его й не возьмемъ. А возьмемъ мы сорокъ бочокъ горилкы! Издѣлаемъ балъ. И воны понапываються, такъ мы ихъ тоди пьяныхъ“... Клыче Кошового въ госьти. Винъ и пыта хлопцивъ: „Хлопци! Шо мы будемъ казать? Турокъ клыче въ госьти отсюды й недалеко“. „Та вы знаете. Якъ прыкажете. Чы йихать, то йихать“. „Такъ винъ хоче насъ погубыть“!?. Воны его называють: Паноче! Тамъ то вже вы знаете“. „Ну, та пойидьмо“. Тоди пойихалы туды до его въ госьти. И выйихавъ. Горилкы напылысь... Яку забралы до-дому... винъ и не бачывъ (турокъ). Тоди вьзявъ ричку напустывъ посередыни. Ци зъ сьёго боку запорозьци, а ти съ того боку... Пропало дило ихъ шо й напувавъ!!

„Шо якъ такы ты думаешъ?! Шо ты въ моій земли жывешъ, а мини помочи ніякои?! Такъ прыбудь до мене побалакаемъ ще“.

Отто вже винъ пойихавъ!!... „А пидить мини, хлопци, за межу, росьсійськои земли наберить зо прыгирщъ“. Пишовъ одынъ тамъ, прынисъ. Винъ узявъ та роззувся та въ чоботы й понасыпавъ потроху. Та тоди й убувсь. „Ну, оце-жъ теперъ, хлопци, пойидемо“. Теперъ уже йидуть за нымъ, уже й верхамы и винъ йиде. Турокъ и говорыть: „якужъ ты мини дань будешъ давать, шо ты въ моій земли жывешъ? Чы ты за мене стоятымешъ, чы за Россѣйського?“—„На чіи земли стою, за того й стоятыму“. А вы-бъ подумалы: шо на моій-же земли винъ стоить, за мене буде й стояты. А въ его въ чоботихъ—Росьсѣйська?!!.. „Ну, нехай-же хоть твои хлопци до мене на часы йизьдять. Двадьцять пьять чоловика жадьни суткы“.—„Ну, й нехай! Зъ усымъ прыдовольствіямъ!! Двадьцять пьять рублывъ у суткы жадьни даватымешъ“.

1886 года Г. Константиноградъ, полтавской губ.

Про кошового Гладкого.

Той кошовый уже вмеръ. Якъ умыравъ, то казавъ: „кого вы наставыте кошовымъ“?—„Не знаемъ кого наставыть“. „Наставте-жъ

вы Гладкого, мого поваря" (а винъ бувъ поваромъ у кошового),—„то ще, хлопьци, пожывете". Ну, то винъ померъ—наставылы Гладкого...

Ажъ Гладкый вже й не такъ. Уже й не такъ!.. Вже й острогъ зробывъ?!...

Якый тамъ у пана бувъ лакей, якый кучеремъ—та туды тикають!.. А Гладкый уже ихъ увъ острогъ та й назадъ!...

Ну, кажеться за Мыколая.... шо Мыколай ихъ выклыкавъ, шо „идить я тоби землю дамъ". Давъ чынъ полковныка и землю.— „Тилькы не мишайся!!!".. А тихъ запорозьцивъ повернулы у козакы.. А Гладкый одказавсь. Отто ему императоръ такъ исказавъ: „откажысь! отъ тоби полковныцькый чынъ, тилько не наставляй наставленыивъ".

Половына назадъ вернулась, та хто его зна й не чуть, чы вона тамъ и жыве, чы вона де прытулылась къ якому королю али царю.

1886 года г. Константиноградъ, полтавской, губ.

Про царыцю Катерыну.

Воны до неи въ госьти йиздылы скилько тамъ чоловика, хто его зна: чы пивсотьни чы що.буде. Ну, та прыйшлы. „А здорова, Катерыно!"— „Здоровы! Здоровы-здоровы, запорозьци". И дочка выйшла. А запорожець одынъ каже: „можно заспивать вамъ письни?" А дывыться въ дочкы перстень на руци. „Заспивай—заспивай".

„Ой чукъ шкарбундравъ,
Козакъ зъ дивкы перстень знявъ"...

Колы вона зыркъ—нема перстня. „А що вы дывытесь? Нема перстня? Оце може вашъ? Вернуть?" „Ни, нехай вже тоби на бублыкы". „Дать-же имъ по стакану водки". Це вже Катерына каже. Дають. Такъ одынъ узявъ: „Будь здорова", каже, „Катре, якъ корова, а обшырна якъ земля!" „Э-э! якъ ты такъ сказавъ на мене", обидылась вона. „Застрелыть". Узялы, одвелы скилько пушка бере. Винъ стоить: „Чы й стрилять, то й стрилять". Выстрелылы. Ажъ воно не докотылось до ёго. „Блызче поставыть, а такы розстрелыты". Блызче прывелы. Выстрелылы. Впьять не докотылась (бомба). И третій разъ не докотылась. „Ну, шо-жъ зъ тобою робыть? У Санодъ судыть-же треба". Санодъ розсудывъ: „Ажъ винъ на тебе, Катре, хорошо сказавъ: будь здорова якъ корова, а обшырна якъ земля. И шо-жъ тоби?"

Отъ тоди ій лучше стало. Ну, теперъ-же помырылыся. „Катре!“ Ото вже вньять запорожець. „Катерыно! Навары намъ галушокъ“. „Хорошо, хорошо“. Вона тамъ, чы скоро чы не скоро—подалы ложкы въ аршынъ держакъ, шобъ до рота не донисъ и печать положыла, що нельзя-жъ посунуть блыжче. О-такъ воны посидалы одынъ протывъ одного, то я беру та тоби даю, о-такъ я вамъ, а вы мени, тай понайидалысь.

1886 года, г. Константиноградъ, полтавской губ.

Про чупрыны.

Та тутъ у чупрынахъ вси ходылы; якъ отъ вырывалысь люде. И я въ чупрыни ходывъ змалу. Якъ паньськи сталы вже люде, якъ закрепостылы, то якъ де побаче (панъ) въ чупрыни: „А-а ты, с..... с...! Ты хочешъ утекты въ запорозьци“. Возьме ножныци тай обриже. Ото й унычтожылы.

1886 г. Г. Константиноградъ, полтавской губерніи.

Про татаръ.

Ото-жъ моя маты знала. Ото воны татары забигають... То це якъ витьтиля идуть, то ще й бижыть передовый: „Тикайте, татары идуть“. То воны добро въ лантухы та ховають по лисамъ. И самы ховаются. Въ воду и по лисамъ ховаются. Въ воду ховаются тильки очы выдно... пидъ плавомъ и сыдыть. Пидъ очеретомъ сыдыть. То якъ днемъ, то винъ и ходе, татарынъ: „Марусю!.. Марусю!.. Иды, дытына плаче“. То якъ яка то вона озовется. Ось де й винъ (татарынъ). Заразъ повивъ. Якъ шо стоить того дила—заразъ беруть гонять у свій край. А якъ не стоить, то зарубають тай бросять. Одна молодыця зъ дытыною бижыть ото ховаться.., Дытына плаче... Ныльзя выховаться... То вона тоди дытыну въ воду булькъ!.. Свою ридну, шо не можно спасать; тай сыдыть тоди вже сама. Ночувать не ночують у слободи, боятся, а выходять у чысте. А тыхъ молодыхъ та здоровыхъ вьяжуть. А плачуть, крычать; хочь и не выдно, а прыпаде до земли, такъ и чуть гласъ. Де ночують, такъ тамъ сырыцею вьязалы нога до ногы, шобъ не втекло, значыть. Одна жинка пидъ те времня розсыпалась:

такъ така, шо никуды тикаты. Жинка молода, хороша. Такъ воны взялы, та одного й покынулы. „Ото оздоровіе, такъ возьмешъ". Ото той и береже татарынъ. Вона й дума: „шо съ тобою казаты? Ходимъ у погрибъ—возьмешъ бурякивъ у дижци". Пишлы въ погрибъ. Винъ нахылывся (до дижкы), а вона ёго за ногы, та туды въ квасъ. Пропавъ. Тоди свободна стала.

1886 г. Г. Константиноградъ, полтавской губерніи.

Палій Семенъ.

Про ёго все й розно росказують. Де не почуты, то все й розно.

У Мазепы дытына родылась, тоди якъ Повтаву воювавъ. Тоди ёго воля була у Повтави—Мазепы, а тутъ у насъ никому. А одынъ салдатыкъ ото и обибрався сказать: „Шо якъ-бы до мене Семенъ Палій, такъ мы-бъ ёго выгналы". А Семенъ Палій, де-бъ-то по нашому, такъ на Сибири бувъ. Такъ ёго за суткы и прыставылы. Такъ винъ якъ увійшовъ (Палій до солдата): „Э-э, чого ты, сынокъ, мене требуешъ?" Якъ тупнувъ ногою, такъ викна и повылиталы. Такый чоловикъ. Такъ у ёго (у Мазепы) ото, шо хрыстыны пылы, такъ ота шельмына дытына: „Э-э, батьку", каже, „куй", каже, „кони назадъ шыпамы, бо вже Семенъ Палій тутъ!" . . . . . (пропускъ) . . . .

Такъ воны, Семенъ Палій та той салдатыкъ, тай позабыралы на тихъ столахъ и напыткы и найидкы. А ти такъ и не бачылы. Та погулялы ничъ, та то вже на другый день якъ сивъ на билого коня Семенъ Палій, та объйихавъ трычы кругомъ, такъ тоди вже ёго тамъ и по..... Пропавъ.

1886 г. Г. Константиноградъ, полтавской губерніи.

Запорозьци.

На ихъ стриляють, а воны возьмуть, та запилъ наставыть, а кули все въ запилъ—все въ запилъ... „Нате вамъ, хлопци, горихивъ". Отъ ты й бый ёго якъ знай.

1886 г. Г. Константиноградъ, полтавской губерніи.

Кобзарь Хведиръ Грыценко.

Канивченко.

Ой пидъ городомъ пидъ Черкасовымъ
То то жыла удова—Грыцыха,
Зовуть іи по мужови Канивчыха.
Мала вона соби Йвася Грыценка
По мужови Канивченка [1]).
То вона ёго до зросту годувала,
У наймы не пускала
Чужимъ людямъ на поталу не давала.
То-жъ вона зъ нымъ славы та памьяты
Старосты пры ёму жытія сподивала.
Скоро ставъ Ивась Канивченко до розума дохождаты.
Ставъ на базаръ выхождаты,
Чорну булаву на тышлыкъ [2]) выставляты,
Ставъ на вынныкивъ на брованныкивъ поклыкаты:
„Одже-жъ козакы-панове молодьци!
Которымъ не хочется по вынныцямъ горилокъ курыты,
А ще которымъ не хочется шынкарци дровъ воза
За чарку горилкы порубаты,
То зо мною до пана Хвылона Корсуньского
Подъ наметъ подъйижджаты,
Славного царства вже зажываты.
Ой удово-Грыцыхо, маты старая!
Якбы ты мени велыке стараніе мала,
То ты-бъ мени вороного коня купыла,
Шо моя давно козацька молодецька душа улюбыла“.
„Сыну Йвасю Канивченку!
Есть у насъ чотыри волы чабаніи
И два кони вороніи;
Пидешъ ты въ чыстее поле хлиба-солы пахаты

---

[1]) Зовуть его по мужови Канивченка.
[2]) Хто его зна, шо воно.

Будуть тебе мужыкы козакы вже й такъ добре знаты".
„Ой удово-Грыцыхо, маты старая!
Не хочется меня по борознахъ червоного сапьяну каляты.
Думашкового жупану пыломъ набываты,
А ще не хочется своимъ гласомъ козацькимъ молодецькимъ
На воливъ гукаты,
А ще не хочется, шобъ мене мужыкы козакы
Гречкосіемъ называлы".
То въ Недилю Святую рано пораненько
То то вдова-Грыцыха до вутрени Божои отхожае,
Останни зрубни [1]) трема замкамы замыкае.
То Йвась Канивченко отъ сна пробужае
По двори походжае
Велыку о соби смутку мае,
Шо ни коня вороного, ни козацькои зброи
Ничого въ себе не мае,
У кимнату вхожае,
Замкы отбывае,
Батькивську шаблю съ килка здыймае,
До пояса прыпашае,
Пишкомъ суховертомъ поспишаеть гуляты.
А сусиды зналы,
Удови й Грыцыси знаты давалы:
„Удово Грыцыхо! Ты въ церкви стоишъ, Бога молышъ,
А ты своеи прыгоды не знаешъ,
Шо вже славного лыцаря Ивася Канивченка
Ты вже въ своій господи не застанешъ".
То то вдова-Грыцыха вутреню Божу выслухае,
Мовъ сывою голубкою въ двери вылитае,
До господы прыбувае,
До земли прыпадае.
Дрибнымы слёзамы пролывае,
Свого Йвася Канивченка клыне-проклынае:

---

[1]) Шобъ то воно значыть? хаты-бъ то, шобъ то?

„Бодай тебе, Йвасю Канивченку;
У первій громади первая пуля не мынула,
Якъ ты мене не схотивъ пры старосты литъ
Хлибомъ-сольюю годуваты,
А пишовъ на герець своею волею гуляты“.
А ще вона якъ ёго кляла проклынала,
А ще подумала погадала.
Вороного коня купыла,
Шо ёго давно козацька молодецька душа улюбыла.
Козака наньняла,
Дванадьцять рубливъ на жупанъ дала.
То той козакъ добре дбавъ,
Висько догнавъ,
Ивася Канивченка съ табору выклыкавъ.
То Йвась Канивченко съ табору выходжае,
На себе хрестъ искладае.
Тоди винъ козацьки попругы пидтягае,
На коня сидае:
„Благодарю тоби Господу Богу,
Отцевській, матерыній молытви.
Я-жъ думаю, шо мене ненька старенька клене-проклынае,
А вона объ мени вольному чоловикови велыкія стараныя мае“.
Тоди винъ на коня сидае,
На себе хрестъ искладае
До пана Хвылона Корсуньського
Подъ sаметъ подъйиждэкае.
„Пане Хвылоне Корсуньській полковныку!
Позволь мени на герець питы погуляты,
Славного царства вже зажываты“.
„Сыну Ивасю Канивченку!
Ты дытя малое,
Пидешъ ты на черець гуляты,
Будуть тебе туркы побиждаты“.
„Пане Хвылоне Корсуньськый полковныку!
Аже-жъ пусты ты одно утя старое,
А друге молодое:

То вже-жъ яко-же поплыве старое
Тако-же и молодое".
„Благословлю тоби, Ивасю Канивченку,
На герець питы погуляты".
Тоди винъ на коня сидае,
Козацьки попругы пидтягае,
На герець поспишае гуляты.
То винъ пишовъ гуляты,—небагато забравъ,
Трыста душъ посикъ, порубавъ,
Ще й симсотъ у полонъ заньнявъ,
Своему панови Корсуньському подъ наметъ подогнавъ.
Корсуньській полковныкъ велыку радость мае,
Ивася Канивченка славнымъ лыцаремъ называе.
„Пане Хвылоне Корсуньськый полковныку!
Позволь мени меду, вына, воковытои горилкы
Столькы вгодно брать подпываты,
Та позволь мени пьяному побигты погуляты".
„Сыну Ивасю Канивченку!
Въ мене медъ, выно, воковыта горилка не заборонена,
Столькы вгодно беры, пый-подпывай,
Ну, толькы не велю я тоби пьяному бигты гуляты,
Бо горилка израдлыва,
Шобъ вона тебе съ цего свита не збавыла".
То Йвась Канивченко на те не уповае[1]),
Столькы вгодно бере пье-подпывае,
Та въ недилю рано пораненько
Старыхъ мужыкивъ козакивъ карбачемъ затынае.
Та винъ пишовъ гуляты—небагато забравъ.
Трыста душъ посикъ-порубавъ.
А симсотъ у полонъ заньнявъ,
До пана Хвылона Корсуньського
Подъ наметъ подогнавъ.
А де взявся туркъ пьяныченко
Збоку найиждягае,
На Йвася Канивченка шаблю намиряе.

[1]) Гараздъ, шо попалася!

То винъ ёму не велыку рану завдавъ,
Трохы Ивася Канивченка вполъ не перетявъ.
То той кинь добре дбавъ,
Шовковы шнуры порвавъ,
До свого табору хрыстыяньського втикавъ.
Панъ Хвылонъ уздривъ,
На тимъ мисти зомливъ.
„Эй сыну Йвасю Канивченку!
Якъ я тоби не веливъ меду, вына, воковытои горилкы
Столькы вгодно брать подпываты,
А веливъ де-небудь у моёму намети лягты спочываты,
А теперъ де ты велышъ свое тило козацьке молодецьке поховаты.
Чы до города Черкасова отсылаты,
Чы тутъ ёго поховаты?
„Пане Хвылоне Корсуньськый полковныку!
Не велю я тоби мого тила козацького молодецького
До города Черкасова одсылаты,
Велыкого жалю удови й Грыцыси, матери моій, завдаваты,
А велю тутъ де-небудь ёго поховаты“.
То винъ первому полку загадавъ яму копаты,
А другому полку загадавъ труну бурсуваты,
А третёму полку загадавъ
Шапкамы, поламы высоку могылу высыпаты.
Ивася Канивченка поховалы,
Дванадцять ивангелыивъ надъ нымъ прочыталы,
Шобъ було славно на всю Украину.
А ще проты въ Недили Святои
Прыснывся сонъ удови й Грыцыси.
То вона по обидьній поры выходжае,
Старымъ жонамъ повидае:
„Стари й жоны отгадайте мини сонъ:
Быть-бы то мій Ивась Канивченко прынявъ соби Туркеню
Горду та препышну;

Мымо двиръ иде—на дворъ не погляне,
Тонкымъ платьтямъ слиды замитае,
Мовъ мое серце ножемъ пробывае“.
То сусиды добре знали,
Та вдови й Грыцыси правды не сказалы.
„Не плачъ, удово, не печалыся,
Дасть ёму Господь съ походу прыбуваты,
Буде тебе хлибомъ солью годуваты“
То се зъ за-горы йде тры полкы:
Первый полкъ иде—
Якъ бжола гуде;
Другый полкъ иде—якъ макъ цьвите;
Третій полкъ иде—
Ивася Канивченкового коня за поводы веде.
То вдова Грыцыха вздрила,
На тимъ мисти зомлила.
До земли прыпадае,
Словамы промовляе,
Дробнымы слезамы пролывае
Пана Хвылона клене проклынае:
„Бодай тоби, пане Хвылоне Корсуньській полковныку,
Не було ни царства, ни панства,
Якъ ты мого Йвася Канивченка съ свита Божого спріявъ“ [1]).
То де взявся козакъ бижыть,
Чорну [2]) короговъ у рукахъ имчыть,
Стару жону Грыцыху розважае:
„Не плачъ, удово, не печалыся!
Не за то ёго Господь скаравъ, шо пишовъ на герець гуляты,
А за те ёго Господь скаравъ, шо ставъ у Недилю рано пораненько
Медъ, выно, воковыту горилку подпываты,

---

[1]) Хоть „спріявъ“ сказать, хоть „загнавъ“, якъ хочете такъ и пышить.

[2]) Червону.

Та старыхъ мужыкивъ козакивъ карбачемъ затынаты".
То вона вси тры полкы завертала,
200. Заразъ по Ивасеви Канивченку свадьбу й похоронъ отправляла,
Шобъ було славно на всю Украину!
Дай Боже мыру царському,
Народу хрыстыяньському,
Всимъ и вамъ православнымъ хрыстыянамъ
206. На здравіе на многая-лита.

На мой вопросъ, отъ кого кобзарь выучился этой пѣснѣ, онъ отвѣтилъ: „Однорыгъ бувъ покойный. Винъ увъ Охтырци було найбольше скытаеться, тай я, було тамъ... Иваномъ звалы... Иванъ Олексіевычъ—такъ-то ёго звалы. Изъ Синного бувъ,—тамъ туды за Охтыркою. У науци бувъ у Краснимъ Куты. Былына бувъ покойныкъ".

1885 г. М. Лютенька (гадяц. у.).

Автобіографія Мих. Алек. Максимовича.

Когда къ столѣтнему юбилею Московскаго университета приготовлялось изданіе «Біографическаго Словаря», составители его, профессора и преподаватели университета, занимавшіе каѳедры въ 1854 году, обратились ко многимъ изъ бывшихъ профессоровъ этого университета съ просьбами доставить матеріалы для своихъ біографій. Такая-же просьба обращена была и къ М. А. Максимовичу въ 1854 году, проживавшему въ тотъ годъ на своемъ хуторѣ *Михайлова Гора* (въ полтав. губ.). Отвѣтомъ на эту просьбу было письмо М. А. Максимовича къ С. П. Шевыреву. Въ этомъ обширномъ письмѣ даны были не только матеріалы для біографіи, но вполнѣ обработанная автобіографія его. Очевидно, не желая нарушать единообразія въ изложеніи всѣхъ біографій, С. П. Шевыревъ значительно видоизмѣнилъ текстъ, присланный Максимовичемъ, вслѣдствіе чего напечатанная въ «Словарѣ» біографія его не можетъ быть признана со стороны характера изложенія и тона своего принадлежащей его перу. Такъ-какъ настоящая книжка нашего журнала посвящена памяти М. А. Максимовича въ столѣтіе со дня его рожденія, то мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ, вмѣсто обычнаго пріема напоминать въ такихъ случаяхъ читателямъ главные моменты изъ жизни поминаемыхъ лицъ, помѣстить полный текстъ той автобіографіи, которая была составлена самимъ М. А. Максимовичемъ, тѣмъ болѣе, что имѣемъ въ своихъ рукахъ подлинное письмо его къ С. П.

Шевыреву. Сличеніе печатаемой автобіографіи съ текстомъ «Словаря» показываетъ, что многія интересныя строки въ автобіографіи были тогда опущены для «Словаря», а между тѣмъ онѣ иногда характерны для выясненія личности М. А. Максимовича. Опускаемъ только въ этой автобіографіи библіографическій указатель трудовъ его, т. к., въ 1-хъ, онъ доведенъ только до 1854 года, а во 2-хъ, полный списокъ трудовъ М. А. Максимовича легко можно найти въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

Ред.

Любезнѣйшій Степанъ Петровичъ!

Спѣша исполнить Ваше порученіе мнѣ для «Словаря», принимаюсь за перо, чтобы написать біографическое извѣстіе о себѣ самомъ.

Теперь, когда я доживаю 50-й годъ на этомъ вольномъ свѣту́, для меня ближе мой внутренній, потаенный сердца человѣкъ, а Вамъ для «Словаря» нуженъ внѣшній я,—бывшій профессоръ Ботаники въ Москвѣ и Русской Словесности въ Кіевѣ... Впрочемъ, мое профессорство было не внѣшнимъ и не случайнымъ положеніемъ и дѣломъ въ жизни: оно было назначеніемъ моимъ и любимою мечтою съ дѣтства, средоточіемъ и подвигомъ юношеской жизни, моимъ самолюбіемъ въ возмужалые годы, при которомъ не было уже мѣста во мнѣ ни властолюбію, ни иному подобному любію, какъ въ томъ я не разъ имѣлъ случай повѣрить себя и убѣдиться вполнѣ... Отдѣленный отъ профессорства моего давностію 13-лѣтнею, я позволяю себѣ говорить о немъ съ откровенностью историка, глядя на него, какъ на «дѣла давно минувшихъ лѣтъ»... Перечитавъ аттестатъ, выданный мнѣ изъ университета св. Владиміра 26 апрѣля 1841 года, и мой позабытый альбомъ московскій,—я перебираю въ памяти моей полвѣка жизни.

«И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ;
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде оживленнымъ».

Я родился 1804 года, 3 сентября, на той прекрасной полосѣ украинскихъ степей, которая на востокъ отъ Днѣпра простирается отъ города Золотоноши, черезъ Згарь и Крапивну до текущей «серебряными струями» Сулѣ.—Моя родина—въ Згарскомъ хуторѣ Тимковщинѣ, въ дому бабки моей Анны Савичны Тимковской. Тамъ проживалъ еще, и я помню его,—святой мужъ, Иванъ Назарьевичъ Тимковскій,—по смерти брата своего, воспитавшій и передавшій Москвѣ пятерыхъ племянниковъ своихъ, которые всѣ были писателями, и два изъ нихъ профессорами.—Меньшая сестра ихъ, Гликерія Ѳедоровна, родившаяся 1788 года, была моею матерью. Отецъ мой, Александръ Ивановичъ, оставилъ въ 1803 году, по волѣ отцовской, едва начатую службу въ Кіевѣ, и женился на 21 году отъ роду, жилъ подъ Переяславомъ, въ хуторѣ Староселье, надъ рѣчкою Караныо,—гдѣ и я пробылъ до трехлѣтняго возраста. Послѣ того мы около году жили въ приднѣпровскомъ селѣ Прохоровкѣ, золотоношскаго уѣзда, у дѣда моего Ивана Ивановича, любившаго суровую, старосвѣтскую простоту жизни, и въ народѣ извѣстнаго подъ именемъ «стараго маіора». Прадѣда моего не помню: онъ жилъ здѣсь же въ Прохоровкѣ, служилъ сотникомъ «Бубновской Сотни», а въ 80-тыхъ годахъ, по преобразованіи Малороссіи, служилъ онъ по выборамъ сперва судьею, а потомъ предводителемъ золотоношскаго дворянства. Въ этомъ званіи находился онъ въ числѣ провожавшихъ Екатерину Вторую Днѣпромъ отъ Кіева до Кременчуга, въ апрѣлѣ 1787 года. Послѣ того, оставаясь въ чинѣ бунчуковаго товарища, дожилъ онъ вѣкъ свой въ Кіевѣ (гдѣ нѣкогда жилъ и служилъ его прадѣдъ, родоначальникъ мой Максимъ Печерскій), и въ концѣ 1801 года погребенъ на горѣ Щековицѣ.

Пятый годъ жизни моей прошелъ въ Тимковщинѣ. Оттуда я отданъ былъ въ Благовѣщенскій женскій монастырь, бывшій въ Золотоношѣ, въ которомъ училась грамотѣ и мать моя, и всѣ дяди мои Тимковскіе. Тамъ у черницы Варсонофіи, сестры генерала Голёчки, прошелъ я граматку, часловецъ и псалтырь, (монастырскій курсъ наукъ, установленный еще св. Кириломъ-философомъ первоучителемъ Славянскимъ). Между тѣмъ отецъ

мой перемѣстился на должность въ черниговскую губернію. Въ ту же пору и старшій дядя мой, Илья Өеодоровичъ Тимковскій,—докторъ обоихъ правъ и философіи, бывшій профессоромъ русскаго законовѣдѣнія въ Харьковскомъ университетѣ,—оставивъ по болѣзни службу, поселился въ Тура́новкѣ на р. Шосткѣ въ 18-ти верстахъ отъ Глухова (въ имѣніи жены своей Софіи Ивановны, урожденной Халанской). Туда взялъ меня И. Ө. къ себѣ, въ 1811 году, и училъ меня началамъ разныхъ наукъ и по-латыни. Подъ конецъ достопамятнаго 1812 го́да отдали меня въ Новгородсѣверскую гимназію, которая въ 1808 году открыта была имъ же, Ильею Өеодоровичемъ (какъ визитаторомъ харьковскаго округа съ 1803 года), и въ которой директоромъ былъ тесть его, статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Халанскій.

Въ гимназіи семь лѣтъ прошли для меня какъ семь мѣсяцевъ. Живописное положеніе Новгорода-Сѣверскаго надъ Десною, съ его древнимъ Спасскимъ монастыремъ на каменистой горѣ, давали поэтическое настроеніе. Учили насъ всему по-верхамъ: Г. П. Македонскій, назидая насъ въ Русской Словесности, декламируя намъ Ломоносова и Державина, поучалъ насъ и эстетикѣ, и психологіи, и даже политической экономіи. Молодой учитель Зате́плинскій (котораго въ 1832 году видѣлъ я въ Харьковѣ уже профессоромъ астрономіи) преподавалъ намъ физику, а послѣ уроковъ ея декламировалъ Людмилу и другія, одно за однимъ появлявшіяся стихотворенія Жуковскаго. Учитель Сухомлиновъ преподавалъ естественную исторію, называя латинскими именами разныя растенія: и ему-то обязанъ я моимъ первоначальнымъ знаніемъ ботаники. Я такъ пристрастился къ ней тогда, что для собиранія новгородсѣверской флоры то и дѣло бывало бродилъ въ Троицкомъ монастырскомъ саду, или въ Цуприцкомъ рву, или въ гаю Полковницкомъ... За то мои успѣхи въ наукахъ, въ двухъ высшихъ классахъ гимназіи, спустились съ прежней превосходной степени на очень хорошую, и даже очень хорошую!

Въ іюнѣ 1819 года, проговоривъ рѣчь «объ истинномъ просвѣщеніи» на публичномъ экзаменѣ, я получилъ аттестатъ, котораго не помню... Помню только, что учитель Затеплинскій на

процанье желалъ мнѣ исполненія гимназической мечты моей: быть московскимъ профессоромъ ботаники.—Тогда я побывалъ на родинѣ, гдѣ находилась и мать моя для поправленія въ здоровьѣ. Бабки моей Тимковской не было уже на свѣтѣ съ 1813 года. Иванъ Назарьевичъ, пробывъ нѣсколько лѣтъ послушникомъ въ Печерской Лаврѣ, доживалъ свой вѣкъ отшельникомъ, въ Мошногорскомъ монастырѣ за Днѣпромъ. Въ августѣ ѣздилъ я за Сулу за дворянскимъ свидѣтельствомъ отъ маршала Булюбаша, поразившаго меня своею гоголевскою оригинальностью. Въ началѣ сентября, когда мнѣ исполнилось 15 лѣтъ, я простился съ родиною. Дѣдъ мой, напутствуя своимъ благословеніемъ, наградилъ меня 115 р. асс. на московскую жизнь. Я спѣшилъ къ отцу, въ Шостенскій пороховой заводъ, оттуда въ Турановку, а тамъ и въ Москву. Около 25 сентября съ сердечнымъ трепетомъ увидѣлъ Бѣлокаменную. Къ вечеру того же дня былъ уже въ университетскомъ домѣ у дяди своего Романа Θеодоровича Тимковскаго; онъ первый былъ моимъ путеводителемъ по Кремлю. Записавъ меня въ студенты словеснаго отдѣленія, онъ (по праву директора педагогическаго института) помѣстилъ меня въ одномъ изъ кандидатскихъ нумеровъ, окнами на Никитскую, въ верхнемъ этажѣ. Объ опредѣленіи на казенный коштъ и слышать не хотѣлъ онъ... Но я не долго пользовался его руководствомъ: онъ скончался 15 генваря 1820 года. Дѣдовскихъ денегъ едва стало мнѣ до генваря; и для меня глубокій тогда смыслъ имѣлъ Мерзляковскій стихъ: «вина трудолюбія—бѣдность». Проѣздъ черезъ Москву въ Китай младшаго дяди Егора Θедоровича Тимковскаго памятенъ мнѣ опредѣленіемъ меня въ казенно-коштные студенты. Въ томъ же 1820 г., въ августѣ, увидалъ я въ Москвѣ и Василія Θедоровича Тимковскаго, запечатлѣннаго геніальною силою ума и слова. Его проѣзды черезъ Москву изъ Оренбурга, въ Грузію и обратно, воодушевляли меня новою силою. Я строго слѣдовалъ совѣту его не пускаться въ ремесло уроковъ и не тратить на то золотого времени студентства. Весь досугъ мой отъ лекцій я посвящалъ любимой своей наукѣ. Неутомимо обходилъ я Воробьевы Горы и другія окрестности Москвы, собирая себѣ московскую флору.

Первымъ наставникомъ и помощникомъ моимъ въ ботаникѣ былъ адъюнктъ Левъ Ѳедоровичъ Гольдбахъ. Ему обязанъ я и поѣздкою въ Горенки, весною 1821 года, и первымъ знакомствомъ съ ботаникомъ Фишеромъ.

Два года пробылъ я въ словесномъ отдѣленіи, гдѣ всего болѣе плѣнялся обязательнымъ краснорѣчіемъ Мерзлякова, о которомъ нынѣ могу я, какъ о древнемъ Боянѣ, возгласить: «о соловію стараго времени!»

Въ августѣ 1821 года, имѣвъ право пробыть еще два года на казенномъ коштѣ, перешелъ я въ отдѣленіе физико-математическое. Тутъ я познакомился съ профессоромъ ботаники Гофманомъ. Но звѣздою сего отдѣленія въ университетѣ заблестѣлъ тогда прибывшій изъ-за границы профессоръ минералогіи и сельскаго хозяйства Павловъ. Его лекціи о природѣ, въ духѣ натуральной философіи, тщательно обработанныя, строго-логическія и округленныя какъ яблоко, питали новою жизнію наши молодые умы.

Пробывъ два года въ физико-математическомъ отдѣленіи, я удостоенъ былъ 30 іюня 1823 года степени кандидата, «за отличные успѣхи и примѣрное поведеніе». Въ то время началось и мое авторство; но о немъ рѣчь впереди.

Сладкимъ отдыхомъ послѣ студентства была вакація, проведенная въ ботаническомъ саду за Сухаревою башнею, у профессора Гофмана.

Съ кандидатства началась моя служба при университетѣ. Въ іюлѣ 1823 года я назначенъ былъ въ библіотеку заниматься разборкою и приведеніемъ въ порядокъ книгъ для систематическаго каталога, подъ руководствомъ библіотекаря, профессора Рейса. А черезъ годъ мнѣ поручено было заниматься разборкою университетскихъ гербаріевъ у профессора Гофмана. Кромѣ того мнѣ поручено было отъ университета, въ лѣтніе мѣсяцы 1824 года, обозрѣть московскую губернію, относительно естественныхъ ея произведеній, и преимущественно растеній... Подъ непрерывными дождями, въ продолженіе іюня и іюля, я успѣлъ обозрѣть только южную половину губерніи, и добравшись до ботаника

Адамса, жившаго въ можайскомъ уѣздѣ, я отложилъ, по совѣту его, мое путешествіе на лѣто 1825 года. Собранныя въ эти два лѣта растенія и минералы представилъ я университету. «Путевыя Записки» мои помѣщались въ Новомъ Магазинѣ, издававшемся отъ университета проф. Двигубскимъ; а «Списокъ растеній Московской Флоры» напечаталъ я въ 1826 году.

Тутъ съ благодарностью вспомяну о ректорѣ А. А. Прокоповичѣ-Антонскомъ. Имѣя на примѣтѣ постоянную любовь къ естествознанію (котораго нѣкогда былъ онъ профессоромъ) и предназначивъ меня въ преемники проф. Гофману, онъ снарядилъ мнѣ помянутое путешествіе по московской губерніи. Его же участіемъ началось и авторство мое, еще въ студентствѣ.

Былъ тогда обычай, что кончающіе курсъ студенты подавали разсужденія возможно большему числу профессоровъ своего отдѣленія. Я помню, что профессору зоологіи знаменитому Фишеру, подалъ я цѣлую *мастогнозію,* пальца въ два толщины, переписанную набѣло товарищемъ моимъ Николаемъ Смирновымъ, въ домѣ котораго на Смоленскомъ рынкѣ и готовился я къ экзамену, удалясь отъ шума казенныхъ нумеровъ. Профессору Гофману подалъ я монографію de Cynarocephalis, въ которой былъ и новосоставленный мною родъ (изъ одной кавказской центавреи или волошки), названный Lampolepis; съ приставкою соблазнительнаго для натуралистовъ mihi! Были тамъ и виды, перемѣщенные мною изъ рода въ родъ; но они уже ушли изъ моей памяти. А профессору Павлову, прежде всѣхъ, подалъ я сочиненіе мое «О системѣ растительнаго царства», гдѣ ботаническое знаніе преисполнилось ученія натурально-философскаго. Павловъ осыпалъ меня похвалою и благодарностью, вполнѣ довольный сочиненіемъ, какъ первымъ плодомъ его ученія о природѣ?! По совѣту его, я тотчасъ же отдалъ мое сочиненіе Двигубскому для помѣщенія въ Новомъ Магазинѣ, еще до экзаменовъ. Двигубскій чуть не обругалъ меня въ неистовствѣ, называя статью мою «сумасбродствомъ, Павловщиною» и т. п., и она очутилась въ рукахъ ректора, бывшаго цензоромъ Магазина... Антонъ Антоновичъ позвалъ меня къ себѣ, ободрительно совѣтовалъ поубавить филосо-

фіи, оставляя болѣе ботаническую сущность въ статьѣ моей, и въ этомъ видѣ подать ему; и она была тогда же напечатана въ Новомъ Магазинѣ, въ маѣ 1823 года. Студентъ съ авторитетомъ, я уже смѣло поднесъ Двигубскому, въ полномъ собраніи отдѣленія, какъ начался экзаменъ, разсужденіе мое по предмету физики: о постоянной пребываемости атмосфернаго воздуха, съ нарочитымъ эпиграфомъ изъ Шпренгеля «я охотно послѣдую новѣйшимъ авторамъ, которые полагаютъ, что воздухъ для сохраненія своего вида, подобно органическимъ тѣламъ, превращаетъ въ себя непрерывно всѣ чуждыя вещества». Эта статья была прочтена въ первомъ собраніи педагогическаго института, въ присутствіи тогдашняго директора его Мерзлякова и ректора Антонскаго,—и по ихъ одобренію и желанію была напечатана (въ Магазинѣ, не помню когда)—во свидѣтельство, что педагогическія собранія въ университетѣ бываютъ.

Ставши кандидатомъ, мнѣ слѣдовало бы торопиться въ магистры, чтобъ не пропустить и мѣсяца въ дозволенномъ срокѣ... А я въ августѣ 1823 года записался въ медицинское отдѣленіе, на лекціи Лодера, Мухина и прочихъ преподавателей, находя это необходимымъ для полноты моего естествознанія; я посѣщалъ еще лекціи профессора Давыдова, ставшаго тогда оракуломъ въ отдѣленіи словесномъ... (На тѣхъ лекціяхъ впервые сошелся я съ вами, любезный Шевыревъ... и помню живо мое первое посѣщеніе Васъ, съ сожителемъ Вашимъ В. П. Титовымъ, когда вы меня, поклонника флоры, угостили вкуснымъ даромъ Волжской Помоны, большою грушею, которая, разрѣзанная пополамъ на блюдцѣ, точила изъ себя сладкій сокъ!..) Было у меня въ предметѣ и то, чтобы ученую степень доктора получить по отдѣленію медицинскому; ибо надъ математическими науками, въ степени необходимой для докторства, не хотѣлось мнѣ трудить головы, вопреки склонности. Записавшись въ медики, я согласился съ адъюнктомъ Гольдбахомъ издать вмѣстѣ естественную исторію для слушателей медицинскихъ студентовъ. Онъ взялъ на себя написать ботанику по руководству Нейса-фонъ Эзенбена; а я взялся написать зоологію, по руководству Океновой натуральной исто-

ріи, и его же «Эскиза», изданнаго въ Парижѣ на французскомъ языкѣ и подареннаго мнѣ Павловымъ... Но мой добрый Гольдбахъ умеръ въ мартѣ 1824 года; и я помянулъ его тогда біографическимъ извѣстіемъ, помнится въ Сынѣ Отечества.

Деканъ Е. Ѳ. Мухинъ, заваливш͡ій тогда университетскую типографію горами медицинскихъ книгъ, которыя снабжалъ онъ своими примѣчаніями и вставками, узнавъ, что я пишу зоологію, предложилъ мнѣ: «вообще, такъ сказать, мы издадимъ на казенный коштъ, сдѣлаемъ примѣчанія...» Предупреждая это, я представилъ ему главныя основанія зоологіи, напечатанныя мною отъ себя въ типографіи Августа подъ цензурою Павлова, въ маѣ 1824 года. Прежняя благосклонность Мухина ко мнѣ была утрачена... Но когда я воротился на осень въ Москву, изъ моего путешествія, моя зоологія была уже въ ходу: князь В. Ѳ. Одоевскій написалъ объ ней похвальный отзывъ (кажется въ Сынѣ Отечества)—отыскалъ меня по ней въ кандидатскихъ нумерахъ, пригласилъ меня въ кругъ собиравшихся у него литераторовъ... И съ той поры началась моя принадлежность къ литературному міру, богатая воспоминаніями, начиная съ той первой поры и до моего послѣдняго возвращенія изъ Москвы въ Малороссію, въ іюнѣ 1850 года, вмѣстѣ съ моимъ незабвеннымъ землякомъ и другомъ Гоголемъ. Въ этомъ пути онъ былъ моимъ новымъ и послѣднимъ ученикомъ въ ботаникѣ. Я простился съ нимъ 18 августа, прогостивъ у него 10 дней, на его родинѣ... А за 25 лѣтъ, докончивъ свое ботаническое странствіе по московской губерніи, я провелъ августъ мѣсяцъ въ кругу своей семьи, посѣтивъ и Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ видѣлъ тогда императора Александра на пути въ Крымъ и Таганрогъ.

Воротясь въ Москву, я сталъ, въ ноябрѣ 1825 года, преподавателемъ хозяйственной ботаники и садоводства, въ земледѣльческой школѣ, по приглашенію директора ея, моего незабвеннаго наставника и товарища Павлова; и былъ я тамъ преподавателемъ 4 года, а въ февралѣ 1826 года началъ я преподаваніе естественной исторіи въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, въ которомъ я и преподавалъ ее 7 лѣтъ. Въ то же

время, т. е. въ февралѣ 1826 года, я назначенъ былъ, по предложенію попечителя А. А. Писарева, къ завѣдыванію университетскимъ ботаническимъ садомъ, къ болѣвшему профессору ботаники Гофману. Онъ скончался марта 5-го; мнѣ предписано было занять его мѣсто въ Ботаническомъ саду, куда и перемѣстился я тогда изъ университетскаго дома. Въ то время напечаталъ я въ Новомъ Магазинѣ—«Жизнь московскаго профессора ботаники Гофмана».

Съ начатіемъ новаго академическаго года, т. е. въ августѣ 1826 года, преподаваніе ботаники поручено было временно старшему товарищу моему Александру Фишеру, доктору медицины, бывшему адъюнктомъ при отцѣ своемъ въ медико-хирургической академіи московской. А мнѣ, остававшемуся начальникомъ сада и гербарія университетскаго, поручено было въ томъ году преподавать въ университетѣ общій курсъ естественной исторіи, а для слушателей ботаники заняться показаніемъ и объясненіемъ живыхъ растеній. Для занятія каѳедры ботаники, которую предположено было занять мнѣ послѣ Гофмана, надобно мнѣ было, по тогдашнему положенію, получить степень магистра, и я будучи, уже преподавателемъ въ трехъ заведеніяхъ, принялся за позабытую мною уже половину оставленнаго мною факультета, и въ январѣ 1827 года выдержалъ магистерскій экзаменъ. Утомленный этимъ экзаменомъ, я взялъ отпускъ на 21 день и отгулялъ Масляную въ Малороссіи въ домѣ отцовскомъ и воротился въ Москву съ богатою жатвою малороссійскихъ пѣсенъ... Въ продолженіе Великаго поста написалъ я магистерское разсужденіе: «О системахъ растительнаго царства», и напечатавъ оное, публично защитилъ 30 іюня. А между тѣмъ уже печатались мои «Малороссійскія пѣсни», съ объясненіемъ и сравнительнымъ словаремъ, для котораго я, въ продолженіе вакацій, прочелъ и славянскую грамматику Добровскаго, и Сербскій словарь Вука Стефановича. (Вы первый почтили разборомъ эти пѣсни, въ Московскомъ Вѣстникѣ, а напечатались они иждивеніемъ С. А. Соболевскаго. И вошли онѣ тогда въ славу, и у насъ на Руси, и въ Славянщинѣ Западной).

Впродолженіе сего времени, знаменитый профессоръ Фишеръ де Вольдгеймъ предлагалъ мнѣ быть адъюнктомъ зоологіи

при немъ, чтобы каѳедра ботаники осталась за его сыномъ... Мнѣ бы слѣдовало принять это предложеніе. Зоологія у меня шла постоянной спутницею ботаники, и я скорѣе сталъ бы профессоромъ.. но не профессоромъ ботаники. Послѣ обѣда у знаменитаго натуралиста, когда онъ мнѣ предложилъ это, я просилъ его сдѣлать все это мимо меня, не вызывая моего отреченія отъ науки, которой я посвятилъ себя, и выразилъ удивленіе мое, что сынъ не наслѣдуетъ ни славы, ни богатыхъ способовъ, стяжанныхъ отцомъ по зоологіи.

Дѣло это рѣшилось тѣмъ, что Двигубскій, ставшій ректоромъ послѣ Антонскаго, занялъ каѳедру ботаники,—съ тѣмъ будто бы, что черезъ два года, когда свершится его эмеритура, онъ передастъ ее мнѣ. Чего же и желать еще! Въ каталогѣ лекцій на 1827—1828 годъ объявлено было, что Иванъ Двигубскій и проч. по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, въ 10 часу утра, будетъ читать ботанику по собственнымъ сочиненіямъ и утвержденному конспекту; вспомоществовать ему будетъ кандидатъ физ.-мат. отд. Михаилъ Максимовичъ. (Это значило, что читать лекціи будетъ кандидатъ Максимовичъ, а получать жалованье по каѳедрѣ будетъ профессоръ и ректоръ Двигубскій). Въ концѣ того же каталога объявлено, что Ботаническимъ садомъ завѣдываетъ кандидатъ Максимовичъ, который въ лѣтнее время будетъ изъяснять свѣжія растенія; онъ же показываетъ и университетскій травникъ (т. е. гербарій).

Кандидатъ Максимовичъ, пробывъ въ этомъ званіи 4 года и 5 мѣсяцевъ, утвержденъ былъ въ степени магистра физ. матем. наукъ 28 ноября 1827 года. Отрекшись отъ предлагаемаго ему путешествія вокругъ свѣта, довольный надеждою на близкое профессорство и пребываніемъ въ ботаническомъ саду, онъ работалъ въ немъ, какъ украинскій волъ на подножномъ корму. Успѣхъ его лекцій въ университетѣ, его писаній въ литературномъ мірѣ, окрылялъ его въ трудахъ... Много потрудился онъ безвозмездно и для своего профессора-ректора, и въ журналѣ и въ другихъ его изданіяхъ.

Въ маѣ 1828 года, окончивши первый курсъ моихъ ботаническихъ лекцій, началъ я печатать I часть «Основаній ботаники, содержащую органологію растеній». Книга вышла не дурна, достоинства современнаго (по крайней мѣрѣ, ото всѣхъ ботаниковъ была ей похвала). Профессоръ Черняевъ тогда же принялъ ее за руководство; да и берлинскій профессоръ Линкъ привелъ изъ нея мое опредѣленіе растенія въ своей «Elementa Philosophiae Botanicae», 1837 г. Послѣ вакаціи, когда воротился въ Москву изъ деревни мой профессоръ (издавшій Вильдекова ботанику подъ именемъ Двигубскаго), я поднесъ ему экземпляръ новой книги моей, въ нарядномъ бѣло-кожаномъ переплетѣ. Взглянувъ на заглавный листъ, онъ бросилъ книгу на столъ съ небреженіемъ, провѣщавъ мнѣ: «Рано вамъ еще писать ботаники!»—«Время всѣмъ, и всякой вещи подъ небесѣмъ, Иванъ Алексѣевичъ!» сказалъ я и ушелъ отъ него. Мнѣ грустно стало положеніе мое и особенно потому, что я не могъ дѣйствовать для науки моей изъ-за ректора-профессора моего, заслонившаго собою мнѣ путь, какъ китайскою стѣною.—Стану-ли говорить объ улучшеніи сада:—«На кой чортъ», говоритъ онъ, «нѣтъ денегъ,—садъ (учрежденный Петромъ Великимъ) надо продать; для показанія студентамъ растеній довольно и садика на университетскомъ дворѣ, или при обсерваторіи...». Ему и не говори, что садъ нуженъ для науки и для профессора, который долженъ непрестанно уравниваться съ современнымъ состояніемъ науки!—При бѣдности московскихъ средствъ заниматься ботаникою, я тогда же порывался перемѣститься въ Петербургъ, гдѣ и Академія, и Императорскій садъ, и ботаническій Фишеръ; но всѣ мѣста заняты, а на два вакантныя мѣста въ саду были уже «сильно рекомендованные люди» (т. е. нѣмцы).

Въ половинѣ декабря того года пріѣхалъ въ Москву министръ просвѣщенія князь Ливенъ, и началъ посѣщать лекціи. Вотъ, думаю, случай благопріятный; и подготовилъ лекцію добрую... Входитъ министръ; ожидаю, что ему представятъ меня; но обо мнѣ и помину нѣтъ: мой ректоръ-профессоръ самъ вступаетъ на катедру, съ охапкою своихъ «Изображеній растеній...». Не мастеръ

на лекціи былъ онъ и въ физикѣ, которыя тянулись у него усыпительно и вяло; а тутъ, не читавши Ботаники, въ присутствіи министра онъ переконфузился, и вмѣсто лекціи сталъ онъ студентовъ моихъ, привыкшихъ къ живымъ растеніямъ, экзаменовать по своимъ рисункамъ; отвѣты были невпопадъ, не лучше вопросовъ... Министръ черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ авдиторіи. Только что началъ я лекцію, какъ возвращается мой не «великолѣпный» ректоръ, и до того забылся, что началъ мнѣ при студентахъ говорить: «Чему вы ихъ учите! они ничего не знаютъ у васъ! читайте-ка, я послушаю, какъ вы преподаете!..».

Студенты у меня были одинъ одного лучше—Алексѣй Савичъ, Діомидъ Пассекъ и другіе; и нѣкоторые изъ нихъ уже знали ботанику—Богъ свидѣтель—лучше Двигубскаго. Они были поражены его обидною выходкою и удивились, какъ достало духу у меня, поблѣднѣвшаго какъ полотно, сѣсть и начать лекцію спокойно... Какъ бы иначе мнѣ тогда поступить?... Взволнованный сильно первую минуту, я тотчасъ же овладѣлъ собою, и чувствуя совершенное преимущество свое въ этой сценѣ,—я подумалъ только, взглянувъ на Двигубскаго: «сова, ты, сова!» (совою прозывался онъ въ университетѣ), и началъ говорить лекцію, какъ-бы его не было... Вдругъ онъ, при какомъ-то сказанномъ мною ботаническомъ терминѣ, заговорилъ: «Къ чему эти всѣ нововведенія!... все это вздоръ!»—«Это изъ вашей ботаники. .»—сказалъ я со смиреніемъ такъ, что студенты захохотали,—и мой профессоръ вышелъ изъ авдиторіи... На другой день министръ опять ходитъ по лекціямъ; Двигубскій присылаетъ ко мнѣ въ садъ студента спросить, буду ли я сегодня читать лекцію. «Доложите, господину ректору, что я уже совсѣмъ не буду читать лекцій въ университетѣ...» Тогда онъ крѣпко струсилъ, боясь, чтобы эта исторія не дошла до министра; началъ передъ студентами хвалить меня преувеличенно, объясняя бывшее «недоразумѣніе» тѣмъ, что у всякаго своя метода и т. п.

Вотъ, любезный Степанъ Петровичъ, какія выдерживалъ я сцены на катедрѣ ботаники!.. А между тѣмъ мое отреченіе отъ зоологіи поставило меня въ разладъ съ Фишеромъ... И была мнѣ

препона, какъ русскому натуралисту, напримѣръ, въ обществѣ Испытателей Природы, гдѣ былъ я членомъ... На то собраніе, которое было для Гумбольдта... и на другое торжественное собраніе, въ которомъ былъ и президентъ Академіи Наукъ Уваровъ, предъявленныя мною и назначенныя для прочтенія статьи мои— прямо скажу, блестящія,— оставались недопущенными къ чтенію... Выпускали даже Петрозиліуса читать шутовскую поэму о фарфорѣ; а Максимовичъ оставался въ тѣни. Когда кончилось второе собраніе,—въ которомъ собственно для меня былъ цѣлый рядъ нашихъ москвичей, Фишеръ, мягко стелющій, подошелъ съ извиненіемъ, что не стало времени... «Я знаю, В. П., причину», сказалъ я во всеуслышаніе. «Какую же?» «Ту, что я русскій!..». Это была сущая правда: естествоиспытательныя науки въ Россіи словно на откупу были у нѣмцевъ, еще и въ мою пору; русскому человѣку вельми трудно еще было тогда на этомъ поприщѣ...[1]).

Но я отдалился отъ моей исторіи. Докончивъ второй годъ преподаванія ботаники, я ѣздилъ въ Петербургъ, въ августѣ 1829 года, и тамъ, въ Императорскомъ саду и въ бесѣдахъ съ Фишеромъ, повѣрилъ и пополнилъ свои ботаническія знанія. Въ то же время былъ я представленъ отъ университета въ адъюнкты, и утвержденъ министромъ 28 октября—«безъ производства однако жалованья», такъ какъ я былъ представленъ въ адъюнкты сверхъ штата.., а магистерское жалованье состояло въ 400 рубляхъ ассигн.; и мнѣ надо было прибавлять къ этому еще много, ибо у меня на рукахъ были въ Москвѣ два брата.

Въ началѣ 1830 года, когда кончилось 75-лѣтіе Московскаго университета, въ собраніи 12 генваря говорилъ я «Рѣчь объ участіи Московскаго университета въ просвѣщеніи Россіи».

Въ 1832 году, тоже въ университетскомъ собраніи 12 генваря, я сказалъ другую рѣчь —«О русскомъ просвѣщеніи».—Университетъ московскій и просвѣщеніе русское были предметы близкіе душѣ моей, и потому я добровольно вызвался на эти двѣ рѣчи.

---

[1]) Эти факты, разсказанные на стр. 333—335, пропущены въ «Словарѣ».

Былъ уже пятый годъ, какъ я вспомоществовалъ, а Двигубскій читалъ ботанику, не читаючи... Онъ былъ уже заслуженный профессоръ, но катедру мнѣ не передавалъ. Большая часть профессоровъ смотрѣла на это съ неудовольствіемъ. Отдѣленіе физико-математическихъ наукъ 26 генваря 1832 года представило совѣту о возвышеніи меня въ экстро-ординарные профессоры сверхъ комплекта. Съ разрѣшенія попечителя происходило баллотированіе въ Совѣтѣ. Погодинъ и я получили большее число избирательныхъ шаровъ. Но министръ Ливенъ не утвердилъ насъ, поелику штатное число экстр.-орд. проф. было наполнено. Между тѣмъ, когда я представленъ былъ въ экстра-ординарные профессоры,—и Двигубскій вошелъ тогда въ Совѣтъ о посылкѣ меня въ Кавказскую область для собиранія растеній и для поправленія минеральными водами моего разстроеннаго здоровья. Попечитель князь С. М. Голицынъ утвердилъ это, 23 марта, съ назначеніемъ мнѣ на путешествіе двухъ тысячъ р. асс. изъ хозяйственныхъ суммъ университета.

Съ мая по сентябрь пробылъ я въ Кавказской области: и эта поѣздка была для меня не трудомъ, а благотворнымъ развлеченіемъ и отдыхомъ.—Когда я вернулся въ Москву, помощникъ попечителя, Д. И. Голохвастовъ того же дня представилъ меня товарищу министра С. С. Уварову, обозрѣвавшему тогда Университетъ.. «Я завтра слушаю вашу лекцію!» сказалъ мнѣ Сергій Семеновичъ.

Лекцій я никогда не писалъ; написанная лекція меня связывала и сбивала... Я подбиралъ только содержаніе лекціи, а обдумывалъ ея изложеніе, ѣдучи отъ Сухаревой на Моховую... И помня, что послѣ четырехмѣсячной вакаціи, съ свѣжими впечатлѣніями Кавказа, ту первую лекцію сказалъ я такъ хорошо, что и самъ ею остался вполнѣ доволенъ. Видно было, что краснорѣчивый президентъ Академіи Наукъ не ожидалъ такой ботаники отъ московскаго адъюнкта: ибо, когда я пріѣхалъ въ назначенный день къ нему на обѣдъ (онъ стоялъ у камина, возлѣ него одесную А. С. Пушкинъ, и ошую И. И. Давыдовъ),—онъ тотчасъ же сказалъ: «а я только что говорилъ съ Иваномъ Ивано-

вичемъ о вашей лекціи... Я удивляюсь вашему дару слова... у васъ совершенно литературное выраженіе...»—На это заговорилъ Пушкинъ: «да мы г. Максимовича давно считаемъ нашимъ литераторомъ; онъ подарилъ насъ малороссійскими пѣснями»... et cetera... (На этомъ обѣдѣ были, если не ошибаюсь, и Вы, и Погодинъ, и Строевъ, съ надѣтою въ тотъ день на шею Анною... И послѣ того М. Г. Павловъ, подгуливая надо мною, спрашиваетъ бывало: «да объясните мнѣ, какое различіе между *ученымъ* и *литераторомъ*!»).

По окончаніи академическаго года, въ августѣ 1833 года, Двигубскій уволенъ былъ отъ университета съ пенсіей; каѳедра ботаники, оставшаяся вакантною, поручена была мнѣ,—и 23 августа я выбранъ былъ въ Совѣтѣ въ ординарные профессоры ботаники, и утвержденъ 27 сентября.

Я сталъ, наконецъ, тѣмъ, къ чему стремился, ѣдучи въ Москву, за 14 лѣтъ. . и будь это годами четырьмя ранѣе, я почелъ бы себя счастливцемъ. А теперь... грустно и даже совѣстно было, что Павловъ и нѣкоторые другіе товарищи мои болѣе меня радовались моему профессорству!...

Они видѣли мое болѣзненное истомленіе, знали, что я не могъ уже читать правымъ глазомъ; но никто не зналъ, чѣмъ больна у меня душа... Еще въ 1829 году, когда я былъ въ Петербургѣ, я получилъ тамъ извѣстіе о смерти матери моей, которой любовь ко мнѣ была моимъ геніемъ хранителемъ, и которую радовать собою было для меня первѣйшимъ счастьемъ.. И это сбылось тогда, когда у насъ положено было, что она переѣдетъ ко мнѣ въ Москву съ 7-лѣтнею сестрою моею; и я ждалъ уже ихъ къ себѣ въ ботаническій садъ... Любимый и привычный планъ жизни разстроился. Моя живая печаль о ней обратилась въ томительную для меня тоску по родинѣ... Можетъ быть я и перемогъ бы эту тоску, какъ перемогалъ я многое въ душѣ; но назначеніе новаго университета въ Кіевѣ повлекло меня туда неодолимою силою. Туда же согласился со мною перемѣститься и мой незабвенный землякъ Гоголь; но ему не удалось этого: да и мнѣ для того надо было вмѣсто ботаники взять каѳедру русской словесности.—Мая 4-го 1834 года назначенъ былъ я ординар-

нымъ профессоромъ русской словесности въ университетъ св Владиміра и вмѣстѣ деканомъ 1-го отдѣленія философскаго факультета.

Готовясь къ новому поприщу, я доканчивалъ въ Московскомъ университетѣ преподаваніе ботаники, которое кончилъ 30 іюня, пробывъ только 9 мѣсяцевъ въ званіи профессора, послѣ 4-лѣтняго адъюнктства. Всего же прослужилъ я въ Московскомъ университетѣ 11 лѣтъ, въ томъ числѣ преподавателемъ—8 лѣтъ. Мнѣ предписано было отъ министра поспѣшить въ Кіевъ и явиться прежде 15 іюля, въ которое предположено открытіе университета. Я выѣхалъ изъ Москвы 5 іюня, послѣ университетскаго акта, гдѣ въ исторической запискѣ прочтена была лестная для меня аттестація о моихъ трудахъ (въ университетѣ, въ которомъ прошло второе, лучшее 15-лѣтіе моей жизни).

Поспѣшая въ Кіевъ, мимоѣздомъ побывалъ я у отца моего и на могилѣ матери, и 13 іюля былъ уже я въ Кіевѣ, не видѣнномъ мною съ младенчества. Того же дня я былъ уже въ университетскомъ засѣданіи; и того же дня попечитель фонъ-Брадке возложилъ на меня исправленіе должности ректора. Іюля 15-го былъ я участникомъ и свидѣтелемъ торжественнаго открытія университета св. Владиміра. Въ сентябрѣ началъ я преподаваніе русской словесности; а октября 16 того же 1824 года, по положенію комитета гг. министровъ, Высочайше утвержденъ я ректоромъ университета св. Владиміра.

«Мы съ вами все какъ на пожарѣ или на войнѣ!» сказалъ я однажды моему попечителю... а онъ тому и радъ!... Многотрудныя занятія по устройству новаго университета (въ которомъ тогда былъ и училищный комитетъ для управленія округомъ),—и въ тоже время занятія по новой для меня каѳедрѣ, еще сильнѣе изнурили мое здоровье... Я видѣлъ ясно, что мнѣ надо было или оставить преподаваніе, или сложить съ себя ректорство, которому конца не могъ я выждать, ибо былъ ректоромъ не на срокъ избраннымъ... Въ три полугодія, все, для чего нуженъ былъ я какъ ректоръ, и что зависѣло отъ меня, было уже сдѣлано, и университетъ былъ уже въ ходу; а въ наукѣ моей чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и надо было въ ней, почти на

каждомъ шагу, пролагать себѣ новые пути. (Вы, Шевыревъ, лучше другихъ это знаете по себѣ, работавши надъ тою же наукою, въ томъ же объемѣ и самобытно, почти въ одно со мною время... Да у васъ подъ рукою въ Москвѣ были бóльшія, чѣмъ въ Кіевѣ, книжныя средства для исторіи русской словесности... Почему и сказалъ я объ Васъ,—въ одномъ письмѣ моемъ къ покойному Н. М. Языкову: «ему и книги въ руки!»). При наступившей на меня болѣзни, въ одинъ прекрасный вечеръ, подалъ я попечителю прошеніе объ увольненіи меня, за болѣзнію, отъ должности ректора; и 11 декабря 1835 года послѣдовало на то Высочайшее соизволеніе. Декабря 21, въ засѣданіи совѣта, прочтено было объ этомъ предложеніи попечителя и его письмо ко мнѣ, выражавшее благодарность за управленіе университетомъ; послѣ чего я сказалъ слѣдующее прощальное слово къ членамъ университета.

Прощальное слово къ членамъ императорскаго университета св. Владиміра отъ ректора Максимовича, по прочтеніи предложенія объ увольненіи его отъ сей должности, въ засѣданіи совѣта 21 декабря 1835 г.

Изъ предложенія сего видите, любезные товарищи, причину моего преждевременнаго увольненія отъ ректорства. При всей слабости моего здоровья, я старался, сколько могъ, исполнять сію должность, и тогда только пожелалъ освобожденія отъ оной, когда сталъ чувствовать, что не въ силахъ уже продолжать ее такъ, какъ бы желалъ, и какъ должно. Никакая другая причина не дала бы мнѣ права, оставаясь здѣсь, оставить должность, ввѣренную мнѣ правительствомъ, и притомъ столь важную и для меня лестную: ибо каково бы ни было еще мое служебное поприще, но я, конечно, никогда уже не могъ бы сказать себѣ ничего лучшаго, какъ то, что я былъ первымъ ректоромъ университета св. Владиміра. Самымъ лучшимъ воспоминаніемъ моей гражданской жизни будутъ мнѣ эти три полугодія, когда я вмѣстѣ съ вами принималъ столь близкое участіе въ образованіи новаго университета, когда я имѣлъ честь быть предсѣдателемъ сословія, состоящаго изъ членовъ столь достойныхъ. Да! я почитаю обязанностію сказать теперь открыто, какъ результатъ моего наблю-

денія, что въ нашемъ сословіи, при такой готовности и безкорыстномъ усердіи къ труду, при такомъ общемъ стремленіи къ точному исполненію своихъ обязанностей, было рѣдкое уваженіе и довѣріе другъ къ другу, рѣдкое согласіе и единодушіе.

Сему то единодушію и согласію мы обязаны за успѣхъ нашихъ первыхъ трудовъ,—за эту простоту и легкость, съ которою трудныя дѣла мы рѣшали какъ самыя обыкновенныя и ежедневныя,—за то вниманіе, которое такъ постоянно сохраняетъ къ намъ нашъ попечитель, служащій намъ образцемъ службы и дѣятельности, и нашъ просвѣщеннѣйшій министръ,—и, наконецъ, за благосклонность къ намъ нашего возлюбленнаго государя!

Несомнѣнны наши и будущіе успѣхи, если въ сословіи нашемъ сохранится то братское согласіе и та общая забота о своемъ долгѣ, которыми отличалось оно доселѣ; если мы всѣ, стремясь къ пользамъ просвѣщенія, заботясь о благѣ, чести и славѣ университета нашего, будемъ дорожить добрымъ именемъ каждаго нашего товарища.

Благодарю васъ, любезные товарищи и сотрудники, за ваше вниманіе ко мнѣ и содѣйствіе! Если я былъ полезенъ университету, то этимъ я обязанъ вамъ; и если въ комъ либо изъ васъ произвелъ собою непріятное впечатлѣніе, прошу великодушно простить, ибо то было безнамѣренно. Я думаю, что все личное, частное, особенное, не теряя своей самобытности, должно согласоваться съ общимъ закономъ необходимости; и въ оправданіе моего управленія скажу, что я старался соблюдать пользу и достоинство нашего университета, руководиться искренностью и прямотою мнѣнія, и вмѣстѣ желаніемъ, чтобы всѣ предпріятія и рѣшенія совѣта были исполнимыя на самомъ дѣлѣ. Такъ ли я дѣйствовалъ, о томъ—вы лучшіе судіи мои. Я же теперь, оставляя, можетъ быть навсегда, мое ректорство, буду съ благодарностью къ вамъ вспоминать объ немъ, какъ объ лучшемъ времени моей гражданской жизни. Дай Богъ, чтобы и всѣмъ будущимъ преемникамъ моимъ было такъ хорошо служить, какъ было мнѣ съ вами.

Этимъ словомъ, и прощальнымъ обѣдомъ мнѣ отъ Университета и Попечителя, покончилось мое ректорство, въ продолженіе котораго я трижды исправлялъ должность Попечителя (на основаніи § 6 Проекта Устава Университета Св. Владиміра).

Занявшись тогда привольно своею катедрою и наукою, я отказывался и былъ увольняемъ отъ университетскихъ выборовъ, и только разъ, по просьбѣ новоизбраннаго ректора К. А. Неволина, я согласился на выборъ меня въ деканы на одинъ годъ, и былъ утвержденъ министромъ, 12 августа 1837 года.

Въ томъ же году я два раза въ Кіевѣ былъ ораторомъ. Въ первый разъ, 10 апрѣля, сказалъ я рѣчь надъ гробомъ генералъ-фельдмаршала князя Ф. В. фонъ-деръ-Остенъ-Саксена (бывшаго въ 1814 году генералъ-губернаторомъ города Парижа).

Въ другой разъ, 2 октября, въ торжественномъ собраніи университета, бывшемъ въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова. Тогда ожидали къ этому дню въ Кіевъ наслѣдника цесаревича, и собраніе было великолѣпное, со всѣхъ трехъ западныхъ губерній. Я произнесъ рѣчь—объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи. Вспоминая живое впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, я съ удовольствіемъ могу сказать, что въ этомъ великолѣпномъ собраніи было—мое торжество. С. С. такъ былъ одушевленъ, что когда я кончилъ рѣчь, словами: «во свѣтѣ твоемъ узримъ свѣтъ!», онъ былъ уже у каѳедры и привѣтствовалъ меня одобрительными рукопожатіями. Митрополитъ сказалъ мнѣ: никогда васъ и рѣчи вашей не забуду!. «Златоустый витія кіевскій» назвалъ ее брилліантовою—и этимъ названіемъ словно напророчилъ мнѣ большой брилліантовый перстень, который я получилъ 7 октября отъ наслѣдника, за поднесеніе его высочеству рѣчи моей, тогда уже напечатанной, записки о Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ моихъ Кіевскихъ сочиненій. Сергій С. прислалъ мнѣ этотъ перстень съ своимъ, тогда еще юнымъ, сыномъ Алексѣемъ, которому я былъ путеводителемъ по Кіеву.

Моею лекціею, которая случилась тогда,—о народныхъ пѣсняхъ великорусскихъ—С. С. тоже былъ совершенно доволенъ и сказалъ: «почему Вы не печатаете этого», а при первомъ пред-

ставленіи университета ему въ пансіонскомъ домѣ, онъ спросилъ меня о здоровьѣ и сказалъ: «я только для этого и согласился отпустить его въ Кіевъ; онъ былъ нуженъ мнѣ для Москвы»! Къ довершенію удовольствія моего въ то время, прибылъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ Жуковскій (къ сожалѣнію послѣ 2 октября)... Три памятныхъ дня провелъ я съ нимъ, обозрѣвая и обходя всѣ примѣчательныя мѣста Кіева... до тѣсной пещеры Варяжской, гдѣ онъ на стѣнѣ начертилъ свое имя. Въ пещерахъ мы провожали его съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, поздно вечеромъ, когда былъ фейерверкъ въ дворцовомъ саду для наслѣдника. Октября 8 простился я съ Жуковскимъ, и навсегда!

Я распространился Вамъ объ этой осени, какъ о послѣдней, когда жизнь моя была въ полномъ цвѣту своемъ, подживленная 1836 года 4-мѣсячною гульбою въ Одессѣ и въ Крыму по Черному морю: въ ту пору уволенъ былъ я на 4 мѣсяца, для пользованія здоровья, по положенію комитета министровъ, высочайше утвержденному 21 апрѣля, съ выдачею мнѣ въ пособіе 2,000 руб. ассигн. изъ суммъ университета.

Съ 1838 года жизнь моя пошла уже подъ горку и въ 1839 году я съ трудомъ уже передвигалъ ноги, и лѣвымъ глазомъ моимъ читать могъ уже не въ очки, а въ увеличительное стекло. Съ половины того года лекціи преподавалъ я уже въ квартирѣ моей, гдѣ производились и всѣ тѣ экзамены, въ которыхъ мнѣ надо было участвовать. Подъ конецъ 1840 года я не въ силахъ былъ уже и лекцій читать, и принужденъ былъ подать въ отставку, по совершенно разстроенному здоровью. Университетъ и попечитель князь С. И. Давыдовъ представили меня къ полной пенсіи. Министръ С. С., возвращавшійся тогда изъ чужихъ краевъ и бывшій въ Кіевѣ, тоже больнымъ, обѣщалъ мнѣ сдѣлать съ своей стороны все, что можетъ: и я въ началѣ 1841 года, 36-ти лѣтъ отъ роду, получилъ отставку, съ выдачею мнѣ единовременно годового оклада жалованья изъ государственнаго казначейства и съ производствомъ въ пожизненную пенсію двухъ третей оклада жалованья ординарнаго профессора, т. е. по 762 р. 45 коп. серебромъ въ годъ. Получивъ аттестатъ

отъ университета 26 апрѣля, я черезъ три дня выѣхалъ изъ Кіева, принявъ прощальное благословеніе преосвященнаго Иннокентія, отправлявшагося тогда въ Вологду на епархію.

Я думалъ, какъ и всѣ предполагали, что скоро уже и Богу душу отдамъ. Но проживъ два года сиднемъ на моей Михайловой Горѣ (что надъ Днѣпромъ противъ устья Роси), не читающимъ и непишущимъ селяниномъ-отшельникомъ, отрекшимся отъ всякаго врачевства и отложившимъ всякое попеченіе житейское, я опять сталъ на ноги, сталъ въ силахъ читать и писать по-немногу...

Между тѣмъ въ университетѣ, на оставленную каѳедру не могли найти профессора; и князь С. И. Давыдовъ просилъ меня письмомъ, а потомъ и оффиціальнымъ приглашеніемъ, занять хотя временно каѳедру, до пріисканія профессора. По этому случаю я опять преподавалъ въ университетѣ Русскую Словесность по-урочно,—съ сентября 1843 года; и отъ занятія сего уволенъ 12 іюля 1845 года, съ объявленіемъ мнѣ признательности министерства народнаго просвѣщенія за труды по преподаванію. На каѳедру же опредѣленъ былъ кандидатъ московскаго университета А. И. Селинъ.

При этихъ занятіяхъ, въ ноябрѣ 1843 года, приглашенъ былъ я генералъ-губернаторомъ Д. Г. Бибиковымъ въ учрежденную при немъ по высочайшему повелѣнію временную коммиссію для разбора древнихъ актовъ; и будучи членомъ ея, при самомъ ея началѣ, былъ я редакторомъ и 1-го отдѣленія въ первомъ томѣ памятниковъ, изданныхъ въ 1845 году.

Съ возобновленіемъ пристальныхъ трудовъ, воротилась было ко мнѣ прежняя болѣзнь на все лѣто 1845 года. А потому я, поправивъ себя нѣсколько искусственными минеральными водами и гульбою въ дворцовомъ саду, воротился опять въ свою Михайлогорскую хату.—Отсюда, въ маѣ 1847 года, опять ѣздилъ я въ Кіевъ, на десять мѣсяцевъ, для книгопечатанія чужихъ и своихъ сочиненій. А въ 1849 году, посѣтивъ дядю моего Илію Ѳедоровича въ Турановкѣ, продвинулся оттуда и въ Москву, на 16 году моего изъ нея отбытія, и увидѣлъ ее подъ вечеръ 21 октября...

Спознавшись съ нею вновь, я сталъ думать опять о ней, о моемъ перемѣщеніи въ нее, тѣмъ болѣе, что съ 1850 года здѣсь на родинѣ была мнѣ утрата за утратой: похоронилъ отца, и сестру-питомицу мою, и еще нѣсколькихъ близкихъ сердцу людей; а оставшись одинокъ, на моей Михайловой Горѣ и увидя, «яко не добро человѣку быти единому», женился весною прошлаго 1853 г., на украинкѣ, родившейся на той же Згари, что и я. Вотъ чѣмъ увѣнчалась моя жизнь, которой въ этомъ году сентября 3-го свершится полвѣка. Мой прадѣдъ, и дѣдъ, и отецъ, кончили свой вѣкъ на 70-мъ году: если бы и мнѣ суждено было тоже, то въ 20 лѣтъ, живучи въ Москвѣ, я написалъ бы, кажется, что нибудь дѣльное, но не въ томъ дѣло. Мнѣ надобно еще мое письмо къ вамъ дополнить тѣмъ, что относится къ прожитой мною жизни, о которой краткую исторію и дружескую исповѣдь написалъ я вамъ теперь, на память о себѣ, по запросу вашему...

Далѣе слѣдуетъ перечень трудовъ ученыхъ и литературныхъ почти въ томъ-же изложеніи, что и въ «Словарѣ». Заканчивается автобіографія сообщеніемъ данныхъ изъ формулярнаго списка о службѣ, что цѣликомъ и напечатано въ «Словарѣ». Послѣ всего этого, М. А. Максимовичъ на послѣднемъ листочкѣ своей рукописи, случайно взятомъ изъ начатой имъ статьи о Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ съ написаннымъ на листочкѣ словомъ «помянникъ», пишетъ, обращаясь къ С. П. Шевыреву слѣдующее:

Вотъ Вамъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, полвѣка жизни моей, сжаты въ одну горсть: передаю ее въ Ваши дружескія руки; дѣлайте изъ нея, что Вамъ угодно! Съ своей стороны, попрошу только поручить кому либо списать для меня уютную копію сего письма, чтобы оставить ее на память о себѣ моей Марусѣ [1]). Обнимаю Васъ и желаю Вамъ всякаго благополучія въ жизни и въ наукѣ!

Вашъ М. Максимовичъ.

2 апрѣля 1854 года, на Михайловой Горѣ.

---

[1]) Мар. Вас. Максимовичъ—жена М. А—ча.

Помянникъ.

(P. S. Вотъ съ какимъ словцомъ попался мнѣ, въ конецъ письма,—листокъ, за недостаткомъ бумаги взятый изъ тетрадки, назначенной для замѣтокъ о разныхъ украинцахъ... Написано было въ ней только о *Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ*, о которомъ удалось наконецъ доискаться мнѣ 1852 г. въ Петропавловскомъ Глуховскомъ монастырѣ, гдѣ онъ долго былъ архимандритомъ и тамъ скончался... Кстати быть этому листку исходнымъ въ моемъ длинномъ письмѣ къ Вамъ о себѣ самомъ... Можетъ быть подъ вліяніемъ этого словца—*Помянникъ*, сегодня, когда я перечитывалъ и поправлялъ свою автобіографію, овладѣло мною такое чувство, какъ будто я читаю о себѣ, какъ уже о покойникѣ!... Впрочемъ, я не разъ уже видѣлъ приступы къ себѣ неизбѣжной ни для кого *семерётки*, и сроднился съ мыслію объ ней, особливо въ первый годъ моей отставки... А въ прошломъ декабрѣ, на Спиридона *Солноворота*, я видѣлъ сонъ, который кстати будетъ вписать въ *эпилогъ* къ моему письму... Видѣлось мнѣ, будто я уже при смерти, и ухаживаетъ за мною въ слезахъ покойная сестра моя Елена; и уже хлопочутъ о гробѣ и похоронахъ моихъ; и началъ сходиться народъ поглядѣть на меня, а въ толпѣ его стою и я, и гляжу на себя, лежащаго въ гробу на столѣ... и не узнаю лица своего, худого и посинѣлаго; а сестра говоритъ: будемъ читать «Вѣрую во Единаго Бога» – и выхожу съ нею изъ домика своего, и думаю: не успѣлъ умереть, а уже выломали и стѣнку въ новенькомъ крылечкѣ (сдѣланномъ въ октябрѣ)... и проснулся въ волненіи... А на другой день вижу во снѣ Гоголя, будто пришелъ ко мнѣ, и говоритъ: послушай, какую спою тебѣ пѣсню! и ставши среди комнаты, начинаетъ выпѣвать сквозь зубы, съ своими жестами, такіе глубокіе и сильные звуки, и все crescendo, что я и пробудился отъ нихъ съ слезами на глазахъ... А черезъ нѣсколько дней опять вижу Гоголя, въ Москвѣ, и съ нимъ всѣ мы за круглымъ столомъ въ веселой пирушкѣ; и хлопочетъ онъ надъ вазою, готовя напитокъ, какъ бывало готовилъ именинную жженку, и, кончивъ, говоритъ: ну, господа, выпьемъ мы

теперь *Шлецера.* И Погодинъ первый беретъ бокалъ и торжественно выпиваетъ Шлецера! И ставъ на колѣни передъ Гоголемъ, благодаритъ его и плачетъ отъ умиленія, что Шлецеръ удостоился такой чести отъ Гоголя... Странно: о кончинѣ Гоголя пришла мнѣ вѣсть отъ сестры моей изъ Золотоноши, въ день его рожденія, и въ тотъ день, какъ хоронила его Москва, здѣсь хоронилъ я мою любимую украинку, мать моей нынѣшней жены!.. Но что же это я заговорился о покойникахъ... «что до мертвыхъ, что до гроба!» Когда вы получите мое письмо, вся Москва будетъ ликовать свѣтло-празднично о Господѣ Воскресшемъ изъ мертвыхъ и даровавшемъ жизнь во гробѣхъ сущимъ!—Заблаговременно цѣлую Васъ!

3 апрѣля.

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ.

(Къ столѣтію годовщины его рожденія).

3 сего сентября текущаго года исполнится сто лѣтъ со дня рожденія одного изъ лучшихъ сыновъ нашей родины, извѣстнаго ученаго Мих. Алекс. Максимовича. Крупныя заслуги послѣдняго передъ наукой являются достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы еще разъ вспомнить съ благодарностію о выдающейся его личности. И тѣмъ болѣе умѣстно остановиться на этомъ писателѣ, что и самое изученіе его далеко отстоитъ отъ желаемой полноты: ни личность его не объяснена должнымъ образомъ, ни ученые его труды не нашли еще надлежащей оцѣнки.

А между тѣмъ личность Максимовича представляется намъ крайне интересной и важной. Вращавшійся въ кругу лучшихъ русскихъ писателей 30—40 г.г. и принадлежавшій къ виднымъ представителямъ русской науки—съ одной стороны, Максимовичъ—съ другой—отдавалъ всѣ свои силы на служеніе родной Украинѣ, стремясь разрабатывать историко-литературныеея памятники, выяснять ея исторію и отстаивать ея самобытность съ ученымъ оружіемъ въ рукахъ. Такая личность, кромѣ вызываемаго ею общенаучнаго интереса, несомнѣнно имѣетъ важность и педагогическаго образца. Поэтому-то, принимая во вниманіе историческое

значеніе произведеній Максимовича, вмѣстѣ съ современною важностью его личности, мы считаемъ необходимымъ, въ виду знаменательнаго дня столѣтія со дня его рожденія, напомнить обо всемъ этомъ нашему обществу.

Не будемъ, однако, много распространяться о внѣшней біографіи Максимовича, факты которой въ значительномъ количествѣ указаны уже раньше [1]): сообщимъ изъ нихъ только важнѣйшіе.

Максимовичъ принадлежалъ къ старинному украинско-козацкому роду и родился возлѣ г. Золотоноши. Шести лѣтъ отданъ на обученіе въ женскій монастырь въ Золотоношѣ, затѣмъ учился у своего дяди, харьковскаго профессора Ильи Өедор. Тимковскаго и въ 1812 г. поступилъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію, причемъ еще въ гимназіи обнаруживалъ большую любовь къ природѣ. Въ 1819 г. онъ поступилъ въ московскій университетъ на словесное отдѣленіе, пробылъ на немъ два года, увлекаясь, между прочимъ, Мерзляковымъ, но затѣмъ перешелъ на естественный факультетъ, уступая прежнему своему влеченію къ ботаникѣ. Университетскій курсъ Максимовичъ окончилъ въ 1823 г. и остался при университетѣ для научныхъ занятій ботаникой. Въ 1827 г. онъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и защитилъ диссертацію, въ 1829 г. назначенъ адъюнктъ-профессоромъ и, наконецъ въ 1833 г. ординарнымъ профессоромъ ботаники. Все это время онъ занимался не только естествовѣдѣніемъ, но и словесностью; вошелъ въ кругъ выдающихся русскихъ ученыхъ и писателей и пріобрѣлъ почетную извѣстность научными своими трудами.

Между тѣмъ, къ сожалѣнію, здоровье Максимовича, подорванное ревматизмомъ, стало разстраиваться, и онъ началъ подумывать о переѣздѣ на Югъ. Въ Кіевѣ въ это время основанъ былъ университетъ, и Максимовичъ сталъ просить туда перевода... Попечитель округа фонъ-Брадке устроилъ ему переводъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ занятія каѳедры русской словесности. Макси-

[1]) См. С. Пономаревъ «Мих. Алекс. Максимовичъ» Спб. 1872 г. В. Науменко—«Скорбная страничка изъ жизни М. А. Максимовича» Кіев. Старина 98 г., XI.

мовичъ принужденъ былъ согласиться, и въ 1834 г. переѣхалъ въ Кіевъ, причемъ на него возложено было также исполненіе обязанностей ректора.

Обязанности эти оказались слишкомъ хлопотливыми, и потому, въ виду слабаго здоровья и усиленныхъ занятій наукой, Максимовичъ долженъ былъ отказаться отъ ректорства (въ 1835 г.) и даже уѣхать въ Крымъ (1836 г.); въ 1838—9 г. университетъ былъ закрытъ, а въ 1841 г. Максимовичъ вышелъ уже по разстроенному здоровью въ отставку и поселился на Михайловой горѣ, въ золотоношскомъ у., продолжая заниматься наукой. Въ 1843—45 г.г. онъ снова получаетъ покинутую въ Кіевѣ каѳедру и затѣмъ опять поселяется на своей горѣ, отлучаясь только на время въ Кіевъ и Москву. Такъ, въ 1847 г. онъ редактируетъ издаваемую Фундуклеемъ книгу: «Обозрѣніе Кіева», въ 1857 г. ѣдетъ въ Москву для редактированія «Русской бесѣды»; кромѣ того, за весь періодъ послѣ вторичнаго оставленія университета, Максимовичъ замышляетъ и осуществляетъ рядъ научныхъ изданій и предпріятій, и за научной работой проводитъ весь остатокъ своей жизни.

Отдавая всю свою жизнь наукѣ, Максимовичъ долженъ былъ, конечно, создать много трудовъ по обѣимъ своимъ спеціальностямъ— какъ по естествовѣдѣнію, такъ и по словесно-историческимъ наукамъ. И въ самомъ дѣлѣ, обозрѣніе перечня его трудовъ убѣждаетъ каждаго, что жизнь Максимовича была дѣйствительно безпрестанной работой, отличавшейся значительной продуктивностью. Касаясь сначала трудовъ Максимовича по естествовѣдѣнію и оставляя въ сторонѣ болѣе мелкія изъ многочисленныхъ его работъ въ этомъ родѣ, мы должны отмѣтить признанную за главными изъ нихъ важность и научную цѣнность. Такова прежде всего магистерская его диссертація «О системахъ растительнаго царства», гдѣ Максимовичъ «строгій систематикъ блистательно защитилъ свои точныя положенія» (Пономаревъ стр. 8). Такова первая часть его «Основаній ботаники», «которая встрѣчена была всеобщимъ одобреніемъ и доставила автору не-

малую извѣстность» (ib. стр. 9) и даже составила «эпоху успѣховъ ботаники въ нашемъ отечествѣ» (ib.). Вторая часть этого труда, вышедшая въ 1831 г. подъ заглавіемъ «Систематика растеній», «никогда еще не представлялась у насъ съ такою свѣжестью содержанія, стройностью состава и чистотою обработки»; въ ней, кромѣ того, «ботанической терминологіи Максимовичъ послужилъ очень много и одинъ изъ первыхъ въ Россіи (стр. 16, ib.). Подъ заглавіемъ «Микроскопъ» Максимовичъ велъ въ журналѣ отдѣлъ по естествовѣдѣнію, гдѣ указывались «промахи и ошибки разнаго рода даже первоклассныхъ естествоиспытателей» (стр. 19). Такимъ образомъ, какъ спеціалистъ-ботаникъ, Максимовичъ былъ очень серьезной величиной въ русской наукѣ и сдѣлалъ въ нее несомнѣнные вклады, размѣръ которыхъ могутъ опредѣлить только спеціалисты-естественники.

Параллельно съ спеціальными статьями по естествознанію, Максимовичъ занимался и популяризаціей добытыхъ знаній, какъ для интеллигенціи, такъ и для народа. Таковы его «Размышленія о природѣ», отличавшіяся «прекраснымъ изложеніемъ» (Попом. стр. 9), и въ особенности «Книга Наума»—«*первая* попытка въ нашей литературѣ представить полезное и вмѣстѣ завлекательное для простого народа чтеніе» (ib., стр. 19). Послѣдняя книга до 1872 г. вышла уже одиннадцатымъ изданіемъ.

Слѣдовательно, заслуги Максимовича въ области естествознанія были безспорны, и недаромъ на шестомъ «году самостоятельной дѣятельности» молодого ученаго «Московское общество испытателей природы избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ» (стр. 10, ib.).

«Испытуя природу», Максимовичъ, какъ мы сказали выше, не переставалъ заниматься и словесностью, а прежде всего, собираніемъ и обработкой словесно-поэтическаго матеріала, т. е. украинскихъ пѣсенъ. Изданный въ 1827 г. сборникъ ихъ имѣлъ огромное значеніе не только самъ по себѣ, какъ открытіе цѣлаго поэтическаго міра, но и косвенно,—вліяніемъ на развитіе этнографической науки и художественной литературы. Самъ по себѣ этотъ сборникъ, вышедшій подъ названіемъ «Малороссійскія пѣсни, изданныя

М. Максимовичемъ», былъ явленіемъ замѣчательнымъ. Относясь къ началу этнографической дѣятельности на Украинѣ и являясь вторымъ по времени сборникомъ»,—это изданіе было совершенной новостью для всего славянскаго міра. Въ то время, какъ въ первомъ украинскомъ сборникѣ Цертелева былъ представленъ историческій и нравоучительный эпосъ, у Максимовича были собраны образцы народно-украинской лирики, и, такимъ образомъ, освѣщена совершенно особая сторона творчества украинскаго народа. Въ 1834 г. появился новый его сборникъ украинскихъ пѣсенъ, состоявшій изъ думъ и козацкихъ былевыхъ пѣсенъ, и, наконецъ, въ 1849 г. третій сборникъ—эпическихъ пѣсенъ.

Всѣ эти сборники съ восторгомъ встрѣчены были русской и украинской интеллигентной публикой и оказали существенное вліяніе на ходъ и направленіе художественной литературы. Въ напечатанныхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ, правда, были нѣкоторыя поддѣльныя, яркими штрихами обрисованъ былъ могучій образъ украинскаго народа, съ его реализмомъ, юморомъ, лирической нѣжностью и задушевностью. Въ поэтическихъ образахъ, тонкомъ чувствѣ и широко-размашистыхъ типахъ этихъ пѣсенъ явно осязалась и чувствовалась сущность украинскаго народа и смыслъ его прошлаго. И потому онѣ болѣе, чѣмъ лѣтописи, говорили поэтическому уму; и потому, открывая красоту народной души, эти пѣсни учили интеллигенцію понимать, цѣнить и любить народъ, создавшій такія дивныя художественныя произведенія.

Два имени, яркими звѣздами сверкающія на горизонтѣ русской литературы, Гоголь и Пушкинъ, какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ объ огромномъ воздѣйствіи на интеллигенцію изданныхъ Максимовичемъ пѣсенъ. Гоголь зачитывался этими пѣснями; Гоголь воспитывался на ихъ дивныхъ образахъ и учился ихъ глубокому чувству и жизненности... Гоголь, наконецъ, черпалъ силы въ широкомъ розмахѣ народной фантазіи, отражавшейся въ пѣсняхъ, и проникался величіемъ запечатлѣнной въ нихъ украинской исторіи. Всѣ эти черты Гоголь внесъ, какъ извѣстно, и въ свое творчество, создавая ими эпоху въ русской литературѣ. И даже больше того: тотъ контрастъ величія жизни въ прошломъ и по-

шлость ея въ настоящемъ, составившій такую драму въ жизни Гоголя, именно и долженъ быть приписанъ вліянію на Гоголя изученныхъ имъ народныхъ пѣсенъ [1]). Несомнѣнно вліяніе украинскихъ пѣсенъ и на Пушкина, хотя послѣдній и взялъ отъ нихъ совершенно иную дань, чѣмъ Гоголь: Пушкина плѣняла нѣжность и душевная красота женскихъ типовъ украинской поэзіи, и потому неудивительно, что, при созданіи типа Маріи въ «Полтавѣ», онъ, по собственному признанію, «обиралъ пѣсни Максимовича». Великій поэтъ-интеллигентъ учился, такимъ образомъ, у другого великаго поэта-народа. Все это, взятое вмѣстѣ, заставляетъ насъ сказать, что открытая Максимовичемъ сфера народной поэзіи сослужила большую службу русской художественной литературѣ: украинскія пѣсни ввели въ нее элементъ реальной народности и послужили къ прочному обоснованію на этой почвѣ русскаго литературнаго развитія. Все замѣченное о русской литературѣ остается въ силѣ и для украинской; разница только та, что въ послѣдней реальность и народность водворились еще съ Котляревскаго, т. е. далеко раньше, и потому украинскія пѣсни Максимовича имѣли для нея значеніе только укрѣпляющаго элемента на пути, уже раньше проложенномъ, но не только что открытомъ, какъ это было въ отношеніи литературы русской. Раскрывая сущность вліянія украинскихъ пѣсенъ на литературу художественную, выразившуюся, собственно говоря, въ формальныхъ чертахъ творчества, т. е. въ реализмѣ типовъ и жизненности изображенія, мы естественно должны подойти къ вопросу объ общественной сторонѣ значенія новоявленныхъ украинскихъ пѣсенъ. Мы хотимъ именно сказать объ ихъ вліяніи на развитіе идеи народности. Создавшаяся, конечно, подъ напоромъ болѣе сложныхъ общественныхъ факторовъ, эта идея въ большой дозѣ, однако, обязана своимъ расцвѣтомъ народной поэзіи. Появленіе памятниковъ послѣдней, раскрывавшихъ глубину народнаго духа, оказывало несомнѣнное давленіе на мыслящихъ людей въ смыслѣ пробужденія въ нихъ вниманія къ народу, удивленія передъ народной душой

---

[1]) В. Европы, № 3, 1874 г. Драгомановъ.

и желанія заняться ея изученіемъ. Отсюда одинъ шагъ до идеи народничества, каковая, по различнымъ историческимъ условіямъ, принимаетъ разные практическіе образы, и въ 40-е и позднѣйшіе годы вылилась въ форму эмансипаціи отъ крѣпостного права. Таковъ былъ конечный результатъ открытія обществу народной поэзіи, превратившій этнографію въ своего рода обществовѣдѣніе. Таково-то было въ частности и вліяніе пѣсенъ, изданныхъ Максимовичемъ. Но если таково было значеніе ихъ для идеи народности, то для идеи украинской народности оно должно было стать еще большимъ, въ силу переживаемаго послѣдней историческаго момента. Правда, для Украины значеніе это было совсѣмъ инымъ, но къ народности ея имѣло касательство несомнѣнное. Дѣло въ томъ, что до Максимовича идея народности была уже на Украинѣ осязаема,—достаточно только вспомнить резонерски-народническій элементъ въ произведеніяхъ Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, ясно сознававшихъ соціальную приниженность крестьянства и вмѣстѣ съ тѣмъ его права на лучшій удѣлъ. Слѣдовательно, съ этой стороны, пѣсни Максимовича не прибавляли къ созрѣвшей уже на Украинѣ идеѣ ничего новаго. Но за то другая сторона этой идеи, а именно украинскій характеръ народности воспользовался помощью пѣсенъ Максимовича въ большой степени. Въ самомъ дѣлѣ, украинская народность, пробудившаяся съ конца 19 в. въ лицѣ Котляревскаго, засверкала вдругъ новымъ свѣтиломъ на славянскомъ горизонтѣ и привлекла вниманіе и своего и чужого общества. Что такое эта новая народность, каково ея содержаніе, каковы силы и задатки для будущаго,—вотъ тѣ вопросы, которые естественно были заданы каждымъ, задумывавшимся надъ появленіемъ въ интеллигентный міръ новой народности. И прежде всего задумались надъ этимъ сами украинцы, для которыхъ родная народность была неизученнымъ сфинксомъ. Труды по изученію украинскаго народа, въ родѣ изданныхъ Максимовичемъ пѣсенъ, конечно, дѣлались капитальной важности подспорьемъ для разрѣшенія указаннаго выше вопроса. Изъ такихъ трудовъ видно было, что народность есть, что она обладаетъ громаднымъ запасомъ недюжинныхъ силъ, что она можетъ и потому

должна жить, ибо живетъ творческій ея духъ. И такіе отвѣты, вытекавшіе сами по себѣ изъ разсмотрѣнія памятниковъ народной поэзіи, конечно, успокоительно дѣйствовали на психику украинской интеллигенціи и могущихъ изъ нея «видѣти и слышати» ставили на правильный путь мысли и дѣла. Памятники этнографическіе пріобрѣтали національную важность и закладывали прочный фундаментъ для національнаго развитія.

Явленіе это—конечно, не спеціально украинское: то-же самое, и даже почти въ тѣ же годы, происходило съ сербами, хорватами, словинцами и другими славянскими народностями, у которыхъ изученіе народнаго творчества приводило къ проявленію національнаго самосознанія, и дѣятели-этнографы или дѣйствовали на полѣ національнаго возрожденія, или даже одними своими этнографическими трудами заслуживали титулъ дѣятелей національнаго возрожденія.

Таково было значеніе изданнаго Максимовичемъ пѣсеннаго матеріала, оцѣненнаго вполнѣ по достоинству какъ современными ему, такъ и послѣдующими критиками. Но и самъ Максимовичъ прекрасно понималъ смыслъ издаваемыхъ имъ пѣсенъ и зналъ ихъ историческую цѣну. Воззрѣнія его на этотъ счетъ, выраженныя въ предисловіи къ первому изданію пѣсенъ (1827), иллюстрируютъ автора ихъ, какъ теоретика-этнографа, и заключаютъ въ себѣ зачатки будущей этнографической науки. Въ этомъ новая весьма серьезная заслуга Максимовича передъ наукой.

Обращаясь къ разсмотрѣнію украинскихъ пѣсенъ, какъ одного изъ видовъ народной поэзіи, Максимовичъ говоритъ, что въ нихъ, наравнѣ съ сказками, полнѣе всего выражается «народность». Въ пѣсняхъ «звучитъ душа, движимая чувствомъ»; въ нихъ, какъ и въ сказкахъ, «часто видимъ баснословія, повѣрья, обычаи, нравы и нерѣдко событія дѣйствительныя, кои въ другихъ памятникахъ не сохранились».

Независимо отъ такого содержанія пѣсенъ, онѣ, какъ и всякій другой народно-поэтическій памятникъ, важны и для изученія языка; вотъ почему Максимовичъ считаетъ, что «весьма значитель-

ны, а посему достойны вниманія и уваженія были-бы розысканія слѣдовъ народной миѳологіи... собраніе пѣсенъ и т. д.».

Имѣя такой взглядъ на народную поэзію и самъ занимаясь ея собираніемъ, Максимовичъ и на своемъ собственномъ примѣрѣ постарался показать важность изданнаго имъ сборника пѣсенъ: онъ занялся ихъ анализомъ. Онъ указалъ прежде всего на отразившіяся въ нихъ историческія теченія, создавшія особый характеръ украинскихъ пѣсенъ, именно—буйность наѣздническаго, скукость пастушескаго и осѣдлость земледѣльческаго образа жизни. Онъ указалъ черты различія между украинской и великорусской пѣснями, сообразно съ различными характерами обѣихъ народностей. Въ русскихъ пѣсняхъ онъ находитъ унылость, забвеніе, раздолье; въ украинскихъ—порывы страсти, старую твердость, тоску.

Конечно, такая характеристика пѣсенъ далека еще отъ полноты и точности, на что и указано было Максимовичу, напримѣръ, Дельвигомъ; тѣмъ не менѣе важно было вообще поставить затронутые Максимовичемъ вопросы, ибо вполнѣ удовлетворительно отвѣтить на нихъ все равно не представлялось, тогда (да и теперь еще) возможнымъ. Сдѣлавъ общія замѣчанія о пѣсняхъ, Максимовичъ обращается къ ихъ классификаціи по содержанію и устанавливаетъ различные разряды пѣсенъ, что такъ коробило, какъ извѣстно, Н. Гоголя. Максимовичъ находитъ и характеризуетъ пѣсни о козакахъ, гайдамакахъ, о домашнихъ событіяхъ, женскія, обрядовыя и т. д. Не всюду и здѣсь, конечно, удавалось Максимовичу разрѣшать свою задачу удовлетворительно, но за-то многое было разрѣшаемо удачно и во всякомъ случаѣ давало мысли толчокъ. Въ данной чертѣ Максимовича видѣнъ былъ опытный естествовѣдъ, привыкшій къ точному изслѣдованію и систематикѣ. Естествовѣдѣніе дополняло этнографію. Послѣ установленія классификаціи, Максимовичъ занялся детальнымъ изученіемъ формальной стороны украинскихъ пѣсенъ. Онъ коснулся ритмической ихъ формы и нашелъ, что онѣ стоятъ на срединѣ между русскими и польскими; къ первымъ онѣ близки по тонизму, ко вторымъ—риѳмами. Затѣмъ Максимовичъ дѣлаетъ комментаріи къ пѣснямъ, трактуетъ о выборкѣ лучшихъ текстовъ, о складѣ стиха;

о правописаніи и, наконецъ, присоединяетъ къ изданію небольшой украинскій словарь. Снабженный всѣми такими замѣчаніями и разсужденіями, сборникъ, дѣйствительно, представленъ былъ въ научномъ видѣ и, будучи таковымъ, требовалъ отъ дальнѣйшихъ, если не издателей народно-поэтическихъ памятниковъ, то по крайней мѣрѣ отъ обработывающихъ ихъ лицъ, серьезной научной подготовки:—того, что называется теперь знаніемъ пріемовъ фольклора. Сборникъ 1827 г., какъ и послѣдующихъ годовъ, не были безупречны, ибо, помимо всего прочаго, заключали въ себѣ и поддѣлки; но это и неудивительно: ученая этнографическая литература вообще, а украинская въ частности, была въ то время слишкомъ незначительна, и потому промахи Максимовича вполнѣ извинительны. И тѣмъ не менѣе значеніе всѣхъ вообще замѣчаній въ его сборникахъ, и въ частности въ первомъ изъ нихъ, было очень велико. Говоря о послѣднемъ, Пыпинъ въ своей Исторіи этнографіи замѣчаетъ: «если сравнить это изданіе Максимовича не только съ тѣмъ, что работалось тогда у насъ по народной словесности, но и съ подобными изданіями въ остальной литературѣ славянской и даже западной европейской, надо признать за нимъ большую заслугу разумнаго пониманія и исполненія долга». «Точно зрѣніе его значительно ушло впередъ отъ взглядовъ его предшественника» и т. д.

Къ числу этнографическихъ работъ Максимовича необходимо также присоединить статью «Дни и мѣсяцы украинскаго селянина» (1856 г.), написанную съ знаніемъ предмета. Въ этой статьѣ изложенъ народно-украинскій календарь, по которому расположены существующія въ Украинѣ повѣрья, легенды, преданія и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ сопровождаются соотвѣтственными объясненіями. Вообще, говоря данная работа относится къ числу описательныхъ, представляющихъ одну изъ первыхъ ступеней фольклора, какъ науки; она, однако, обличаетъ въ авторѣ ея серьезнаго изслѣдователя, умѣющаго оріентироваться среди часто неясныхъ народныхъ представленій, и во всякомъ случаѣ, имѣетъ несомнѣнную научную цѣнность.

Изъ болѣе крупныхъ этнографическихъ работъ Максимовича слѣдуетъ также отмѣтить его полемику съ Кулишемъ по поводу повѣстей Гоголя. Посвященныя этому вопросу статьи Максимовича отличаются большой обстоятельностью и знаніемъ предмета, что даетъ ему возможность указывать подчасъ ошибки Кулиша. Въ общемъ, однако, слѣдуетъ признать, что правда была на сторонѣ Кулиша, такъ какъ послѣдній несомнѣнно превосходилъ Максимовича своими познаніями въ этнографіи. Глубокія познанія Кулиша въ этнографіи сознавалъ и самъ Максимовичъ, что видно изъ его рецензіи на «Записки о южной Руси», о которыхъ Максимовичъ даетъ восторженный отзывъ.

Тѣмъ не менѣе, уступая Кулишу въ глубинѣ этнографическихъ познаній, Максимовичъ и самой своей полемикой помогъ болѣе прочному обоснованію различныхъ этнографическихъ понятій и такимъ образомъ послужилъ обнаруженію истины.

Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, дѣятельность Максимовича, какъ ученаго-этнографа, должно признать выдающейся. Максимовичъ, можно сказать, первый украинскій этнографъ, смотрѣвшій на народную украинскую поэзію глазами не только восхищеннаго наблюдателя, но и спокойнаго представителя науки.

Занятія этнографіей естественно должны были привести Максимовича къ разсмотрѣнію вопросовъ исторіи литературы и языкознанія, и выступленіе его на путь историко-литературныхъ изысканій было прежде всего двинуто этнографіей. Мы имѣемъ въ виду замѣчанія Максимовича по поводу раскритикованной въ свое время за невѣрность типовъ Пушкинской «Полтавы». Руководящею нитью въ данномъ случаѣ были именно этнографическія свѣдѣнія Максимовича, каковыя онъ и пустилъ въ ходъ для защиты Пушкина.

Интересуясь литературой изъ любви къ искусству, Максимовичъ долженъ былъ, наконецъ, заняться ею и оффиціально, когда назначенъ былъ профессоромъ въ кіевскій университетъ. Задача Максимовичу предстояла серьезная. Хотя онъ и былъ нѣсколько лѣтъ на словесномъ отдѣленіи университета, но для обязанностей преподавателя этого было, конечно, слишкомъ мало, и потому Максимовичъ долженъ былъ подготовляться. Но

заниматься въ то время исторіей литературы было не такъ-то легко, и въ особенности древнимъ ея періодомъ. Источники были почти не разработаны, детальныхъ и серьезныхъ изслѣдованій почти не было, древнихъ памятниковъ также было не такъ много,— словомъ работа предстояла сложная. Тѣмъ не менѣе Максимовичъ добросовѣстно подготовлялся къ новой своей спеціальности и успѣлъ въ ней много.

Первой ученой пробой М—ча въ исторіи литературы была вступительная его лекція «О значеніи и происхожденіи слова», прошедшая вполнѣ удовлетворительно. Послѣ нея М—чъ занялся историческимъ изложеніемъ словесности, основаннымъ на чтеніи и разборѣ памятниковъ. Работа была трудная въ виду отсутствія надлежащаго количества пособій, но М—чу помогалъ митрополитъ Евгеній, обладавшій богатой коллекціей рукописей.

Нѣсколько лѣтъ занятій и преподаванія словесности укрѣпили познанія М—ча въ достаточной степени, но кромѣ того заставили его обратиться къ языкознанію, безъ котораго не могла быть успѣшной культивировка исторіи литературы. Результатомъ совмѣстнаго изученія словесности и языка появилась въ 1838 г. его «Исторія древней русской словесности», имѣвшая цѣлью послужить пособіемъ для студентовъ. Въ ней М—чъ «предпринялъ разсмотрѣть нашу словесность въ связи со всею жизнію народа; такъ какъ важнѣйшимъ предметомъ изученія являлся языкъ, то на него по преимуществу и обратилъ вниманіе Максимовичъ» (Пономаревъ, стр. 44). Послѣдній отдѣлялъ русскій языкъ отъ западно-славянскихъ и признавалъ три особыхъ его вида. Ученая критика отнеслась къ этой книгѣ въ общемъ благопріятно, хотя и находила, что писать исторію словесности было тогда еще рано. И это было, конечно, вѣрно: недостатокъ памятниковъ долженъ былъ естественно сказаться и на правильности выводовъ М—ча, хотя самъ авторъ и старался внести въ свой трудъ возможно больше критики. Однако слышавшійся по адресу М—ча упрекъ автору за преждевременность изданія былъ, собственно говоря, совершенно лишнимъ и далекимъ отъ требованій научности. Прогрессъ науки именно и заключается въ постоянномъ ис-

каніи и стараніи дѣлать выводы на основаніи того, что есть въ распоряженіи ученаго; дѣло уже будущихъ поколѣній исправлять ошибки предшественниковъ, пользуясь ихъ опытомъ и большимъ количествомъ матерьяловъ. Такъ поступалъ и М—ичъ, желая дать своимъ слушателямъ хоть какое-либо подспорье и болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ на изучаемые памятники.

За «Исторіей др. р. словесности» послѣдовали другія крупныя работы М—ча, какъ то: «О народной исторической поэзіи въ древней Руси», «Начатки русской филологіи» и т. д. Въ филологическихъ своихъ работахъ, касавшихся русскаго языка и отношенія его къ западно-славянскимъ, М—ичъ проводилъ мысль о самостоятельности двухъ русскихъ нарѣчій (а не трехъ, какъ раньше), о различіи русскаго и славянскаго языковъ, о сложеніи южнорусскаго языка подъ вліяніемъ кіево-полянской рѣчи и т. д. Но выраженные въ этихъ раннихъ сочиненіяхъ взгляды М—ча висѣли какъ бы въ воздухѣ: они, по мнѣнію Пыпина, «не могли назваться научными, такъ какъ и не было еще сдѣлано никакихъ изслѣдованій о малорусскомъ языкѣ и т. д. (Исторія мал. этн., 314). М—ичъ говорилъ только голословно, вслѣдъ за различными славянскими учеными, въ сущности же онъ «руководился только общимъ впечатлѣніемъ историческихъ обстоятельствъ, рѣшалъ вопросъ на глазомѣръ» (стр. 315). Бо́льшая опредѣленность и научность проявилась во взглядахъ М—ча лишь послѣ появленія лингвистическихъ изслѣдованій Буслаева, Каткова, Срезневскаго и Лавровскаго, а также послѣ историческихъ изысканій самого М—ча, но объ этомъ послѣ.

Изучая древніе памятники, М—ичъ отнесся съ особеннымъ вниманіемъ къ «Слову о полку Игоревѣ», которое, конечно, является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній древней Руси. Интересъ къ «Слову» пробужденъ былъ «приготовленіемъ изданія... пѣсенъ» (Пономаревъ, стр. 21), къ которымъ очень близко по своему складу «Слово»; Максимовичъ занялся изученіемъ его, и когда въ 1833 г. явилась «пѣснь о полку Игоревѣ» въ переводѣ А. Вельтмана, Макс—ичъ написалъ о ней обстоятельную рецензію» (ib, 21 стр.). «Въ 1855 г., по поводу изданія

г. Гербелемъ стихотворнаго перевода «Слова о полку Игоря», Максимовичъ напечаталъ въ Москвитянинѣ двѣ большія статьи о близко знакомомъ ему предметѣ» (ib. 61). Анализъ «Слова» сдѣланъ былъ имъ очень серьезный, какъ внутренній, такъ и внѣшній, въ видѣ сравненія сказаній пѣвца съ лѣтописью. «По поводу этой статьи М—ча, въ журналѣ М. Н. Пр. замѣчено было, что она, по основательности и мѣткости своихъ замѣчаній, принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми долженъ ознакомиться всякій, желающій основательно вникнуть въ содержаніе и форму знаменитаго «Слова» (стр. 62). Наконецъ, въ 1859 г. вышелъ и украинскій переводъ «Слова», принадлежащій перу самого Максимовича. Не входя въ подробную оцѣнку работъ Макс—ча о «Словѣ», мы должны сказать, что, отбрасывая различныя ошибки, которыхъ онъ и не могъ не сдѣлать въ виду современнаго ему состоянія даннаго вопроса, изслѣдованія М—ча производятъ впечатлѣніе своей глубиной, обстоятельностью и мѣткимъ разрѣшеніемъ спорныхъ мѣстъ «Слова». Въ большой степени необходимо сказать то-же самое и о всѣхъ вообще трудахъ М—ича по исторіи словесности, въ особенности древней. При отправленіи въ дальнее плаваніе исторіи литературы, М—чу не у кого было учиться, ибо исторіи литературы, какъ науки, тогда еще не было. М--ичъ долженъ былъ самъ вырабатывать методы изслѣдованія, отыскивать необходимые для историческаго изложенія матерьялы, подвергать ихъ критикѣ— и все это при условіи полной неразработанности исторіи литературы. Работа была трудная, но за то и результаты благодарные: мало помалу расчищался путь различныхъ историко-литературныхъ недоумѣній, и преемники М—ча получали въ наслѣдство если и не всегда безспорныя истины, то за то очень часто научные методы и достойныя вниманія положенія. Такимъ образомъ, за Максимовичемъ должна быть засчитана еще новая заслуга—какъ одного изъ первыхъ историковъ литературы, много сдѣлавшихъ для серьезнаго изученія древней литературы и народной поэзіи въ частности. Эта же заслуга по отношенію къ украинской словесности увеличивается еще болѣе... Не говоря о другихъ изслѣдованіяхъ М—ча, достаточно лишь упомянуть объ изслѣдованіи М—чемъ

«Слова о полку Игоревѣ», чтобы понять важность историко-литературныхъ его работъ для развитія украинскаго самосознанія и правильнаго сужденія о развитіи украинской народности. Приведенныя М—емъ доказательства въ пользу мнѣнія о южно-русскомъ происхожденіи «Слова» слишкомъ очевидны по своей важности въ указанномъ смыслѣ, чтобы объ этомъ нужно было распространяться. Новая и средняя украинская литература пріобрѣли, такимъ образомъ, осязаемое историческое свое начало, и потому нормальность украинскаго развитія, очевидная и безъ того, усиливалась аргументами историческаго характера.

Интересуясь исторіей литературы, филологіей и этнографіей, Максимовичъ естественно долженъ былъ придти къ болѣе детальному изученію исторіи Украины. Въ этомъ заключалась логическая необходимость. Но была и другая причина: Максимовичъ жилъ въ Кіевѣ, полномъ историческихъ преданій, гдѣ каждое мѣсто взывало къ исторіи и требовало настоятельнаго изученія. Къ этому-же предрасполагало Максимовича присутствіе въ Кіевѣ такихъ выдающихся духовныхъ особъ, какъ митроп. Евгеній и архим. Иннокентій, которые обнаруживали самый близкій интересъ къ памятникамъ кіевской древности и тѣмъ самымъ направляли любознательность Максимовича въ сторону исторіи. Вдохновленный Кіевомъ и его древностями, Максимовичъ ревностно занялся исторіей и археологіей, и въ скоромъ времени показались обильные плоды его занятій въ видѣ различныхъ изданій. Наиболѣе выдающимся изъ нихъ былъ «Кіевлянинъ», историческій сборникъ, три книжки котораго вышли въ 1839, 40 и 50 гг. и посвящены были Кіеву. Отмѣчая характеръ и содержаніе своего изданія, Максимовичъ говорилъ: «Изслѣдованіе и приведеніе въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытію Кіева и всей южной Руси—Кіевской и Галицкой, составляетъ особенную и собственную цѣль моего Кіевлянина» (Предисловіе къ 1-й кн.). Для выполненія этой задачи, Максимовичъ пригласилъ выдающихся сотрудниковъ, подготовился самъ, и въ результатѣ получилась первая книжка, очень цѣнная по содержанію, гдѣ обращаетъ на себя вниманіе статья самого Максимовича о дворянскихъ южно-

русскихъ ополячившихся родахъ, носящая заглавіе «О надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ». По отзыву біографа, «первая книга Кіевлянина была встрѣчена въ журналистикѣ сочувственно» (Пономаревъ, стр. 47), чего нельзя было сказать о цензурѣ. Послѣднею урѣзывались историческія статьи немилосердно, а статья Максимовича «Сказаніе о Коліивщинѣ 1768» «не только воспрещена цензоромъ, но даже, по настоянію его, была отослана мѣстнымъ цензурнымъ комитетомъ въ Петербургъ, при особомъ мнѣніи цензора» (стр. 47, Пономаревъ). Въ 1840 г. вышла уже вторая книжка «Кіевлянина», тоже наполненная статьями мѣстнаго характера, но большаго значенія; при чемъ, цѣлыя восемь статей въ немъ принадлежали самому Максимовичу. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья «Родословныя записки», гдѣ снова отмѣчено до 90 ополяченныхъ южно-русскихъ дворянскихъ фамилій. Помѣщенныя во 2-й книгѣ «Кіевлянина» статьи тоже были очень цѣнны, и по поводу обѣихъ книгъ высказалъ слѣдующее сочувственное свое мнѣніе С. М. Соловьевъ: «такъ вполнѣ достигаетъ своей прекрасной цѣли издатель «Кіевляника». Передъ нами только двѣ книжки, но уже сколько относящагося къ бытію Кіева и всей южной Руси изслѣдовано и приведено въ надлежащую извѣстность, и все это совершено усиліями только одного ученаго» (Пономаревъ, стр. 49).

Послѣ второй книжки въ издательствѣ «Кіевлянина» произошелъ перерывъ. Не организуя пока новаго сборника, Максимовичъ выпускаетъ рядъ статей историческаго характера. Таковы статьи, напечатанныя въ «Москвитятинѣ» 1843—5 гг.—«О гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ», «Объ именахъ южно-русскихъ городовъ», «О гайдамакахъ»; въ 1847 г. онъ редактировалъ «Обозрѣніе Кіева» для И. И. Фундуклея и лишь въ 1850 г., по нахожденіи интересныхъ памятниковъ, издалъ третью книгу «Кіевлянина», по прежнему посвященную выясненію древностей Кіева.

Вооружившись всесторонними знаніями по исторіи своей родины—Украины и по многимъ относящимся къ ней вопросамъ, Максимовичъ сталъ однимъ изъ компетентнѣйшихъ ученыхъ въ области украиновѣдѣнія. Онъ ясно представлялъ себѣ судьбы

своей родины съ древнихъ доступныхъ историческому взору временъ, былъ увѣренъ въ ея непрерывномъ развитіи и отсюда дѣлалъ выводъ о способности ея къ дальнѣйшему процвѣтанію. Важный моментъ скоро далъ ему возможность показать свою эрудицію и тонкое проникновеніе въ исторію Украйны. Этотъ моментъ—споръ о древности малорусскаго племеннаго языка, окрещенный споромъ «сѣверянъ съ южанами». Сущность спора заключалась въ томъ, кто былъ обитателемъ Кіевской Руси до 13 в., малороссы или великороссы, и на чьемъ языкѣ написаны древне-русскіе памятники. Было время, когда Погодинъ высказывался по этому поводу въ пользу малороссовъ,—правда, самъ лично мало имѣя для этого историко-филологическихъ данныхъ. Но вотъ въ концѣ сороковыхъ и послѣ 50 гг. прошлаго вѣка вышли замѣчательныя книжки по исторіи древне-русскаго языка Срезневскаго и П. Лавровскаго («Мысли»—перваго и «О языкѣ сѣв. рус. лѣтоп.»—второго). На основаніи данныхъ языка Срезневскій и на тѣхъ же основаніяхъ, съ прибавленіемъ историко-этнографическихъ данныхъ, Лавровскій—доказывали, что ни въ исторіи, ни въ памятникахъ древней южной Руси до 13 в. нельзя обнаружить присутствія малорусской рѣчи и что послѣдняя, значитъ, образовалась только въ 13 в. Изслѣдованія двухъ филологовъ были восприняты Погодинымъ и въ его представленіи претворились въ цѣлую теорію, согласно которой въ Кіевской Руси до 13 в. жили великороссы, говорившіе, конечно, и писавшіе древніе памятники на своемъ языкѣ; подъ вліяніемъ татарскаго нашествія они двинулись на сѣверъ и мѣсто ихъ заняли пришедшіе съ Карпатъ малороссы. Мысли эти, изложенныя въ статьѣ «Записка о древнемъ языкѣ русскомъ», помѣщеной въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ» за 1856 г., и встрѣтили горячій отпоръ со стороны Максимовича. Возраженія Максимовича высказаны были въ «Филологическихъ письмахъ къ М. П. Погодину», помѣщенныхъ въ «Р. Бесѣдѣ» 1856 г., и такимъ образомъ поставленъ былъ на научную почву споръ, не прекращающійся и по сей день. Возраженія Максимовича сводились, конечно, къ тому, что до 13 в. въ древней кіевской Руси

жили малороссы, особенности языка которыхъ отразились и въ древне-русскихъ памятникахъ. Въ доказательство положенія своего Максимовичъ приводитъ массу соображеній, какъ филологическихъ, такъ и историческихъ, и въ особенности подчеркиваетъ мысль, что южно-русскіе памятники дошли до насъ въ сѣверной редакціи и что если-бы даже въ разбираемыхъ имъ памятникахъ не было видно слѣдовъ малорусскаго языка, то, въ виду указаннаго обстоятельства, въ этомъ не было-бы ничего удивительнаго. Многіе даже позднѣйшіе малороссы писали умышленно не на малорусскомъ языкѣ, но изъ этого, говорилъ онъ, нельзя заключить объ отсутствіи въ ихъ время въ обращеніи малорусскаго языка. Основной нитью возраженій былъ разборъ приведенныхъ Погодинымъ языковыхъ образцовъ, свидѣтельствовавшихъ, по мнѣнію послѣдняго, о безусловномъ немалоруссизмѣ древне-русскихъ памятниковъ. Соображенію же Погодина о выселеніи малороссовъ въ 13 в. изъ-за Карпатъ противопоставлялось Максимовичемъ другое—переселеніе на Карпаты изъ кіевской и волынской Руси. Разсматривая приводимыя Максимовичемъ доказательства, слѣдуетъ, въ общемъ, признать ихъ очень удачными,—такъ они подчасъ сильны и правдоподобны.

Коснувшись данныхъ возраженій Максимовича, Пыпинъ замѣтилъ: «послѣдніе изслѣдователи находятъ филологическое знаніе Максимовича недостаточнымъ. Дѣйствительно, какъ человѣкъ стараго вѣка, онъ былъ въ этомъ предметѣ самоучка; но какова была и филологія Погодина? а историческія соображенія, какія дѣлалъ Максимовичъ, не были лишены значенія» (стр. 321, Истор. рус. этногр.)). И послѣднее сознавалъ самъ Погодинъ. Въ своемъ «Отвѣтѣ» на упомянутыя «письма» Максимовича, Погодинъ называетъ его статью «ловко написанной» (стр. 194) и «прекрасною», хотя нисколько для Погодина «не убѣдительною». Онъ призналъ себя явившимся на поле сраженія «безоружнымъ», скользящимъ «по поверхности предмета» и отсылалъ Максимовича сражаться не съ нимъ, Погодинымъ, а со Срезневскимъ и Лавровскимъ, которые, по признанію Погодина, носили «одинаковое»

съ Максимовичемъ оружіе. Въ частности, онъ благодарилъ Максимовича за сдѣланныя имъ нѣкоторыя указанія филологическаго свойства, напр. объ именахъ существительныхъ съ гортанными передъ мягкими окончаніями, объ отдѣленіи галицкаго нарѣчія отъ малорусской рѣчи. Тѣмъ не менѣе, признавая все-таки статью Максимовича неубѣдительною для себя, Погодинъ дѣлаетъ рядъ новыхъ возраженій, въ сущности, однако, повторяющихъ прежнія его положенія, и тѣмъ самымъ вызываетъ новыя письма Максимовича, и затѣмъ вновь возражаетъ ему.

Полемика двухъ ученыхъ привлекла къ ней и третьяго—Лавровскаго, который въ своей работѣ въ 1859 г., подъ заглавіемъ «Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго и т. д.» пришелъ къ заключенію, вслѣдъ за Погодинымъ и на основаніи близости малорусскаго и сербскаго языковъ, что малороссы, дѣйствительно, не существовали въ Кіевщинѣ до 13 в. и пришли къ этому времени только изъ-за Карпатъ. Въ полемикѣ-же съ Максимовичемъ (Основа, 61 г.) онъ, кромѣ всего прочаго, заявлялъ, что признаваемыя Максимовичемъ за малорусскія различныя языковыя формы и особенности имѣются также и въ памятникахъ сѣверныхъ. Максимовичъ тогда не умолчалъ и выступилъ на «брань», исполняя давнишнее желаніе Погодина видѣть его сражающимся съ Срезневскимъ или Лавровскимъ. Последнему, но опять на имя Погодина, Максимовичъ отвѣчаетъ въ прежнемъ духѣ и кромѣ того рѣшительно опровергаетъ мысль своего противника о сходствѣ малорусскаго и сербскаго языковъ (День 1863 г. №№ 8—16). Недостатки и достоинства аргументаціи Максимовича остаются прежними и, по мнѣнію Пыпина, приводимые имъ «новые аргументы» не лишены справедливости (стр. 323, Ист. м. р. этн.). Изложенная нами полемика надолго заняла вниманіе Максимовича, заставляя его, для усиленія аргументаціи, перерывать различные памятники и отыскивать въ нихъ нужныя ему показанія. Тѣмъ не менѣе полемика не помѣшала ему продолжать различныя учено-литературныя предпріятія, въ частности историческаго характера. Къ 1857 году принадлежитъ написанная имъ статья о «мнимомъ запустѣніи Украины», не-

посредственно примыкающая къ упомянутому «спору». Признавая несостоятельность въ послѣднемъ Погодина, какъ филолога, Максимовичъ хочетъ поговорить съ нимъ, какъ историкъ, о характерѣ кіевскаго населенія до 13 в. и развиваетъ прежнюю свою мысль о малоруссизмѣ этого населенія, подтверждая свое положеніе историческими справками. Къ тому-же времени относится его статья «О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ и т. д.» и соображенія о личности Богдана Хмельницкаго.

Позже, въ «Основѣ», было помѣщено 11 писемъ Максимовича о Б. Хмельницкомъ, направленныхъ къ Костомарову и имѣвшихъ на послѣдняго особенное воздѣйствіе. «Я не иначе, какъ съ благодарностью — говорилъ Костомаровъ — отнесся къ замѣчаніямъ М. А. Максимовича, написаннымъ послѣ второго изданія моего Богдана Хмельницкаго, и воспользовался нѣкоторыми изъ нихъ при третьемъ изданіи» и т. д. (Бесѣда № 1, критика).

Въ 1859 г. Максимовичъ выпустилъ нѣкоторыя свои сочиненія въ сборникѣ «Украинецъ», гдѣ также имѣются статьи историческаго характера, напр. о Полтавѣ, Золотоношѣ, Богданѣ Хмельницкомъ. Въ 1864 г. выпущена была вторая книжка «Украинца», гдѣ напечатаны были также историческія статьи. Сборники были «сродни Кіевлянину» и отличались всѣми достоинствами послѣдняго. Остальные годы своей жизни Максимовичъ помѣщалъ свои статьи въ Кіев. Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, чѣмъ «усилилъ историко-научный и важный мѣстный интересъ этого маленькаго изданія» (Пономаревъ, стр. 69). Между прочимъ, Максимовичъ обратилъ большое вниманіе на книгу Закревскаго «Описаніе Кіева», указавъ въ ней много неточностей. Разсматривая историко-археологическіе труды Максимовича, приходишь къ заключенію, что мало осталось областей въ малорусской исторіи, которыхъ-бы онъ не коснулся проницательнымъ своимъ изслѣдованіемъ. По многимъ вопросамъ онъ сказалъ вѣское свое слово и многіе изъ нихъ освѣтилъ яснымъ свѣтомъ науки. Будучи самоучкой, какъ и въ филологіи, Максимовичъ съумѣлъ такъ глубоко войти въ свой предметъ, что работы его

получали признаніе спеціалистовъ. «Многіе изъ трудовъ Максимовича—говоритъ Пыпинъ—уже совсѣмъ устарѣли въ настоящее время...... но въ свое время Максимовичъ былъ самымъ дѣятельнымъ работникомъ въ историко-этнографической области» (Ист. м. р. этногр., стр. 33). И дальше: «наука прошла гораздо дальше тѣхъ основаній и пріемовъ, какими онъ нѣкогда руководился; онъ понялъ это, покинулъ старые теоретическіе пріемы и продолжалъ работать надъ собираніемъ и ближайшимъ истолкованіемъ фактовъ, всегда необходимымъ для науки... (ib.).

«Перейдя отъ природы къ археологіи, и для послѣдней старый естествоиспытатель нашелъ въ душѣ своей живую воду; тысячелѣтняя старина являлась ему не голою, нѣмою развалиной... камни, ручьи заговорили, завороженные чудною силою сердца и воображенія» (Петровъ, Очерки ист. укр. лит. 19 ст., стр. 176).

«Независимо отъ поэтическаго колорита, историко-филологическія и археологическія изысканія М. А Максимовича почти всѣ направлены къ уясненію современнаго ему положенія Малороссіи и потому имѣли, кромѣ *научнаго* значенія, интересъ общественный и политическій» (ib.). И дальше: «тѣ работы и интересы, какимъ предавался этнографъ и археологъ Максимовичъ въ Кіевѣ и послѣ, имѣютъ столько-же *научное*, сколько и политическое значеніе» (ib.). Не приводя отзывовъ другихъ компетентныхъ лицъ, касавшихся научной дѣятельности Максимовича, мы можемъ ограничиться приведенными сейчасъ мнѣніями ученыхъ, вполнѣ, думаемъ, компетентныхъ въ рѣшеніи этого вопроса.

Но Максимовичъ не ограничивался лишь тооріей, т. е. изученіемъ исторіи, а старался создать и кое-что практическое: таковы были его старанія къ открытію (не открытаго, впрочемъ) «Кіевскаго общества исторіи»; затѣмъ онъ принялъ участіе во «Временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ»; въ бытность въ Москвѣ въ 1857—9 гг. онъ возрождаетъ Московское общество любителей россійской словесности, секретаремъ котораго онъ состоялъ по 1859 г. Къ сферѣ «практики» Максимовича необходимо также отнести его преподавательскую дѣятельность въ уни-

верситетѣ. По отзыву біографа, Максимовичъ велъ свое преподаваніе исторіи литературы «съ особеннымъ искусствомъ и успѣхомъ; критическіе разборы были силою и торжествомъ Максимовича; ими онъ успѣлъ внушить слушателямъ любовь къ прекрасному и вліялъ на эстетическое ихъ развитіе» (Пономаревъ, 32). «Ограничиваясь образцами русской поэзіи, Максимовичъ хорошо ознакомилъ слушателей съ народной поэзіей и этимъ, конечно, будилъ въ нихъ чувство народности. Въ этомъ вліяніи Максимовича на молодежь заключается великая заслуга его для новаго университета и т. д. (ib.). Максимовичъ «въ теченіе семилѣтней своей профессуры успѣлъ подготовить нѣсколькихъ спеціалистовъ» (ib.) и т. д. «Наравнѣ съ Новицкимъ и Неволинымъ, Максимовичъ былъ двигателемъ оживленія молодежи» (ib.) и т. д.

Таковъ былъ ученый обликъ М—ча, также высоко державшаго знамя науки, какъ и умѣвшаго передавать лучшія ея пріобрѣтенія обществу и слушателямъ. Въ этомъ отношеніи, онъ по истинѣ «былъ для кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ» (Петровъ, Очерки, стр. 180). И неудивительно потому, что, въ свою очередь, различныя «историко-филологическія» и другихъ спеціальностей учрежденія много разъ удостаивали М—ча цѣннымъ своимъ вниманіемъ, избирая его дѣйствительнымъ своимъ членомъ; Кіевская-же духовная академія и университетъ св. Владиміра избрали его почетнымъ своимъ членомъ.

Наполняя свою жизнь учеными изслѣдованіями, М—ичъ немного досуга отдалъ и для украинской поэзіи, т. е. стихотворству. Въ данномъ случаѣ, имъ несомнѣнно руководила любовь къ родному языку и естественное желаніе воспользоваться его формой. Своими украинскими произведеніями М—чъ входилъ уже въ кругъ украинской художественной литературы, и потому важно выяснить, какое мѣсто занимаютъ его произведенія въ этой послѣдней, къ какому литературному направленію относятся, какъ велика ихъ художественность и, слѣдовательно, поэтическое дарованіе М—ча, и, наконецъ, какое значеніе имѣли его произведенія

для послѣдующаго развитія украинской литературы. Вотъ вопросы, которые мало еще затронуты нашей наукой, хотя, впрочемъ, нѣтъ особеннаго повода ими и заниматься.

Однимъ изъ первыхъ украинскихъ произведеній М—ча былъ переводъ въ стихахъ «Слова о полку Игоревѣ», напечатанный въ 1857 г. и вторично въ «Украинцѣ» за 1859 г. и переведенный, по мнѣнію Пыпина, «чтобъ возвратить новому народу полу-книжное созданіе его предковъ» (стр. 35, Ист. млр. этн.). Пыпинъ-же, какъ упоминаетъ и Петровъ, дѣлалъ о переводѣ «прекрасные отзывы» (Очерки ист. укр. л. стр. 188). Трудно, однако, согласиться съ подобной оцѣнкой перевода М—ча, такъ какъ, по нашему мнѣнію, выполненіе перевода не вполнѣ заслуживаетъ названія прекраснаго. Если говорить о вѣрности перевода, то, конечно, послѣдній хорошъ: за это ручаются долгія занятія М—ча текстомъ «Слова», поставившія нашего ученаго на высоту возможнаго тогда пониманія смысла текста. Но для поэзіи этого еще мало: необходима красота изображенія и передачи оригинала. Нужно признать и здѣсь, что въ большинствѣ случаевъ М—чъ сохраняетъ и передаетъ красоту оригинала, такъ что, обладая чертой вѣрности послѣднему, онъ какъ-бы заслуживаетъ названіе хорошаго переводчика. Но пока мы все-таки говоримъ о вѣрности оригиналу: гдѣ-же однако художественность перевода, при наличности которой переводъ дѣлается дѣйствительно вдохновенной работой, а не перекопировкой всего изложеннаго на иностранномъ языкѣ? Въ этомъ смыслѣ мы должны, во первыхъ, сказать, что нѣкоторыя мѣста перевода М—ча представляютъ неудачныя построенія то по своей неясности, то по необразности. Во вторыхъ, что очень важно, размѣръ стиха почти всегда выбирается М—емъ несоотвѣтствующій передаваемому настроенію,—погрѣшность крайне ощутительная въ поэзіи, требующей полнаго согласованія ритма рѣчи съ содержаніемъ. Наконецъ, самый стихъ перевода очень тяжелъ и неправильно построенъ,—грѣхъ, особенно ощутительный для пріятеля и современника такихъ корифеевъ поэзіи, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Такіе недостатки перевода очень ослабляютъ впечатлѣніе отъ него, заставляютъ за-

бывать красоту образовъ и во всякомъ случаѣ уменьшаютъ его цѣнность. Въ общемъ, нужно признать, что переводъ «Слова», хорошій, какъ переводъ, въ достаточной мѣрѣ не удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ художественному произведенію, и оставляетъ желать лучшаго.

То-же самое приходится сказать и объ его «псалмахъ, переложенныхъ на украинское нарѣчіе» и помѣщенныхъ въ той-же книжкѣ «Украинца». Переводъ псалмовъ стоитъ даже ниже перваго перевода: отличаясь одинаковыми недостатками, онъ имѣетъ меньше достоинствъ въ виду разницы въ характерахъ самихъ оригиналовъ. Какъ произведеніе религіозное, псалмы располагаютъ меньшимъ разнообразіемъ поэтическихъ образовъ и большей шаблонностью, что отразилось и на переводѣ: онъ вышелъ еще тяжелѣе «Слова» и вообще производитъ менѣе выгодное эстетическое впечатлѣніе.

Указанные переводы представляютъ наиболѣе крупную часть украинскаго стихотворства М—ча; все остальное представляетъ мелочи, частью напечатанныя въ старыхъ сборникахъ и изданіяхъ и большею частью въ К. Старинѣ (1898 г., № 11). Разсматриваемыя стихотворенія отличаются публицистическимъ содержаніемъ и въ большинствѣ относятся къ Крымской кампаніи; другія—къ Т. Г. Шевченку, а остальныя съ самыми разнообразными сюжетами. Объ этихъ стихотвореніяхъ г. Петровъ сказалъ, что они «отзываются недостаткомъ поэтическаго вдохновенія и дѣланностью» (Очерки, стр. 181),—но здѣсь сказано еще мягко. Перечисленные стихи М—ча—неудачные стихотворные опыты, написанные безъ изящества, чувства и мысли. Въ нихъ содержаніе развито такъ-же слабо, какъ и форма; только изрѣдка промелькнетъ въ нихъ что-то, но и то не свое, а напоминающее народную поэзію, въ общемъ-же можно пожалѣть, что данныя писанія вышли изъ-подъ его пера.

Изъ обзора украинскихъ стихотвореній М—ча и произведенной нами оцѣнки можно, думается, заключить объ ихъ роли и мѣстѣ въ украинской литературѣ.

Опредѣляя литературныя стремленія М—ча, Пыпинъ называлъ ихъ характерными для «народно-романтическаго» направленія, наклонявшаго въ сторону народно-поэтической старины, т. е. изученія и увлеченія ею. Приведенными словами только и можно, кажется, опредѣлить все положительное, внесенное М—чемъ въ украинскую литературу; его стихотворенія только и имѣютъ то значеніе, что писались на народномъ языкѣ и поддерживали его возрожденіе,— но ни художественнаго, ни историко-литературнаго значенія за ними не числится. Историко-литературное положеніе ихъ таково, что они совершенно теряются въ ряду превосходящихъ ихъ произведеній украинскихъ: съ одной стороны, они не были шагомъ впередъ по сравненію съ предшествовавшими произведеніями, а съ другой—далеко были превзойдены писателями послѣдующими; отсюда—полная ихъ незамѣтность на горизонтѣ украинской поэзіи. Исключенія не составляетъ даже болѣе содержательное стихотвореніе М—ча: «На похоронъ Т. Гр. Шевченка», интересное въ біографическомъ отношеніи но и оно лишено истинной поэзіи.

Окончивъ разсмотрѣніе учено-литературной дѣятельности М—ча, мы могли бы сдѣлать уже окончательные выводы о ея характерѣ и значеніи; однако, остановившись на этомъ, мы не дали бы полнаго очертанія личности М—ча, такъ какъ не выяснили бы себѣ его, какъ человѣка, и не опредѣлили общественныхъ его взглядовъ и симпатій. Касаясь формальныхъ чертъ М—ча, какъ человѣка, должно сказать, что онъ былъ мягкою, уступчивою личностью и сердечно-благородной натурой. Въ характерѣ его не было никакой заносчивости и гордости, наоборотъ, онъ всегда былъ полонъ готовности сдѣлать что-либо хорошее; но вмѣстѣ съ тѣмъ и всегда былъ полонъ достоинства. Одною изъ иллюстрацій многочисленныхъ хорошихъ его качествъ былъ образъ его дѣйствій въ качествѣ ректора Кіевскаго университета. Въ совѣтѣ университета находились преимущественно «преподаватели закрытаго Кременецкаго лицея, лѣтъ за 40—50 и болѣе, люди, хранившіе преданія отжившей старины, самолюбивые, но дѣйствительно обладавшіе ученостью. Максимовичу

удалось достигнуть чрезвычайно труднаго тогда и чрезвычайно важнаго всегда результата, что въ совѣтѣ утвердилось рѣдкое уваженіе и довѣріе другъ къ другу, рѣдкое согласіе и единодушіе» (Пономаревъ, стр. 28). «Общество профессоровъ чтило М—ча не только по его оффиціальному или общественному значенію, но и просто какъ живую личность, какъ привѣтливаго, занимательнаго товарища» (ib). Такими же чертами отличалось и отношеніе М—ча къ молодымъ ученымъ, ибо «рѣдко ученый стараго вѣка сохранялъ такую дружелюбную близость съ молодыми поколѣніями, какъ Максимовичъ» (Пыпинъ, Ист. млр. эт., стр. 33). Онъ всегда чувствовалъ «нравственную связь съ новыми поколѣніями,— которая, къ сожалѣнію, рѣже встрѣчается въ нашей «ученой республикѣ, чѣмъ должно было бы быть» (ib). И дѣйствительно, «можно бы многое сказать о его внимательности къ молодежи, его помощи ей и совѣтомъ и руководствомъ, и словомъ и дѣломъ и т. д.» (Пономаревъ, стр. 71). Любопытно и отсутствіе въ М—чѣ поползновенія къ карьерѣ, столь частаго въ «ученой» средѣ, когда ученые завѣты забываются для крупнаго положенія въ административныхъ сферахъ съ полнымъ, конечно, ущербомъ для науки... М—ичъ, молодой ректоръ, съ большими карьерными перспективами, сейчасъ же бросилъ для науки лестное свое положеніе, какъ только почувствовалъ, что второе наноситъ ущербъ первой.

Но перечисленныя достоинства личности М—ча были только формою, гдѣ, по условіямъ времени и мѣста, могло вмѣщаться содержаніе самое нежелательное въ смыслѣ общественно-идейномъ. Важно потому рѣшить, чѣмъ былъ М—ичъ, какъ гражданинъ и общественный дѣятель. Въ виду отсутствія данныхъ, трудно пока сказать, какъ складывались воззрѣнія М—ча въ его молодые годы; но близкія къ университетскому его времени свѣдѣнія, именно относящіяся къ годамъ послѣ окончанія имъ университета, даютъ нѣкоторый ключъ къ пониманію воззрѣній М—ча и въ годы университетскія. Несомнѣнно, что декабрьскія событія не могли не отразиться на М—чѣ; несомнѣнно, что сентиментально-народническій романтизмъ начала 19-го вѣка оставилъ свои слѣды въ

чувствительной психикѣ его. И въ результатѣ получилось то, что онъ примкнулъ къ кружку лучшихъ людей 30-хъ годовъ, раздѣляя въ общемъ ихъ воззрѣнія и стремленія. А сутью послѣднихъ былъ романтизмъ, главнымъ образомъ, приводившій къ чувству народности и идеализаціи народа, какъ въ прошлой его жизни, такъ и въ современной романтикамъ. Послѣ декабристовъ романтически-народное направленіе было рѣшительно новымъ словомъ въ общественной жизни, ибо указывало на пренебреженный народъ, приводило къ раздумью надъ нимъ и къ стремленію снять съ него опутавшее его крѣпостное иго. Народность—являлась какъ бы символомъ антикрѣпостничества и надолго стала лозунгомъ передового движенія въ Россіи. М—чъ бережно хранилъ первоначально взлелѣянные завѣты народничества и остался представителемъ ихъ до конца. Нужно однако прибавить, что первые шаги народничества М—ча скорѣе имѣли формальный характеръ, чѣмъ касались общественной стороны народной жизни. М—чъ подходилъ, такимъ образомъ, къ оффиціальному пониманію народности, признакомъ котораго была самобытность народа и необходимость развитія таковой. Въ числѣ проповѣдниковъ такой программы М—чъ былъ однимъ изъ первыхъ. Очень ярко выразилось подобное народничество М—ча въ предисловіи къ изданнымъ имъ въ 1827 г. народнымъ пѣснямъ.

«Наступило, кажется, то время,—говорилъ М—чъ въ предисловіи—когда познаютъ истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно-русская». Въ дальнѣйшемъ изложеніи трактуется о томъ же, т. е. о желаніи видѣть расцвѣтъ поэзіи народа, до сихъ поръ заглушавшейся образцами иностранными. Позже М—ичъ выражается шире, и требованія самобытности и народной окраски развитія Россіи распространяетъ на всѣ стороны народной жизни, а не только поэзію. Въ актовой рѣчи Московскаго университета 1832 г. «О русскомъ просвѣщеніи» М—чъ заявилъ: «самобытность непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворною жизнію и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ самобытнаго развитія». Въ разныхъ

обстоятельствахъ М—чъ видѣлъ «признакъ природной, жизненной крѣпости духа русскаго, способность къ развитію самобытному, при величайшей понятливости, переимчивости и т. д.». На основаніи такихъ свойствъ, такой цѣльности въ натурѣ русскаго человѣка, ораторъ требовалъ, чтобы Россія, почитая иностранное, не забывала своенароднаго, чтобъ она возвысилась жизненнымъ развитіемъ родныхъ ей стихій. Мы должны, говоритъ Максимовичъ, не принимать, но понимать европейское, для возвышенія русскаго (стр. 17, Пономаревъ). Правда, понятіе М—ча о самобытности, по правильному замѣчанію Пыпина, не выходило еще изъ стадіи туманности, заключая въ себѣ зародыши и оффиціальной программы и будущаго славянофильства, равно какъ и требованія истиннаго просвѣщенія. За то, при всей своей неопредѣленности, самобытность въ пониманіи М—ча никогда не доходила до крайностей выраженія.

Иллюстраціею соотвѣтственныхъ воззрѣній М—ча служитъ его рѣчь «Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи», произнесенная въ 1837 г. передъ гр. Уваровымъ. Рѣчь встрѣтила полное сочувствіе въ гр. Уваровѣ, а арх. Иннокентій сказанное М—чемъ слово называлъ «брилліантовымъ».

Какъ извѣстно, господствующей чертой во всемъ ученолитературномъ характерѣ М—ча были его малорусскія стремленія, и вотъ они-то и составили основу всей дѣятельности М—ча, ея душу. Въ чемъ-то заключались малорусскія стремленія М—ча и въ какомъ соотношеніи находились они съ такими-же стремленіями другихъ украинскихъ дѣятелей? Симпатіи къ своему родному М—чъ проявилъ очень рано и притомъ въ формѣ вполнѣ сознательной,—въ изданіи народныхъ пѣсенъ; самобытность народа, которому онѣ принадлежали, и его право на развитіе были для М—ча внѣ всякаго сомнѣнія. Чѣмъ дальше шелъ М—чъ въ жизни и наукѣ, тѣмъ болѣе возрастала въ немъ привязанность къ родной народности и тѣмъ въ сильнѣйшей степени служилъ онъ ей своимъ авторитетнымъ словомъ и дѣломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находился въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ со всѣми представителями культурнаго малорусскаго движенія,—

Квиткой, Костомаровымъ, Кулишомъ, Шевченко, и другими; онъ же участвовалъ въ «Основѣ», органѣ, гдѣ права на развитіе малорусской народности выставлялись и выяснялись весьма выпукло. Слѣдовательно, искренность малорусскихъ стремленій М—ча и его привязанность къ родному народу должны быть признаны безусловно. Вопросъ только въ другомъ, насколько глубоко и далеко шелъ М—чъ въ своемъ малоруссизмѣ, или, другими словами, въ какомъ отношеніи стоялъ послѣдній къ русскому народному развитію. По мнѣнію Пыпина (стр. 35 Ист. млр. этн.), «Максимовичъ не былъ украинофиломъ въ болѣе позднемъ смыслѣ этого слова», ибо по поводу Кіевской и Московской Руси М—чъ говорилъ, что «какъ ихъ бытіе, такъ и уразумѣніе ихъ, одной безъ другой, недостаточны и односторонни» (ib). Кромѣ того, по свидѣтельству Пономарева (стр. 67), М—чъ «былъ убѣжденъ, что малороссійскій языкъ, оставаясь языкомъ простонародья, можетъ быть языкомъ поэзіи и для современнаго малоросса, но не можетъ быть ни языкомъ общежитія образованнаго общества, ни языкомъ ученыхъ». Намъ кажется, что дѣло съ М—чемъ стоитъ нѣсколько иначе. Что онъ не былъ тождественъ съ позднѣйшими «украинофилами» въ ихъ взглядахъ на основы и предѣлы народнаго развитія, это, конечно, вѣрно. Но трудно повѣрить, чтобы такой хорошій историкъ и филологъ, какъ М—ичъ, могъ думать о возможности поставить предѣлъ развитію народа и его языка, ограничивая область ихъ поэзіею. Правда, личность М—ча надлежащимъ образомъ еще не изучена, но нѣкоторыя данныя его біографіи говорятъ выразительно, что М—ичъ на вопросъ о будущемъ малорусской народности смотрѣлъ нѣсколько иначе. Приведемъ пару фактовъ.

Изъ переписки М—ча съ Квиткою-Основьяненкомъ видно, что М—ча озабочивала мысль «издавать что-либо на паській мови и притомъ при «Отечественныхъ запискахъ» (К. Стар. 1883, № 6). Это «что-либо» врядъ ли должно было обозначать только «поэзію», ибо послѣдняя на украинскомъ языкѣ и безъ того уже имѣла мѣсто: очевидно, предполагалось печатать по-малорусски все. Другой примѣръ, стихотвореніе М—ча 1864 г. подъ заглавіемъ «Юго-Западному оратору» и его замѣтки, сдѣланныя на по-

ляхъ статьи въ «Вѣстникѣ ю.-западной и западной Россіи». М—ичъ былъ возмущенъ авторомъ статьи, предлагавшимъ «забуты ридну мову», что́ и дало возможность издателю стихотворенія, В. Н., сказать: «изъ этихъ замѣтокъ прекрасно видно, какихъ воззрѣній держался М—ичъ по вопросу національному» (К. Стар. 1898). Конечно, М—ичъ разрѣшалъ данный вопросъ въ смыслѣ благопріятномъ для малорусскаго народа.

Какъ бы то ни было, однако,—думалъ ли М—чъ о высокой роли «малороссійскаго» языка, или не задавался такими мечтаніями, «украинофиломъ» онъ былъ во всякомъ случаѣ и любовь его къ своей родинѣ засвидѣтельствована должнымъ образомъ. И эта-то любовь привела его впослѣдствіи къ столкновенію съ славянофилами новой формаціи. Въ концѣ концовъ, народническія воззрѣнія М—ча диффренцировались и опредѣлились окончательно: М—чъ отошелъ отъ славянофильской программы и поставилъ на своемъ знамени развитіе малорусскаго народа, сообразное съ его особенностями. Въ такой формѣ воззрѣнія М—ча стали на жизненное основаніе и поставили его самого въ рядъ прогрессивныхъ дѣятелей.

Разсмотрѣвъ учено-литературную дѣятельность М—ча и его шаги на жизненномъ поприщѣ, скажемъ теперь послѣднее слово о всѣхъ заслугахъ М—ча въ совокупности.

М—чъ, по характеру своей дѣятельности, былъ преимущественно ученымъ и на этомъ полѣ успѣлъ сдѣлать много. Какъ естествовѣдъ, онъ написалъ рядъ прекрасныхъ работъ, способствовавшихъ развитію естественныхъ наукъ въ Россіи. Какъ этнографъ, онъ напечаталъ рядъ поэтическихъ памятниковъ, имѣвшихъ огромное и всестороннее значеніе какъ для Великороссіи, такъ и для Украины. Изданія М—ча послужили къ обновленію русской литературы, къ развитію этнографической науки, къ поднятію идеи народности вообще и къ возвеличенію народа украинскаго. Какъ историкъ и археологъ, М—чъ затронулъ и удачно рѣшилъ много вопросовъ, касающихся Украины и въ частности Кіева. Какъ филологъ, онъ много сдѣлалъ для изученія малорусскаго языка и впервые научно поставилъ вопросъ о присутствіи мало-

русской стихіи въ памятникахъ кіевской Руси до 13 в. Какъ малорусскій поэтъ, М—ичъ не выдѣляется изъ ряда посредственности, но очень цѣннымъ должно быть уже одно желаніе М—ча писать для малорусскаго народа на его-же языкѣ. Всѣ эти заслуги М—ча передъ лицомъ науки прославили его крупнымъ ученымъ вообще, а заслуги его передъ роднымъ краемъ сдѣлали его имя однимъ «изъ почетнѣйшихъ именъ въ исторіи изученія малорусскаго народа» (стр. 22 Пыпинъ Ист. млр. этн.). Объ этихъ большихъ заслугахъ М—ча мы и хотѣли поговорить теперь, въ 100-лѣтнюю годовщину его рожденія, чтобы снова напомнить, что личность этого замѣчательнаго дѣятеля прошлаго вѣка до сихъ поръ еще не изучена должнымъ образомъ, что даже не всѣ его интересные труды напечатаны отдѣльнымъ изданіемъ и что нѣтъ до сихъ поръ широкой оцѣнки послѣднихъ.

Долгъ потомства передъ своимъ учителемъ восполнить весь этотъ пробѣлъ; нашей-же задачей было вспомнить «не злымъ тыхимъ словомъ» того выдающагося человѣка, который такъ много поработалъ для Украины.

И. Стешенко.

Переписка М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ.

(1864—1873).

Въ послѣдніе девять лѣтъ своей жизни, начиная съ 1864 года, М. А. Максимовичъ, главнымъ образомъ, сотрудничалъ въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», редакторомъ которыхъ состоялъ П. Г. Лебединцевъ. Это сотрудничество М. А. Максимовича, конечно, сблизило его съ редакторомъ, тѣмъ болѣе, что оба они въ своихъ научныхъ работахъ касались однородныхъ вопросовъ—исторіи Кіева—въ частности и Украины—вообще. Переписка этихъ лицъ въ теченіе девяти лѣтъ, имѣющаяся теперь въ нашихъ рукахъ благодаря любезности племянника П. Г. Лебединцева, К. Ѳ. Лебединцева, представляетъ большой интересъ не только какъ матеріалъ для біографіи и характеристики обоихъ крупныхъ работниковъ на нашей родной нивѣ, но и какъ матеріалъ, затрогивающій очень часто научные и общественные вопросы, касающіеся жизни нашей родины. Въ виду такого интереса, мы и хотимъ въ настоящей книжкѣ журнала, посвященной памяти М. А. Максимовича въ столѣтній юбилей со дня его рожденія (3 сентября 1804 года), начать печатаніе переписки его съ разными лицами и на первую очередь ставимъ переписку его съ П. Г. Лебединцевымъ, т. к. имѣемъ въ своихъ рукахъ письма обоихъ корреспондентовъ. Для будущаго времени мы обращаемся съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ у себя письма М. А. Максимовича, подѣлиться ими съ редакціей нашей, такъ-какъ у насъ есть уже письма почти всѣхъ его корреспондентовъ.

Какъ извѣстно изъ біографіи М. А. Максимовича, онъ, вступивши въ самые молодые годы на блестящій путь широкой общественной дѣятельности, сначала въ качествѣ ординарнаго профессора ботаники въ Московскомъ университетѣ, затѣмъ ординарнаго профессора русской словесности и перваго ректора Кіевскаго университета, вскорѣ долженъ быть сойти съ этого пути, благодаря своей болѣзни, и съ 1841 года до самой смерти своей жилъ безъ оффиціальнаго положенія въ своемъ хуторѣ, на извѣстной Михайловой Горѣ, въ золотоношск. у. полтавской губерніи, безпрерывно ведя свои кабинетныя работы и сотрудничая въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ эти послѣдніе 32 года своей жизни онъ по временамъ покидалъ свое хуторское уединеніе, переѣзжая для работъ то въ Кіевъ, то въ Москву, но вѣчная матеріальная нужда и болѣзненное состояніе не позволяли ему подолгу баловать себя такой роскошью, какъ городская жизнь.

Осенью 1864 года М. А Максимовичъ рѣшилъ предстоящую зиму провести въ Кіевѣ. Къ этому времени въ Кіевѣ однимъ изъ серьезныхъ научныхъ органовъ выдвинулось изданіе «Кіевскія Епаріальныя Вѣдомости», и М. А. Максимовичъ захотѣлъ принять въ нихъ участіе, съ одной стороны, «любя издавна старину Кіевской Руси, а особенно церковную, и имѣя въ запасѣ нѣкоторыя свѣдѣнія и замѣчанія по этому предмету», а съ другой—видя въ этомъ сотрудничествѣ своемъ возможность нѣсколько увеличить свой матеріальный достатокъ, такъ какъ на 760 рублей пенсіи въ годъ не мыслимо было прожить ему—въ Кіевѣ, а семьѣ—отдѣльно на маленькомъ, почти бездоходномъ хуторѣ. 30 сентября 1864 года М. А. Максимовичъ написалъ письмо прямо въ редакцію «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», даже не на имя редактора, съ предложеніемъ своего сотрудничества и съ приложеніемъ статейки «Нѣчто о Межигорьи» [1]).

---

[1]) Напеч. въ Кіев. Епарх. Вѣдом. 1864 г., № 20; перепечат. въ Собран. Сочиненій, Т. 2.

Вотъ это письмо.

Съ назидательнымъ для себя удовольствіемъ читалъ я многія статьи въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Любя издавна старину Кіевской Руси, и особенно церковную, и имѣя въ запасѣ нѣкоторыя свѣденія и замѣчанія по этому предмету, я желалъ бы иногда передавать ихъ въ общую извѣстность черезъ Кіевскія Вѣдомости, и покорно прошу Редакцію оныхъ принять меня въ свои сотрудники. На первый разъ препровождаю *Нѣчто о Межигорьи*—статейку, внушенную извѣстіемъ о продажѣ Межигорья съ публичнаго торга... Вскую, Боже, низложилъ еси оплотъ его, и обимаютъ и́ вси мимоходящіи путемъ!...

Я полагаю, что для мысли о Межигорьи, мной выраженной, найдется у васъ сочувствіе; а потому и статейкѣ моей справедливѣе всего быть въ вашихъ Вѣдомостяхъ, минуя всѣ другія свѣтскія повременныя изданія. И если она найдетъ себѣ мѣсто въ Вашихъ Вѣдомостяхъ, то благоволите, по обыкновенію, напечатать для меня полсотни отдѣльныхъ оттисковъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ къ Редакціи «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» имѣю честь быть покорнымъ ея слугою. Михаилъ Максимовичъ

30 сент. 1864 г. Михайлова-Гора.

На письмѣ этомъ стоитъ помѣтка рукою П. Г. Лебединцева «*отвѣтъ 15 октября*», но, къ сожалѣнію, отвѣтъ этотъ въ переепискѣ не сохранился. Во всякомъ случаѣ съ осени 1864 года начинаются между М. А. Максимовичемъ и П. Г. Лебединцевымъ литературныя и научныя связи, а затѣмъ постепенно онѣ переходятъ въ дружескія отношенія, что лучше всего будетъ видно изъ ряда писемъ всѣхъ послѣдующихъ годовъ. Печатая эти письма, мы, для удобства читателей, группируемъ ихъ хронологически по годамъ, но не каждаго корреспондента отдѣльно, а при письмѣ одного изъ нихъ сейчасъ-же помѣщаемъ отвѣтное письмо другого. Изъ переписки мы исключимъ все то, что носитъ слишкомъ частный, личный характеръ, а также и то, что пока не подлежитъ опубликованію.

Такъ-какъ осенью 1864 года **М. А.** Максимовичъ переѣхалъ въ Кіевъ на житье, то естественно всѣ сношенія его, какъ съ редакторомъ, такъ и съ редакціей, могли быть большею частью устныя, а потому въ перепискѣ послѣднихъ мѣсяцевъ 1864 года и первыхъ мѣсяцевъ 1865 года мы встрѣчаемся только съ немногими записочками, какъ напр.: 1-го декабря 1864 г. П. Г. Лебединцевъ проситъ прислать рукопись о Каневскомъ монастырѣ [1]), «ибо пора уже отдать въ типографію»; а 22 декабря М. А. Максимовичъ пишетъ записочку съ обѣщаніемъ написать статейку объ Исаакіѣ Борисковичѣ [2]). Въ эти-же мѣсяцы П. Г. Лебединцевъ любезно принялъ на себя трудъ по изданію популярной брошюры М. А. Максимовича подъ заглавіемъ «Книга Наума о великомъ Божьемъ мірѣ» (8-мъ изданіемъ), слѣды чего и видны въ слѣдующихъ двухъ коротенькихъ письмахъ въ мартѣ 1865 года.

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Хотя я Вамъ столько же вѣрю, какъ и Вы мнѣ, но поелику всѣ мы живемъ подъ волею Божіею, а на нѣкоторое время и разстанемся, то я считаю неизлишнимъ имѣть каждому изъ насъ по экземпляру слѣдующаго, при семъ прилагаемаго, условія, за общимъ подписомъ, надѣясь, что къ подписанію сего условія не представится затрудненія.

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностію Вашъ покорнѣйшій слуга прот. П. Лебединцевъ.

1865 г. 21 марта, Кіевъ.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Весьма благодарю Васъ и за изданіе моей книги Наума, и за условія о ней, и за всю вашу заботу о ней, которую принимаю за ваше для меня дорогое вниманіе ко мнѣ. О томъ свидѣтельствую прилагаемою при семъ фотографическою *персоною* моею и подписомъ руки моей.

---

[1]) Напеч. въ 1864 г., № 24 подъ заглав. «Воспоминаніе о стародавнемъ монастырѣ Каневскомъ»; перепечат. въ «Собран. сочин.» Т. 2-й.

[2]) Напечат. въ 1865 г., № 4 подъ заглавіемъ «Епископъ Исаакій Борисковичъ».

Душевно преданный вамъ и васъ почитающій Михаилъ Максимовичъ.

21 марта 1865 г.

Корректурный листъ *Сказаній* [1]) благоволите прочесть и мнѣ прислать.

Съ началомъ весны М. А. Максимовичъ переѣхалъ опять на свою Михайлову Гору, разсчитывая прожить здѣсь только два-три мѣсяца, а затѣмъ опять вернуться въ Кіевъ, но тутъ какъ разъ подоспѣло открытіе земскихъ учрежденій въ Полтавской губерніи, и М. А-чъ былъ избранъ гласнымъ Золотоношскаго земства, что и удержало его на хуторѣ на болѣе длинный срокъ, такъ что и на зиму онъ остался здѣсь. Вотъ въ этотъ-то періодъ и начинается настоящая уже переписка его съ П. Г. Лебединцевымъ.

1865 годъ.

Первымъ откликнулся М. А. Максимовичъ, написавши слѣдующее коротенькое письмо съ извѣщеніемъ о себѣ и своихъ новыхъ дѣлахъ.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Пользуясь сегодняшнею оказіей отсюда въ Кіевъ, препровождаю вамъ въ библіотеку стародавнюю книгу проповѣдей, изданныхъ Виленскимъ братствомъ, любопытную и по языку Западнорусскому. Съ нею вмѣстѣ посылаю вамъ мой задушевный поклонъ и сердечное желаніе вамъ здравія и успѣха въ дѣлахъ и трудахъ вашихъ.

Я все еще отгуливаюсь послѣ кіевской зимы и, съ ревматизмомъ въ рукѣ, не берусь еще за книги и бумаги, а пребываю весь, до іюня мѣсяца, въ жизни буколической и отчасти земской, для которой мы позваны въ Золотоношу на 27-е мая къ выбору гласныхъ. Изъ новостей нашей губерніи—очень печальный пожаръ города Лубенъ; а радостныхъ не имѣется. Въ половинѣ іюня надѣюсь быть уже въ Кіевѣ и

---

[1]) „Сказаніе о Межигорскомъ монастырѣ" (1865 г. № 6 и 7); перепечат. въ „Собран. сочин." Т. 2-й.

видѣться съ вами. И такъ—до пріятнаго свиданія! Преданный и уважающій васъ Михаилъ Максимовичъ.

17 Мая 1865 г. Мих. Гора.

о. Ѳаворову [1]) прошу передать мой душевный привѣтъ.

П. Г. Лебединцевъ сейчасъ же отвѣтилъ довольно длиннымъ письмомъ, въ которомъ встрѣчаемъ интересное извѣстіе объ одной статейкѣ М. А. Максимовича, написанной имъ, какъ оказывается, по просьбѣ П. Г—ча, но въ перечнѣ библіографическихъ трудовъ М—ча совершенно пропущенной [2]). Въ печатаемомъ письмѣ дается только намекъ на эту статью въ словахъ: «позвольте, впрочемъ, надѣяться, что Вы найдете нѣсколько минутъ, чтобы набросать нѣсколько строкъ, обѣщанныхъ мнѣ о родѣ Забѣлъ и Мировичей, для проповѣди, говоренной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ по поводу брачнаго соединенія сихъ двухъ родовъ. Проповѣдь остается въ ожиданіи Вашей замѣтки». Изъ дальнѣйшей переписки весь этотъ вопросъ не только выяснится вполнѣ, но даже явится новая статейка М. А—ча, касающаяся этого сюжета.

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Душевно благодарю Васъ за память о мнѣ и за Вашъ подарокъ для будущей моей библіотеки, такъ какъ небольшого нынѣшняго числа своихъ книгъ я далеко не могу назвать библіотекой. Письмо Ваше было столько прискорбно, что я не успѣлъ проститься съ Вами, уѣхавши утромъ съ братомъ въ Лавру. Дай Богъ укрѣпиться Вамъ сельскимъ воздухомъ для новыхъ трудовъ. Боюсь только, чтобы весь запасъ Вашихъ силъ не привлекли земскія собранія по своей новости и по желанію Вашему помочь землякамъ. Позвольте, впрочемъ, надѣяться, что Вы найдете нѣсколько минутъ, чтобы набросать нѣсколько строкъ, обѣщанныхъ мнѣ о родѣ Забѣлъ и Мировичей, для проповѣди, говоренной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ по случаю брачнаго соединенія сихъ двухъ родовъ. Проповѣдь остается въ ожиданіи Ва-

---

[1]) Н. А. Ѳаворовъ, проф. богословія въ Кіев. унив.

[2]) См. *С. И. Пономаревъ.* М. А. Максимовичъ. Біографич. и историко-литературный очеркъ. СПБ. 1872 г.

шей замѣтки. Покорнѣйше прошу привезти эту замѣтку съ собой въ Кіевъ или прислать, если бы что замедлило Ваше прибытіе.

Өеофанъ Гавр.[1]) къ 25 мая долженъ быть въ Варшавѣ на съѣздѣ директоровъ. Папа съ своими ксензами противодѣйствуетъ Черкасскому, по интригѣ папы уже въ Галиціи отказываютъ въ ректорѣ для холмской семинаріи и въ новомъ кандидатѣ на архіер. каѳедру. Генералъ Безакъ [2]) прибылъ къ намъ и подвизается тихо, но энергически. Онъ говоритъ мало, да работаетъ много. Дай Богъ ему успѣхъ. Митрополита ждемъ въ началѣ іюня. 27 мая онъ уже высылаетъ свиту изъ Петербурга. Въ Кіевѣ теперь протоіерей Сергіевскій, профессоръ московскаго университета. Жаль, что Васъ нѣтъ въ Кіевѣ; Вы бы поговорили съ нимъ о своихъ старыхъ знакомыхъ.

Составъ редакціи Кіевскихъ Вѣдомостей нѣсколько измѣнился—и къ лучшему; мнѣ удалось освободиться отъ Оглоблина, и вмѣсто его выпросить въ соредакторы моего товарища Колосова, законоучителя кадетскаго корпуса. Будьте ужъ такъ обязательны, привезти что-нибудь для редакціи въ видѣ гостинца ей.

Наума взято Андріашевымъ 1000 экз., братствомъ 500; отправлено брату 1000 и Крыжановскому 500 экз. Литовъ распродалъ 100. Русская лавка изъ Москвы опять спрашивала, не уступлю ли 20%; вновь отказалъ. Не знаю, что будетъ дальше. Брату высылаю еще 200 букварей. Барщевскій и Литовъ просятъ еще дать на коммиссію, но съ уступкой 20%. Какъ прикажете быть? Придется дать, ибо изъ другихъ мѣстъ требованій нѣтъ пока.

Пожелавъ Вамъ здоровья и благополучныхъ совѣщаній, остаюсь въ ожиданіи пріятнаго съ Вами свиданія

Васъ истинно уважающій и преданный слуга

П. Петръ Лебединцевъ.

22-го мая 1865 года. Кіевъ.

Не получивши еще въ отвѣтъ только-что приведеннаго письма, М. А. Максимовичъ писалъ слѣдующее.

9 іюня 1865 г. М.-Гора.

Несмотря на одолѣвающую меня перобоязнь, не могу пропустить новой оказіи въ Кіевъ, и не сказаться о себѣ вамъ, дорогой и по-

---

[1]) Ѳ. Г. Лебединцевъ, братъ П. Г. Лебединцева, начальникъ холмской дирекціи училищъ.

[2]) Вновь назначенный генералъ-губернаторъ въ Кіевѣ.

чтенный Петръ Гавриловичъ! Пишу вамъ мой душевный привѣтъ и поклонъ; и посылаю обѣщанную вамъ книжицу нашего знаменитаго Транквилліона „Зерцало Богословія", которую лѣтъ за двѣстѣ преслѣдовали и жгли, по указамъ Михаила и Алексія въ Московщинѣ и Сибири, и несмотря на то, читали ее тамъ, равно какъ и „Учительное Евангеліе" того же автора, и вдохновлялись тѣмъ и другимъ на собственныя писанія проповѣдей и богословскихъ трактатовъ. Транквилліонова учит. Евангелія уже нѣтъ у меня; но вмѣсто его я препроводилъ вамъ „Учит. Евангеліе" Виленское въ прошломъ мѣсяцѣ (обрывокъ моего прежняго собранія книжной старины западнорусской!)

Послѣ Золотоношскихъ выборовъ, о которыхъ я извѣщалъ васъ, я остался въ числѣ 27-ми *гласныхъ* отъ сословія *землевладѣльцевъ*, между которыми обрѣлось 2 священника и 2 козака; а на 12-е іюня мы опять позваны на выборы дворянскіе. Не позволяю себѣ отказаться отъ поѣздки и на эти выборы. Такимъ образомъ, поѣздка моя въ Кіевъ все оттягивается впредь... Съ того 27-го мая страшная засуха обратилась въ дождливую погоду, и остаюсь въ невѣдѣніи, поблагопріятствуютъ ли небеса столь желанной мною поѣздкѣ въ Кіевъ въ іюнѣ, чтобы тамъ отговѣться мнѣ къ Петрову дню,—мнѣ, удрученному тѣлесно и душевно. Во всякомъ случаѣ примите увѣреніе въ истинной преданности къ вамъ душевно уважающаго васъ старика Михаила Максимовича.

Епарх. Вѣдом. получаю черезъ Золотоношу исправно и читаю съ удовольствіемъ; но какое то письмо страховое пришло въ Каневъ еще 11 мая, а объявленіе о немъ получилъ я лишь сегодня. О. Назарія [1]) привѣтствую съ орденомъ, о чемъ прочелъ я сегодня. Часто вспадаетъ заботная мысль: окупился ли вамъ мой Наумъ [2]), принятый вами въ свою добрую опеку?...

Отвѣтомъ на это письмо явилось слѣдующее, въ которомъ, авторъ, считая, что прежнее, переданное черезъ руки, не дошло до адресата, повторяетъ кое-что уже сообщенное.

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Вы доставили мнѣ удовольствіе читать уже два письма Ваши, а моего, къ сожалѣнію не получили. Оно, въ отвѣтъ на первое Ваше,

---

[1]) Наз. Ант. Ѳаворовъ (см. выше).

[2]) „Книга Наума о великомъ Божьемъ мірѣ" (см. выше).

отправлено съ окружнымъ чиновникомъ Герасименкомъ, обѣщавшимъ доставить на Михайлову Гору чуть ли не съ нарочнымъ—24 мая. Надѣюсь, что можетъ быть это письмо будетъ счастливѣе и дойдетъ до рукъ Вашихъ.

Приношу Вамъ глубокую благодарность какъ за учительное Евангеліе, такъ и за Транквилліона; но я опасаюсь, что Ваша расположенность ко мнѣ оставила большую пустоту въ Вашемъ собраніи книжной старины. Поберегите и себя; я люблю старину, но еще болѣе люблю почитателей старины.

Весьма жаль, что пріѣздъ Вашъ въ Кіевъ замедляется, но чрезъ то выигриваетъ Золотнош. округъ отъ участія Вашего въ семъ новомъ у насъ дѣлѣ.

Поздравляю Васъ съ званіемъ гласнаго; дай Богъ, чтобы Вашъ гласъ не былъ гласомъ въ пустынѣ. Григорій Павловичъ Галаганъ тоже гласнымъ въ Козельцѣ.

Въ прежнемъ письмѣ я просилъ Васъ о сообщеніи Вами обѣщанной замѣтки къ проповѣди Прокоповича на свадьбу Анны Забѣлы и Мировича Симеона, въ ожиданіи которой остается неотпечатанною проповѣдь. Будьте добры, не откажите въ семъ.

Весьма радъ я, что хотя Еп. Вѣдомости доходятъ къ Вамъ исправно. Составъ редакціи теперь измѣненъ: мнѣ удалось Оглоблина устранить отъ редакторства, а на его мѣсто причислить своего пріятеля и товарища Колосова, законоучителя Кадет. корпуса (что нынѣ Военная Гимназія). Но пока, какъ изволите усмотрѣть, историч. отдѣлъ весьма скуденъ.

Въ Кіевѣ начальства никакого не имѣется: Безакъ, Казнаковъ [1]) митрополитъ въ отъѣздѣ. Впрочемъ сегодня ждемъ прибытія митрополита. Предтеча его Муравьевъ [2]) уже прибылъ вчера; онъ привезъ извѣстіе о назначеніи новаго оберъ-прокурора въ св. Синодъ—графа Дмитрія Толстого (писавшаго о католицизмѣ въ Россіи) вмѣсто Ахматова, уволеннаго по болѣзни. Онъ въ добавокъ зять Дмитрія Гавр. Бибикова.

Погода и у насъ дождливая послѣ засухи. А что будетъ въ 1866 г.—міръ оставленъ въ невѣдѣніи приказомъ Безака, прекратив-

---

[1]) Губернаторъ.

[2]) Муравьевъ, авторъ „Путешествія къ святымъ мѣстамъ“.

шимъ изданіе Бердич. календаря [1]). Полагаю, что эта новость смутила и Вашу блаженную Малороссію, въ которой Бердич. календарь также пользовался полной вѣрой.

Вчера получено мною объявленіе съ 50 руб. изъ Москвы. Это, вѣроятно, изъ Русской книжной лавки. Разъ я отказалъ въ уступкѣ 20% при продажѣ Наума; опять писала какая то графиня—одна изъ учредительницъ, я опять отказалъ, прописавши, что книга разбирается вѣдомствами. Теперь рѣшились выписать 500.

Съ сими будетъ въ распродажѣ 3700 экземпляровъ, больше запросовъ нѣтъ какъ нѣтъ—ни изъ Вильны, ни изъ Петербурга. Полагаю, что мы ошиблись, спустивши цѣну на 10 коп. Еслибы назначили 25 коп., да книгопродавцамъ уступили 30%, то они забрали бы все изданіе. Но посидимъ еще у моря и подождемъ погоды. Съ желаніемъ таковой и душевной преданностью остаюсь Вашимъ покорнѣйшимъ слугой прот. П. Лебединцевъ.

1865 г. 12-е іюня, Кіевъ.

Слѣдующія пять писемъ М. А. Максимовича, посланные въ лѣтніе мѣсяцы, и одно отвѣтное П. Г. Лебединцева, интересны въ томъ отношеніи, что они устанавливаютъ часть авторства Макс—ча въ замѣткѣ, помѣщенной въ Кіевск. Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (1865 г. № 14), и даютъ одну цѣльную его статейку по тому-же вопросу, нигдѣ, кажется, ненапечатанную. Какъ видно изъ прежнихъ писемъ, П. Г. Лебединцевъ обратился съ просьбой къ М. А. Максимовичу дать замѣтку о Забѣлахъ и Мировичахъ по поводу вновь найденнаго слова Ѳеофана Прокоповича въ честь брака двухъ лицъ изъ этихъ родовъ. М. А. Максимовичъ далъ сначала замѣтку объ этомъ въ письмѣ отъ 26 іюня, а затѣмъ сейчасъ-же, въ письмѣ отъ 3 іюля, сдѣлалъ поправку къ ней. Оказалось, что въ Епарх. Вѣдом. была сознательно напечатана 1-ая редакція, безъ дополняющей ее поправки, что объясняетъ П. Г. Лебединцевъ въ своемъ письмѣ отъ 11-го октября, при чемъ и дается справка, почему замѣтка эта помѣщена была безъ под-

---

[1]) Бердичевск. календарь, особенно тогда распространенный, помѣщалъ обширныя предсказанія погоды на будущій годъ.

писи автора. Увидѣвъ въ № 14 Епарх. Вѣдом. напечатанной эту замѣтку въ непоправленномъ видѣ, М. А. Максимовичъ при письмѣ 19 августа посылаетъ уже прямо отдѣльную замѣтку, которая почему-то не была напечатана и такъ и осталась приложенной къ письму. Кромѣ того, въ письмѣ отъ 10 іюля есть указаніе на замѣтку, посланную въ редакцію «Епархіальн. Вѣдом.», гдѣ у М. А. Максимовича являлось было желаніе высказать мысль, что пора-бы снять уже съ Мазепы проклятіе, совершавшееся въ храмѣ въ недѣлю православія. Какъ видно изъ письма П. Г. Лебединцева отъ 11 октября, онъ считалъ, что «о снятіи клятвы съ Мазепы опасно и заводить рѣчь; его дѣло проиграно разъ навсегда, и память его погибе съ шумомъ».

1865 г. 26 іюня М.-Гора.

Два отвѣтныя письма ваши, дражайшій Петръ Гавриловичъ, я получилъ, наконецъ, хотя и не скоро, но исправно, и премного благодарю васъ за нихъ, ибо они доставили мнѣ великое удовольствіе. Ваша память обо мнѣ столь же усладительна для моей души, сколько любопытны сообщенныя вами свѣдѣнія изъ текущей жизни современнаго Кіева. Сожалѣю, что мое намѣреніе быть въ немъ все еще отлагается впредь по разнымъ обстоятельствамъ моего здѣшняго быта и пребыванія; съ чѣмъ въ согласіи и самая природа, бывшая въ маѣ отмѣнно сухою и палящею, а въ іюнѣ слишкомъ дождливою, даже до нынѣшняго дня. А мнѣ такъ хотѣлось быть въ Кіевѣ именно въ настоящіе дни, чтобы отговѣться въ Лаврѣ и посмотрѣть нѣкоторыя окрестности, для рѣшенія себѣ нѣкоторыхъ накопившихся топографико-историческихъ вопросцевъ... Не знаю самъ, удастся ли хотя въ Спасовку исполнить предположенное было на Петровку!... А съ 15 августа у насъ въ Золотоношѣ начнется уже земское *собраніе*, въ которомъ дѣятельно участвовать вмѣняю себѣ въ обязанность, хотя отъ поѣздокъ въ Полтаву (еще не видѣнную мною, но ненавидимую), равно и отъ выборовъ въ члены управы, отказываюсь рѣшительно... Желаніе мое— провести зиму опять въ Кіевѣ, водворясь по прежнему въ сосѣдствѣ съ вами, если бы можно было, гдѣ-нибудь на Крещатикѣ. Тогда вознагражу трудолюбіемъ ту гульбу и недѣятельность, въ которой обрѣтаюсь тутъ уже третій мѣсяцъ и которую могу себѣ извинять только развѣ старостію и утомленьемъ отъ прежней жизни; но ужъ никакъ

не украинскою лѣностію... Пробы мои освѣжаться въ Днѣпрѣ оказывались неудачными и въ маѣ и въ іюнѣ: остаются надежды на іюль, дабы избавиться отъ ревматизма, крѣпко приставшаго къ лѣвой рукѣ и посягающаго нерѣдко на голову и глаза; а избавленіе отъ него мнѣ единственное—Днѣпро-Словутиця!

Что касается до другого способника моего—до старика Наума, то я радуюсь, что онъ уже почти окупается передъ вами вашею же заботою; а мои обращенія о немъ къ толикимъ и таковымъ мужамъ, видно, безуспѣшны, не удостоены даже ни отъ кого и отзывнымъ словцомъ даже до сегодня! То-то мнѣ такъ и не хотѣлось писать ихъ; послѣ долгой отвычки отъ нихъ, я зарекаюсь уже писать ихъ даже до смерти, чтобы не навязываться на непріятныя ощущенія, которыя и безъ того сами налетаютъ подобно мошкамъ и комарамъ, столь досадительнымъ въ нынѣшнее лѣто. Согласенъ вполнѣ съ вами, что книгопродавцамъ надо уступать, и не только по 20, но при значительномъ требованіи и по 25%. Имѣю письмо изъ Спб. отъ Глазунова, долго пролежавшее въ Каневѣ, которымъ онъ проситъ позволенія моего напечатать новое изданіе Наума, какъ напечаталъ онъ прежде три изданія, подъ надзоромъ Надеждина и Неволина. Но я ему предлагаю покупать тысячами изъ Кіева съ уступкою 30% безъ нашей пересылки. Я увѣренъ, что онъ въ своей типографіи печаталъ несравненно большее количество, чѣмъ то, на которое договаривался и за которое платилъ. Что же это г. Андріяшевъ [1]), съ двухъ тысячъ, за которыя уже вынималъ и деньги, съѣхалъ только на одну?... Надо бы мнѣ объ этомъ воззвать къ С. С. Гогоцкому [2]), назначившему двѣ, какъ minimum... или къ М. А. Тулову [3]), вспомянувшему меня, спасибо ему, на выѣздѣ моемъ.

Но я вспомнулъ сей часъ, что мнѣ надо прежде всего заговорить о Забѣлахъ и Мировичахъ, какъ о предметѣ, болѣе прочихъ настоятельномъ. Не читавши Ѳеофанова слова, не могу написать пріуроченнаго къ нему коментарія; а потому собственно для вашего усмотрѣнія припомяну слѣдующія свѣдѣньица.

Бракосочетаніе Мировиченка съ Забѣловною было, безъ сомнѣнія, въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія, еще до „нещасливого шведського року“.—Родъ *Забѣла* (или *Забѣловъ*, какъ писали встарину) извѣстенъ сталъ въ предѣлахъ бывшаго Нѣжинскаго полка еще въ гетманство Богдана Хмельницкаго; въ 1654 году встрѣчается *полковникъ Забѣла* (должно быть *Василій*).

---

¹) А. Ѳ. Андріяшевъ, издатель „Кіевскаго Народнаго Календаря“.
²) Проф. философіи въ Кіевск. университ.
³) Помощн. попеч. Кіевск. учебнаго округа.

Его сынъ *Петръ Забѣла* въ гетманство Брюховецкаго былъ уже генеральнымъ судьею, а въ гетманство Демка Многогрѣшнаго - генеральнымъ обозныкъ (т. е. первымъ послѣ гетмана старшиною въ войскѣ). Въ томъ же званіи, несмотря на свою неграмотность, продолжалъ онъ быть и при Самойловичѣ, видный еще и въ 1679 году, въ которомъ его сынъ *Степанъ Забѣла* былъ генеральнымъ бунчужнымъ (какъ видно изъ 116 главы Кіевск. Синопсиса); а въ первые годы Мазепина гетманства былъ онъ полковникомъ Нѣжинскимъ. Сего-то Степана Петровича Забѣлы дочь *Анна* и была въ бракѣ за *Семеномъ Мировичемъ*, котораго отецъ *Иванъ Мировичъ* исторически извѣстенъ съ 1692-го по 1706 годъ, какъ полковникъ Переясловскій (а документально мнѣ онъ извѣстенъ еще съ 50-тыхъ годовъ, какъ зять Кропивянскаго полковника Филона Джеджелѣя). Весною 1706 года командированъ былъ онъ съ своимъ полкомъ отъ гетмана Мазепы въ Ляховичи, для защиты этого города отъ шведовъ; но осажденный многочисленнѣйшимъ шведскимъ войскомъ, взятъ былъ въ плѣнъ съ своими переясловцами, въ апрѣлѣ (или точнѣе 1 мая) и отвезенъ въ Готтенбургъ, гдѣ скончался 4 декабря и тамъ погребенъ. Памятью его въ Переясловѣ остается каменная Покровская церковь, которую по смерти его докончилъ въ 1706 г. зять его Яковъ Ефим. Лизогубъ съ своею нѣжною Мировичевною, помнится, Настасіей.

Чету, привѣтствуемую Ѳеофановымъ словомъ, постигла недобрая доля.

Въ числѣ сторонниковъ Мазепы, при его измѣнѣ, оказался и *Василь Ивановичъ Мировичъ*; пока онъ и другіе находились эмигрантами въ Туреччинѣ, брали ихъ семейства и близкихъ родичей въ Москву на жительство, при чемъ въ апрѣлѣ 1712 года переселены были въ Москву—вдова Мировича, старая полковница *Пелагія*, ея сыновья *Яковъ* и оный *Семенъ*, и дочка *Марина*. А какъ Василій оказался потомъ столь виновнымъ, что сосланъ въ каторжную работу, то и все вышеозначенное семейство Мировичей отправлено было въ Тобольскъ изъ Москвы. Въ одно время съ этою семьею отправленъ былъ изъ Малороссіи въ Москву и *Семенъ Забѣла*, котораго жена ушла съ Орликомъ и при немъ находилась; а *Михайло Забѣла*, бывшій сначала сотникомъ Борзенскимъ, а потомъ полковымъ судьею Нѣжинскимъ, сталъ генеральнымъ судьею въ 1729 году, когда Яковъ Еф. Лизогубъ возвышенъ былъ въ званіе генеральнаго обознаго. въ

которомъ и оставался долго, будучи по смерти гетмана Апостола первенствующимъ лицомъ въ войсковой старшинѣ Малороссійской.

Михаилъ Максимовичъ.

Воспоминаніе объ этихъ лицахъ, въ желѣзный вѣкъ Малороссійской жизни,—припоминаетъ мнѣ извѣстный актъ о снятіи клятвы съ Горленка и прочихъ, который слѣдуетъ мнѣ списать для Вѣдомостей, вами издаваемыхъ. Это поспѣшу сдѣлать въ слѣдующемъ письмѣ, пока надумаюсь приняться за что нибудь болѣе кощтовное, хотя и не на столько, какъ ваши церковно-археологическія замѣтки въ послѣднемъ нумерѣ. А какая интересная тамъ резолюція владыки вашего о благочинномъ! Не знаю, отцу ли Назарію [1]) или кому иному обязанъ я за присылку мнѣ «Трудовъ академіи», которыя получаю исправно и читаю съ большимъ удовольствіемъ и любопытствомъ, несмотря, что утомляется отъ того мое зрѣніе.

Относительно старыхъ книгъ, я долженъ сказать откровенно, что у меня ихъ осталось уже очень мало, и сберечь изъ нихъ у себя я желаю очень-очень не многія, въ томъ числѣ изданія Іоанна Максимовича: изъ нихъ *Богомысліе* и *Θеотронъ* бралъ у меня иногда Иннокентій для академіи и не возвратилъ. Если когда нибудь встрѣтится вамъ случай пріобрѣсть эти двѣ книжки и *Отче Нашъ*, которой у меня еще не было, то не упустите ихъ отъ моего обладанія, въ наслѣдіе моему сыну Алексѣйку; а я охотно вамъ доставлю еще кой какія старыя книжицы, вовсе не предназначенныя у меня къ сохраненію и для меня ненадобныя. Всѣ онѣ изъ разряда священныхъ, а потому даже грѣшно ихъ оставлять въ качествѣ домашняго хламу. Охотнѣе теперь я далъ бы мѣсто на своихъ полкахъ двумъ томамъ Архива, изданнымъ Θеф. Гавриловичемъ [2]), и прочелъ бы ихъ съ жадностію; но мой почтенный другъ Юзефовичъ до того небреженъ, что и донынѣ не высылаетъ ихъ мнѣ, имѣющему сугубое право имѣть ихъ у себя прежде многихъ иныхъ лицъ.

Тутъ-то на досугѣ, когда не хочется брать пера въ руки, и читать бы подобныя вещи, усѣвшись на призьбѣ, въ тѣни акацій, и поглядаючи на Днѣпръ, за которымъ видны мнѣ и Каневъ, и Мошны, и высокій мысъ надъ Сокирною, гдѣ взятъ былъ Мельхиседекъ... А

---

[1]) Н. А. Θаворовъ.

[2]) Θ. Г. Лебединцевъ (см. выше).

кстати, портретъ его я оставилъ у Г. П. Галагана, и въ случаѣ моего смертнаго часа, онъ долженъ быть переданъ въ академическую залу, сообразно желанію Ѳеоф. Гавриловича, которому прошу передать въ ближайшемъ письмѣ мой дружескій поклонъ.

Но пора уже мнѣ и кончить этотъ письменный присѣстъ и вамъ дать покой отъ него. Уже за полдень; а день пресвѣтлый... Вы еще, вѣроятно, въ консисторіи пробудете часъ-другой. Отъ всей души желаю вамъ здравія и благоуспѣянія въ дѣлахъ вашихъ. Душевно преданный вамъ и почитающій васъ М. Максимовичъ.

Если случится что писать ко мнѣ, то вѣрнѣе и скорѣе дойдетъ ко мнѣ адресованное по почтѣ на Золотоношу.

—

3-го іюля, 1865 г. Мих.-Гора.

Въ погоню за моимъ послѣднимъ письмомъ, черезъ Золотоношу посланнымъ, поспѣшаю съ этимъ листкомъ, имѣющимъ плыть по Днѣпру, да омоется историческая пыль съ письма предыдущаго.

Вы, желая отъ меня обѣщанной замѣтки о *Забѣлахъ* и *Мировичахъ*, при первой фамиліи поставили *Анну*, а при второй—имя *Симеона*. Это такъ и принялось въ моей мысли, хотя въ самомъ дѣлѣ было наоборотъ; а къ тому еще привилось весьма ошибочное извѣстіе Исторіи Бантыша-Каменскаго (1822, Т. IV. стр. 47) о *Василіи Мировичѣ*, которому онъ приписалъ Переясловское полковничество, принадлежавшее его покойному отцу *Ивану*, и проступокъ, принадлежащій брату *Ѳедору*. И я написалъ вамъ свѣдѣніе двуошибочное. Спѣшу поправить его для исправнаго коментарія къ Ѳеофанову слову. Женихомъ былъ не Мировичъ Семенъ, а *Семенъ Забѣла*, невѣстою—*Мировичовна* (Анна), которая въ 1709 году бѣжала вслѣдъ за Мазепою, Орликомъ и братомъ своимъ *Ѳедоромъ* (Ивановичемъ) *Мировичемъ* въ Бендеры. Семенъ Забѣла въ 1711 году посылалъ къ ней нарочнаго, чтобы она вернулась къ нему на Украину; но она при томъ-же нарочномъ выбралась въ Шведскій лагерь къ королевскому маршалку Лимонту. Послѣ такого поступка Анны Ивановны, мужъ ея подавалъ челобитную къ царю, черезъ гетмана Скоропадскаго, дабы ему вольно было иную жену пояти, а отъ той-де онъ цурается и отрекается.

Такъ окончилась свадьба, напутствованная словомъ Ѳеофана Прокоповича, который (говоритъ преданіе) и безъ свадьбы сплодилъ знаме-

нитаго *Теплова*, наставника послѣдняго гетмана, Кирилла Разумовскаго. Чѣмъ кончилась судьба Мировичовны-Забѣлихи, не знаю; а мужъ ея все-таки былъ позванъ на жительство въ Москву, за гульбу и эмигранство его жены.

Семенъ Мировичъ былъ женатъ на дочери *Ломиковскаго*, умершаго въ Бендерахъ; а *Василь Мировичъ* былъ зятемъ *Токіевскаго* (полков. Кіевскаго), тоже находившагося въ Бендерахъ при Мазепѣ, потомъ при Орликѣ, въ гетманство котораго *Ѳедоръ Мировичъ* считался генеральнымъ асауломъ (вмѣсто Дмитрія Максимовича, воротившагося въ Малороссію, оттуда въ Москву, а изъ нея въ Архангельскъ). За его то тяжкую вину, его мать старая *Мировичка Пелагія*, братья его и сестры, потребованы были въ Москву, а оттуда посланы въ Тобольскъ, но его жена, во время его эмигранства, была у отца своего Полуботка, знаменитаго полковника Черниговскаго. Вотъ подробная и вѣрная обстановка вопроса, за которую можетъ смѣло ручаться душевно васъ почитающій и преданный вамъ Михаилъ Максимовичъ.

Вчера я начитался и Майской книжки Трудовъ Академ., и вашихъ Вѣдомостей 12 нумера, въ которомъ особенно понравилась мнѣ замѣтка о дорожнихъ крестахъ и по поводу свѣдѣнія о родной матери Ломоносова. Благоволите и въ вами завѣдываемое училище, и въ школу Гогоцкой подарить отъ меня по 50 экз. книги Наума.

—

10 іюля 1865 г. М.-Гора

У васъ въ Кіевѣ теперь праздникъ Антоніевскій, а завтра Ольгинскій, а тамъ и Владиміровскій, но я сижу тутъ по буднишному и только сожалѣю подъ часъ, что не могу очутиться въ Кіевѣ—по причинѣ изнеможенія отъ жары и пустоты карманной. Кое-какъ, однако, настрочилъ вчера прилагаемый листокъ для вашихъ епархіальныхъ вѣдомостей, который прошу принять благосклонно. Примѣчаніе мое вышло сухарное; но я поопасался размочить его Днѣпровскою водою... А хотѣлось сказать-бы, что можно-бы кажется, уже снять анаѳемское поминовеніе въ Кіевѣ съ того, чьихъ памятниковъ столько въ Кіевѣ— и Лаврская каменная ограда, и Никольскій соборъ, и Братская Богоявленская церковь; кто золотилъ своимъ коштомъ и верхи прежней лаврской великой церкви, отъ громоваго удара сгорѣвшіе; чьимъ стараніемъ возобновлена древняя епархія переясловская и поставленъ

тамъ Вознесенскій соборъ и проч. и проч. 157 лѣтъ уже проклинали его ежегодно: и если проклятіе наложено было на *него* и *его единомышленниковъ*, и снималось съ послѣднихъ—по велѣнію царскому, то и съ *него* могло бы, наконецъ, быть снятымъ, по милостивой волѣ царской, церковнымъ ходатайствомъ Кіева.. Вотъ какая хмелинка была въ головѣ, когда я принялся списывать листъ гетмана Скоропадскаго къ митрополиту кіевскому, но нельзя же было ей повиться по тычинѣ пера моего; вы первый выбросили бы ее изъ моего примѣчанія, какъ сорную траву [1])...

Вы, изъ моего Золотоношскаго письма могли удостовѣриться, что въ знойное лѣто я не могу писать дѣльнаго; вамъ вѣрно уже доставилъ мусье Альфонсъ [2]) мое поправочное письмецо о женитьбѣ *Семена Забѣлы* на *Аннѣ Мировичовнѣ*; но и въ томъ письмѣ жену *Ѳедора Мировича*, нераскаяннаго приверженца Филиппа Орлика, я назвалъ, помнится, дочкою Павла Полуботка, между тѣмъ какъ она была родная *сестра* его, *дочь* Леонтія Полуботка, бывшаго полковникомъ Переяславскимъ.—Вижу, что въ старой памяти моей происходитъ уже такая же мѣшанина, какъ и въ исторіи Бантыша-Каменскаго, который *Василя* Чуйкевича называетъ то Васильемъ (по актамъ), то Семеномъ (по Ригельману), да и не одинъ онъ попадаетъ непрестанно въ подобныя неточности! Похожденіе Анны Ивановны Забѣлиной-Мировичевны и было у меня на примѣтѣ, когда я хотѣлъ вамъ писать примѣчаніе къ Ѳеофанову слову; но здѣсь я и не вспомнилъ на первый разъ въ чемъ дѣло!

Но не буду обременять васъ моимъ разглагольствіемъ: у васъ мало досуга и много чтенія и дѣла; а у меня наоборотъ! И такъ—будьте здравы и благоуспѣшны, и не забывайте душевно-преданнаго вамъ Михайлогорца.

А что выпадаетъ на долю Межигорья?...

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Кланяюсь вамъ изъ Золотоноши, гдѣ я уже третій день, участвуя въ земскомъ собраніи, въ качествѣ гласнаго, уклонившагося впро-

---

[1]) См. статью „Замѣтка къ листу гетмана Скоропадскаго" (Кіев. Епар. Вѣд., № 46); перепечат. въ „Собран. сочин." Т. 1-ый.

[2]) Французъ, поселившійся въ с. Прохоровкѣ еще въ молодые годы; умеръ около года тому назадъ глубокимъ старикомъ.

чемъ отъ выбора въ какія либо особенныя должности по земству; а нынѣшній день и назначенъ для балотировки въ члены управы, которымъ положено вчера жалованья 750 р. въ годъ, тоже и предсѣдателю; на канцелярію 2,000 р.

Препровождаю замѣтку къ Өеофанову слову, которую можно, мнѣ кажется, помѣстить въ вашихъ вѣдомостяхъ. Хотѣлось бы въ первой половинѣ сентября, къ Воздвиженью, быть въ Кіевѣ по прошлогоднему; но еще не знаю, исполнится ли это, равно какъ и то, въ возможности ли буду зимовать въ богоспасаемомъ градѣ.

Отъ всей души желаю вамъ здоровья и благополучія искренно преданный вамъ Михаилъ Максимовичъ.

19 августа. 1865 г.

Письмецо мое, съ актомъ о Горленкѣ [1]), посланное черезъ Переясловъ 12 іюля, вы вѣрно уже получили.

Замѣтка о новоизданномъ словѣ Өеофана Прокоповича.

Въ 14 нумерѣ Кіевскихъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» нынѣшняго года напечатано весьма замѣчательное, но остававшееся въ неизвѣстности слово Өеофана Прокоповича—„въ честь новобрачныхъ“. Очевидно, что это извѣстное слово принадлежитъ къ первой порѣ его витійства, когда онъ былъ еще *учителемъ* въ Кіевской академіи (ректоромъ въ ней былъ онъ съ 1711 года).

Не знаю, къ какому времени принадлежитъ академическая рукопись, изъ которой заимствовано это слово, но я нахожу, что переписчикъ его сдѣлалъ значительную ошибку въ заглавіи, перемѣшавъ фамиліи новобрачныхъ. Заглавіе дано такое: „слово ректора Кіевской коллегіи Өеофана Прокоповича въ недѣлю мытаря и фарисея, въ честь новобрачныхъ *Симеона Мировича* и *Анны Забѣловны*“.

Противъ этого можно сдѣлать слѣдующія возраженія.

1) Кіевская академія именовалась *коллегіей*, въ XVII вѣкѣ, до 1701 года. „Ректоромъ Кіевской коллегіи“ былъ Өеофанъ Прокоповичъ I-й, дѣдъ знаменитаго витіи, скончавшійся 1689 года.

2) У переясловскаго полковника Ивана Мировича, умершаго въ шведскомъ плѣну 1706 года, дѣйствительно былъ сынъ *Семенъ*

---

[1]) „Листъ гетм. Ивана Скоропадскаго“... (см. выше).

Мировичъ. Но онъ женатъ былъ на дочери генеральнаго обознаго Ивана Ломиковскаго, *Еленѣ.* Свидѣтельствомъ тому служитъ завѣщаніе Ломиковскаго, писанное въ мартѣ 1711 года въ Яссахъ. Въ немъ сказано между прочимъ: „кохануя дочерь мою *Елену Семіеновну Мировичовую* зъ милымъ еи малжонкомъ и кохаными чады благословляю и божія имъ благословенія желаю“. (см. въ *Молодикѣ* на 1844 г. стр. 73 и 77). Ясное дѣло, что Өеофаново слово относилось не къ *Семену Мировичу.*

3) Новобрачными, въ честь которыхъ витійствовалъ Өеофанъ, были: *Семенъ Забѣла* и *Анна Мировичевна*, дочь выше помянутаго полковника переясловскаго. Въ доказательство приведу слѣдующій отрывокъ изъ письма гетмана Скоропадскаго къ графу Головкину, *1712* года (см. въ *Чтеніяхъ* 1859 г. кн. 1).

«Старая *Мировичова,* [1]) которой сынъ *Өедоръ* при Орлику енеральнымъ асауломъ; тамъ же [2]) и *дочка его, Семена Забѣлы жена*; браты его Өедоровы: *Семенъ* зъ женою и зъ дѣтьми, за которымъ дочка Ломиковскаго, при Орлику найдуючагося, *Василь* зъ женою и зъ дѣтми, за якимъ дочка Мокіевского [3]), въ противной сторонѣ умѐршого; да его жъ, Өедора Мировича, три браты нежонатыи, *Яковъ, Димитрій и Иванъ*».

Такъ какъ взаимный родственный союзъ Малороссійской старшины составляетъ главный мотивъ Өеофанова слова, то не лишнимъ будетъ прибавить, что Өедоръ Мировичъ женатъ былъ на дочери прежняго Переясловскаго полковника Леонтія Полуботка, которая, послѣ бѣгства мужа ея, оставалась въ дому брата своего Павла, полковника Черниговскаго. Другая дочь полковника Мировича, именно *Өеодора,* была женою Якова Лизогуба, бывшаго впослѣдствіи генеральныхъ обознымъ.

На основаніи предложенныхъ свѣдѣній, слѣдуетъ дать Өеофанову слову такое заглавіе: Слово учителя Кіевской академіи Өеофана Про-

---

[1]) Полковница *Пелагея Мировичева,* урожденная *Голубовна.*

[2]) Т. е. въ Бендерахъ, куда ушла она, покинувъ мужа своего въ Малороссіи.

[3]) Константій Мокіевскій, полковникъ Кіевскій.—Не знаю, его ли дочь, или Полуботкова, была *Анна Мировичовна* (другими словами: жена ли Василія, или Өедора Мировича).

коповича въ недѣлю Мытаря и Фарисея, въ честь новобрачныхъ *Семена Забѣлы и Анны Мировичовны»*.

Михаилъ Максимовичъ.

1865 г., 13 іюля, Михайлова гора.

—

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Посылаю вамъ статейку о горѣ Московкѣ [1]). Можетъ быть она, послѣ оной, что помѣщена у васъ въ 5 нумерѣ, окажется излишнею; въ такомъ разѣ благоволите ее пристроить хоть въ Кіевлянинѣ, или гдѣ-нибудь, за исключеніемъ, разумѣется, Телеграфа... [2])

Я воротился изъ Золотоноши (откуда писалъ къ Вамъ) не совсѣмъ здоровый, что и до нынѣ продолжается, при неблагопріятной для ревматизма моего погодѣ. Не теряю, однако же, надежды собраться съ силами для поѣздки въ Кіевъ.

Между тѣмъ погружаюсь въ кіевскую церковную старину, и сегодня, прочитавъ въ вашемъ изданіи объ андреевскомъ крестѣ Лохвицкаго работы—занимался крестовоздвиженскою церковью... Вижу, что надобно съизнова повѣрить все, что писано было и Берлинскимъ, и Закревскимъ, и прочими о Старомъ Кіевѣ. Чтобы меня или митрополиту, или Безаку пригласить въ Кіевъ на службу въ званіи археографа: въ Кіевѣ для этого можно быть *по особымъ порученіямъ*!

Желаю вамъ здоровья тѣлеснаго и крѣпости душевной преданный вамъ М. Максимовичъ

1 сент. 1865 г. М. Гора.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Три раза я въ долгу у Васъ, такъ какъ не отвѣчалъ почти на три письма Ваши. Но ужъ, волей не волей, простите. Это произошло не отъ недостатка уваженія къ Вамъ или забвенія о Васъ. Съ 17-го по 29 августа ѣздилъ я съ Владыкой по бердичев., липовецкому, уман. и звенигор. уѣздамъ; изъ Шполы по почтовой дорогѣ поспѣшили въ Кіевъ къ прибытію в. князя. Затѣмъ пріемъ училища [3]), запущенныя и

---

[1]) Кажется, эта статья нигдѣ не напечатана.

[2]) Издававшаяся въ то время вторая газета въ Кіевѣ „Кіевскій Телеграфъ“.

[3]) П. Г. Л—въ завѣдывалъ женскимъ Епархіальнымъ училищемъ.

новыя дѣла и т. п., набралось добра на цѣлый сентябрь, такъ что едва теперь пользуюсь возможностью написать Вамъ нѣсколько строкъ.

Вы, можетъ быть, удивились, что я помѣстилъ въ Еп. Вѣд. не 2-е, а 1-е Ваше примѣчаніе о Мировичѣ и Забѣлѣ «и при томъ съ подписью редакціи, а не Вашего имени». Дѣлая это, я имѣлъ въ виду, что въ заглавіи рукоп. слова стоитъ женихомъ Семенъ Мировичъ, а не Забѣла, и на дочери Ломиковскаго могъ Семенъ Мировичъ жениться и въ другой разъ; предполагалъ также напечатать ваше новое мнѣніе объ этой свадьбѣ, въ родѣ возраженія противъ 1-го; главное же—статья была уже набрана и срокъ печати близился, когда получена была Ваша новая замѣтка. О снятіи клятвы съ Мазепы опасно и заводить рѣчь; его дѣло проиграно разъ навсегда и память его погибе съ шумомъ. Золотилъ же онъ и строилъ церкви вѣрно на козацкія деньги. Сладко ли было козакамъ въ его гетманство?

За статью о крестахъ и стриженыхъ макушкахъ прозвали меня и латинникомъ, и уніатомъ или, по крайней мѣрѣ, сыномъ уніат. священника. Одинъ господинъ прислалъ даже ругательное по сему случаю письмо на меня—безыменное—въ 2-хъ экз.: одинъ Крамареву, другой мнѣ. Какихъ дураковъ нѣтъ на свѣтѣ! Мѣриломъ православія берутъ не исторію церкви, а status quo Великороссіи и все отличное отъ великороссійскихъ обычаевъ въ южнорус. церкви клеймятъ титломъ католическаго. Сколько мнѣ приходилось слышать нареканій на обычай вязать руки брачущимся, а между тѣмъ изъ статьи о бракѣ (въ 20 № Еп. В.) увидите, что и это обычай древней церкви. Недавно я узналъ, что въ Лаврѣ существовалъ не очень давно бывшій издревле обычай—въ большіе праздники непремѣнно звонить въ разгонъ, хотя это уже неудобно было по огромной тяжести новѣйшихъ колоколовъ. Въ пещерныхъ церквахъ всѣ престолы были каменные, приставлены къ восточной стѣнѣ; передѣланы въ *указанную мѣру* по распоряженію м. Евгенія или Серапіона, и выставлены на указанное мѣсто. Въ Спасск. церкви открылись замазанныя было сухой краской изображенія Марка, Исаака затворника и другихъ (временъ Могилы) съ короткими волосами и въ туникахъ.

Мое вниманіе остановилось еще на вдѣланномъ въ нижній этажъ лавр. колокольни барельефѣ св. Антонія съ древней готич. подписью; онъ въ корич. туникѣ, короткой до колѣнъ мантіи и въ кукутѣ. Удивляюсь, какъ никто изъ 100.000 проходящихъ по лавр. двору доселѣ не замѣчалъ этой древности, сохраненной Лаврой.

Нижняя подпись запачкана известкой, и барельефъ высоко, едва можно прочитать ὁ ἅγιος Αντόνιος.

Межигорье торгують, но Лаврѣ не желаютъ продавать всячески. По сему дѣлу прибылъ недавно въ Кіевъ нѣкій графъ Тарновскій, состоящій при кабинетѣ и Адлербергѣ. Дѣло ведется таинственно, а продаютъ какому то нѣмцу. Писните что-нибудь Аксакову въ *День* [1]). Онъ недавно въ передовой статьѣ о проектѣ нов. устава духовной цензуры наговорилъ довольно горькихъ рѣчей св. Синоду и даже допустилъ выраженіе: «маловѣрные блюстители вѣры». Вѣрно получитъ предостереженіе, да благо, если тѣмъ ограничатся.

Выручено за книгу Наума 392 руб.; изданіе стоитъ 242 р.— Андріяшевъ обѣщалъ скоро взять еще 1.000 экз. Онъ при календарѣ припечаталъ объявленіе о книгѣ Наума, и по сему случаю при требованіи календарей у него набралось требованій на 600 экз. Наума. Можно надѣяться и на дальнѣйшее. Спасибо ему.

Кстати о календарѣ. На дняхъ объявлено въ газетахъ, что привилегія Академіи Наукъ на исключительное право издавать календарь уничтожена и право издавать календари предоставляется всякому желающему. Прошу принять это къ свѣдѣнію.

Крамаревъ взялъ 100 экз. Наума за 60 руб., записанные Вами братству. Главный братчикъ Бердихинъ умре и 6-го октября погребенъ бысть въ Китаев. пустыни. Капиталъ свой 49 т. отписалъ въ полное и безусловное распоряженіе кіев. митрополита.

Митрополитъ 23 октября выѣзжаетъ въ Петербугъ для засѣданій въ свят. Синодѣ. Телеграмма о высочайшемъ повелѣніи получена завчера.

Какъ Ваше здоровье? Дозволитъ ли оно Вамъ провести и эту зиму въ Кіевѣ. Богъ да укрѣпитъ Васъ; а здѣсь отъ Вашего пребыванія все же нѣсколько свѣта прибавится въ нашей исторіи. Я же за дѣловыми бумагами, счетами и протоколами едва имѣю время приготовить оффиціальн. часть Вѣдомостей. Сами видите, что историч. отдѣлъ въ нашихъ Вѣдомостяхъ совсѣмъ оскудѣлъ и почти исчезъ. Когда воскреснетъ,—Богъ вѣстъ.

---

[1]) Статейка въ „Днѣ“ напечатана М. Максимовичемъ тогда-же въ 1865 г. № 45—46 „Слухи о Межигорьѣ“; перепечат. въ „Собр. сочин.“ т. 2-й.

Въ надеждѣ скораго прибытія Вашего въ Кіевъ пишу Вамъ: до свиданія. Васъ многоуважающій и глубокопреданный слуга протоіерей Лебединцевъ.

1865 г. 11-е октября. Кіевъ.

Какъ человѣкъ, свободный отъ оффиціальныхъ занятій, М. А. Максимовичъ оказывался въ перепискѣ гораздо болѣе аккуратнымъ, чѣмъ его корреспондентъ. Въ отвѣтъ на только-что напечатанное письмо, онъ сейчасъ-же, 18 октября, послалъ свое съ приложеніемъ статейки: «О двухъ стихотвореніяхъ: «Плачъ Малой Россіи» и «Милость Божія» [1]) и съ упоминаніемъ о посланномъ раньше началѣ статьи «Записки о первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго братства» [2]). Упоминается здѣсь также еще разъ про статейку *О горѣ Московкѣ* (см. письмо отъ 1 сент.), которая, кажется, не была нигдѣ напечатана.

18 окт. 1865 г. М. Гора.

Благодарю Васъ премного, почтеннѣйшій и дорогой Петръ Гавриловичъ, за ваше пріятнѣйшее письмо отъ 11 октября, которымъ усладился такъ благовременно, ибо я находился тогда въ сильномъ желаніи бесѣды вашей. Вы много сообщили столько интересныхъ новостей, изъ которыхъ особенно я порадовался Спасскими фресками и примѣченнымъ вами рельефомъ пр. Антонія—и какъ бы хотѣлось взглянуть на нихъ! Но къ прискорбію это прійдется уже будущею весною, если дастъ Богъ мнѣ вызимовать благополучно въ моемъ Михайло-Горскомъ отшельничествѣ... Мнѣ очень тяжело оставаться здѣсь на безлюдьи и въ тѣсной хаткѣ; но что же дѣлать, когда не везетъ фортуна въ Кіевѣ... И безденежье, и нездоровье не пускаютъ меня отсюда. Мой ревматизмъ лѣваго плеча очень усилился, на всю руку, кидаясь нерѣдко на голову и глаза, и это подъ часъ пугаетъ меня не мало... И я разсудилъ, что ѣхать въ Кіевъ безъ денегъ и на такое же, если не на большее домосѣдство какъ въ прошломъ году, и также одному—не пригоже вельми, и что лучше ужъ весною—дастъ Богъ—пріѣхать, когда можно и бывать тамъ вездѣ, и поработать, и

---

[1]) Кіев. Епарх. Вѣд. 1865 г., № 22; перепечат. въ „Собр. сочин." т. 3-й.

[2]) Кіев. Епарх. Вѣд. 1865 г. № 21, 23 и 24; перепечат. въ „Собр. сочин." т. 2-й.

полѣчиться, если надобно. И такъ—до будущей весны! Помолитесь только, чтобы помогъ мнѣ Господь вызимовать благополучно.

Въ тотъ день, какъ вы писали ко мнѣ, и я здѣсь писалъ для Васъ—прилагаемую при семъ статейку о двухъ стихотвореніяхъ, которую благоволите помѣстить въ К. Е. Вѣдомостяхъ, да услышана будетъ et altera pars! Кто этотъ г. Петровъ? Спасибо ему за находку, и нельзя ли попросить у него или иного кого, чтобы мнѣ списали *буква въ букву* тотъ *Плачъ,* ибо въ томъ видѣ, какъ напечатанъ, онъ зѣло попорченъ.

А въ началѣ сего мѣсяца я отправилъ къ вамъ черезъ золотоношскую почту начало моихъ *Записокъ о кіевскомъ Братствѣ.* Кажется, Вы и о. Ѳаворовъ будете ими довольны. Я хочу пересмотрѣть критически всѣ извѣстія историковъ Кіев. академіи о временахъ ея до кончины П. Могилы. Попрошу Васъ только вычеркнуть конецъ 1 параграфа о петербургскомъ календарѣ. По отправкѣ къ Вамъ, я примѣтилъ, что этотъ конецъ не кстати, и послалъ его особою замѣточкой въ День [1]).—(Туда жъ сегодня настрочилъ и нотабенку: *слухи о Межигорьѣ,* по вашему намеку). Еще попрошу Васъ сдѣлать для меня оттисковъ нѣсколько, какъ статейки о 2 стихотвореніахъ, такъ и Записокъ: этихъ можно и побольше, въ видѣ особой книжечки, для раздачи ихъ питомцамъ и любителямъ матери-академіи.

А что съ моею статейкою *о горѣ Московкѣ?* Буде не пойдетъ въ дѣло у Васъ, перешлите ее въ День, и вообще я попрошу Васъ, что не пріймется у васъ изъ моихъ писаній, отправлять туда. Сюда, впрочемъ, не подходитъ замѣтка о Семенѣ и Аннѣ, которая пусть останется въ Вашихъ бумажныхъ связкахъ безъ печати.

Спасибо вамъ за опеку надъ моимъ *Наумомъ* и радуюсь, что онъ взнесъ уже вамъ выкупную за себя сумму. Жаль, что мои бывшіе академическіе пріятели и прочіе панове не потрудили своихъ десницъ даже для отвѣта на мои письма, къ нимъ писанныя. Ни отъ кого ничего въ отвѣтъ: это уже просто неучтивство; но видно такъ повелось уже въ нынѣшнемъ вѣкѣ, отъ котораго съ каждымъ годомъ я отстаю примѣтно, а быть можетъ уже незабаромъ и совсѣмъ меня не станетъ... Время всѣмъ... Но живый живе гадае...

---

[1]) Напечатано въ № 39 газ „День“ 1865 г.

Така какъ у Васъ причтется мнѣ малую-толику, то я дружескую на Васъ возложу коммиссію: 1) пошлите въ черниговскую редакцію сколько надо за *Исторію Русской церкви* Филаретика, послѣдняго изданія, его книгу о *Черниговской эпархіи* и *Житія русскихъ святыхъ* (не помню настоящаго титула), дабы эти три изданія выслали оттуда на мое имя въ Золотоношу. 2) Пошлите 15 р. с. моей родичкѣ, Варварѣ Васил. Марковой, на Крещатикъ въ домъ Коломійцова, гдѣ была фотографія Левдика, и гдѣ ея мужъ открылъ новую фотографію. На тѣ деньги, я просилъ ее сдѣлать мнѣ нѣкоторыя покупки и прислать ихъ съ этою же оказіей, по которой теперь я къ Вамъ пишу мое посланіе. Я до того здѣсь досидѣлся, въ упованіи быть скоро въ Кіевѣ, что и писательные припасы всѣ истощились; а писанія въ виду довольно таки,—начиная съ продолженія Записокъ о Братствѣ, которыя надѣюсь докончить въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, если отляжетъ боль отъ головы и глазъ, въ послѣдніе дни къ нимъ привалившая.

Но св. Антоній у меня въ мысляхъ и какъ бы передъ глазами. Снимите фотографическій его образъ съ лаврской колокольни и тотъ образъ св. Θеодосія, что въ Спасской церкви, что вы упоминали объ немъ въ Вашей знаменитой статьѣ...

Помогай Богъ Вамъ трудиться и да хранитъ Онъ васъ въ добромъ здоровьи. Съ моимъ къ вамъ почтеніемъ и сердечною преданностью остаюсь навсегда вашъ М. Максимовичъ.

Отвѣтомъ на это было слѣдующее письмо П. Г. Лебединцева:

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Душевно благодарю за Ваше письмо отъ 18-го октября и вмѣстѣ скорблю, что немощи тѣлесныя не позволяютъ Вамъ въ эту зиму пріѣхать въ Кіевъ. Господь самъ да укрѣпитъ еще Ваши силы для пользы исторической науки и для блага Вашей семьи. Дай Богъ, чтобы хотя весной не встрѣтилось препятствій къ исполненію Вашего желанія. Но все же грустно подумать, какъ Вы будете всю зиму сидѣть въ своемъ хуторскомъ уединеніи. Зима и вообще вездѣ не очень весела, а на хуторѣ и вельми; по крайней мѣрѣ, намъ, привыкшимъ къ городской жизни, это кажется болѣе чѣмъ скучнымъ. Статейка Ваша въ отвѣтъ Петрову [1]) печатается. Я самъ чувствовалъ, что

[1]) О двухъ стихотвореніяхъ... см. выше.

здѣсь что то не такъ, да не было времени хорошенько сообразить. За нее, а еще больше за статью о Кіевской Академіи приношу Вамъ глубокую благодарность и жду продолженія, сего ждетъ и типографія съ оттисками первой части. Замѣтка о каѳедрѣ не вычеркнута, такъ какъ она уже была подъ прессой [1]).

Деньги 15 руб. выданы Варварѣ Вас. Марковой; въ Черниговъ посылаю сегодня 8 р. на книгу, прося увѣдомить о недоимкѣ за пересылку и вновь вышедшіе мѣсяцы Русск. Святыхъ. Не угодно ли Вамъ будетъ почитать Черниговъ. Еп. Извѣстія за текущій годъ? Если кто будетъ отъ Васъ въ Кіевѣ, то я вышлю. Хорошо и сухарь на голодные зубы иногда.

О горѣ Московкѣ, съ пропускомъ о флотиліи (что уже было у насъ) можетъ быть помѣщено и въ Кіев. Еп. Вѣдомостяхъ. «День» не объявляетъ о продолженіи своего существованія въ 1866 году, а графиня Антонина Дмитріевна Блудова, бывшая недавно въ Кіевѣ, говорила мнѣ, что Аксаковъ прекращаетъ «День» по недостатку подписчиковъ. Жаль и очень жаль, о семъ всѣ духовные сожалѣютъ, потому что въ послѣднихъ нумерахъ «День» коснулся нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ церковныхъ. Я полагаю, что интересъ послѣднихъ №№ доставилъ бы ему значительное число подписчиковъ изъ духовенства. Графиня Васъ знаетъ, хотя не знакома лично. Она хорошая барыня, хлопочетъ объ Острожскомъ Братствѣ и нарочито ѣздила въ Острогъ, гдѣ предполагаетъ открыть 6-ти классное училище для дѣвицъ; въ Кіевѣ хлопотала о братчикахъ. Мнѣ обѣщала дать книгу для вписа. Тогда позвольте и Васъ записать. Взносъ не свыше 1 р., никакъ не болѣе.

Отъ распродажи Наума, за возвратомъ издержанныхъ на изданіе 242 руб., да еще 15 р.+8 р., израсходованныхъ на Вашъ счетъ, имѣется у меня Вамъ слѣдуемыхъ денегъ около 125 руб. серебромъ. Что прикажете съ ними дѣлать? Благоволите сообщить распоряженіе.

Буслаевъ проситъ меня написать о фрескахъ Спасскихъ для ихъ изданія, а времени нѣтъ, да можетъ быть и не втраплю написать.

Ѳеофанъ Гавр. теперь вѣрно уже въ Львовѣ,—паспортъ ему высланъ изъ Варшавы 23-го октября. Объ открытіи гимназіи холмской Вы уже читаете въ Кіев. Еп. Вѣдомостяхъ. Рѣчь брата въ № 23-мъ

---

[1]) См. выше письмо Максим. отъ 18 окт.

будетъ. Въ Кіевѣ недавно нѣсколько времени провелъ слѣпой князь Давыдовъ, бывшій попечитель. Я видался съ нимъ у Безака. Ему снялъ съ одного глаза катарактъ Караваевъ, да неудачно; для операціи другого ѣдетъ въ Вѣну. Злые люди въ Кіевѣ (мниси, ихъ же горше нѣсть) клеветали Трепову на брата и Крыжановскаго, приписывая имъ сепаратическія тенденціи хохломановъ. Хорошо сказалъ М. А. Туловъ, «всякая скотина, вмѣсто того, чтобы заниматься наукой, занимается политикой». Крыжановскій пишетъ: «эти люди клевещущіе гнуснѣе поляковъ. Поляки хотѣли распудить нашихъ учениковъ-уніатовъ, а они хотятъ разогнать учителей».

Коммисссія кіевская безъ денегъ, а Юзефовичъ кадитъ въ Моск. В. Безаку, да такъ нещадно закладываетъ ладану, что кто-нибудь закашляется. Я за это всегда браню своего пономаря.

Завтра надѣюсь увидѣться съ Галаганомъ и графомъ Комаровскимъ. Вѣрно наберу Вамъ поклоновъ. А впередъ самъ низко кланяюсь Вамъ. Искренно уважающій Васъ Лебединцевъ.

Еще не получивши этого письма, которое хотя и не датировано, но, какъ видно изъ дальнѣйшаго, было писано 11-го ноября, М. А. Максимовичъ, посылая окончаніе своей статьи о Кіевскомъ Богоявленскомъ братствѣ, писалъ слѣдующее:

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

На этихъ дняхъ я отправилъ къ Вамъ *продолженіе*, а вотъ теперь препровождаю и *окончаніе* моего писанія о Кіевскомъ Братствѣ. Я предположилъ было окончить Могилянскимъ временемъ; но для этого понадобилось бы еще главизнъ 8 или 10, а потому ограничился до-Могилянскимъ временемъ, опасаясь, что и этихъ 12-ти много. Можно будетъ послѣ разобрать особо и исторію Могилянскаго 15-лѣтія. Не имѣю подъ рукою у себя нѣсколькихъ необходимыхъ книгъ. Мои *Акты Западной Россіи* остались у переплетчика *Боде*,. въ цѣлую зиму у него неконченные. Желалъ бы очень получить еще: *второй* томъ актовъ Южной и Западной Россіи, если онъ вышелъ въ свѣтъ, и *Документы*, изданные въ нынѣшнемъ году Кояловичемъ. Во всякомъ случаѣ, вы имѣете уже отъ меня подвозъ историческаго запасу для Епархіальныхъ Вѣдомостей, да и впредь не будетъ остановки за этимъ, лишь бы здоровье не измѣнило. Что-то крѣпко разболѣлась лѣвая рука, такъ что съ трудомъ напинаю свое пальто, въ которомъ вы и видѣли меня постоянно, а тулубъ свой могу накидать только на

опашку. Глаза мои тоже залипають во снѣ. Забываю немощность свою только въ тѣ часы, какъ усядусь за книги и письмо...

Какъ Ваше здоровьячко служить Вамъ при вашемъ многочисленномъ служеніи? Помогай вамъ Богъ!

Если образа готовы, то передайте ихъ Ник. Аркад. Ригельману для пересылки въ Варшаву, а еще короче—перешлите ихъ и отъ себя какъ-нибудь въ Варшаву, на имя Ольги Ѳедоровны Кошелевой. Она, вѣроятно, давно уже тамъ; а что за нихъ будетъ слѣдовать, то получится неукоснительно.—На мою долю, если наберется у Наума или по редакціи Вашей, попрошу у васъ выслать къ декабрю *полсотни*, на подмогу пенсіону моему, который рѣшительно не покрываетъ потребностей здѣшняго моего домашняго быта, какъ ни стараюсь быть сокращеннымъ въ расходахъ; а прочее, если послужитъ фортуна, пусть накопляется ко времени контрактовому или на весну, когда я намѣреваюсь непремѣнно пріѣхать въ Кіевъ, между прочимъ и для занятій дѣломъ ученымъ и книжнымъ...

Остаюсь съ моимъ неизмѣннымъ къ Вамъ чувствомъ уваженія и преданности Михаилъ Максимовичъ.

14 ноября 1865 г. М. Гора.

NB. Когда то я читалъ у Захарія Копыстенскаго о девятинахъ и прочихъ поминальныхъ срокахъ, а теперь усомнился въ счетѣ дней: Іовъ скончался 2 марта, какой день 11-е марта?

О Копинскомъ, прости Господи, дохожу до того предположенія, что онъ, наконецъ, помѣшался на патріаршествѣ Могилы, на отдачѣ Лавры, Михайловскаго и Никол. монастырей католикамъ. Много виноватъ С. Коссовъ, исключившій его изъ ряду митроп. кіевскихъ въ своемъ патерикѣ: это для бывшаго митрополита страшная обида. Что его при взятіи изъ Мих. монастыря окровавили, то видно изъ его собственныхъ словъ, записанныхъ въ градской книгѣ, а слѣд. сказаніе Ерлича не чуждо правды. Я смягчилъ воспоминаніе о немъ донельзя.

Почти одновременно съ этимъ письмомъ писалъ своему корреспонденту и П. Г. Лебединцевъ, благодаря за присылку 2-й части статьи о братствѣ и сообщая кое-какія новости объ организовавшемся въ то время въ Кіевѣ распорядительномъ отдѣленіи Острожскаго Братства.

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Письмо въ отвѣтъ на послѣднее Ваше отправлено по почтѣ въ Золотоношу. Теперь, принося благодарность за продолженіе Вашего труда о кіев. Братствѣ, посылаю оттиски о 2-хъ стихотвореніяхъ и двѣ брошюры - актъ въ Холмѣ и рѣчь при открытіи гимназіи тамошней. Ѳеофанъ Гавриловичъ, вѣроятно, уже возвратился изъ Львова. Посмотримъ, что онъ сообщитъ намъ о своей поѣздкѣ.

Вчера у Галагана собрался совѣтъ 7-ми членовъ распорядительнаго отдѣленія Острожскаго Братства, въ числѣ каковыхъ и я. Прочіе 6-ть: Галаганъ, Ригельманъ, Туловъ, Юзефовичъ, Воронинъ, Гогоцкій. Читали уставъ Братства, а затѣмъ рѣшили просить отъ графини Блудовой болѣе точнаго и болѣе формальнаго полномочія на веденіе дѣлъ Братства, а между тѣмъ, затребованы свѣдѣнія о состояніи дѣлъ въ г. Острогѣ. Производителемъ дѣлъ избранъ Гр. П. Галаганъ. Съ тѣмъ и разошлись. Молитва кіевлянъ будетъ въ Острожскомъ монастырѣ. Не удосужитесь ли написать что-нибудь въ Кіев. Вѣдомости объ Острогѣ и острожскомъ училищѣ, приложивши конецъ къ извѣстію объ учреждаемомъ Братствѣ? Кажется, что въ г. Острогѣ никакого не было Братства, кромѣ сосѣдняго въ Луцкѣ.

«День» наконецъ, объявилъ о своемъ продолженіи въ 1866 году; только онъ явится уже не газетой, а журналомъ въ формѣ 6-ти книжекъ.

Холера, слава Богу, въ Кіевѣ не показывается. Дай Богъ, чтобы она и вѣкъ не показывалась.

Желаю Вамъ здравія и о Господѣ радоватись. Вашъ душевнопочитающій прот. Петръ Лебединцевъ.

1865 г. 16 ноября. Кіевъ.

PS. Въ предпослѣднемъ моемъ письмѣ отправлена къ Вамъ записка Николая Ивановича Розанова, чиномъ стат. совѣтника; на прошлой недѣлѣ я встрѣтился съ нимъ у Ключаровыхъ, въ другой разъ видѣлся потомъ у Ѳ. С. Виноградова. Онъ бывалый вездѣ и большой говорунъ. Теперь онъ проживаетъ почему то въ Кіевѣ близъ университета.

Слѣдующія два письма Максимовича являются отвѣтомъ на два послѣднихъ письма Лебединцева.

1865 г. 24 ноября Мих. Гора.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Каждому письму Вашему бываю радъ, но послѣднимъ Вашимъ отъ 11 ноября я особенно усладился, получивъ его въ часы душевной тревоги и тоски отъ болѣзни моего Алексѣйки. Вотъ эти случаи составляютъ, можно сказать, центръ тяжести тягостнаго быта въ хуторѣ,—который пора бы уже на старости замѣнить городскимъ житьемъ... Мнѣ въ прошлую зиму говорили какъ-то объ этомъ и панъ Галаганъ съ Ригельманомъ; и другіе пріятели тоже иногда совѣтовали зимовать въ Москвѣ, особенно Языковъ и Хомяковъ—царство имъ небесное!—и я совершенно согласенъ съ ними съ того времени и до нынѣ,—и радъ бы совсѣмъ водвориться въ Кіевѣ, да не приберу къ тому способу. На седьмомъ десяткѣ лѣтъ, съ хилымъ здоровьемъ трудно ужъ вступить въ обязательную службу, хоть бы то была и въ коммиссіи временной,—да именно въ ней-то и тяжело было-бы,—ибо наигоршій изъ деспотизмовъ есть деспотизмъ пріятельскій, какъ это сказалъ я лѣтъ за семь въ Москвѣ бывшему нѣкогда моему пріятелю Титову, обрадовавшему тогда всѣхъ насъ своимъ появленіемъ. Странная моя участь, словно та чумацкая доля,

— Що люде не роблять,
А я роблю, дбаю—ничого не маю!. —

Надо однакоже придумать какой-нибудь способъ, видя совершенную необходимость перемѣщенія въ Кіевъ или Москву; ибо хуторское житье мое съ каждою зимою становится все хуже и тяжелѣе... Но я удалился отъ текущихъ дней, и не сказалъ, что нынѣ, благодареніе Богу, мой сынишка здравствуетъ опять, и я покойнѣе душею; а что болитъ рука и т. п., то это уже какъ будто такъ и слѣдуетъ.

Заботы москвитянокъ объ Острожскомъ Братствѣ утѣшительны, и когда будетъ у Васъ вписная книга, прошу и меня вписать въ братчики. Но какую штуку ляпнулъ объ Острогѣ о. Подвысоцкій въ 40 нумерѣ «Дня»! Если такое понятіе о книгопечатаньи острожскомъ въ ходу у нашего духовенства, то мнѣ пришло на мысль написать Вамъ въ Епархіальныя Вѣдомости статейку маленькую о русскомъ книгопечатаньи. А между тѣмъ попрошу Васъ отобрать изъ имѣющихся въ моей скрынѣ всѣхъ книжицъ моихъ по 1 или по 2 экз. и переслать отъ меня въ тамошнюю библіотеку; а Наума можно послать сотню въ училище острожское, для подарка ученицамъ. (Я просилъ Васъ, какъ то,

сдѣлать тоже и для Вашего Кловскаго училища, и для школы Гогоцкой).

Съ особеннымъ любопытствомъ прочелъ я въ 21 нумерѣ статью о холмской гимназіи и съ нетерпѣніемъ жду прочесть рѣчь Ѳ. Г. [1]) Богъ въ помочь ему! Но сколько ему сдержанности духа приходится выносить при всѣхъ этихъ процессіяхъ. Воображаю себя на литургіи, гдѣ Калинскій возглашалъ о папежѣ... Пришлось бы плюнуть да и только, какъ это дѣлалъ нашъ святой Владиміръ, по свидѣтельству Нестора и пѣсенъ великорусскихъ. Плюнуть да и только надо и Ѳ. Г. и Крыжановскому на тѣхъ черняковъ, кокорые уже бросили на нихъ тѣнь страхопудства украйнофильскаго... Но если это опудало, сочиненное ляхами и Говорскими, еще въ ходу, даже и въ царствѣ Польскомъ, то можно бы позаботиться о томъ, чтобы Антоновичъ [2]) не перемѣщался въ Холмъ, а былъ удержанъ въ Кіевѣ прибавкою жалованья: безъ него совсѣмъ пропадетъ обанкротившаяся временная коммиссія, хотя предсѣдательство ея и считается службою М. В. Ю. [3]) Жаль, что я не знакомъ съ Безакомъ—готовъ бы написать ему объ удержаніи Антоновича при коммиссіи удвоеніемъ ему жалованья. Нельзя ли вамъ какъ-нибудь подѣйствовать и содѣйствовать этому дѣлу?

А замѣчаніе ваше объ избыткѣ ладану такъ мнѣ полюбилось, что въ отвѣтъ на него я сказалъ бы даже стихами:

Замолкни, лжецъ нашъ посѣдѣлый,
И дай покой твоимъ богамъ:
Уже имъ гимны надоѣли
И опротивѣлъ ѳиміамъ,
Отъ воскуреній невоздержныхъ
Златой кадильницы твоей
Уже тошнитъ ляховъ мятежныхъ
И кашель душитъ москалей.

Впрочемъ, я не читаю Моск. Вѣд.; а если вы пришлете Черниговскія Епархіальныя, то я имъ буду очень радъ, ибо такихъ историческихъ писателей, какъ Филаретикъ, у насъ со свѣщами поискать, и я его писанія читаю съ особеннымъ вниманіемъ, хотя и не во всемъ съ нимъ согласенъ. Онъ слѣдитъ за исторіей и подвигаетъ ее впередъ:

---

[1]) Ѳ. Г. Лебединцевъ.

[2]) В. Б. Антоновичъ, извѣстный историкъ, тогда служившій въ Кіевѣ, въ археографич. коммиссіи для разбора древнихъ актовъ.

[3]) М. В. Юзефовичъ.

не то, что бездарный соперникъ его, компиляторъ Макарій.—А какъ же доставить ихъ на Михайлову Гору?.. Если бы не очень озаботить васъ, то я попросилъ бы васъ—и *Черн. Вѣд.* и еще болѣе нужныя для меня *Акты Зап. Россіи* и *Документы*, изданные Кояловичемъ, и когда вышелъ второй томъ *Актовъ Ю. и З. Россіи*, и еще что найдете, задѣлать въ одну посылку, закупоренную и запечатанную, и перваго или 2-го декабря сдать ее моей родичкѣ Варв. Вас. Марковой; а она отдастъ посылку своему племяннику, студенту Василью Лѣсеневичу, который 3 дек. уѣзжаетъ домой на вакаціи, и, такимъ образомъ, я могу получить ее еще хоть подъ конецъ декабря.—Что же касается до Наумовскаго заработка, то его лучше переслать черезъ почту, сколько бы его ни набралось. Мнѣ угрожаетъ долгое безденежье: только на этихъ дняхъ я узналъ о новомъ порядкѣ полученія пенсіона. Еще въ началѣ нынѣшняго года подалъ прошеніе Иванишеву [1]) о выдачѣ мнѣ копіи аттестата моего, затеряннаго при выѣздѣ моемъ изъ Москвы; но себялюбивый Иванишевъ оставилъ ее безъ удовлетворенія, говоря, что ему некогда было при отъѣздѣ его; Митюкову [2]) тоже было, какъ видно, не до моего аттестата; просьба моя почіетъ, вѣроятно, въ ректорскихъ дѣлахъ; надо будетъ писать къ Матвѣеву [3]), да позабылъ его имя по отчеству; а между тѣмъ полтавская казенная палата можетъ замедлить выдачею своихъ пенсіонныхъ мнѣ листовъ; а поэтому то я радъ буду всякой присылкѣ отъ васъ, что только наберется у васъ въ мою пользу (безъ отложенія на контракты) по генварь мѣсяцъ. Къ этому мѣсяцу, или точнѣе говоря, къ исходу декабря, предстоитъ, особенно здѣсь, особенная надобность въ деньгахъ, на расплату съ наймытами и проч. и проч.

Теперь еще словцо о слѣдующемъ. Въ III главѣ моихъ «Записокъ» на 739 стр. сдѣлана важная опечатка: Петръ Могила постриженъ—въ *1595* году!—Бога ради помѣстите въ концѣ слѣдующаго нумера—*необходимую поправку*, что онъ постриженъ не въ 1595 году, какъ напечатано, а въ *1625*, а въ оттискахъ благоволите перепечатать этотъ листокъ; а можетъ быть онъ войдетъ во второй полулистъ, еще неотпечатанный.

Въ VII главѣ не опечатка, а глупая съ моей стороны прибавка въ скобкахъ *червонцевъ*—къ слову *золотыхъ*! Прошу васъ прытьмомъ:

[1]) Ректоръ университета.
[2]) Проректоръ у-та.
[3]) Вновь избранный ректоръ унив-та.

выкиньте эти *червонцы*, въ скобкахъ приписанные, чтобъ ихъ не было совсѣмъ въ текстѣ. Это просто затмѣніе на ту минуту. *Червонецъ* въ 1622 году равнялся *тремъ золотымъ*!

Все остальное въ запискахъ моихъ обстоитъ, кажется, исправно. Развѣ въ концѣ XII-й главизны можно такъ поставить: свое признаніе—«рятовать церковь православную россійскую» (какъ говорилъ о немъ Исаія Копинскій).

Послѣ 10-дневной отлучки отъ письменнаго столика моего, именуемаго, по формѣ его подставки, *лиркою*, я слишкомъ расписался къ вамъ... но неохотно разстаюсь съ этимъ листкомъ, замѣняющимъ личную бесѣду съ вами. А вже пора прервать ее... Сегодня, наконецъ, сыпалъ снѣгъ, и подуло зимою. Сегодня, вѣроятно, вы видѣли двухъ именинницъ, соименныхъ и по отчеству. А когда ихъ будете видѣть, послѣ полученія этого письма моего, то скажите и старой К. В. Годувичевнѣ, и молодой К. В. Кочубеевнѣ, что я вспоминалъ объ нихъ обѣихъ, и если бы былъ въ Кіевѣ, то вѣрно былъ бы у нихъ въ ту пору, т. е. въ началѣ 3-го часу пополудни. А здѣсь у меня нѣтъ уже никого— въ прошломъ ноябрѣ, когда я былъ въ Кіевѣ, здѣсь скончалась старушка тетка моя Катерина Ивановна Максимовичевна; и нѣтъ ни единой души родной старѣе меня, только дядя Егоръ Ѳедоровичъ Тимковскій, меньшой братъ матери моей (тотъ, что путешествовалъ въ Китай, приставомъ миссіи, и привезъ назадъ Забулдыжнаго Гіацинта или Іоанна Бичурина, съ которымъ я и побратался было у него въ Питерѣ 1829 года), который привитаетъ надъ Невою и сегодня видѣлся мнѣ очень странно въ безпокойномъ и тяжеломъ снѣ.

Прощайте пока, дражайшій Петръ Гавриловичъ! Пошли вамъ Господь здоровье и бодрость на совершеніе благихъ дѣлъ вашихъ и завершеніе трудовъ годичныхъ. Остаюсь при вашихъ молитвахъ и благословеніи. Душевно преданный М. Максимовичъ.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

По отправкѣ моего письма къ вамъ отъ 25 ноября, я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 16-го и при немъ мои брошюры и рѣчь Ѳ. Г., которую прочелъ со вниманіемъ и удовольствіемъ, ибо она очень хороша.

Объ Острогѣ напишу вамъ съ охотою,—и немедленно, особливо если получу *Акты* западнорусскіе, которые остались у переплетчика Боде: я думалъ ими пользоваться зимою въ Кіевѣ,—но здѣсь теперь

мнѣ безъ нихъ плоховато приходится. Это я испыталъ уже, писавши и о Кіевскомъ Братствѣ,—принужденный пропустить число избранія Исаіи Копинскаго въ игумены Михайловскіе и поставивши войтомъ кіевскимъ *Семена Мелешковича*, кажется несвоевременно. Если не отпечаталась статья, то вычеркните его имя.

Объ острожскихъ князьяхъ, училищѣ и типографіи начну писать дня черезъ два, и можетъ быть еще въ декабрѣ же пришлю вамъ,—особливо если подоспѣютъ *акты*, гдѣ есть кое-что, чѣмъ необходимо бы воспользоваться для статьи. Братства въ Острогѣ не было прежде.

Сегодня мой Наумъ именинникъ, и я несправедливъ передъ нимъ, что не продолжаю его книгъ. Поспѣшаю отправкою почты. Душевно желаю вамъ добраго здоровья и успѣха въ дѣлахъ вашихъ. Преданный вамъ и уважающій васъ М. Максимовичъ.

1 дек. 1865 г. М. Гора.

Не привезутъ ли съ почты черниговскихъ книгъ: жду ихъ нетерпѣливо.

Получивъ письмо Максимовича отъ 24 ноября съ указаніемъ на матеріальныя затрудненія, Н. Г. Лебединцевъ поторопился выслать ему 100 рублей, вырученныхъ за «книгу Наума», и обѣщалъ поскорѣе свести счеты и по заработку его отъ редакціи, что видно изъ письма Лебединцева отъ 10 декабря, въ отвѣтъ на которое Максимовичъ написалъ свое послѣднее письмо этого года 29 декабря.

Почтеннѣйшій и многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Посылаю Вамъ *сто руб. серебромъ* изъ вырученныхъ за Наума; прочее, что причтется и по редакціи, вышлю къ 1-му генваря или въ началѣ; теперь столько хлопотъ и дѣла, что некогда рѣшительно подводить какіе-нибудь счеты.

Ѳаворову я поручилъ постоять надъ Матвѣевымъ о выдачѣ Вамъ копіи съ аттестата Вашего.

Племянникъ—Лѣсеневичъ все не ѣдетъ, а потому и посылка къ Вамъ не ѣдетъ. Изъ Чернигова посылку Вы получили, надѣюсь. Канцелярія преосв. Филарета увѣдомила меня, что за пересылку съ Васъ ничего не посчитаетъ. Это знакъ почтенія.

Книгу отъ Блудовой я получилъ и имѣю уже 40 братчиковъ, къ нимъ же присоединяю и Васъ. Вами пожертвованныя книги отсылаю къ Галагану для отправки въ г. Острогъ.

Затѣмъ низко Вамъ кланяюсь и желаю добраго здоровья. Вашъ преданный и почитающій П. Лебединцевъ.

1865 г. 10 декабря Кіевъ.

PS. И. С. Аксаковъ женится на фрейлинѣ Тютчевой, особѣ весьма близкой къ государынѣ императрицѣ.

1865 г. 29 дек. М. Гора.

Привѣтствую васъ съ наступающимъ новымъ годомъ, почтеннѣйшій и дорогой Петръ Гавриловичъ! Желаю вамъ отъ Господа новыхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ на продолженіе трудовой жизни вашей.

Письмо ваше отъ 10-го декабря съ сотнею Наумовскихъ рублей подоспѣло въ самую пору, и я благодарилъ васъ за него мысленно, а теперь и письменно благодарю васъ за ваше дружеское ко мнѣ вниманіе. Получилъ я въ тоже время и черниговскую книжную посылку, которою преимущественно и занятъ былъ въ послѣдніе дни, какъ читатель, отложивъ на время писательство; а настрочилъ только прилагаемое при семъ *письмо въ Кіевъ о тысячелѣтіи* русскаго христіанства [1])... Вѣроятно есть уже объ томъ въ великомъ мірѣ нашемъ, но я не знаю его; а полагаю, что, во всякомъ случаѣ, не лишнимъ будетъ и мое личное мнѣніе объ этомъ, которое и благоволите напечатать поскорѣе въ вашихъ Вѣдомостяхъ. Кажется я не ошибся въ томъ, чѣмъ именно приличнѣе всего ознаменовать тысячелѣтіе православной русской церкви въ Кіевѣ. Копію этого письма въ Кіевъ пошлю жениху—Аксакову.

За острожскую старину примусь уже съ новаго года; а въ старомъ годѣ выработалось для нея совсѣмъ новое родоначаліе князей острожскихъ, по которому моя статейка будетъ любопытна и для польскихъ любителей западно-русской генеалогіи. Ожидаю моихъ Актовъ Зап. Россіи, чтобы рѣшительнѣе взяться за напечатаніе моего

[1]) Напеч. въ 1866 г. въ № 2 подъ заглавіемъ „Письмо на новый 1866-ой годъ“, (о желаемомъ построеніи въ Кіевѣ Влахернскаго храма); перепеч. въ „Собран. сочин.“ т. 2-й.

«Воспоминанія о князьяхъ острожскихъ» для вашихъ Вѣдомостей [1]). Помогай вамъ Богъ! Остаюсь душевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

PS. Что за книжица публикуется въ Кіевѣ о придорожныхъ крестахъ?.. Не на васъ ли мѣтятъ?—Прошу васъ пришлите ее и Муравьевскую о судьбахъ Андреевск. церкви (въ пакетѣ при Кіевск. Епарх. Вѣдомостяхъ, всего скорѣе дойдутъ). У меня задумана статья объ Андреевской церкви, въ которой можно будетъ сказать нѣчто и о придорожныхъ крестахъ древне-русскихъ [2]).

Ахъ, когда бы уже поскорѣе весна: я сплю и вижу быть въ Кіевѣ...

Сообщ. **В. Науменко**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]] Напеч. въ 1866 г. №№ 3, 4, 6, 7, 9, 10 въ формѣ писемъ къ граф. А. Д. Блудовой подъ заглавіемъ „Письма о князьяхъ Острожскихъ“.

[2]] Напеч. въ 1866 г., № 11 подъ заглавіемъ „О мѣстѣ кіевской церкви св. Андрея“.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу. Въ сентябрѣ 1871 года праздновался въ Кіевѣ пятидесятилѣтній юбилей учено-литературной дѣятельности М. А. Максимовича. Къ этому празднику прислалъ юбиляру свое оригинальное привѣтствіе и другъ его М. П. Погодинъ. Привѣтствіе это, написанное въ формѣ дружескаго письма изъ Ѳеодосіи, гдѣ въ этотъ годъ проводилъ М. П. Погодинъ лѣтніе мѣсяцы, напечатано было въ брошюрѣ, изданной въ Кіевѣ въ 1871 году, съ описаніемъ празднованія этого юбилея. Такъ-какъ письмо это было напечатано съ нѣкоторыми пропусками и измѣненіями, а между тѣмъ оно имѣетъ значеніе и интересъ, какъ освѣщающее въ нѣкоторыхъ случаяхъ личность М. А. Максимовича, служа матеріаломъ для его біографіи, то мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ теперь, въ книжкѣ, посвященной его памяти, помѣстить это письмо въ полномъ видѣ по подлиннику, находящемуся въ нашихъ рукахъ.

Ѳеодосія, августа 28, 1871.

Сейчасъ, въ Ѳеодосіи, гдѣ лѣчусь я отъ своихъ недуговъ виноградомъ и морскимъ воздухомъ, получилъ я, старый дружище, радостное для меня извѣстіе, что въ Кіевѣ, 6 сентября, празднуется пятидесятилѣтіе твоей словопечатной службы.

Но какимъ же образомъ, спрошу тебя мимоходомъ, перегналъ ты меня по этому общему пути? Вѣдь я старѣе тебя по университету на цѣлый годъ, а моей гражданской ученой службы исполняется 50 лѣтъ только въ концѣ нынѣшняго года, литературной же—въ 1872 г., когда напечатана была первая статья въ «Вѣстникѣ Европы». Развѣ ты напечаталъ что-нибудь, еще бывши студентомъ, въ «Магазинѣ

естественныхъ наукъ» Двигубскаго? Разрѣши мнѣ обстоятельно мое недоумѣніе, для очищенія библіографической совѣсти.

Это, впрочемъ, я оставляю здѣсь въ парентезѣ, сирѣчь въ скобкахъ, какъ говаривалъ нашъ добрый Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ, профессоръ эстетики и славянскаго языка, которому, помнишь, онъ отдавалъ обыкновенно преимущество предъ русскимъ, сравнивая выраженія, что лучше: «юная дѣва трепещетъ», или—молодая дѣвка дрожитъ»?

Какъ желалъ-бы я провести этотъ день съ тобою вмѣстѣ, какъ провели мы вмѣстѣ протекшіе 50 лѣтъ, живя душа въ душу, т. е. съ однѣми чувствами, съ однѣми стремленіями, съ однѣми желаніями добра отечеству, наукѣ, словесности, просвѣщенію.

И вотъ они проносятся теперь передо мною въ моемъ воображеніи, со всѣми дорогими умственными тѣнями. Воспоминаніе

Свой пестрый развиваетъ свитокъ,

говоря словами дорогаго, незабвеннаго нашего поэта. Пушкинъ любилъ тебя, радовался появленію твоихъ «Малороссійскихъ пѣсенъ», и далъ тебѣ «*кажется, что-то*»... [1]) въ «Денницу», какъ и мнѣ, въ «Уранію», при посредствѣ князя Вяземскаго. Вотъ и еще любезное имя, но я забѣгаю далеко впередъ... Давай руку—пройдемся шагъ за шагомъ по нашимъ этапамъ: мнѣ хочется повѣять на тебя стариною.

Въ первый разъ я увидѣлъ тебя въ 1820 году у гроба твоего дяди, а моего учителя латинской словесности, незабвеннаго Романа Ѳедоровича Тимковскаго, любимаго ученика славнаго геттингенскаго Гейне. *Молоденькій хохликъ,* ты только-что пріѣхалъ изъ Малороссіи *отъ домашнихъ галушекъ* въ Москву, въ университетъ. *Я оканчивалъ тогда свой 3-хъ годичный курсъ, а ты начиналъ въ 1821 г. (поправл. Макс. 1819). Съ тобой было еще двое товарищей: Самусь и Глушановскій.—Что съ ними сотворилось?* Послѣ мы сходились на лекціяхъ нашего добраго, несравненнаго Мерзлякова и восхищались его блестящими импровизаціями, его критическими разборами. Далѣе встаетъ на нашемъ горизонтѣ величавая фигура Павлова, который только-что воротился изъ Германіи съ натуральною философіей Шеллинга и Окена, и началъ проповѣдывать новое ученіе о природѣ. Какъ оне-

---

[1]) Курсивомъ печатаемъ тѣ слова и строки, которыя пропущены или измѣнены въ напечатанномъ текстѣ письма. Напечатано: начало Бориса Годунова.

ломлены мы были его полюсами, его непобѣдимыми силлогизмами! Твои «Размышленія о природѣ» и диссертація «о Системахъ растительнаго царства» вышли плодомъ новаго ученія, которое отозвалось и въ «Основаніи Зоологіи» Щуровскаго;—мнѣ доставили вы нѣсколько сравненій для «Историческихъ афоризмовъ». Тогда же вышла и моя диссертація магистерская «О происхожденіи Руси», которой тезисы ты, злодѣй, кажется и на ноты положилъ, по крайней мѣрѣ, помню, распѣвалъ первый:

Варяги-Русь—не Шведы,
Варяги-Русь—не Пруссы,
Варяги—не Козары,
Варяги составляли
Особенное племя—
Норманское.

Но вотъ являются «Телеграфъ» и «Московскій Вѣстникъ» съ зародышами западничества и славянофильства. Война завязалась вскорѣ не на животъ, а на смерть. *Ты, признайся, что грѣха таить, тянулъ сперва къ западу, живъ въ ботаническомъ саду, близъ Сухаревой башни, по сосѣдству съ Полевымъ.* Аксаковскія субботы съ Шаховскимъ, Загоскинымъ, Писаревымъ, Дмитріевымъ (М. А.), Пинскимъ, Верстовскимъ и наконецъ Надоумкою; вечернія собранія у Елагиныхъ съ Кирѣевскими, Языковымъ, Каролиной Янишъ (послѣ—Павловой), и у Сухово-Кобылиныхъ—съ Надеждинымъ, Морошкинымъ, Раичемъ, дѣлаются средоточіями литературнаго движенія, ареопагами печатныхъ явленій, впрочемъ часто не согласными между собою. Помнишь ли исторію въ театрѣ, когда Сабуровъ громкимъ голосомъ пропѣлъ въ куплетѣ Писарева слова:

Всѣ любятъ [1]) цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ полевой»?

Какія оглушительныя рукоплесканія и пронзительныя шиканья раздались въ *партерѣ* [2]). Какъ ратовалъ нашъ добрый Алексѣй Андреевичъ Елагинъ, возставшій за оскорбленіе личности и любившій шу-

---

[1]) Напечатано—Всѣмъ милъ.

[2]) Напечатано—театрѣ!

тить и подтрунивать съ такимъ добродушіемъ надъ современными выходками!

Но вотъ уже и мы профессорами, открылось новое поприще...— «Берегите пуще всего идею университета»! гласитъ Павловъ,—«смотрите, чтобъ она не пострадала»!—«Душа и тѣло», восклицаетъ Сандуновъ, «не есть еще дѣло: надо дѣлать дѣло»! Щепкинъ (П. С.) съ своею точностію, Перевощиковъ съ живостію и разнообразіемъ, Надеждинъ съ тезисами: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія—ubi vita, ibi poësis... Ему возражаютъ на диспутѣ: ergo ubi prosa, ibi mors?—Non *solum* m·rs, sed plurimi versus, отвѣчаетъ онъ, ничѣмъ не смущавшійся. А Мудровъ съ правилами Иппократа, а Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, ревнитель русскаго начала, который на вопросъ попечителя Писарева: острижены ли студенты? отвѣчалъ: всѣ оболванены, ваше превосходительство! А Дядьковскій, работавшій часовъ по шести въ день для студентовъ, ревностный, неутомимый (послѣ на всемъ бѣгу подшибленный противною партіей и завѣщавшій все свое имѣніе на пособіе бѣднымъ семинаристамъ)! И никого уже нѣтъ въ живыхъ изъ этого періода нашей жизни, да и изъ слѣдующаго—гдѣ Хомяковъ, гдѣ Кирѣевскіе, Аксаковы, Шевыревъ, Гоголь?.. Онъ умеръ въ томъ домѣ, гдѣ читалъ намъ, помнишь, начало 2-й части «Мертвыхъ душъ». Недавно сошелъ въ могилу нашъ добродушный Одоевскій, который ввелъ тебя въ кружокъ «Мнемозины» и вслѣдъ за нимъ Соболевскій прервалъ свои остроумныя эпиграммы съ богатыми риѳмами. Остаются только двѣ наши дорогія феи-покровительницы *и ободрительницы*: Авдотья Петровна Елагина, подруга и сотрудница Жуковскаго, которой онъ читалъ свое «Сельское кладбище» въ 1802 г., тотчасъ по переводѣ, и которая на всю жизнь оставалась первымъ его другомъ, и Ольга Семеновна Аксакова, вдова автора «Семейной хроники» мать Константина и Ивана, которая принимала съ любовью первые наши опыты, ободряла своимъ участіемъ и кормила такимъ свѣжимъ вареньемъ. Онѣ озаряютъ еще кроткимъ своимъ сіяніемъ наше прошедшее и свѣтятъ тихо молодому поколѣнію. Храни ихъ Богъ на утѣшеніе всѣхъ присныхъ! Но я опять забѣжалъ впередъ: что-же ты не крѣпко держишь меня за руку?

Уваровъ—ты вѣрно помянешь его на своемъ юбилеѣ: въ немъ было много хорошаго, достойнаго, соотвѣтственнаго его должности,— Уваровъ избралъ тебя ректоромъ Кіевскаго университета, немедленно по его основаніи, и поручилъ Русскую Словесность. Мы разстались,

отпустивъ тебя съ благословеніями, не безъ страха, на новое трудное дѣланіе. Это было *кажется въ 1833 г.* [1]) Я вспомнилъ рѣчь твою о значеніи Кіева, *при открытіи университета* [2]), Иннокентій, одинъ, замѣнилъ тебѣ все московское общество. Ты воспользовался и совѣтами достопочтеннаго Евгенія.

Въ 1835 г. судьба свела насъ еще на нѣсколько времени вмѣстѣ. Помянемъ здѣсь еще добраго человѣка—Дмитрія Максимовича Княжевича. Съ нимъ, Надеждинымъ и Петромъ Кирѣевскимъ, воротились мы тогда изъ-заграницы, и нашли въ тебѣ *своего* [3]) путеводителя при обозрѣніи кіевскихъ древностей. Тогда и я познакомился съ Иннокентіемъ, а Евгенія зналъ еще прежде.

Далѣе измѣняетъ мнѣ память, а справиться не съ чѣмъ: я не помню, когда собственно поразила тебя болѣзнь, *и ты переселился на нѣсколько времени въ Москву, присоединился совершенно къ нашему полку*, началъ издавать «Кіевлянина», для котораго собственно *кажется*, и написалъ Хомяковъ свое славное стихотвореніе «Кіевъ».

[[4]) Чтобъ не запутаться, я обращусь лучше къ нашимъ пререканіямъ, которыя начались съ твоей книжицы о томъ, откуда идетъ Русская Земля. Не ликвидировать ли намъ наши счеты для праздника? Кокошкинъ, переводчикъ Мольерова Мизантропа, такъ увѣщевалъ Писарева, водевилиста: „послушай, милый, ты знаешь, какъ я тебя люблю. Стану ли я тебя обманывать, ну и на что мнѣ это! Повѣрь же мнѣ—ей Богу, Расинъ лучше Шиллера!“ Такъ и я тебѣ скажу: право, варяги Русь—Норманны, не славяне по твоему, а пожалуй съ примѣсью Славянъ, которые жили густыми толпами по всему Поморію (Померанія, Рюгенъ) и въ особенности въ западномъ углу Балтійскаго моря. Ну, чего же тебѣ больше?

Въ вопросѣ о «Словѣ о полку Игоревѣ», норманская повадка для меня несомнѣнна, и я надѣюсь, что, прочитавъ мои послѣднія соображенія, ты не будешь отвергать сѣверное вліяніе.

Отдай же справедливость и Андрею Боголюбскому за то, что онъ перенесъ центръ Русской тяжести на сѣверъ, и согласись, что на юго-западѣ между Польшею, татарами и турками ему бы не сдобровать. Пришлось же вѣдь батькѣ Хмельницкому броситься въ объя-

---

[1]) Напечатано—въ 1834 г.

[2]) Напечатано—на торж. актѣ университета.

[3]) Напечатано—живаго.

[4]) Все это мѣсто пропущенно въ напечатанномъ текстѣ письма.

тія Московскія. Ну, а если и сѣверный Андрей (котораго ты такъ не любишь) погрѣшилъ хоть и не непосредственно, разореніемъ Кіева, такъ вѣдь и южный Рюрикъ Ростиславовичъ принужденъ былъ обстоятельствами допустить опустошеніе еще болѣе тяжкое. Впрочемъ объ этомъ спорить нечего: всякій можетъ остаться при своемъ мнѣніи. А вотъ великороссіянство Полянъ лежитъ у меня на сердцѣ, и желалъ бы я, чтобъ оно доказалось покрѣпче. Въ послѣдній пріѣздъ твой къ намъ ты, напечатавъ старую свою реплику, просилъ меня, чтобы я не читалъ ея, пока ты оставался въ Москвѣ, дабы на ту пору не покрылись тѣнью наши дружескія отношенія, и я, вспомнивъ двухъ малороссіянъ, которые отправлялись на одной телѣгѣ въ судъ, чтобы жаловаться другъ на друга, исполнилъ твое желаніе: не прочелъ тогда твоей статьи, да и забылъ про нее, и только вспомнилъ теперь: но по возвращеніи въ Москву, я прочту немедля и не оставлю безъ отвѣта, потому что камешковъ собралось таки нѣсколько,—а лучше было, повторяю, еслибъ ты самъ, возвысясь надъ частностями, взглянулъ на вопросъ съ моей точки и подумалъ бы о томъ, какъ подтвердить мои гаданія, а не опровергнуть. Мнѣ кажется, ты успѣлъ бы въ этомъ больше].

Но довольно. Свѣчи мои догораютъ, идётъ уже второй часъ по полуночи. Я долженъ кончить мое письмо теперь же, потому что завтра рано мы сговорились съ здѣшнимъ археологомъ ѣхать въ монастырь Стефана Сурожскаго, и осмотрѣть генуэзскую крѣпость въ Судакѣ; оставлять же отправку письма до возвращенія оттуда, т. е. до 2 числа, нельзя – оно можетъ не дойти до Кіева къ назначенному дню, и ты остался-бы безъ моего привѣта, а это было-бы для меня прискорбно.

Мнѣ остается сказать тебѣ нѣсколько словъ о темной сторонѣ твоей жизни, вслѣдъ за свѣтлою; и здѣсь прежде всего я припоминаю сказанное мною на профессорскомъ обѣдѣ, при праздникованіи столѣтняго университетскаго юбилея въ Москвѣ. «Перечтите біографическій словарь», сказалъ я, «двѣсти пятьдесятъ человѣкъ трудилось на нашемъ полѣ. Укажите мнѣ, кто прошелъ путь свой по цвѣтамъ? Кто не плакалъ, не страдалъ? Бѣдность—вотъ наша общая, милая мать; нужда—вотъ наша вѣрная, любезная кормилица; препятствія, огорченія, оскорбленія, болѣзни, удары – вотъ наши неотлучные, дорогіе спутники, которые воспитываютъ душу, трезвятъ умъ, напрягаютъ способности и ведутъ per angusta ad angusta, хоть иногда и за гро-

бомъ». Тебѣ, дружище, досталась доля тяжеле многихъ другихъ. Ты превзошелъ даже и объемистую малороссійскую пословицу: «терпи козакъ, атаманомъ будешь»; ты дотерпѣлся до атаманства, а послѣ опять таки долженъ былъ терпѣть. Какъ это случилось, кто виноватъ, что виновато — Богъ знаетъ: видно такая планида вышла. По крайней мѣрѣ, ты можешь, положа руку на сердце, сказать теперь, что ты трудился по мѣрѣ силъ своихъ, приносилъ пользу, служилъ съ усердіемъ святому дѣлу просвѣщенія, зла не дѣлалъ никому, желалъ добра всѣмъ, оставаясь вѣренъ своимъ честнымъ убѣжденіямъ,—и я надѣюсь, что въ этотъ день ты получишь со всѣхъ сторонъ живыя доказательства почтенія, признательности, участія; желаю отъ души, чтобы это было началомъ перемѣны твоихъ обстоятельствъ къ лучшему, чтобъ заслуги твои были оцѣнены по достоинству, чтобъ остальные дни своей жизни ты провелъ спокойнѣе, довольнѣе, счастливѣй. Прими же заочно мое искреннее поздравленіе. Жму тебѣ крѣпко руку и обнимаю.

М. Погодинъ.

Этнографическіе матеріалы, записанные въ с. Будкахъ, винницкаго уѣзда.

I.

1) *День «Ивана Купала».*

Этотъ праздникъ справляется здѣсь, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, преимущественно дѣвушками, строго и неуклонно соблюдающими всѣ тѣ обряды и обычаи, которые сохранились отъ старины. Несмотря на разнаго рода вліянія, внесшія значительную долю разложенія въ жизнь старинныхъ обрядовъ и обычаевъ, а также способствовавшія упадку малорусской пѣсни, о чемъ мнѣ приходилось говорить [1]), празднованіе дня «Ивана Купала» представляетъ въ этомъ случаѣ счастливое исключеніе. Интересъ къ этому празднику, а равно къ обрядамъ, обычаямъ и пѣснямъ, сопровождающимъ этотъ праздникъ, поддерживается неослабѣвающій, что мнѣ приходилось наблюдать въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Празднованіе этого дня состоитъ въ слѣдующемъ. Подъ вечеръ въ этотъ день дѣвушки собираются въ домѣ одной изъ нихъ, принеся

---

[1]) Живая Старина, 1892 г. вып. I, стр. 93. „Матеріалы для характеристики малорусскихъ говоровъ подольской губерніи“.

срубленное деревцо вишни или березы; здѣсь они убираютъ его цвѣтами, вѣнками, зельемъ, а также цвѣтной бумагой; въ такомъ видѣ срубленное дерево получаетъ названіе: гильце. Его несутъ на площадь (подлѣ церкви), здѣсь становятся въ кружокъ, при чемъ посреди кружка двѣ или три дѣвушки держатъ «гильце» и всѣ поютъ слѣдующія пѣсни.

I.

Ой у поли по долыни гиркый дымъ,
Тамъ соловейко збудовавъ соби димъ.
Винъ до себе зозуленьку прынадывъ
«Иды, иды, зозуленько, зо мною;
Будешъ мени ридною жоною;
Будешъ мени раненько вставаты;
Будешъ въ моимъ садочку куваты».

—

Ой у поли по долыни гиркый дымъ,
Тамъ соби Васылько [1]) збудовавъ димъ.
Такъ винъ до себе Ганусю прынадывъ:
«Иды, иды, Ганую, зо мною;
Будешъ мени ридною жоною;
Будешъ мени раненько вставаты;
Будешъ мои матинци вгождаты».
(Вона каже)
«Иды соби, Васыльку, будь соби самъ;
Гляды соби такои, якъ ты самъ:
Щобъ тоби раненько вставала.
Щобъ твои матиньци вгождала».

II.

У городечку верба, верба,
Пидъ вербою вода, вода.
Зозуленька купалася,
На берижечку сушылася
На берижечку сушылася,

---

[1]) Или другое какое-нибудь имя.

Дивка Гануня журылася
Я ще й рушнычкивъ ны напряла
А вже Васылеви слово дала,
Щей рушнычки на варстати,
А вже Васылько сыдыть у хати».

III.

Ой у лису на клынку,
Тамъ висыла колысенька на шнурку.
А хто въ тыи колысоньци колыхався?
Колыхався Васылько молоденькый.
«Колышите мене, братья, высоко
Щобъ я бачывъ далеко.
Десь моя тещенька медъ-выно пье,
Десь моя Гануня винки вье» [1].
Ой говорытъ барвинокъ до руты:
«Часъ тоби Васыльку тутъ буты».
«Ой ны часъ, ны часъ, ны пора.
Бо моя Гануня щей молода.
Щей вона на гулянне не ходыла,
Ще вона Васыля не любыла.

IV.

Купайла на Ивана, на долыни корчъ калыны,
На ти калыни тры соловейкы,
Тры соловейкы—вси тры веселенькы.
Першый соловейко—молодый Васыленько.
Купайла на Ивана, на долыни корчъ калыны,
На ти калыни тры зозуленькы
Тры зозуленьки—вси тры веселенькы
Перша зозуленька—молода Гануня.

V.

Ни стижечкы ни дорижечкы
Йихавъ Васылько до ворижечкы [2].

---

[1]) Здѣсь имѣются въ виду тѣ вѣнки, которыми украшается „гильце“.

[2]) Къ ворожеѣ.

А въ ворижечкы лыхи собакы,
Никому выйты обороныты.
Выйшла Гануня обороныла,
Свое серденько розвеселыла.
«Ану, собакы, въ солому спаты!
Тебе, Васыльку, прошу до хаты».

VI.

Ходыла Гануня по полю,
Выбырала пшыныцю зъ куколю.
Якъ йихавъ Васылько шапку знявъ:
«Боже тоби, Ганунё», помогай!
Зъ цеи пшыныченькы буде коровай,
Зъ цеи пшыныченькы насиння,
Колы въ тебе, Ганую, весилля»?
«Въ недилю, Васыльку, въ недилю,
Бо маю на тебе надію;
Въ суботу, Васыльку, въ суботу
Бо маю за тебе Васыльку охоту» [1]).

Послѣ этихъ пѣсенъ дѣвушки ломають на части «гильце» и выбрасывають кусочки его обыкновенно на то мѣсто огорода, гдѣ посажены огурцы, и съ тою цѣлью, чтобы огурцы лучше росли. При исполненіи приведенныхъ выше пѣсенъ присутствують и парни, которые не принимають никакого участія въ пѣніи; они слушають, переговариваются, шутять, при чемъ каждый старается задѣть словомъ дѣвушку, которая ему нравится. Если та отвѣчаеть ему взаимностью, то она не остается въ долгу, посылая въ большинствѣ случаевъ мѣткое слово, а иногда и легкаго пинка.

Когда дѣвушки изломають «гильце» въ мелкія части, то поють пѣсню, обращенную къ парнямъ:

VII.

Въ городечку крокишныця [2])
Забравъ чортъ хлопцивъ тай тишыця.

---

[1]) Эти слова не заключають въ себѣ противорѣчія, такъ какъ крестьянская свадьба продолжается нѣсколько дней, начинаясь въ пятницу дѣвичникомъ („рушныки"), она оканчивается въ среду, а иногда (въ богатыхъ семьяхъ) въ пятницу, т. е. тянется цѣлую недѣлю.

[2]) Въ другихъ мѣстахъ этотъ цвѣтокъ наз. „папистки"; онъ цвѣтеть желтымъ цвѣтомъ, издаеть сильный запахъ.

Въ городочку лепухъ—лепухъ,
Бодай тымъ хлопцямъ жывить спухъ
Ныхай пухне ныхай знаютъ,
Тай купалъныцю вырубають.

Этотъ упрекъ вызывается тѣмъ, что первое дерево для «гильця» рубятъ обыкновенно сами дѣвушки. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ упрекъ имѣетъ цѣлью побудить парней вырубить новое дерево (купальныцю). Парни рубятъ обыкновенно «вербу», которую передаютъ дѣвушкамъ. Тѣ становятся въ хороводѣ въ такомъ же порядкѣ, какъ и раньше, поютъ пѣсни, а затѣмъ изламываютъ дерево въ мелкіе куски и бросаютъ на огородъ. Иногда это продѣлываютъ до 3-хъ разъ, но деревьевъ во второй и третій разъ не убираютъ. Послѣ окончанія этого обряда «зъ гильцемъ» шалятъ и бѣгаютъ.

Насколько можно судить по содержанію записанныхъ пѣсенъ, въ которыхъ обыкновенно фигурируютъ имена извѣстныхъ хороводу парня и дѣвушки, интересъ къ празднованію «Купайла» поддерживается здѣсь независимо отъ того значенія, какое имѣлъ этотъ праздникъ въ древности и какими онъ тогда сопровождался обрядами; да и сознаніе этого значенія повидимому совершенно утратилось; осталась только память о религіозныхъ обрядахъ; что видно изъ обычая приносить въ хороводъ «гильце», а также пѣть пѣсни. Эти послѣднія затрагиваютъ тѣ «вѣчно старые и вѣчно новые» мотивы, которые имѣютъ отношеніе къ любви и браку. Не касаясь самого праздника и связанныхъ съ нимъ обрядовъ, эти пѣсни, тѣмъ не менѣе, вполнѣ объясняютъ, почему съ такимъ интересомъ относятся въ с. Будкахъ къ празднованію дня «Ивана Купайла». Этотъ праздникъ, кромѣ того, даетъ законную возможность, несмотря на начавшіяся работы, собраться вмѣстѣ парнямъ и дѣвушкамъ для игръ и развлеченій. Если къ этому прибавить еще то, что въ это время (преимущественно весной и лѣтомъ) происходитъ «сватанье», когда парень намѣчаетъ себѣ невѣсту и ухаживаетъ за нею вплоть до осени, то этимъ можно исчерпать все то, что необходимо для выясненія того интереса, съ какимъ относятся здѣсь къ описываемому празднику.

II.

РАЗСКАЗЫ.

1) *Балтяньська ярмарка.*

Отець Мыхаилъ прыйихалы до свого татуня—старенького попа, щобъ йихаты разомъ на балтяньську ярмарку [1]). Татунё бувъ немощный и на ярмаркы вже давно ны йиздывъ; це добре знавъ ёго сынъ, але теперъ була важна прычына. Вси попы першый разъ получылы жалуванне, и сынъ ставъ дуже просыты татка йихаты разомъ, щобъ купыты буду, бо вже вси ёго сосиды малы по нови буди. «Очепыся, сынку, казавъ татко: чого жъ, я пойиду на ярмарокъ? Ты знаешъ, що я вже давно ны йиждижу; старый вже я».—«Э, таточку! Зробить це для мене. Нехай я буду маты буду, а то моя матушка ны дае мени спокою: вже й Дзяливськи й Тарасивськи й Рахнянськи купылы буду, а мы не маемо. Це встыдъ на все благочыніе». Якъ ны видказувався старенькій, алы мусивъ йихаты. Тоди зготовылы обрикъ, наладнувалы возы, поснидалы добре, взялы зъ собою церковного старосту й сторожа тай пойихалы. Отъ йидуть и дорогою радяця, де статы, якъ прыйидуть на ярмарокъ. Сынъ каже, що треба зайихаты на зайиздъ, а татко каже: «нащо тратытысь? Станемо на мисци въ холодочку: тутъ и ярмарокъ всенькій выдно й коней лучче доглядаты». Хоць сынови ны хотилось ставаты на мисци, але на цей разъ прыйшлось послухаты татка. Отъ прыйихалы рано на ярмарокъ, сталы на мисци, въ холодочку и пійшлы купуваты буду. Прыйшлы на торгъ, сталы оглядаты буды, а йихъ було зъ тры десяткивъ, бо купець знавъ, що попы дуже накидаются на цей товаръ. Выбралы гарну буду, мицну, оббыту добрымъ юхтомъ; поторговалысь трохы й купылы. Пысля того пишлы до Іося пыты могорычъ. Закусылы й выпылы добре тай пишлы до возивъ, щобъ видпочыты, и заснулы. Спалы воны спалы, але вже пора вставаты. Першый проспався татко, бо сонечко дуже прыгрило ёго лысыну, на котри ны було шапкы. Отъ винъ пытае сына: чы йе въ тебе сынку на голови шапка»?

---

[1]) Ярмарка въ г. Балтѣ, подольск. губ. (верстахъ въ ста отъ мѣста, гдѣ записанъ разсказъ).

— «Ныма, татку, але чого въ васъ, татку, ногы босы»?—пытае сынъ! винъ думавъ, що одъ гарячноты татко не мигъ спаты въ чоботяхъ и скинувъ ихъ. Татко тоди зоглядився, що винъ справди босый; ставъ прыпомынаты, що було, якъ воны лягалы, и ныякъ ны мигъ спамьятаты, що винъ скидавъ самъ чоботы. Оглядився киля себе, а чобитъ ныма; вже хтивъ сказаты сынови, ажъ очы ёго впалы на босыи ножынята сына. Тоди винъ запытавъ: «А чого жъ въ тебе, сынку, ноги босы»? «Хтось здынявъ», каже сынъ. «То й въ мене здается те саме; дуже шкода, бо юхтови и новисеньки булы чоботы. Це злодіякы ярмаркови поздыймалы зъ насъ капелюши и чоботы. Подывымся-но до кишени, чы цилы наши калытки зъ грошмы». Подывылысь тай лучче бъ ны дывыцця, бо кишени булы порожни. «Шожъ будемо робыты? Ны капелюшивъ, ны чобитъ, ны грошый. Вертаймося до-дому»!

«Як же йихаты»? каже сынъ: «цебъ треба було похмылытыся».

«Колы ныма грошый», видказуе татко. «Запытаймо старосту; може въ него йе грошы», каже сынъ. На счастє ихъ старостова калытка була розумниша, бо не йишла въ чужыи руки, и на старостовы грошы вси воны похмилялысь. Писля того зладнувалы возы, прывъязалы до заднёго воза буду; въ буду посадылы старосту на солому, щобъ хто ны зробывъ шкоды; самы досталы старыи капелюши, силы на той визъ, до которого прывъязана була буда, поховалы босы ноги въ солому тай пойихалы. На другому вози йихавъ сторожъ. Староста дуже зраднивъ, що ёго посадылы въ буду; писля похмиля и снидання винъ закурывъ люльку, ростягнувся на соломи и заснувъ. Тымъ часомъ зъ люлькы жарына впала на солому; солома загорилась, а писля того почала палаты й буда. Ажъ йидутъ напротывъ ныхъ люде, та й кажуть: «за вамы визъ горыть». Попы думалы спочатку, що зъ ныхъ сынакпываюця, и байдуже. Алы якъ розмынулысь зъ тыми людьмы, сынокъ каже: «таточку, щось мени въ спыну гаряче, ныначе спына на гарячи груби лыжыть». Оглядуются, а буда й справди палае. Гасыты вже було пизно, дай воды ны було. Такъ згорила буда, зосталыся тилько идны ребра. Отъ воны вырнулыся до-дому безъ капелюшивъ, безъ грошый, безъ чобитъ и безъ буды.

2) *Праведна бабуня.*

Дуже довго жыла соби праведна бабуня. Вона сполняла вси законы: циле жыття свое сповидалася кождого посту, ходыла на видпусты,

въ понедилокъ постыла, въ пьятныцю шматьтя не золыла, въ суботу не спивала, въ пьятныцю не вмывалася, и такъ добре вона знала вси законы, що не було здается такого, котрый-бы вона не сполныла. Якъ прыйшовъ часъ вмираты, то вона була зовсимъ спокійна, бо душа іи покаялась во всихъ грихахъ, була чыста й готова до цёго страшного часу. Отъ вона вмерла й поховалы іи. Якъ прыйшла вона на той свитъ, то повернула на ту дорогу, по котрій треба йты до раю. Якихъ святыхъ вона не зустрила, вси іи кажуть: «Бабуню! ты праведна, йды до раю простисенько по цій дорози; тамъ для тебе вже давно йе мисце». А чортяка тымъ часомъ все хвостомъ выкручуе, та усмихается, здалеку поглядаючы на бабуню. Отъ вона прыходыть до райськои брамы й просыть святыхъ Петра й Павла пустыты іи въ рай. Свв. Петро й Павло кажуть: «Мы-бъ раднисеньки пустыты тебе, бабуню, до раю, але ты одного гриха не спокутовала». Вона ажъ змынылась на твару и стала пытаты: «Якого?» Тоди воны взялы зъ шафы здоровесеньку кныгу й прочыталы таке: якъ бабуня була молода, законивъ добре ще не знала, то въ масляну кужель пряла. Тоди баба й сама згадала, що бувъ такый грихъ, и почала дуже печалытыся, що не може війты въ рай; ще кобъ грихъ бувъ та грихъ, а то й грихъ невелычкый. А свв. Петро й Павло пожаловалы бабуню, тай кажуть: «Не жалкуйся, бабуню, що не можно тоби війты въ рай; сядай киля райськои брамы на каминьчыку и чекай: якъ буде йты якый пипъ до раю, попросы ёго гарненько, винъ тебе розришыть одъ гриха, и мы пустымо тебе въ рай». Бабуня послухала, сила на каминьчыку; але тамъ вона бидна сыдыть й доси и не може дочыкатысь, щобъ пипъ йшовъ до раю.

3) *Тры правды.*

Въ йидного пана служывъ за гуменного 30 литъ Иванъ. Це було ще за панщыны. Отъ панъ выйижджае разъ за границю, клыче гуменного й дае ёму прыказъ пыльне глядиты маёнтку, а найбильше ручного сокола. «Дывысь, Иване», казавъ панъ, «щобъ найлучче глядивъ мого любымого сокола». «Добре, паночку», сказавъ Иванъ, «якъ пыльне доглядавъ всёго 30 литъ, такъ и теперъ буду глядиты». Панъ пойихавъ, а Иванъ тымъ часомъ хотивъ спробуваты пана, жинку й свого сына-прыймака. Отъ винъ йде до-дому й каже жинци: «Панъ пойихавъ за границю й сказавъ дуже пыльноваты сокола, а въ того сокола добре мнясо; отъ я прынесу ёго, ты зарижешъ и мы попробуемо;

тильки ты не повынна никому цёго говорыты: а ни куми, а ни сусидови». Передъ вечеромъ жинка пишла до рички по воду й зустрила тамъ куму. «Ото кумцю», каже вона, «сёгодня буду варыты щось дуже добре на вечеру». «Що-жъ таке?»—пытае кума. «А заріжу того сокола, що въ пана йе; прыходьте, то й вы спробуете; тильки не кажыть моёму чоловикови, що я вамъ це сказала». «Добре», сказала кума, «прыйду на вечеру й буду мовчаты». А чоловикъ хочъ казавъ, що прынесе сокола, прынисъ нидъ полою свытки пивня. Жинка ёго зарызала й зварыла вечеру. Якъ силы воны вечеряты, прыходыть кума. Іи прыпрохують до вечеры; вона сила; вси разомъ повечерялы й кума пишла. Тоди чоловикъ пытае жинку: «Чого це кума прыходыла; ты десь сказала, що въ насъ буде на вечеру». Жинка божылася й клялася, що вона куми ничого не казала, а що кума прыходыла позычиты соли.

Черезъ мисяць писля цеи вечеры прыйижджае панъ. Першымъ диломъ клыче Ивана й пытае: «Що Иванъ? все въ моимъ маёнтку доглядивъ?» Иванъ каже: «Все, тильки сокилъ пропавъ». Панъ ёму каже: «За твою выну маю тебе повисыты». Иванъ подякувавъ панови за таку награду, бо винъ вже 30 литъ вирно служывъ панови и не въ чому не провынывся. Писля цёго панъ звеливъ поставыты шыбеныцю. Якъ зибралыся люде, прывелы Ивана; неборака просывъ тоди пана передъ смертю, щобъ панъ позволывъ ёму распорядытыся остатній разъ въ своимъ господарстви. Панъ позволывъ. Тоди Иванъ пишовъ до-дому, вынявъ зъ коморы торбу грошей (червинцивъ) и роздилывъ йихъ на тры части чы купы: «Йидна купа», каже Иванъ, «тоби жинко; друга—тоби сынку, а третя тому, хто мене повисыть». Якъ почувъ це сынъ, та й каже: «Якъ мае чужый хто браты грошы, то лучче я йихъ визьму й васъ, тату, повишу». Писля цёго Иванъ грошей сынови не давъ, а хутко пишовъ до пана; тамъ винъ спустывся въ лёхъ и вынисъ зьвиты сокола, виддавъ ёго панови, подякувавъ за службу и сказавъ: «Паньській сокилъ жывый, а я тильки хтивъ спробуваты, яка то паньська ласка». Потимъ обернувся до громады й каже: «Ото люды добри, скажу вамъ тры правды: панови вирно не служы, жинци правды не кажы, чужои дытыны за свою не беры».

Вячеславъ Каминскій.

Историко-этнографическія мелочи изъ матеріаловъ З. Доленги-Ходаковскаго Сообщаемыя ниже историко-этнографическія мелочи заимствованы нами изъ двухъ рукописныхъ сборниковъ знаменитаго этнографа и археолога Зоріана Доленги-Ходаковскаго (Адама Чарноцкаго, род. 1784, ум. 1825), принадлежащихъ въ настоящее время редактору «Кіевской Старины» В. П. Науменку [1]). Въ этихъ двухъ сборникахъ заключается 1631 пѣсня, записанная собственноручно Ходаковскимъ, причемъ на долю польскихъ пѣсенъ приходится 199 №№, бѣлорусскихъ 128, великорусскихъ 49, чешскихъ 1; остальныя 1354 №№—пѣсни украинскія (изъ губерній: волынской, подольской, кіевской, полтавской, Червоной Руси и Галичины). Питая надежду, что этотъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи украинской этнографіи, хронологически предшествующій *первому* опыту собранія украинскихъ пѣсенъ князя Цертелева 1819 г. (онъ относится, преимущественно къ 1813—1817 г.г.), не замедлитъ увидѣть свѣтъ на страницахъ «Кіевской Старины», мы въ нижеслѣдующихъ строкахъ предлагаемъ вниманію читателей тѣ мелкія замѣтки Ходаковскаго, которыя, какъ неподходящія подъ различные отдѣлы пѣсенъ, могли-бы со временемъ остаться неиспользованными въ печати. Считаемъ нужнымъ оговориться, что всѣ нижеслѣдующія мелочи предлагаются нами въ переводѣ съ польскаго языка, на какомъ они записаны въ подлинникѣ.

«Въ окрестностяхъ Владиміра-Волынскаго донынѣ въ честь бога Ny.... (оторвана часть слова) празднуютъ въ селахъ *Niewski* (?) *Welykdeń*, въ четвергъ послѣ Пасхи, и говорятъ, что въ этотъ день всѣ умершіе радуются (cieszą się), танцуютъ и имѣютъ большое утѣшеніе, а потому крестьяне считаютъ грѣхомъ заниматься какой-либо работой, если же и бываютъ принуждены къ этому, то увѣрены, что отъ такой работы не будетъ пользы; въ особенности, если кто въ этотъ день посадитъ картофель, послѣдняя погибнетъ совершенно. Кромѣ того говорятъ, что кто этого (обычая) не соблюдаетъ, у того выростетъ *Niewska kistka*, т. е. шишка (guz) надъ глазомъ, подъ глазомъ, на головѣ или рукѣ».

«*Проводы* бываютъ въ понедѣльникъ проводный въ честь умершихъ: молятся за души покойниковъ, служатъ *парастасы*; пьютъ на

---

[1]) Объ этихъ цѣнныхъ рукописяхъ подробности см. въ „Исторіи Руской Этнографіи“ А. Н. Пыпина, т. III, а также Rawita-Gawronski, Zoryan Dolega-Chodakowski, jego życie i praca, Lwów. стр. 170, 174—180.

могилахъ (гробахъ) водку, ѣдятъ—катаютъ крашеныя яйца, которыя затѣмъ отдаютъ нищимъ».

«Въ Дмитровскую субботу, что бываетъ 30 октября, въ окрестностяхъ Острога также поминаютъ умершихъ».

«*Розъигры* (Rozihry).—день, въ который крестьяне надъ Горынью рвутъ и теребятъ (drą i szarpią) на себѣ одежду или рубаху, или срываютъ женскій головной уборъ (czepki); онъ приходится на седьмой день послѣ Зеленыхъ Святъ (Тройцы) или въ началѣ Петровскаго поста».

«*Выпадь, чортове ребро!*»—повторяютъ на Пасху, ставши въ кругъ и кружась, причемъ по одному выходятъ (odstają) изъ круга».

«Лыса Гора и Шембекова—во Львовѣ; послѣдняя разсѣлась (rospadła) и ею проклинаютъ: «чтобъ ты разсѣлся какъ гора Шембекова» (Żebyś się rospadł, jak góra Szembekowa)».

«*Багатый вечиръ*»—день передъ Новымъ Годомъ. Въ этотъ вечеръ дѣвушки ходятъ къ водяной мельницѣ (młyn) ворожить на водѣ: найти соломинку—выйти замужъ за земледѣльца, стекло—за стекольщика, черепокъ—за гончара, щепку—за столяра, уголь—за коваля, нитку—за ткача. Тогда же идутъ красть дрова; когда принесутъ и посчитаютъ полѣна и окажется парное число—выйдетъ замужъ, если не парное—злой знакъ» (записано, повидимому, близъ Острога).

«На Украинѣ на «прыносынахъ» родители новорожденнаго, принимая дитя, дарятъ (czestują) пару голубей; подлѣ Кременца—курицу».

«Въ Сокалѣ, лѣтъ 40 тому назадъ [1]) праздновали Купала наканунѣ Ивана; объ этомъ я слышалъ отъ одной старухи въ Старомъ Порыцку, которая была на этомъ празднованіи».

«*Каплычки*—головной уборъ волынскихъ дѣвушекъ, тоже что *кисныки* на Украинѣ,—вплетаніе ленты въ косы».

Къ пѣснѣ, записанной подъ Клеванью (волынск. губ.) «Изъ горы, горы, темненького лису, татарове идуть, Волыночку везуть» добавлено примѣчаніе: «На Украинѣ до сихъ поръ въ селахъ сохранилась память о бѣдствіи отъ татаръ и о захватѣ населенія въ плѣнъ: когда одинъ другого застанетъ за какой-либо работой и спроситъ: «Що робышъ?» часто въ отвѣтъ бываетъ: «абы не сыдячого татары взялы».

---

[1]) Т. е. около 1775 г. В. Д.

Къ пѣснѣ «Ишовъ Чурыло зъ миста, за нымъ дивочокъ трыста»—добавлено: «Объ этомъ Чурылѣ поютъ подлѣ Галича, въ Червоной Руси, отводя молодыхъ на свадебное ложе. Потомокъ его, Чурыло, капуцинъ и казнодѣй (kaznodzieja), около 1750 г. выѣхалъ изъ Винницкаго монастыря, взявъ съ собой деньги на надобности (sprawanki) у Островскаго въ Кузминьцахъ, у Паволоцкаго въ Осиголовѣ, у Быковскаго у Зарваньцяхъ и княгини Четвертинской въ Латаньцяхъ; прыбывъ въ Балту, турецкій городъ, принялъ мусульманство (obrzezał się) и женился. Разсказывалъ это В. Конст. Орловскій, 75-лѣтній старикъ въ Кунѣ».

Сказка.

«Обертався Орелъ за царя, а Шулякъ за комисара, а Сыныця за судью, злетилыся вси птахы и пыталы едно другого, хто Бога выда́въ? Найперши птахы Гусы зъ Билои Руси: «мы пролиталы, а Бога не выдалы»; а Сокилъ каже: «я высоко пролитаю, а нигды Бога не выдаю», а Горобець каже: «я сыдивъ въ хворости, бачывъ Бога на хрести», а Сыныця каже: «я вамъ буду за судью»; а Чапля каже: «тоби не подобае буты за судью»—бо ты есте (жона), тоби подобае коло печы ходыты, горохъ колотыты, намъ йисты варыты,—а я буду за судью, бо я коротку одежу маю, нигды на себе (соби?) не замараю. Я коло *трехъ крыныць* ходыла, а нигды своихъ суконь не замочыла». А Крукъ каже: «я буду законныкомъ, бо я чорну одежу маю, нигды не замараю.» А Пивень каже: «я два раза родывся, а разъ буду гынуты, а передъ своею смертію покажу вамъ тры мудрости. Перша моя мудрость: якъ я заспиваю, скажуть люде: «слава тоби, Господе (sic)!» А другая моя мудрость,—ходжу помежы сты(и)же(о)чкамы, воджу курочокъ купочкамы—за те жынотки выризалы яечкы. А третя мудрость: якъ мени прыйдеть викъ и конець, то мене вложать жинкы въ горнець».

Отрывокъ о чудесахъ отъ Василевской иконы Божіей Матери. Чудо шестое. Дворянина Кулика, подстаросты Иванковецкаго жена, мучимая нечистымъ (od szatana utrapiona), обратившись къ чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы Василевской, получила исцѣленіе, въ чомъ подписалася знакомъ Креста Господняго.

Чудо седьмое. Села Стрѣльни Михайло, глухой, нѣмой, и немогущій передвигаться благодаря нечистой силѣ, исцѣлился отъ того же образа Пресвятой Богородицы.

Чудо восьмое. Журавля колесника, крестьянина Иванковецкаго, жена, мучимая болѣзнью не владѣла сама собой, когда же пообѣщала

жертву Пресвятой Богородицѣ Василевской, выздоровѣла и пѣшкомъ отправилась поблагодарить Пресвятую Богородицу и здоровой возвратилась домой.

Чудо девятое. 20 іюля. Катерина, изъ с. Фасціевки, на Подольи, три года болѣла злой болѣзнью, и въ послѣднемъ, выше упомянутомъ году ослабѣла до того, что, желая поклониться чудотворному образу Пресвятой Богородицы Василевской и дойдя до Ф... (неразборч.), близъ села Василевки, не могла далѣе двинуться. Принесенная въ село Василевку въ церковь, подверглась страшнымъ припадкамъ, не могла ни говорить, ни ходить. Мать ея, съ тоской глядя на бѣсовское дѣйствіе, съ плачемъ просила Богородицу о помощи, и на другой день дочь ея была здорова. Свидѣтелями этого чуда было все село. Мы, главные священники, видѣвшіе это, подписью удостовѣряемъ. A. Samborski (другая подпись неразборчива). Мы, брацтво Василевское, тяжелую болѣзнь упомянутой Катерины и исцѣленія видѣли, въ чемъ и подписуемся знакомъ креста Господня: X. Dubniewicz (подписался), Hryhory Dudeyko, Mikoła Braiłowski, Dmytro Sazon.»

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Поминка о Н. А. Маркевичѣ. *(Къ столѣтней годовщинѣ рожденія его).* Въ текущемъ году исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія одного изъ видныхъ представителей въ дѣлѣ изученія нашей Украины, *Николая Андреевича Маркевича.* Считаемъ долгомъ своимъ покаяться въ томъ, что пропустили своевременно отмѣтить этотъ юбилей, т. к. столѣтіе со дня рожденія нашего историка исполнилось еще 26 января. Надѣясь въ ближайшихъ книжкахъ журнала посвятить памяти его болѣе обширную статью, мы теперь, хоть въ нѣсколькихъ словахъ, хотимъ помянуть того человѣка, который своими научными работами, своею любовью къ собранію старинныхъ рукописей, своею преданностью книгѣ и литературѣ, наконецъ—своимъ добродушнымъ характеромъ снискалъ любовь и уваженіе современниковъ и добрую память въ потомствѣ.

Н. А. Маркевичъ болѣе всего извѣстенъ былъ своимъ большимъ трудомъ «Исторія Малороссіи», издан. въ 1842 году въ 5 томахъ. Его «Исторія» въ теченіе многихъ лѣтъ считалась, наравнѣ съ исторіей Малороссіи Бантыша-Каменскаго, книгой, которая можетъ служить руководствомъ при изученіи судебъ нашей родины. Правда, ни-

когда она не признавалась удовлетворяющей требованіямъ науки, но, давая богатое собраніе разныхъ историческихъ матеріаловъ, она всегда была и будетъ полезной для всѣхъ изучающихъ исторію Украины. Другимъ болѣе извѣстнымъ трудомъ его было этнографическое описаніе *обычаевъ, повѣрій, кухни и напитковъ малороссіянъ*, издан. въ Кіевѣ въ 1860 году. До появленія въ свѣтъ болѣе обстоятельныхъ трудовъ по этнографіи Малороссіи, эта книга была долгое время почти единственнымъ собраніемъ подобныхъ матеріаловъ.

Кромѣ этихъ двухъ, болѣе извѣстныхъ, трудовъ Н. А. Маркевича, надо отмѣтить еще нѣсколько брошюръ его, какъ-то: 1) О табакѣ вообще и въ Малороссіи въ особенности (Москва 1853 г.); 2) Рѣки полтавской губерніи (Записки Русск. Геогр. Общ. 1856 г. кн. II-я; 3) О климатѣ полтав. губ. (1850 г.); 4) О народонаселеніи полтавск. губ. (Кіевъ 1855 г.); 5) Народные украинскіе напѣвы, положенные на фортепіано (Москва 1840 г.).

Лучшимъ заключеніемъ поминки нашей о Н. А. Маркевичѣ будетъ перепечатка тѣхъ теплыхъ словъ о немъ, которыя сказаны были о немъ Н. Макаровымъ въ его статьѣ въ «Основѣ» (1861 г., № 1): «Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ». «Его добродушная простота, доступность и умѣніе говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ не только располагали къ нему сердца его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ, какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселянамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, разрѣшить споръ, или, просто, потолковать *зъ розумнымъ паномъ*».

Скончался Н. А. Маркевичъ 9 іюня 1860 года въ своемъ с. Туровкѣ, полтав. губ., прилуцкаго уѣзда, гдѣ и находится могила его.

Записка Н. И. Костомарова къ Д. Г. Лебединцеву. Н. И. Костомаровъ, какъ извѣстно, превосходно владѣлъ старинной актовой рѣчью, а также и церковно-славянской. Въ печати уже было нѣсколько образчиковъ его писемъ на церковномъ языкѣ. Въ нашихъ рукахъ находится теперь еще одинъ его автографъ въ томъ-же родѣ. Автографъ этотъ представляетъ собой записку, писанную въ 1870 году въ Петербургѣ Д. Г. Лебединцеву, брату хорошо извѣстнаго Кіеву каѳедральнаго протоіерея П. Г. Лебе-

динцева, а также и основателя нашего журнала Ѳ. Г. Лебединцева. Записка Н. И. Костомарова есть приглашеніе Д. Г. Лебединцева навѣстить его вмѣстѣ съ братомъ Петромъ Гавриловичемъ, проживавшимъ тогда временно въ Петербургѣ. Вотъ текстъ ея: «Въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова ҂аѿо (1870) декемврія въ и҃ день на память прп Потапіа и тке мученикъ африканскихъ и свв. апостолъ Сосѳена, Аполлоса, Епафродита и яже во ст҃ыхъ пр҃о матере нашея Анѳисы во вторый день по недѣлѣ кз҃, бысть глг҃лъ съ небесе къ Даніилу сыну Гавріилову реченному Лебединцу, глаголяй сице: Даніиле! Даніиле! Онъ же рече: се азъ, Гд҃и! И прорече ему гласъ съ небеси: Востани и поими брата своего единокровнаго протоіерея Петра и тецы съ нимъ ко старцу Николаю, иже на Невѣ рѣцѣ, сущему въ скорбѣхъ и болѣзнехъ, и утѣши и словесы своими. Онъ же воставъ сотвори вся яже повелѣ ему Гд҃ь.

Отвѣтъ редакціи. Считаемъ долгомъ извѣстить нижеслѣдующихъ лицъ, что деньги, присланныя ими на поддержаніе въ порядкѣ могилы Т. Г. Шевченка, получены и переданы по назначенію: отъ К. К. Похила 2 р. 40 к., Н. А. Тисенко 1 р. 50 к., А. К. Похила 2 р. 50 к., И. Г. Горбоносова 2 р. 75 к., М. А. Шведовой 1 р. 20 к., А. В. Крыжановскаго 2 р., С. О. Липковскаго 10 р., М. К. Емецъ 5 р., А. Н. Захаровой 2 р. 50 к., В. П. Нечволодова 1 р. 65 к., И. А. Матича 2 р., Н. В. Додица 2 р. 25 к., А. М. Гринченко 5 р., М. И. Симоновскаго 4 р., П. И. Бѣлаго 8 р., П. П. Зуйченко 1 р., И. И. Данилевскаго 1 р., М. М. Эпштейна 3 р., С. П. Д. 5 р., Н. Л. Кузьменко 5 р., В. И. Лавречєнко 4 р. 50 к., К. П. Стороженко 3 р., В. Д. Однороженко 5 р., Г. И. Аблицева 1 р., В. А. Корчинскаго 2 р. 50 к., И. Г. Рѣпчанскаго 4 р., А. К. Бабанскаго 3 р., С. Г. Фалько 2 р. 50 к., Н. Г. Шпаковскаго 5 р., В. Г. Петренко 3 р. 25 к., А. К. Бѣлаго 1 р., Э. К. Гендриховскаго 75 к., А. Н. Компанійца 1 р. 75 к., А. И. Кучеренко 2 р. 50 к., А. О. Неижмана 2 р. 50 к., В. Н. Соляника 2 р. 50 к., А. Г. Харитонова 1 р. 50 к., Н. Д. Усенко 2 р. 50 к., О. Н. Л. 3 р., Н. Ф. Знаковскаго 50 к., В. И. Лихоносова 2 р., М. Г. Паннева 2 р., А. В. Лядова 60 к., П. Ф. Тисенко 1 р. 45 к., П. В. Федоровскаго (изъ г. Луганска) 3 р., Е. Е. Федоровскаго (изъ

г. Луганска) 2 р., К. С. Дудки 10 р., Н. А. Богуславскаго 10 р., С. П. Степаненко 3 р., И. П. Боборыкина 1 р., И. А. Лимаря 1 р., К. А. Лимаря 1 р., С. Г. Кобзаря 1 р. 50 к., Н. Ф. Д. (ст. Юзово) 5 р., К. В. Бутко 50 к., С. О. Шевченко 50 к., А. Я. Веснянко 1 р., П. А. Рослова 1 р., С. П. Сѣраго 50 к., С. Д. Тищенко 50 к., И. В. Пустовойтова 2 р. 25 к., А. П. Сидоренко 2 р. 25 к., Е. М. Войкова 25 к., К. П. Дрожженко 2 р., М. Н. Кацина 1 р. 50 к., К. И. Кучеренко 25 к., Г. С. Дудки 4 р. 50 к., І. А. Черненко 4 р. 50 к., И. Н. Рекова 4 р. 50 к., П. Н. Соколовскаго 4 р. 50 к., К. В. Краморенко 3 р., К. Н. С. 9 р., А. Ф. Ш. 1 р., В. Н. Т. 25 к. Всего — 207 р. 30 к.

Текущія извѣстія.

Постройка въ Полтавѣ зданія для школы имени Котляревскаго подвигается довольно успѣшно. Кладка стѣнъ перваго этажа черезъ нѣсколько дней будетъ закончена. Второй этажъ, по проекту, будетъ деревянный, лишь обложенный кирпичомъ. За ходомъ работъ наблюдаютъ, кромѣ городского архитектора, г. Стасюкова, которому принадлежитъ и планъ постройки, инженеръ губернской управы г. Сердюковъ, взявшій на себя обработку фасадной части зданія, примѣнительно къ южно-русскому стилю. Прилегающая къ зданію школы часть склона Николаевской горы будетъ срыта и, такимъ образомъ, здѣсь образуется совершенно ровная площадка, на которой предположено разбить садикъ. Мѣсто для постройки избрано какъ разъ подъ соборной бесѣдкой.

Базаръ-гулянье въ Полтавѣ. 22-го августа въ Полтавѣ, въ Городскомъ саду состоялось оригинальное гулянье подъ заглавіемъ «Сорочынськый ярмарокъ», сборъ съ котораго поступилъ на усиленіе фонда для постройки школы имени Котляревскаго. Какъ гласитъ про-

грамма, на центральной площадкѣ сада былъ расположенъ украинскій ярмарокъ съ продажей дешеваго ярмарочнаго товара, съ ярмарковой корчмой и разными лакомствами и закусками; въ закрытомъ лѣтнемъ театрѣ поставлены были: «Наталка-Полтавка», украинская опера И. П. Котляревскаго, и водевиль А. Чехова «Юбилей», и кромѣ того исполнены были музыкальные номера соло и хоровые, а также чтеніе басни Л. Глибова «Горлиця и горобець»; на открытой сценѣ и въ саду, среди ярмарки, исполнены были слѣдующіе номера: игра лирника и троистои музыки, пѣніе хора парубковъ, прощальные проводы запорожца передъ поступленіемъ его въ «ченци», «перезва»—свадебный народный обычай, живыя картины изъ «Энеиды» Котляревскаго.

Подробное описаніе этого гулянья, принадлежащее перу Бр. Яковлева, помѣщено въ «Полтавск. Вѣст.» (№ 493). Приводимъ его цѣликомъ.

Это былъ грандіозный украинскій праздникъ...

Городской садъ превратился третьяго дня въ нѣчто для глаза непривычное, пожалуй, даже невѣроятное...

Вотъ, напримѣръ, цѣлый рядъ «хозяйскихъ» возовъ, съ приподнятыми оглоблями...

Лошади и волы стоятъ привязанными къ нимъ и аппетитно пожираютъ свое сѣно—«перій»...

Вотъ подъ телѣгой отдыхаетъ, поэтически развалившись, пріѣхавшій поярмарковать селянинъ...

А дальше, на слѣдующей повозкѣ, сидитъ благообразный хозяинъ, покуриваетъ свою люльку и не то сердито, не то серьезно-вдумчиво отплевывается послѣ каждой «затяжки».

Повозки эти занимаютъ всю входную аллею городского сада.

А дальше украиньскій ярмарокъ развертывается во всей его красотѣ, поэтичности и причудливости малороссійскаго жанра...

Вся центральная площадь сада испещрена балаганами съ различными ярмарочными предметами торговли...

Вотъ горшки, нѣсколько возовъ арбузовъ, бакалейный товаръ, галантерейные «магазины», изобилующіе пестрыми лентами и т. д., и т. д.

А въ лавкахъ этихъ хозяйничаютъ «дивчата» въ полномъ малороссійскомъ одѣяніи...

— Эй, пундики, пундики,—выкрикиваетъ зычно дивчина-продавщица,—заходите, народъ честный, давайте торговать...

— Гарный виноградъ, солодкый,—старается попасть въ тонъ заискивающей ярмарочной торговкѣ одна изъ продавщицъ съ милымъ личикомъ,—ей-Богу, господа солодкый, вотъ попробуйте...

А вотъ и различныя горшечныя издѣлія и возлѣ нихъ тѣже очаровательныя украинки, зазывающія въ свою лавочку.

Дальше, налѣво отъ «торговой стороны», расположена ярмарковая корчма, служащая предметомъ вожделѣнія всѣхъ, у кого лишь имѣется «на осьмушку» въ карманѣ.

Тутъ и горилка, и пиво, и медъ, и варенуха, и другія питія...

«Горилка» и прелестныя, гарныя дивчата, продающія здѣсь, привлекаютъ ярмарочную публику, распространяя среди нея непринужденное веселье, беззаботное удальство...

Гулянье открылось въ 12 часовъ, но привлекло оно въ теченіе дня не особенно много публики, которая рѣшила, повидимому, сохранить свои силы и... кошельки до вечера, когда въ лѣтнемъ театрѣ и на открытой сценѣ пойдутъ различныя развлеченія.

И хотя днемъ и не было «громады»—веселье шло во всю.

Особенно большой интересъ представляли собой сборища народа по разнымъ концамъ ярмарки, среди которыхъ «пилила» деревенская музыка и ухарски, съ неподдѣльнымъ чувствомъ, «садылы гопака».

Лавки торговали, и даже бойко, продавая товаръ за небольшія цѣны, но... безъ сдачи, что, въ извѣстной степени, способствовало къ полученію «наибольшаго количества барышей при наименьшей затратѣ капитала».

И долженъ сказать, по личному опыту, что экономическую науку эту продавщицы прошли блестяще и работали энергично, умѣло.

—

Семь часовъ вечера.

Публика начинаетъ съѣзжаться къ вечернему гулянью.

Вся улица, прилегающая къ кассѣ, запружена народомъ, но билетовъ почти уже нѣтъ.

Малорусская рѣчь становится въ саду господствующей.

Народныя пѣсни оглашаютъ воздухъ.

Это подгулявшіе парни поютъ хоромъ.

Въ закрытомъ лѣтнемъ театрѣ шла въ это время «Наталка-Полтавка», и мягкій ласкающій голосъ Наталки грѣетъ душу, раздуваетъ какъ-бы затухшій огонь любви къ родному краю, народу.

Бандуристы, музыканты усердствовали въ саду, привлекая къ себѣ большую аудиторію; народныя танцы продолжались въ теченіе всего вечера—и въ нихъ принимали участіе, на ряду съ простонародьемъ, и мѣстные «панычи и барышни».

Вообще долженъ сказать, что кастовыя, такъ сказать, правила нашей жизни стушевывались въ этотъ оригинальный вечеръ: не было «пана» и «мужыка», а былъ сплошной народъ, переполненный любовью къ своему родному краю—къ своей поэтичной Украинѣ... Хлопцы, простые хлопцы, шли рядомъ съ людьми съ высшимъ образованіемъ, съ людьми, занимающими извѣстное общественное положеніе и спивали, спивали безъ конца..

Были здѣсь и веселыя пѣсеньки, и грустныя, до боли грустныя мелодіи про долю-долюшку свою...

На открытой сценѣ показывали туманныя картины, пѣли про «Кучеряву Катырыну» и многое другое изъ народнаго малорусскаго репертуара...

Смѣшанный хоръ, подъ управленіемъ г. Попадича, исполнявшій народныя пѣсни какъ въ закрытомъ театрѣ, такъ и на открытой сценѣ, вызвалъ всеобщій восторгъ публики и былъ награжденъ дружными аплодисментами.

Участвующихъ въ спектаклѣ любителей публика встрѣчала очень тепло, вызывая ихъ по нѣсколько разъ.

Ровно въ 12 час. торговля на «ярмарци» прекратилась, при чемъ была пущена въ ходъ, разумѣется, и дешевая продажа остатковъ, до которыхъ такъ падка наша публика...

Бойко распродавались и «обсыпальники» (конфетти), а также шампанское.

Общій итогъ будетъ несомнѣнно довольно прибыльный, чему, конечно, нельзя не порадоваться.

Нужно отдать справедливость устроителямъ гулянья: они все сдѣлали отъ нихъ зависящее, чтобы доставить побольше удовольствій гуляющей публикѣ—и ихъ цѣль была и съ этой стороны достигнута: всѣ остались довольны вечеромъ.

Духъ, такъ сказать, Котляревскаго царилъ въ саду: его Наталка пѣла на сценѣ, его портретъ красовался на программахъ, его произведенія продавались въ книжной лавкѣ и его нарѣчіе было среди гуляющихъ господствующимъ...

Спектакль закончился «Юбилеемъ» Чехова къ часу ночи, публика начала расходиться по домамъ, дивчата-продавщицы сбросили съ себя плахты, намыста, квитки, украшающія ихъ голову, и *сдѣлались* опять «барышнями», но вечеръ этотъ, все пережитое за прошлое воскресенье, нужно надѣяться, останется долго, долго въ ихъ памяти, напоминая имъ и вообще всѣмъ присутствующимъ на этомъ гуляньи о чемъ-то свѣтломъ, прекрасномъ, которое въ нашей скромной жизни и «хмуросги» людской встрѣчается очень, очень рѣдко...

Къ вопросу о музеѣ имени И. П. Котляревскаго. *(Письмо въ редакцію «Полт. Вѣстника», № 500).*

Учытеся, браты мои,
Учытесь, чытайте,
И чужому научайтесь,
Й свого не цурайтесь.
Т. Шевченко.

Прошу дать мѣсто въ «Полт. Вѣстникѣ» нѣсколькимъ мыслямъ, быть можетъ, имѣющимъ нѣкоторый общественный интересъ. Когда я пріѣхалъ сюда въ іюнѣ сего года, въ нѣкоторыхъ кругахъ и на столбцахъ «Полт. Вѣстн.» трактовали о *довершеніи* памятника И. Котляревскому постройкой школы его имени. Дѣйствительно, при открытіи въ прошломъ году памятника Котляревскому было рѣшено почтить его не только «холоднымъ гранитомъ», но и другимъ живымъ, теплымъ и гуманнымъ дѣломъ—сооруженіемъ школы. Нѣтъ еще и году съ тѣхъ поръ и уже перестали говорить о томъ, что, кромѣ этихъ двухъ памятниковъ и совмѣстно съ названной школой, было рѣшено открыть и небольшой музей, въ которомъ можно было бы собрать всѣ вещи, связанныя съ жизнью и именемъ поэта-полтавца.

Въ послѣднее время въ Полтавѣ я не слышалъ ни одного намека о недавнемъ обѣщаніи. Между тѣмъ мѣсто для музея уже давно отведено: его рѣшили слить въ одно цѣлое съ школой, т. е. къ строющемуся сейчасъ школьному корпусу прибавить впослѣдствіи помѣщеніе для коллекцій Котляревскаго. Не буду, конечно, распространяться здѣсь о томъ, что такая пристройка или надстройка черезъ значительный промежутокъ времени обыкновенно искажаетъ первую мысль начинателей и иногда совершенно не вяжется съ общими предположеніями. Часто это является слѣдствіемъ естественныхъ причинъ, и иллюстраціей этой мысли можно было бы указать достаточное коли-

чество; онѣ существуютъ даже въ Полтавѣ, но доказывать нецѣлесообразность такого веденія дѣла я считаю излишнимъ въ виду ея очевидности.

Общая мысль—связать названную школу съ музеемъ того же имени заслуживаетъ, по моему мнѣнію, всякаго уваженія и послѣдовательность ея я хотѣлъ бы еще разъ подчеркнуть словами великаго кобзаря Украйны:

«И чужому научайтесь,
И свого не цурайтесь!»...

Это завѣщаніе, очевидно, было принято въ разсчетъ или непосредственно вылилось въ мысляхъ послѣдовательныхъ почитателей Котляревскаго. Въ Западной Европѣ давно уже признали глубокое воспитательное значеніе въ соединеніи школъ съ музеями всевозможныхъ родовъ и характеровъ. Школа будетъ учить во всю ширь своей программы, музей же будетъ напоминать юношеству о своемъ родномъ; интересъ къ послѣднему онъ долженъ будетъ пробуждать и въ рамкахъ своего содержанія поддерживать любовь къ родному краю, а эта послѣдняя не мало поможетъ устранить тотъ «разбродъ» въ мысляхъ и настроеніяхъ нашей молодежи, который засвидѣтельствованъ всей современной публицистикой.

Какъ только возникла мысль о музеѣ, тотчасъ же, конечно, стали собирать свѣдѣнія о матеріалѣ для него и не мало вещей было предложено и показано, но, за неимѣніемъ надлежащаго учрежденія, многіе владѣльцы не рѣшились оставить своихъ драгоцѣнностей на произволъ судьбы и предметы коллекціи, за исключеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ, увезены изъ Полтавы. Мнѣ лично извѣстны нѣкоторые такіе источники; но можетъ ли кто-нибудь поручиться за ихъ сохранность у частныхъ лицъ: чѣмъ мы гарантированы, что онѣ когда-нибудь попадутъ въ общую коллекцію-музей?

Мнѣ кажется, что самымъ естественнымъ выходомъ изъ этого положенія могло бы быть принятіе музеемъ Полтавскаго губернскаго земства на себя обязанности предварительнаго собирателя и охранителя матеріала для названныхъ коллекцій имени И. Котляревскаго. Это—предварительно. Необходимость же постройки обособленнаго помѣщенія въ связи со школой мнѣ кажется неопровержимой и безотлагательной, тѣмъ болѣе, что музей Полт. губ. земства и безъ того уже переполненъ и нуждается въ расширеніи.

Въ настоящее время мнѣ поручено исполнить оба главные фасада школы, но могу ли я ограничиться только этой работой? Конечно, нѣтъ. Мнѣ поставлено условіемъ, что къ третьему фасаду «когда-нибудь» будетъ пристроено музейное помѣщеніе, и я даже поневолѣ долженъ сообразоваться съ общей картиной будущаго зданія, а потому сверхъ программы я рѣшилъ составить эскизный проектъ и для музея. Этотъ добавочный проектъ я оставлю въ распоряженіе коммиссіи, ведущей постройку школы, чтобы впослѣдствіи, быть можетъ, не затерялись общія предположенія иниціаторовъ этого дѣла. Но въ данный моментъ замолчали окончательно о постройкѣ музея, и только про себя вспоминаютъ нѣкоторые почитатели поэта, а листъ бумаги съ чертежомъ вѣдь не есть еще гарантія того, что молчаніе это когда-нибудь нарушится. Неужели же мы такъ безсильны, что можемъ только втихомолку мечтать? Неужели мысль, столь послѣдовательная и освященная обычаемъ нашихъ культурныхъ сосѣдей и давшая поразительные результаты у другихъ народовъ, заглохнетъ надолго, до случайнаго пробужденія къ жизни, при помощи случайнаго иниціатора или навсегда?.. Неужели же забыто столь недавнее торжественное обѣщаніе на могилѣ поэта?

Послѣднему я окончательно не вѣрю. Объ обѣщаніи не говорятъ и молчатъ только потому, что нѣтъ наличныхъ 5—6 т. рублей, что въ постройкѣ музея могутъ и даже должны принять участіе болѣе широкіе круги населенія, а въ такомъ случаѣ мы не должны откладывать мысль о немъ въ долгій ящикъ, мы даже не можемъ сказать, что денегъ для него нѣтъ: ихъ необходимо только привлечь.

Необходимо дѣло это поставить шире, иначе. Та же общественная благотворительность или ежегодныя хотя бы небольшія процентныя отчисленія изъ городского и земскаго бюджетовъ не такъ ужъ невозможны и въ состояніи будутъ придать этой мысли болѣе конкретную форму, помогутъ фактически стремиться къ намѣченной цѣли. Если же въ архивѣ городской управы сохранится одна лишь бумажка съ изображеніемъ музея, то еще очень гадательно, что будетъ съ ней лѣтъ черезъ 5.

«Новыя птицы—новыя пѣсни», и мы ничуть не гарантированы, что пѣснь о музеѣ запоется на другой мотивъ, можетъ въ другомъ случаѣ затеретъся, затеряться и исчезнуть безслѣдно.

Это самый худшій конецъ, но кто можетъ сказать, что онъ не случится? По моему, вложенная теперь же хотя бы небольшая сумма для

фонда на постройку музея будетъ опредѣленной и вѣрнѣе напоминать будущимъ «отцамъ» города о завѣщаніи предшественниковъ, будетъ, быть можетъ, даже притягивать къ себѣ по крохоткѣ пожертвованія или изъ другихъ источниковъ и, во всякомъ случаѣ, послужитъ непоколебимымъ живымъ напоминаніемъ и основаніемъ къ осуществленію затѣяннаго дѣла.

Коммиссія, устроившая «Сорочинській ярмарокъ», какъ мнѣ извѣстно, подаетъ заявленіе въ городскую управу съ пожеланіемъ, чтобъ деньги, собранныя съ гулянья, пошли цѣликомъ на художественную отдѣлку школы имени Котляревскаго, чтобъ орнаментика и формы фасада носили южно-русскій характеръ. Вполнѣ присоединяясь къ этой мысли, я приложу всѣ усилія, чтобъ осуществить это желаніе, но, въ виду того, что сумма, поступающая съ гулянья (болѣе 1.000 руб.) значительна, я теперь же предложилъ бы отложить изъ нея процентовъ 8—10 для фонда на постройку будущаго музея, такъ какъ расходы на украшеніе фасадовъ не должны превысить названной цифры.

Даръ будущему музею имени Котляревскаго. Художникъ В. П. Карповъ прислалъ изъ Харькова въ городскую управу, въ даръ для музея имени Котляревскаго, двѣ картины (акварели) въ золотыхъ рамахъ. Первая картина «Реве ревучій» (Шевченко) изображаетъ Ненасытецкій порогъ на р. Днѣпрѣ. Вторая картина представляетъ «аллегорію» изъ жизни современной Малороссіи. Самъ художникъ даетъ слѣдующее, очень интересное, объясненіе картинѣ «аллегорія».

«Желѣзныя дороги проложили новый путь жизни.

Фабрики и заводы создали фабричныхъ рабочихъ.

Явились новые люди и запѣли новыя пѣсни.

Кобзарь, пѣвшій народу о томъ, какъ его дѣды и батьки защищали кровью своею вѣру и родину, замолкъ. Бандуру замѣнила гармонія.

И вотъ, поднявшись въ высь на насыпи и мосты, желѣзнодорожный поѣздъ стремительно уходитъ въ даль. Кобзарь на проселочной дорогѣ, поросшей травой, идетъ, оставленный «поводатаремъ», не зная куда, пробираясь ощупью, онъ прійдетъ на отдыхъ.

А солнце—на закатѣ, и ночь уже начала своимъ покрываломъ окутывать землю»...

Обѣ картины городская управа рѣшила временно помѣстить въ одномъ изъ фойе просвѣтительнаго зданія имени Н. В. Гоголя. («Полт. Вѣст.» № 462).

Архіерейскія поученія на малорусскомъ языкѣ. Въ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» помѣщенъ отчетъ преосвященнаго Амвросія, викарнаго епископа Кременецкаго, о ревизіи приходовъ овручскаго уѣзда. За время съ 14 по 28 іюня настоящаго года были посѣщены 48 церквей въ мѣстечкахъ и селахъ, при чемъ на лошадяхъ было сдѣлано 450 верстъ преимущественно по песчаной грунтовой дорогѣ.

«Послѣ обычной встрѣчи, пишетъ преосвященный, я обращался съ краткимъ поученіемъ къ собравшемуся народу. Тема поученія заимствовалась преимущественно отъ имени (посвященія) храма, при чемъ, если позволяло время, поученіе предлагалось предъ молебномъ, или въ концѣ молебна, на церковномъ погостѣ, куда мы вмѣстѣ съ участвовавшими во встрѣчѣ священниками и народомъ выходили съ крестныхъ ходомъ, для избѣжанія жары и тѣсноты...

Въ мѣстахъ ночлеговъ соборомъ священниковъ, обычно во главѣ съ благочиннымъ, всегда совершались всенощныя бдѣнія, а на другой день—ранняя литургія также соборне. На литію, поліелей, а иногда и на молебенъ послѣ литургіи выходилъ также и я; при чемъ всенощное бдѣніе отъ литіи и до окончанія великаго славословія, а также молебны послѣ литургіи совершались обычно на погостѣ, гдѣ всегда въ такихъ случаяхъ предлагалось и поученіе.

Поученія предлагались мной всегда на малороссійскомъ языкѣ, родномъ мѣстному населенію, что весьма нравилось народу и, повидимому, производило на него благотворное и большое впечатлѣніе.

Народу собиралось вездѣ очень много, даже въ будничные дни, исключая 2—3 случаевъ... Это объясняется преимущественно той причиной, что мнѣ пришлось посѣщать на этотъ разъ большею частью такія мѣста, гдѣ архіереи бывали уже давно и рѣдко, напр. 10, 25, 50 лѣтъ тому назадъ или даже и вовсе не бывали никогда»... («Волын. Епарх. Вѣд.» за 1904 г., № 22).

Преосвященный Амвросій, викарій епископа Волынскаго и Житомірскаго Антонія,—уроженецъ люблинской губ. (въ мірѣ Гудко), кандидатъ богословія С.-Петербургской духовной академіи выпуска 1893 года.

Упорядоченіе архива министерства земледѣлія. Архивъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ уже окончательно упорядоченъ и систематизированъ; составленъ алфавитъ всѣхъ находящихся въ архивѣ 200.000 дѣлъ. Въ изданномъ очеркѣ министерство указываетъ, что самыми старыми дѣлами въ архивѣ являются дѣла и документы польскаго періода, т. н. эдукаціоннаго фундуша или поіезуитскіе, попавшіе въ казну вмѣстѣ съ поіезуитскими имѣніями и монастырями и представляющіе интересъ по времени (XVI—XVIII столѣтій), по языку и содержанію. Многіе документы на имѣнія въ Бѣлоруссіи и литовскихъ губерніяхъ писаны еще на русскомъ языкѣ, который былъ государственнымъ языкомъ въ Литвѣ до соединенія ея съ Польшей и удержался въ документахъ еще долгое время послѣ соединенія. По содержанію эти дѣла представляютъ интересъ какъ общеисторическій, напр., погодныя записки іезуитовъ и другія бумаги, заключающія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ политическихъ событіяхъ Литвы и юго-западной Россіи—объ осадѣ Смоленска Сигизмундомъ III въ началѣ XVII ст., о возстаніи козаковъ подъ начальствомъ гетмана Хмельницкаго въ 1648 г., о завѣщаніи принявшимъ католицизмъ гетманомъ Павломъ Тетерею своихъ капиталовъ іезуитской академіи въ Вильнѣ и т. п., такъ и спеціальный интересъ для исторіи поіезуитскихъ имѣній, крестьянъ и сельскаго хозяйства въ XVI—XVIII столѣтіяхъ. («Кіев. Газета», № 179).

Къ XIII археологическому съѣзду. Въ настоящее время профессоромъ Д. И. Эварницкимъ организованы и ведутся энергично подготовительныя работы къ предстоящему у насъ въ августѣ будущаго года археологическому съѣзду. Къ съѣзду собирается обширный матеріалъ по этнографіи. Для этой цѣли вызванъ профессоромъ изъ Харькова этнографъ В. А. Бабенко; послѣдній по программѣ, составленной профессоромъ и по его указанію, объѣздилъ для собиранія этнографическаго матеріала слѣдующіе уѣзды екатеринославской губерніи: екатеринославскій, верхнеднѣпровскій, славяносербскій и бахмутскій.

Въ настоящее время В. А. Бабенко отправляется въ новомосковскій уѣздъ, гдѣ сохранилось болѣе всего остатковъ мѣстной старины, какъ въ языкѣ, такъ въ костюмахъ и въ мѣстной обстановкѣ. Кромѣ того, будутъ обслѣдованы павлоградскій и александровскій

уѣзды. Г. Бабенко собралъ огромный этнографическій матеріалъ, который можно привести въ слѣдующую систему: орудія и самые предметы ткацкаго производства, шевскаго и кравецкаго (сапожнаго и портняжнаго), снаряды для ловли рыбъ, ульи дупляничнаго производства, предметы домашней обстановки и быта, музыкальные инструменты, начиная съ свистуна и кончая басомъ кустарнаго издѣлія. Въ отдѣльности: расписныя скрыни, мереженныя ярма, расписная глиняная посуда. Между прочимъ, прелюбопытна ручная первобытныхъ временъ мельница и много друг.

Всѣ эти предметы пріобрѣтены на средства, отпущенныя Бабенко губернскимъ земствомъ, и всѣ они будутъ распредѣлены въ зданіи новаго областного музея по рисункамъ нѣсколькихъ художниковъ ко времени археологическаго съѣзда.

Г. Бабенко уже представилъ этнографическую выставку въ Харьковѣ на бывшемъ тамъ археологическомъ съѣздѣ; выставка имѣла огромный успѣхъ и посѣщалась въ количествѣ 5 тыс. человѣкъ ежедневно. Что касается собиранія древностей, то и въ этомъ отношеніи уже сдѣлано очень много.

На дняхъ профессоръ Д. И. Эварницкій возвратился изъ с. Степановки, новомосковскаго уѣзда, имѣнія князя Н. П. Урусова. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, работая волокомъ и волами, профессоръ произвелъ раскопку кургана, въ которомъ нашелъ типичное погребеніе камен. вѣка неолитической эпохи. Погребеніе оказалось количественное, т. е. въ одну могилу положено было нѣсколько скелетовъ; всѣ скелеты положены въ скрюченномъ видѣ, локти рукъ прижаты къ колѣнямъ, ноги также согнуты въ колѣняхъ. Скелеты по обычаю положены правымъ бокомъ внизъ, причемъ ступни ихъ окрашены сухой минеральной краской. При скелетахъ найдена была посуда примитивнаго издѣлія (отъ руки, безъ станка). Посуда сдѣлана изъ простой черной земли, къ которой примѣшаны — крупный гравій песокъ и толченыя рѣчныя ракушки.

Возлѣ руки одного скелета найденъ камень бѣлаго цвѣта около четверти аршина длины; на камнѣ этомъ первобытный человѣкъ оттачивалъ кремневыя стрѣлы. Изъ Новомосковска профессоръ привезъ рѣдкую коллекцію древностей, подаренную ему для музея докторомъ П. М. Сочинскимъ. Коллекція состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: двѣ превосходныя сабли турецкаго издѣлія. На лезвіи одной изъ нихъ имѣется серебряная насѣчка и полумѣсяцъ, восточный ятаганъ съ высѣченными по лезвію словами изъ Корана,

запорожскій короткій кинжалъ, прекрасный экземпляръ молотка каменнаго вѣка, нѣсколько наконечниковъ бронзовыхъ стрѣлъ, нѣсколько чугунныхъ ядеръ; кромѣ того, запорожскій деревянный «корячекъ» или «махайликъ» для горѣлки, три древнихъ печати, нѣсколько древнихъ монетъ, большая терракотовая женская фигура, затѣйливо отлитая, запорожскій, краснаго персидскаго сырца, поясъ и мн. др. предметовъ. Далѣе профессоръ привезъ предметы старины изъ новомосковскаго, александровскаго и екатеринославскаго уѣздовъ, между прочимъ: два замѣчательныхъ подрѣзника тонкой ручной работы, запечатанный штофъ «горилки» съ лежавшей подъ нимъ монетой 1788 г., рѣдкій парчевый поясъ 18 вѣка, металлическій ковшъ запорожскихъ временъ и др. вещи.

Профессоръ Д. И. Эварницкій отправилъ ученика московской консерваторіи В. А. Шевченка въ полтавскую губернію къ слѣпцамъ-кобзарямъ для собиранія «думъ» (словами и нотами). Думы будутъ разучены имъ на кобзѣ, на которой г. Шевченко играетъ артистически. Въ настоящее время г. Шевченко сообщилъ профессору, что имъ уже записаны въ м. Сорочинцахъ 10 рѣдкостныхъ думъ.

По возвращеніи изъ поѣздки г. Шевченко дастъ одинъ концертъ для публики. Независимо отъ этого, къ съѣзду подготовляетъ архивныя работы студентъ кіевскаго университета г. Терновскій; послѣдній нашелъ въ архивѣ губернскаго правленія большой матеріалъ для изученія запорожскаго козачества. Матеріалъ этотъ г. Терновскій печатаетъ въ «Вѣстн. Екат. Земства», и къ концу года образуется, такимъ образомъ, интересный матеріалъ.

Наконецъ, для будущаго съѣзда работаетъ московскій архитекторъ Н. Г. Филянскій, командированный, по соглашенію графини П. С. Уваровой съ профессоромъ Д. И. Эварницкимъ, въ полтавскую губернію для изученія древняго церковнаго архитектурнаго стиля. Весь матеріалъ, собранный Филянскимъ, будетъ демонстрированъ на выставкѣ съѣзда.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. Дорошенко. Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью. *С.-Петербургъ, 1904, стр. I—IV, 5—60, in 16°.*

«Настоящій указатель имѣетъ цѣлью придти на помощь желающимъ ознакомиться съ южно-русскимъ (малорусскимъ) народомъ въ его прошломъ и настоящемъ. До сихъ поръ не было указателя литературы, который всесторонне охватывалъ бы жизнь малорусскаго народа, его исторію, бытъ, литературу и пр.... Нашъ указатель имѣетъ въ виду дать возможно полную библіографію вопроса, хотя, разумѣется, въ дѣйствительности онъ далекъ отъ желаемой полноты и систематичности, и является лишь слабымъ опытомъ въ этомъ родѣ, такъ какъ составлялся онъ въ провинціи при условіяхъ, мало благопріятныхъ для такой работы. Книги, указываемыя въ немъ, далеко не исчерпываютъ литературы каждаго вопроса; но мы надѣемся, что нашъ указатель привлечетъ вниманіе спеціалистовъ, и они укажутъ всѣ его промахи, сдѣлаютъ необходимыя добавленія, и тогда будетъ возможно издать его въ лучшемъ видѣ—соотвѣтствующемъ его назначенію».

Вышеприведенный отрывокъ изъ предисловія къ указателю вполнѣ правдивъ: указатель далекъ отъ желаемой полноты и систематичности, и книги, указываемыя въ немъ, далеко не исчерпываютъ литературы каждаго вопроса, при томъ замѣчаются не рѣдко такіе крупные пропуски, которые ничѣмъ нельзя было бы извинить, если бы мы не знали достовѣрно, что многіе произошли по совершенно независящимъ отъ составителя причинамъ. Это послѣднее обстоятельство, понятно, значительно смягчаетъ вину автора,—по крайней мѣрѣ, по отношенію

къ изданіямъ за предѣлами Россіи. но не должно было оказать ни малѣйшаго вліянія на выборъ остальной литературы, также страдающей солидными пробѣлами. на которыхъ, по сколько позволяютъ наши силы, мы и остановимся. Оговариваемся, впрочемъ, напередъ, что мы не беремъ на себя непосильнаго для насъ въ данный моментъ труда дать всестороннюю оцѣнку труда г. Дорошенка: въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы продѣлать наново всю ту работу, какую предпринялъ г. Дорошенко; мы ограничимся лишь краткими замѣчаніями средняго читателя, будучи увѣрены, что за нашими замѣчаніями послѣдуютъ и другія, summa summarum которыхъ дастъ возможность г. Дорошенку исправить и дополнить его симпатичное начинанье, въ которомъ давно уже чувствовалась насущая потребность. Но раньше два слова о содержаніи указателя. Послѣдній разбитъ на XV отдѣловъ (точнѣе 24), болѣе или менѣе всесторонне охватывающихъ жизнь въ прошломъ и настоящемъ украинскаго племени, хотя замѣчаются и здѣсь нѣкоторые мелкіе дефекты: почему, напр., отсутствуетъ отдѣлъ историческихъ источниковъ (лѣтописи, мемуары и т. п.)? Если, быть можетъ, неудобно вводить для этого спеціальный отдѣлъ, то можно было бы помѣстить источники въ подотдѣлъ II-го отдѣла „Исторія Южной Руси до половины XVIII ст.“. (вначалѣ). Лишнимъ затѣмъ намъ кажется разбивать этнографическую литературу на 3 части, какъ это дѣлаетъ составитель, а именно: «Отдѣлъ XIII» —Малорусская этнографія (обычаи, одежда, пища, народная медицина)“, затѣмъ снова въ отд. XVI „Народное творчество: а) поэзія и е) изслѣдованія по украинской этнографіи (стр. 26—27, 31—33, 36—37). Кажется, было бы практичнѣе собрать это все во-едино подъ общимъ заглавіемъ: „Украинскій фольклоръ“. Слишкомъ мелки дѣленія въ отдѣлѣ XV „Украинскій языкъ“: отдѣльно украинская діалектологія, отдѣльно морфологія, удареніе, синтаксисъ... Наконецъ, претенціозное заглавіе носитъ послѣдній отдѣлъ: „Украинскіе философы“ (Гр. Сковорода, Д. Веланскій, и П. Юркевичъ)...

Перейдемъ къ отдѣльнымъ главамъ указателя. Первый отдѣлъ—„Научный взглядъ на украинцевъ, какъ на отдѣльную народность“, съ подраздѣленіемъ на два подотдѣла: книги, выражающія положительные и отрицательные взгляды, даетъ достаточно матеріала; но здѣсь именно бросается въ глаза разительное отсутствіе двухъ капитальныхъ сочиненій, а именно: М. Грушевскаго „Історіи Украины-Руси“ (4 тома) и „Исторіи русской литературы“

Е. Огоновскаго (3 тома), что можно объяснить лишь независящими отъ составителя обстоятельствами. Изъ менѣе крупныхъ работъ можно указать на статью А. Ефименко: «По поводу украинофильства» (войдетъ во 2-й томъ сочиненій А. Я. Ефименко, печатающихся въ настоящее время въ Петербургѣ).

Глава II „Исторія Южной Руси до половины XVIII в.", съ подотдѣлами: періодъ археологическій, княжескій, литовскій, польско-козацкій, московскій (Руина и Гетманщина и Правобережная Украина въ XVIII ст.). Здѣсь не достаетъ, какъ мы уже отмѣчали, подотдѣла: „источники украинской исторіи",—съ указаніемъ на главнѣйшія лѣтописи, мемуары, дневники и т. п., какъ лѣтопись Самовидца, Грабянки, Величка, Ригельмана, Густынская, Діаріушъ Ханенка, дневникъ Освѣцима, Сулимовскій архивъ, записки Евлашевскаго, Карла Хоецкаго, Божка-Балыки и др., напр. «Собраніе лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи" (К. 1888). Подотдѣлъ—„періодъ археологическій" далеко не полонъ: не разсмотрѣны хотя бы труды археологическихъ съѣздовъ и отдѣльныя изданія Императорской Археологической Коммиссіи, Московскаго Археологическаго Общества, журналъ „Археологическая Лѣтопись" (голое указаніе на нее), нѣтъ указанія на такія изданія какъ „Історія Украіни-Руси", т. I. М. Грушевскаго, „Древности Приднѣпровья" Б. Ханенко, „Клады и древности Херсонск. губ." Гошкевича, отдѣльныя статьи Н. Бѣляшевскаго въ „Кіевской Старинѣ" и т. п. Въ подотдѣлѣ „княжескій періодъ" не видно „Собранія сочиненій" Максимовича, Батюшкова („Холмская Русь и Волынь"), Дашкевича („Болоховская земля"), Зубрицкаго, Шараневича, Петрушевича, опять таки 2 и 3 т. т., „Історіи Украины-Руси" М. Грушевскаго (тоже и для литовскаго періода). Для польско-козацкого періода недостаетъ хотя бы „Исторіи Малороссіи" Маркевича, многочисленныхъ изданій О. Бодянскаго въ „Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн." (Исторія Руссовъ, Миллера, источники исторіи Бантыша-Каменскаго и др.), сочиненій М. Максимовича, Kubala (Szkice historyczne), Pulaski (Szkice i poszukiwania historyczne,—указаны для литовскаго періода), Antoni I. (Ролле: Trzy opowiadania hictoryczne и др.), цѣнной книжки „Бесїди про часи козацькі" (Чернівці, 1897), Ѳ. Николайчика—Матеріалы для исторіи колонизаціи Лубенщины (въ Чтен. Ист. Общ. Нестора Лѣтописца), Новицкаго („Князья Ружинскіе"—К. Стар. 1882), Эварницкаго („Исторія Запорожскихъ козаковъ", т. I,—отнесена къ спеціальному отдѣлу „Запорожье"). Для „Московскаго пе-

ріода“ недостаетъ г. Багалѣя („Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московск. Государства (М. 1887) и „Матеріалы для исторіи Колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ“), Н. Василенко („Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинск. полка (1729—1730)“ и Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій 1786 г.), Козловскаго („Судьба малороссійскаго крестьянства XVII—XVIII в.“, К. 1871,). Для подотдѣла „Правобережная Украина въ XVIII ст.“ можно бы еще указать: „Матеріалы для Коліивщины“ Костомарова (К. Ст. 1882, 8), „Разсказъ современника о приключеніяхъ его во время Коліивщины“, съ предислов. Ѳ. Рыльскаго (ibid, 1887, I). „Уманская рѣзня“ переводъ съ польскаго Ревы, К. 1879, Скальковскаго „Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамацкихъ наѣздовъ“ (Кіев. Ст., 1885, X), И. Козловскаго „Событія на Волыни 1789 г.“, К. 1871.

Въ отдѣлѣ III „Запорожье. Его исторія и устройство“ должны имѣть мѣсто: Эварницкаго „Вольности запорожскихъ козаковъ“ (Спб. 1890), „Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ“, „Число и порядки запорожскихъ сѣчей“, Шиманова „Предсмертная поземельная борьба Запорожья“ (К. Ст. 1883, XII).

Въ отдѣлѣ IV „Исторія Южной Руси отъ половины XVIII в. до 60-хъ годовъ XIX“ не встрѣчаемъ О. Левицкаго „Очерки стариннаго быта Волыни и Украины (К. Ст. 1889 и 1891 г.г.), В. Антоновича „О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ Ю.-Зап. Руси (1867), „О городахъ въ Ю.-Западной Руси“ (1869), и „О крестьянахъ“ (1870).

Въ отдѣлѣ VI „Галицкая Русь подъ владѣніемъ Австріи“—для Буковины не встрѣчаемъ многочисленныхъ работъ Keind'а, также точно, какъ въ отд. VII („Угорская Русь и ея судьба“) не находимъ Де-Воллана „Угро-русскія народныя пѣсни“ (Спб. 1885), Врабеля (въ Унгварѣ), Францева, Ир. Пол—на „Угорская Русь“ (въ Изв. Спб. Слав. благотвор. Общ. 1888, № 10).

Къ отд. IX («Чужія народности въ Малороссіи») слѣдуетъ добавить статью А. Ефименко «Бѣдствія евреевъ въ южной Руси въ XVII ст. (К. Ст.).

Въ отд. XI (Кубань) не использованы «Труды Кубанск. Областнаго Статист. Комитета» и совершенно выпущены «Донскіе козаки» и «Терскіе», и соотвѣтствующія работы: Н. Краснова «Земля войска Донского» (Спб. 1863), его же «Историч. описаніе земли войска Донскаго» (Новочер. 1867—7), А. Савельева „Трехсотлѣтіе войска Дон-

скаго Спб. 1870), Попко «Терскіе козаки со стародавняго времени. В. I. Гребенское войско (1880).

Отд. XII «Малороссы въ антропологическомъ отношеніи» довольно скуденъ,—отмѣчено всего 6 работъ; не указаны: Талько-Гринцевичъ,—характеристика физическаго типа украинцевъ (въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej t.t. XIV, XV и XVI), его же,—«Объ общихъ чертахъ типа украинцовъ» въ «Протоколахъ» Рус. Археол. Общ. 1894 г., Коперницкаго «Fiziczna charakterystyka gòral ukrainskich (въ Wiadomosci, t. XIII), его же,—о метрическихъ помѣткахъ въ «Кіев. Унив. Извѣст. (1 годъ изданія № 1, 1-ая статья), его же „Czaszki z kurganów Pokucia" (Krakow, 1875) „Оссовскаго Sprawozdanie wycieczki po Galicyi" Zbiór Wiadomości, t. XVI), Дибольдъ „Zur Antropologie der Ukraine", Эмме «Медицина и Антропологія», Анучинъ «О географическомъ распредѣленіи роста мужского пола въ Россіи, статьи Краснова въ «Харьковскомъ Сборникѣ 1891 г.» и «Трудахъ Предварит. Комитета XII археолог. съѣзда» (1902), Икова въ „Трудахъ Московс. Археолог. Общества".

Отдѣлъ XIII „Малорусская Этнографія" требуетъ значительныхъ добавленій и концентраціи матеріала (въ указателѣ въ 3-хъ мѣстахъ). Изъ важнѣйшей этнографической литературы не видимъ сборниковъ Лукашевича („Малорусскія и червонорусскія думы и пѣсни, Спб. 1836), Максимовича (1827, 1834 и 1848 г.г.), Метлинскаго (1854), Żegota Pauli (Piesni ludu ruskiego i galicyjskiego, Lw. 1839—1840 2 тома), Waclawa z Oleska (Piesnie polskie i ruskie ludu Galickiego, we Lwowe, 1883), капитальнаго труда Kolberga-Pokucie (Краковъ, 1882—1889, 4 тома), Nowosielsk'ого (Lud Ukraiński, Wilno, 1857, 2 тома), Закревскаго «Старосвѣтскій бандуристъ (М. 1860), Руликовскаго «Opis powiatu Wasilkowskiego», Стецкаго «Wolyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym. Lwow (2 тома), Мошинской—«Обычаи, обряды и свадебныя пѣсни украинскаго народа изъ окрестностей Бѣлой Церкви» (изданіе Краковской Akademije Umiejętności. t.t. II, V, и IX), Руликовскаго «Этнографическія записки изъ Украины» (т. III.), Подбережнаго «Матеріалы для украинской демонологіи» (т. VI), и «Пѣсни русскаго народа въ Залеванщинѣ, винницкаго у. (т. VI) и «Пѣсни русскаго народа въ Залеванщинѣ» (т. VIII), и др. матеріалы въ т.т. VII: С. Шаблевской, В. Малиновской, С. Рокосовской, VIII: В. Неймана, X.—О. Рошкевича, Ив. Франка, и XI:—Коперницкаго, XII—Томашевской, Стадницкой, Брыкчинскаго, Земба, Ванке,

Яна Колессы и др. Тамъ же работы Д. Вержбицкаго «Народная метереологія» (т. VI). Далѣе отсутствуютъ: Малинка «Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору. Черниговъ, 1902; вся серія львовскаго «Етнографічного збірника» (вышло уже 15 томовъ); три тома «Матеріалов до укр.-руськоі етнольогіі» подъ редакціей Хв. Вовка, Кулиша; «Записки о Южной Руси (2 тома); Драгоманова «Нові украінські пісні про громадські справи (Л. 1880); А. Ефименко «Старинная одежда и принадлежности быта слобожанъ»; А. Малинки «Малорусскіе обряды, повѣрья и заплачки при похоронахъ (Этногр. Обозр. 1898, XXXVIII); Ястребова «Свадебные обрядные хлѣбы въ Малороссіи (К. Стар. 1897, XI); писання М. Дикарева (Львів, 1902, т. I); Е. Криста. «Кобзари и лирники харьковской губ. (въ Трудахъ предварит. Комитета по устройству XII археол. съѣзда, т. II, ч. II); С. Маслова. «Лирники Полт. и Черн. губ. (ibid.), П. Тиховскаго». Кобзари Харьк. губ. (ibid.); А. Малинки; Кобзари и лирники (въ «Земск. Сборникѣ Черн. губ. за 1903 г., № 4); Хоткевича «О кобзаряхъ и лирникахъ (въ «Этнографич. Обозр.» 1903, № 2); А. Сластіона «Кобзарь Мих. Кравченко и его думы (К. Ст. 1902, X), Кузьмичевскаго «Малоросс. пѣсни объ освобожденіи крестьянъ (К. Ст. 1887, 1887, 4—5), Костомаровъ «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи (Истор. Моногр., т. III); его же «Историч. значеніе южнорусскаго народн. творчества (Бесѣда, 1872); его же «Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества (въ «Литерат. наслѣдіи), В. Науменка. Происхожденіе малоросс. думы о Самуилѣ Кошкѣ (К. Ст. 1883, VI; В. Горленка. Кобзари и лирники (К. Ст., 1884, I и XII); его же «Малорусскія народныя игры окрестностей Переяслава (К. Ст. 1887, VI—VII); Ц. Неймана «Куплетныя формы народной южно-русской пѣсни» (К. Ст. 1883, VIII), Ю. Талько-Грынцевича «Народное акушерство въ южной Руси» (газ. Земскій Врачъ, 1889, № 26—28), Х. Ящуржинскаго «Лирическія малорусскія пѣсни, преимущ. свадебныя», въ сравненіи съ великорусскими (Рус. Филол. Вѣстн. 1880); Н. Янчука «Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Сѣдлецкой губ. (М. 1886); А. Потебни «Малорусс. домашніе лѣчебники XVIII ст». (К. Ст. 1890),—и множество еще другихъ статей, которыя безъ труда можно въ настоящее время вымѣтить изъ цѣнной книги Б. Гринченка «Литература украинскаго фольклора» (1777—1900). Черниг. 1901.

Отдѣлъ XV («Украинскій языкъ»). Недостаетъ указаній на такія работы, какъ: Dr. Emil Ogonowski. «Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache, Lemberg, 1880; его же». Граматика руского языка для шкôлъ середнихъ. Л. 1889; Смаль-Стоцкаго и Ф. Гартнера. Руска граматика, Львів, 1883, старыя грамматики Павловскаго, Вагилевича, Лозинскаго, Левицкаго; Житецкаго «Описаніе Пересопницкой рукописи XVII в К. 1876; статей акад. Шахматова въ «Журн. Мин. Народн. Просв.»), О. Маковея. З історії нашої фильольогиї. Три галицькі граматики (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка (LI и LIV).

Для того же отдѣла, подотдѣлъ б, отсутствуютъ: П. Лавровскаго „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями (Журн. Мин. Н. Просв. 1859), М. Халанскій „Образцы народн. говора южной части Курской и сѣверной части Харьк. губ. (Рус. Фил. Вѣст. 1882, т. VII), К. Филатовъ „Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губ. (ibid); М. Дикарева". Воронежскій сборникъ; статьи казанск. проф. Будде (въ Зап. Имп. Казанск. университ.), А. Семенова „Объ особенностяхъ угро-русскаго говора (въ сборн. статей по славяновѣдѣнію. Спб. 1882)" множество матеріала во львовск. «Етнографічном збірнику». Въ подотдѣлѣ д не упоминается синтаксисъ въ граматикѣ Сталь-Стоцкаго и ф. Гартнера. Для подотдѣла е (словари)—недостаетъ: К. Шейковскаго. Опытъ южно-русскаго словаря. В. 1. А. и Б. К. 1882; словарь І. Верхратскаго. Львовъ, 1877).

Отдѣлъ XVI, б) (музыка) не отмѣчены: А. Русовъ. Теорбанисты Грегоръ, Каэтанъ и Францъ Видорты (К. Ст. 1882, III), П. Демуцький. Лира и іи мотивъ К. 1903. Къ подотдѣлу в) (архитектура) не привлечена литература по древней (церковной и свѣтской) архитектурѣ, хотя бы отчеты членовъ Общества Нестора-Лѣтописца, совершавшихъ археологическія экскурсіи съ цѣлью собиранія матеріала для описанія древностей Украины (см. Чтен. въ Ист. Обществѣ Нестора-Лѣтописца, начиная съ 1901 г.). Подотдѣлъ г) (орнаментъ)—нѣтъ упоминанія о новомъ изданіи альбома малорусскихъ узоровъ Ольги Косачевой (К. 1902), описаніе писанокъ (М. Кордубы?) въ «Зап. Н. Тов. ім. Шевченка». Въ подотдѣлѣ д) (народный театръ) пропущены, напр., В. Горленко „Картинки старины, Кіевскій спектакль начала XVIII ст. (К. Ст. 1887, IV), Кузьмичевскій „Старинныя русскія драматическія сцены (ib. 1885, XI), Ц. Нейманъ „Судъ Божій надъ душой грѣшника—южн.-русс. драма XVII в. (К. Ст. 1884, VI), Корифеи украинской

сцены (К. 1901). Въ подотдѣлѣ е) (Мiровоззрѣнiя украинскаго народа) недостаетъ: В. Антоновича „Колдовство въ Ю.-З. Руси, П. И. „Народныя представленiя и вѣрованiя, относящiяся къ внѣшнему мiру («Харьковск. Сборн.» 1888, вып. 2); его же „Народные обычаи, повѣрья, примѣты, пословицы и загадки, относящiеся къ малор. народу (ib. вып. 3, 1889 г.), Васильевъ М „Антропоморфическiя представленiя въ вѣрованiяхъ укр. народа (Этногр. Обозр , 1890, IX).

Отдѣлъ XVII («Юридическiя отношенiя малорусскаго народа»)—не встрѣчаемъ, напр., статей А. Ефименко: «Крестьяне—данники въ Южной Руси», «Дворищное землевладѣнiе въ Южной Руси», «Южнорусскiе копные суды въ Лѣвобережной Украинѣ», а также проф. Иванишева—о копныхъ судахъ въ Правобережной Украинѣ; брошюра: «Про кары, до якыхъ прысуджують мырови судди», К. 1876.

Въ отдѣлѣ XVIII («Экономическое положенiе малорусскаго народа») нѣтъ: М. Ковалевскаго. Общинное землевладѣнiе въ Малороссiи въ XVIII в. («Юридич. Вѣстникъ», 1885, I), И. Лучицкаго. Сябры и сябринное землевладѣнiе въ Малороссiи (Спб. 1889); его же „Слѣды общиннаго землевладѣнiя въ Лѣвобережной Украинѣ XVIII в. («Отеч. Зап.» 1882, № 11), его же „Матерiалы для исторiи землевладѣнiя въ Черниговщинѣ и Сѣверщинѣ («Чтен. въ Ист. Общ. Нестора Лѣтописца», кн. XV, вып. 1), его же „Къ исторiи финансовъ и финансоваго управленiя въ Малороссiи XVII—XVIII в. (ibid.); книжки: «Земледѣльческiя артели херсонской губ.». (Оттискъ изъ № 2 «Трудовъ Имп. Вольно-Экономическаго Общества» за 1896 г.,—статья Н. Левицкаго о земледѣльческихъ артеляхъ), Новицкаго И. Очеркъ исторiи крестьянскаго сословiя Юго-западной Руси въ XV—XVIII ст.» (К. 1877 г.), Шиманова „Главные моменты въ исторiи землевладѣнiя харьковской губ.“ (К. Ст. 1882—3), В. Василенка. «О кустарныхъ промыслахъ сельскихъ сословiй полтавской губ.», его же «Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ» (К. Ст. 1885).

Отдѣлъ XIX («Украинская литература»)—отсутствуютъ труды проф. Малышевскаго, Голубева, др. Франка («Апокрiфи», 3 тома). Колессы. Лаврiвськi пергамiновi листки XII—XIII ст. (Зап. Н. Тов. iм. Шевч., LIII), М. Марковскаго—о Гиляровскомъ, Шляпкина—о Димитрiи Ростовскомъ, Студинскаго—«Пересторога», Франка—Иванъ Вишенскiй, Варлаамъ и Iосафатъ. Для литературы XIX ст. не видимъ трехтомной «Iсторiи рускои литературы» Огоновскаго, литературной библiотеки Онышкевича, статей Драгоманова: Литературное движенiе

въ Галиціи (В. 1872, 9 и 10), «Література россійська, великоруська, українська і галицька (псевд. Украінець), Львів, 1873—74; «По вопросу о малорусской литературѣ», Вѣна, 1876, а также собранія его сочиненій: «Розвідки про українську народню словесность і письменство» (Львовъ). Въ подотдѣлѣ в) («Монографіи и статьи про отдѣльныхъ укр. писателей»)—не встрѣчаемъ: К. Студинського. Літературні замітки (Котляревский-Артемовский, Львів, 1901), В. Науменка. Къ 50-лѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго (К. Ст. 1888, XI), брошюры Б. Гринченка. Оповидання про Ивана Котляревського. Собр. 1902, П. Куліша—Григорій Квітка і ёго повісті. Слово на новий вихід ёго повістей. Спб. 1858»; о Шевченкѣ приведено всего пять сочиненій, но не упомянута, напр., капитальная біографія Шевченка О. Кониського, библіографическій указатель «Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ» Одесса, 1903, въ которомъ отмѣчено 855 №№ литературы о Шевченкѣ; вновь найденныя произведенія Шевченка (статьи О. Кониського въ «Зап. Наук. Товариства»; о Конисскомъ указана статья С. Ефремова (Ефремова—Матушевскаго) въ «К. Стар.», но не упомянута таковая же въ «Літературно-Науковім Вістнику»; объ Иванѣ Франко не указана статья С. Ефремова въ «Кіевск. Старинѣ»—«Пѣвецъ борьбы и контрастовъ» (К. Стар. 1903) и библіографическій указатель его трудовъ, составленный во Львовѣ ко дню его юбилея.

Въ подотдѣлѣ г) («Лучшія изданія главнѣйшихъ произведеній выдающихся украинскихъ писателей»)—нѣтъ, напр., указателя на новое изданіе Кобзаря Шевченка «Поезиі Шевченка» Ю. Романчука (Львовъ, 1902); повѣстей Шевченка на украинскомъ языкѣ (2 тома, Кіевъ, 1901), Кулиша—переводы Святого письма и 10 драмъ и комедій Шекспира, Федьковича—Повісті, з переднім словом про галицько-руське письменство Мих. Драгоманова, К. 1876, и новое четырехтомное изданіе во Львовѣ; сочиненія Руданскаго (львовское изданіе), Крымскаго («Изъ повистокъ и ескизовъ» М. 1902), Франка (изданіе «Видавничоі Спілки» новое—Хойнацкаго), львовскихъ изданій („Видавничоі Спілки") Стефаника, Коцюбинскаго, Кобринской, Винниченка и Деде и др.; пропущенъ кіевскій трехтомный сборникъ „Викъ" и т. п.

Отдѣлъ XX—почему-то отсутствуетъ въ указателѣ и за XIX слѣдуетъ непосредственно XXI (такъ и въ оглавленіи, гдѣ нѣтъ никакой оговорки.

Отдѣлъ XXI—„Украинское искусство", подотдѣлъ а) (Музыка)—всего 4 статьи, въ томъ числѣ статья С. Ефремова неправильно ци-

тирована: должно быть—„Торжество украинской *пѣсни*“, а не *музыки*, какъ у составителя! Въ подотдѣлѣ в) („Живопись“)—почти не приведена литература о церковной живописи, какъ напр.—статья проф. Рѣдина („Религіозные памятники искусства“ Харьковъ, 1901) и другихъ его статей; М. Грушевськои, Причинки до історії руськои штукі в давній Польщі (етнографічный). (Зап. Н. Тов. LI); работъ Истомина, проф. Айналова и др. на X, XI и XII археологич. съѣздахъ; также отчетовъ археологич. экскурсій въ „Чтен. Истор. Общ. Нестора Лѣтописца“.

Въ отдѣлѣ XXII—„Біографіи выдающихся дѣятелей Южной Руси“ не имѣется—проф. Голубева о Петрѣ Могилѣ; изданія: Галлерея русскихъ писателей.

Въ отдѣлѣ XXIV „Религіозная жизнь малороссовъ и церковь въ Южной Руси“—нѣтъ упоминанія о переводѣ Святого Письма и всей Библіи, о проповѣдяхъ священ. Гречулевича (Спб. 1849), Опатовича („Оповидання изъ святого письма“), о статьяхъ: В. Антоновича. Объ уніи и состояніи православной церкви съ полов. XVII до конца XVIII ст. (К. 1871), О. Левицкаго. Основныя черты внутренняго строя зап.-русской церкви XVI и XVII в. (К. Ст. 1884, VIII); его же „Внутреннее состояніе зап.-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI ст. и унія“ (Архивъ Ю.-З. Р., т. VI, ч. I).

Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ „Украинскіе философы“, не упомянута статья А. Ефименко „Философъ изъ народа“, ея же „Личность Сковороды, какъ мыслителя“.

На этомъ мы прекращаемъ свои замѣчанія, которыхъ можно было бы сдѣлать еще въ нѣсколько разъ больше, при чемъ мы не касались вопроса о томъ, насколько цѣнна приведенная составителемъ литература; безъ сомнѣнія, немалую ея долю не слѣдовало бы вовсе вводить, какъ второстепенную, замѣнивъ ее и пополнивъ болѣе важными работами. Но послѣднее легче всего будетъ произвести уже тогда, когда, надѣемся, выяснится болѣе обстоятельно необходимая въ указателѣ литература: тогда не трудно будетъ отдѣлить плевелы отъ пшеницы. Пока же будемъ благодарны составителю и за этотъ, несовершенный еще, опытъ ознакомленія публики съ источниками для исторіи и жизни нашего народа; во всякомъ случаѣ, даже и въ настоящемъ своемъ видѣ, онъ сослужитъ свою службу, а слѣдовательно и назначеніе его будетъ достигнуто.

В. Доманицкій.

Изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской Церкви. Арсенія (Стадницкаго), Епископа Псковскаго. *С.-Петербургъ 1904.*

Авторъ задумалъ составить и издать изслѣдованія и монографіи по исторіи всей румынской церкви, въ составъ которой входили церкви Молдавская и Валашская. Въ настоящей книгѣ заключаются изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви, тогда какъ изслѣдованія и монографіи по исторіи Валашской церкви имѣютъ занять второй томъ.

Почему авторъ началъ свои изслѣдованія и монографіи съ Молдавской церкви, а не Валашской, какъ болѣе древней, неизвѣстно; вѣроятно потому, что Молдавія, находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ русскими землями, имѣла тѣсное общеніе съ ними и потому представляетъ для русскаго изслѣдователя наибольшій интересъ.

Еще на зарѣ русской исторіи въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нынѣшней Молдавіей жили славяно-русскія племена Тиверцы и Угличи въ низовьяхъ Днѣстра и Дуная, и Дулѣбы и Хорваты въ верховьяхъ Днѣстра. Тѣ и другіе отчасти населяли и нынѣшнюю Молдавію или же подчиняли ея населеніе своему культурному вліянію. Извѣстны древне-русскіе города, стоявшіе по теченію Днѣстра и въ низовьяхъ Дуная. Въ удѣльный періодъ русской дотатарской исторіи по-Дунайская область входила въ сферу дѣятельности галицко-русскихъ князей. Въ XII и XIII вв. на территоріи Молдавіи появляются сначала Берладники, а затѣмъ Бродники, эти русскіе изгои, составлявшіе какъ-бы козацкую окраину для коренныхъ русскихъ земель. Послѣ разоренія южной Руси, когда южнорусскіе земли постепенно стали переходить подъ власть литовско-русскихъ князей, подольскіе русско-литовскіе князья Коріатовичи оказались въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Молдавіей, и одинъ изъ Коріатовичей Юрій или Югъ былъ даже нѣкоторое время Молдавскимъ господаремъ. Даже церковную іерархію, въ лицѣ епископовъ Іосифа и Мелетія, Молдавія получила изъ русскаго Галича, отъ тамошняго митрополита Антонія. Въ XVI вѣкѣ, по образованіи южно-русскаго козачества, начинается рядъ военно-политическихъ взаимоотношеній между румынскими княжествами и малорусскими козаками, изъ коихъ послѣдніе не разъ предпринимали походы въ эти княжества и даже захватывали господарскую власть въ свои руки. А съ 1686 года начинаются войны Россіи съ крымскими татарами и турками, ареною которыхъ нерѣдко бывали румынскія

княжества,—войны постепенно подготовлявшія освобожденіе этихъ княжествъ отъ власти татаръ и турокъ и возрожденіе ихъ къ самобытной жизни.

Были и мирныя, чисто культурныя услуги, какія взаимно оказывали другъ другу румынскія княжества и Россія. Изъ просвѣщенныхъ румынъ извѣстны своею дѣятельностію на пользу Россіи литовско-русскій митрополитъ Григорій Цамвлакъ, кіевскій митрополитъ Петръ Могила, Памва Берында, молдавскій митрополитъ Досиѳей, посылавшій свои переводы въ Россію для напечатанія, и сотрудникъ его, извѣстный въ русской литературѣ переводчикъ Николай Спаѳарь Милеску, митрополитъ Гавріилъ Банулеско-Бодони и др. Россія, съ своей стороны, доставляла православнымъ румынамъ милостыню, богослужебныя книги и учителей.

Всѣхъ этихъ румыно-русскихъ отношеній авторъ касается въ своей книгѣ; но, можно сказать, только скользитъ по ихъ поверхности, не останавливаясь на нихъ серьезно и съ обстоятельностію. Его интересуютъ больше румынскіе источники и занимаютъ преимущественно внутреннія, домашнія отношенія румынскихъ княжествъ. Тѣмъ не менѣе, и бѣглыя замѣтки о фактахъ русско-румынскихъ отношеній имѣютъ у автора особую цѣнность, такъ какъ основаны на такихъ румынскихъ источникахъ и пособіяхъ, которые мало доступны и мало извѣстны русскимъ ученымъ. Авторъ прекрасно владѣетъ румынскимъ языкомъ и использованы всѣ доступные ему румынскіе источники и пособія. При помощи этихъ только источниковъ и пособій удалось, наконецъ, выяснить дальнѣйшую судьбу митрополита Григорія Цамвлака, по удаленіи его изъ Россіи. Въ румынскихъ же источникахъ нужно искать окончательнаго разъясненія свѣдѣній о господарствѣ князя Юрія или Юга Коріатовича въ Молдавіи, и проч.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько дополненій и поправокъ къ почтенному труду преосвященнаго Арсенія, касающихся русско-румынскихъ отношеній.

1. На страницѣ 53 сочиненія упоминается о школѣ, основанной въ Яссахъ при монастырѣ трехъ святителей господаремъ Василіемъ Лупу, при содѣйствіи кіевскаго митрополита Петра Могилы. Мы, съ своей стороны, добавимъ, что въ 1640 году игуменъ и ректоръ Кіево-Братскій Софроній Почаскій посланъ былъ въ Яссы, въ качествѣ

игумена Ясскаго и ректора тамошней школы [1]). Кромѣ того, мы подозрѣваемъ еще южно-русскаго ученаго въ лицѣ проповѣдника Варѳоломея Лѣтопольскаго, который въ 1639 году говорилъ въ Бухарестѣ надгробную рѣчь надъ Александрійскимъ патріархомъ Митрофаномъ, но считалъ себя „странникомъ“, т. е. чужеземцемъ въ Валахіи [2]).

2. Къ страницамъ 53—55, на которыхъ говорится о молдавскомъ митрополитѣ Досиѳеѣ и сотрудникѣ его Николаѣ Спаѳарѣ Милеску, нужно добавить, что нѣкоторые ихъ переводы и сочиненія хранятся между рукописями Кіево - софійскаго Собора [3]). Замѣчательно, что въ припискѣ къ одной изъ этихъ рукописей о преосвященномъ Досиѳеѣ сказано, что онъ скончался въ Жолквѣ и положенъ при мощахъ мученика Іоанна Сочавскаго [4]), тогда какъ преосвященный Арсеній утверждаетъ, что митрополитъ Досиѳей назначенъ былъ Петромъ 1-мъ въ митрополиты Азовскіе и умеръ въ Москвѣ въ 1711 году (стр. 53).

3. На страницѣ 516 не разъясненъ вопросъ о томъ, почему молдавскій митрополитъ Антоній (1730—1740 г.г.) и господарь Григорій Гика, рѣшивъ предоставить въ распоряженіе русскихъ раскольниковъ старообрядцевъ, переселившихся въ Молдавію, особую церковь для совершенія богослуженія и требъ, не привели этого распоряженія въ исполненіе. Въ разъясненіе этого вопроса нужно замѣтить, что молдавскій митрополитъ спрашивалъ кіевскаго митрополита Рафаила Заборовскаго о томъ, кто такіе эти раскольники—*пилипоны*, и получилъ отъ него надлежащее разъясненіе [5]). Вѣроятно, въ виду этого разъясненія и не дано было раскольникамъ особой церкви.

4. Со второй половины XVIII вѣка становятся извѣстными случаи посылки молодыхъ румынъ въ Кіевскую Академію для довершенія образованія. Въ 1752 году, 16 мая, поступили въ Кіевскую Академію румыны, іеромонахъ Софроній и монахъ Діонисій, изъ Мултянской земли, изъ монастыря Козійскаго. Но они не долго пробыли въ Кіев-

[1]) „Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в“. Н. Петрова, Кіевъ, 1895 г., стр. 11 и 12.

[2]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, выпускъ III, Москва, 1904 г., стр. 258—9.

[3]) Тамъ же, №№ 127, 136, 161, и 232.

[4]) Тамъ же № 232.

[5]) Въ указанныхъ книгахъ Кіевской Дух. Консисторіи.

ской Академіи, вѣроятно вслѣдствіе малой подготовки. Монахъ Діонисій возвратился на родину въ іюлѣ того же года, а іеромонахъ Софроній—въ маѣ 1754 года [1]).

5. Авторъ нигдѣ не упоминаетъ о такъ называемыхъ молдавскихъ ставленикахъ въ южной Россіи въ XVIII вѣкѣ. Въ виду совращенія въ унію въ началѣ XVIII вѣка русскихъ архіереевъ въ юго-западной Россіи, находившихся въ предѣлахъ Польши, и затруднительности получать священниковъ изъ Кіева, южно-русское населеніе въ польско-литовскихъ областяхъ весьма часто довольствовалось ставлениками, получавшими священство у сосѣднихъ молдавскихъ православныхъ архіереевъ. При обычномъ низкомъ уровнѣ образованія, эти молдавскіе ставленики все-таки приносили несомнѣнную пользу православному населенію въ польско-литовскихъ областяхъ, удовлетворяя ихъ насущнымъ религіознымъ потребностямъ, и только съ теченіемъ времени, по минованіи въ нихъ надобности, они оказались тяжелымъ бременемъ для южно-русскихъ православныхъ архіереевъ.

Н. П—въ.

Отчетъ Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1903 годъ. *С.-Петербургъ. 1904.*

Основанное въ 1898 г., по иниціативѣ Н. Ф. Федоровскаго, «Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» съ самаго своего возникновенія сосредоточило, какъ извѣстно, свою дѣятельность на популяризаціи полезныхъ свѣдѣній среди украинскаго народа, и, лишь въ видѣ исключенія, оно издаетъ нѣкоторыя классическія произведенія литературно-художественнаго характера. Въ отчетномъ году Обществомъ издано 6 научно-популярныхъ брошюръ [2]) и 1—характера беллетристическаго [3]), въ общемъ количествѣ 114900

---

[1]) „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи, собранные В. Аскоченскимъ, въ рукописи Кіев. Академіи, № 0. л. 13, т. 1, № 44, л. 398—426.

[1]) *Черный паръ* Е. Чикаленка (№ 22), *Мудрый учитель* М. Загирнои (№ 23), *Якъ выгадано машыною йиздыты* (М. Загирнои № 84), *Якъ дбаешъ* М. Ганька (№ 25). *Прыгода на хутори* О. Русова (№ 2 7), *Выноградъ* Е. Чикаленка (2-е изд. № 9-го).

[3]) *Наймычка* Т. Г. Шевченка (№ 26).

экземпляровъ, номинальная стоимость которыхъ равняется 4930 руб. Принадлежащія перу лучшихъ украинскихъ популяризаторовъ, къ тому же опрятныя съ внѣшней стороны, изящныя и дешевыя изданія Общества являются весьма желательными на нашемъ книжномъ рынкѣ. Какъ видно, и выборъ литературнаго матеріала для печатанія, и внѣшность изданій служатъ предметомъ самаго тщательнаго вниманія со стороны Общества.

Что касается средствъ, какими располагало Общество въ минувшемъ году, то, по источнику ихъ происхожденія, они представляются въ слѣдующемъ видѣ: членскіе взносы 1539 р., пожертвованія 1421 р. 76 к., субсидіи отъ Министерства Земледѣлія и Г. И. 200 р., спеціальныя пожертвованія 88 р., выручка отъ продажи книгъ 817 р. 10 к., % по сбер. кассѣ и проц. бумагамъ 110 руб. 91 коп., мелкія поступленія 2 р., всего въ теченіе года въ кассу Общества поступило 4178 р. 77 к.

Сводъ кассовыхъ оборотовъ Общества за истекшій годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: отъ 1902 года оставалось—наличными деньгами 298 р. 55 к.; въ 4% рентѣ на 1100 р. по покупной стоимости на 1075 р. 76 к.; итого 1374 р. 31 к.; въ 1903 поступило: наличными деньгами 4178 р. 77 к.; въ 4% рентѣ на 900 р. по покупной стоимости на 890 р. 06 к., итого 5068 р. 83 к.; въ 1903 г. израсходовано: по операціямъ и администраціи Общества 3695 р. 78 к., на покупку 4% ренты по номинальной стоимости на 900 р. 890 р. 06 к., итого 4585 р. 84 к., къ 1904 году имѣется съ остаткомъ отъ предыдущаго года: наличными деньгами 472 р. 25 к., въ 4% рентѣ на 2000 р. по покупной стоимости на 1965 р. 82 к., итого 2438 р. 7 к.

Такъ какъ издательская дѣятельность Общества тормозится вслѣдствіе скудости научно-популярной литературы на украинскомъ языкѣ, то Правленіе Общества, желая привлечь къ популяризаторской работѣ возможно больше литературныхъ силъ и увеличить производительность въ области украинской популярно-научной литературы, еще въ концѣ 1902 года приступило къ выработкѣ подробной программы, которая была бы сообразована съ ощущаемыми въ популярной литературѣ недочетами и котораго правленіе могло бы руководиться въ своей издательской дѣятельности на будущее время, направляя ее по опредѣленному плану. Выработанный особой коммиссіей проектъ такой программы разосланъ ком-

петентнымъ лицамъ, которыя, обладая широкой теоретической подготовкой или находясь въ близкомъ и непосредственномъ соприкосновеніи съ народною жизнію, могли бы помочь Обществу привести программу въ возможно полное соотвѣтствіе, какъ съ общими требованіями, которымъ должна удовлетворять популярно-научная литература, такъ и съ особенностями и наиболѣе ощутительными потребностями украинской народной массы. Вмѣстѣ съ тѣмъ правленіе обратилось болѣе чѣмъ къ 100 лицамъ, на содѣйствіе которыхъ оно могло разсчитывать, съ предложеніемъ взять на себя трудъ обработки той или другой темы. Въ отвѣтъ на свое предложеніе, правленіе получило около 40 писемъ, въ которыхъ высказывались соображенія о желательныхъ измѣненіяхъ въ проектѣ программы. Въ значительной части писемъ были предложены нѣкоторыя весьма цѣнныя указанія. Кромѣ того, многіе корреспонденты предложили Обществу свое сотрудничество и даже намѣтили избранныя ими темы; обѣщано до 30 рукописей. Исправленная коммиссіей, примѣнительно къ полученнымъ ею указаніямъ, программа приложена при отчетѣ.

Такимъ образомъ, по словамъ отчета, выработка опредѣленной программы изданій Общества уже съ первыхъ шаговъ вызвала оживленіе популярно-научной литературной работы среди широкаго круга украинской интеллигенціи и нѣсколько увеличила контингентъ авторовъ-популяризаторовъ. работающихъ на избранномъ Обществомъ полѣ дѣятельности, и это даетъ правленію основаніе надѣяться, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, при дѣятельной помощи членовъ Общества, оно будетъ располагать вполнѣ достаточнымъ литературнымъ матеріаломъ для расширенія издательской дѣятельности.

Въ значительно болѣе благопріятныя, по сравненію съ предыдущимъ временемъ, условія было поставлено правленіе относительно выбора литературнаго матеріала уже въ отчетномъ году. Со второй половины года, послѣ разсылки программы, замѣчается уже нѣкоторый приливъ рукописей, предоставляемыхъ Обществу для изданія. Въ теченіе года правленіемъ разсмотрѣно было 30 брошюръ противъ 14 въ предыдущемъ году.

Изъ частныхъ фактовъ дѣятельности правленія за отчетный годъ заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе. Согласно принятому правленіемъ рѣшенію, предсѣдатель Общества Д. Л. Мордовцевъ входилъ къ начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати съ ходатайствомъ о содѣйствіи къ устраненію тѣхъ цензурныхъ условій, которыя въ на-

стоящее время служатъ для цензурнаго вѣдомства основаніемъ къ запрещенію популярно-научныхъ рукописей на украинскомъ языкѣ. Правленіе постановило принять участіе въ предполагавшемся по инициативѣ С.-Петербургскаго Общества Грамотности въ январѣ 1904 г. съѣздѣ дѣятелей по народному образованію и экспонировать свои изданія на предстоящихъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ въ г. Кіевѣ и м. Единцахъ, бессарабской губ. Правленіемъ посланы привѣтствія: полтавскому городскому управленію по случаю торжества открытія въ Полтавѣ памятника родоначальнику новой украинской литературы И. П. Котляревскому, а также привѣтствіе по случаю исполнившагося 35-лѣтія музыкальной дѣятельности Н. В. Лисенку, избранному въ отчетномъ году въ почетные члены Общества за высокоцѣнные труды въ области народной музыки.

Засѣданій правленія въ 1903 году было 6 и общее собраніе—одно. Изъ числа членовъ правленія выбыли: казначей Общества В. В. Игнатовичъ и С. Ф. Русова; казначеемъ Общества избранъ П. Я. Стебницкій и на мѣсто выбывшихъ членовъ въ правленіе вступили кандидаты П. Ю. Рудановскій и Я. П. Забѣлла.

По отчетный годъ въ Общество вступило всего 915 членовъ, а за исключеніемъ отсюда скончавшихся (16) членовъ, остается 899; изъ нихъ почетныхъ—12, пожизненныхъ—24, членовъ сотрудниковъ—35, дѣйствительныхъ—835.

Въ виду того, что въ минувшемъ году исполнилось 5 лѣтъ со времени учрежденія (19 ноября 1898 г.) Общества, дѣятельность его за послѣдній годъ разсматривается въ *отчетѣ* въ связи съ предыдущими годами и подводятся итоги пятилѣтію его существованія.

За истекшія 5 лѣтъ Общество успѣло издать 383 тысячи брошюръ, на номинальную сумму свыше 17 тысячъ рублей, при чемъ затратило на издательство уже около 9 тысячъ руб. Всего напечатано (безъ перепечатокъ) около 1200 страницъ на номинальную цѣну 1 р. 15 к.; стоимость же одной брошюры составляетъ 3 к. для листовки и 5 к. для двухъ-листовки. Число изданныхъ «Благотворительнымъ Обществомъ» названій 27, а если считать перепечатки нѣкоторыхъ брошюръ вторымъ изданіемъ, то 30 №№. Изъ этого числа въ первые два года издано по 3 брошюры, а въ слѣдующіе 3 года въ среднемъ 7—8 брошюръ. «Абсолютно незначительное, число это,—какъ справедливо замѣчается въ *отчетѣ*,—нельзя признать такимъ—по сравненію съ количествомъ брошюръ, ежегодно выпускаемыхъ другими

народно-издательскими фирмами. Такъ, Московскій комитетъ грамотности за 5 лѣтъ своего существованія издалъ лишь 10 книгъ; С.-Петербургскій комитетъ грамотности за 14 лѣтъ своей издательской дѣятельности напечаталъ 39 названій, т. е. въ среднемъ 2—3 книжки въ годъ; Харьковское Общество распространенія въ народѣ грамотности за 10 лѣтъ выпустило въ свѣтъ 68 №№, т. е. въ среднемъ по 6—7 книжекъ въ годъ; Кіевскимъ малорусскимъ издательствомъ «Викъ» за 8 лѣтъ издано 35 книжекъ (4—5 книжекъ въ годъ); и только такой энергичный издатель народныхъ малорусскихъ книгъ, какъ Б. Д. Гринченко, за 6 лѣтъ издалъ 45 брошюръ (въ среднемъ 7—8 брошюръ въ годъ).

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, «Благотворительное Общество» по числу ежегодно печатаемыхъ имъ брошюръ (въ среднемъ 6—8 въ годъ) не уступаетъ другимъ народно-издательскимъ предпріятіямъ».

«Въ отношеніи количественнаго роста своихъ членовъ «Благотворительное Общество» достигло въ высшей степени благопріятныхъ результатовъ. Въ то время, какъ гораздо старѣйшія Общества насчитываютъ: Харьковское Общество грамотности—699 членовъ, Кіевское—604, С.-Петербургское—222, «Благотворительное Общество» въ теченіе пяти лѣтъ послѣдовательно увеличивало число своихъ членовъ слѣдующимъ образомъ: въ 1899 году состояло 253 чл., въ 1900 году 350 чл., увеличилось на 97, скончалось 4; въ 1901 году состояло 547 чл., увеличилось на 197, скончалось 2; въ 1902 году состояло 732 чл., увеличилось на 185, скончалось 5; въ 1903 году состояло 915 чл., увеличилось на 183, скончалось 5.

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, число членовъ Общества последовательно увеличивается на значительныя цифры.

Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» по своимъ задачамъ и характеру своей дѣятельности,—читаемъ въ *отчетѣ*—является идейнымъ народно-просвѣтительнымъ учрежденіемъ, объединяющимъ интеллигентныя общественныя силы въ одномъ общемъ дѣлѣ—культурнаго, въ широкомъ смыслѣ, подъемѣ малорусской народной массы... Правленіе всегда держалось того убѣжденія, что оно является лишь объединяющимъ центромъ тѣхъ разбросанныхъ по лицу родной земли активныхъ общественныхъ силъ,

которыя, принявъ на себя званіе членовъ Общества, въ дѣйствительности являются ближайшими посредниками между правленіемъ и народной массой—въ общей культурной работѣ... Общество въ настоящее время представляетъ почти тысячный кадръ безкорыстныхъ работниковъ на пользу «найменчого брата», дѣятельность которыхъ, направленная къ активному осуществленію задачъ Общества, явилась бы высокоинтеллигентной, мощной своимъ идейнымъ содержаніемъ, силой, съ которой можно было бы достичь неоцѣнимыхъ по своему внутреннему и практическому значенію результатовъ".

Изложивъ данныя о дѣятельности Общества за отчетный годъ, правленіе позволяетъ себѣ обратиться къ членамъ Общества съ горячимъ призывомъ къ дружной совмѣстной работѣ въ достиженіи народно-просвѣтительныхъ его задачъ, и остается въ твердой увѣренности, что призывъ его найдетъ вполнѣ сочувственный откликъ среди членовъ Общества. Основаніемъ для такой увѣренности является то серьезное и рѣдкое при нашемъ обычномъ равнодушіи къ общественному дѣлу сочувствіе, какимъ пользовалось Общество въ теченіе своего 5-лѣтняго существованія. Это отрадное обстоятельство объясняется, конечно, глубоко назрѣвшей въ средѣ малорусскаго народа и ясно сознанной интеллигентными его представителями потребности въ доступныхъ для него книгахъ... Справедливость требуетъ сказать, что среди другихъ народно-просвѣтительныхъ учрежденій «Благотворительное Общество» является пока единственнымъ въ томъ отношеніи, что оно направляетъ свою дѣятельность спеціально на районъ малорусскихъ губерній и стремится внести свѣтъ знанія въ среду мѣстнаго малорусскаго населенія въ наиболѣе понятной и доступной для него формѣ родной рѣчи и соотвѣтственно его мѣстнымъ потребностямъ. Такія задачи дѣятельности Общества и вызвали горячее къ нему сочувствіе со стороны тѣхъ силъ малорусской интеллигенціи, которыя близко принимали къ сердцу просвѣтительныя нужды родного народа и видѣли необходимость образованія его на практической почвѣ примѣненія къ его національнымъ и бытовымъ особенностямъ. Правленіе всегда находило высокое нравственное удовлетвореніе въ тѣхъ теплыхъ, пышащихъ искренностію, выраженіяхъ сочувствія, какія оно получало не только отъ представителей интеллигентной среды, но и отъ той массы, на духовное развитіе и экономическое благосостояніе которой и направлена его дѣятельность, и сочувствіе которой поэтому въ особенности цѣнно и дорого.

Принимая все это во вниманіе, правленіе съ полнымъ основаніемъ разсчитываетъ и въ будущемъ на активную помощь членовъ Общества въ общемъ дѣлѣ культурнаго подъема родного народа.

Такимъ обращеніемъ къ членамъ «Благотворительнаго Общества» заканчиваетъ правленіе свой годовой отчетъ, находя въ итогѣ пятилѣтняго существованія Общества прочныя основанія для дальнѣйшей плодотворной его дѣятельности.

В. Поточный.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 86-го:

іюль-августъ, сентябрь, 1904 г.

Книга первая и вторая—іюль-августъ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—сентябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.